

ЭНГЕЛЬ ТАГИРОВ

ТАТАРЫ В ОПТИКЕ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: МИРОТВОРЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Казань • Татарское книжное издательство • 2019

УДК 94(3)+94(470.41)
ББК 63.3(2)41+63.3(2Рос=Тат)6
Т12

Проект выполняется под эгидой Информационного центра ООН в Москве,
Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН
и Российской ассоциации содействия ООН

Посвящается 100-летию образования Татарской Автономной
Советской Социалистической республики

Рекомендовано к печати по решению Учёного Совета Казанского
инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Научные редакторы:

Доктор исторических наук, профессор,
академик Академии наук РТ *И. Р. Тагиров*
Доктор исторических наук, профессор *О. Н. Коришун*
Доктор философских наук, профессор *О. Д. Аганов*
Кандидат исторических наук *А. А. Мухамедеева*

Тагиров, Э. Р.

Т12   Татары в оптике Большой истории человечества: миротворческий аспект / Э. Р. Тагиров. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2019. — 328 с.
ISBN 978-5-298-03838-6

В книге изложена авторская версия феномена татарского миротворчества, отражены вопросы, остающиеся в поле жарких дискуссий: могли ли народ-кочевник быть созидателем-строителем классических форм цивилизаций, миротворцем-фасилитатором или в нём неизбежно играла буйная половецко-кыпчакская кровь и жажда покорения, овладения окружающим миром, идея создания империи «от моря до моря», заводившая и цепко державшая его на «тропе войны». И наконец с чем связано восприятие татар как народа «нецивилизованного», «внеисторического»?

Также освещён исторический путь татар от древности до современности; определены «следы» их миротворчества от Тихого океана до Адриатики; участия в организации исторических встреч народов, принадлежавших разным культурным мирам, поклонявшихся разным богам, идеям-идолам, в процессе создания разных форм культуры, типов государств и цивилизаций.

Издание адресовано широкому кругу читателей — от современной хай-тек молодежи до интеллектуальной, политической элиты и духовных иерархов — всем, кому небезразличны идеи и ценности культуры мира, толерантности, комплиментарности, этноконфессионального согласия, диалога цивилизаций.

УДК 94(3)+94(470.41)
ББК 63.3(2)41+63.3(2Рос=Тат)6

ISBN 978-5-298-03838-6

© Татарское книжное издательство, 2019
© Тагиров Э. Р., 2019
© Сухейль Фарах, предисл., 2019

*Посвящается светлой памяти моих родителей:
отца — Ризы Шайхутдиновича Тагирова, отдавшего
свою жизнь за освобождение Родины от немецко-фа-
шистских захватчиков в боях под Ригой, матери —
Амины Каюмовны Каюмовой, педагога-подвижни-
ка, народного просветителя, заслуженного учителя
Республики Татарстан, воспитавшей троих детей
сынами своего народа, патриотами страны и граж-
данами мира.*

«НАРОД ПУТИ»

(Предисловие)

«Народ Пути». Данный афоризм выступает философско-концептуальной канвой монографии профессора Э. Р. Тагирова «Татары в оптике Большой истории человечества: миротворческий аспект». В самом её названии — научная смелость, амбициозность, пионерность. Выполненная в миротворческом ключе, она действительно прорывная, к тому же сквозная: в ней прослежен весь исторический путь татарского народа от эпохи древности до современности; примечательно и то, что исследовательский проект носит междисциплинарный характер. Но главная ценность книги — в её своевременности, востребованности: проблема миротворчества в глобальной актуальной повестке дня человечества.

Полный и глубокий анализ этого капитального труда впереди, в данном случае считаю возможным лишь штрих-кодами «прорисовать» ряд оценочных мнений.

- Профессор Э. Р. Тагиров предпринял удачную попытку ввести татарский народ в ряд равноценных творителей всемирной истории.

- Этот, с планетарным мышлением исследователь, смог схватить и мгновенья истины и континуум, грех и доброту, слабость и силу, полётность и вечность татарской души.

- Он отразил две стороны исторической роли татар и всех тюркоязычных народов, выполненных ими в разные эпохи — создателя и разрушителя, воителя и миротворца, националиста и интернационалиста.

- Его новый труд от А до Я пронизан заботой о судьбе татарской идентичности, ведь её исторический дух пропитан элементами традиций крупнейших цивилизаций — Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, а также российскими и общевирусийскими традициями. В каждом из этих элементов есть свои крайности, и профессор Тагиров искал золотую середину взаимоотношений своего, татарского «Я» и «Другого». Мудрость его в том, что в этом сложном и многосоставном вопросе он оставил место и для других подходов...

- Пристальное внимание автора занимает вопрос — как можно освободить татар, русских и другие народы от стереотипов о себе и других?.. Он глубоко убеждён, что судьба татарского народа, его культура тесно связаны с российской идентичностью. Взаимодействуя, они гармонично дополняли и обогащали друг друга, особенно, когда совместно выполняли общезначимые прорывные исторические проекты. И в этом я с ним полностью согласен.

- Энгель Тагиров пишет: «Сегодня для всех нас — и русских, и татар, и других народов России — очень важно, чтобы восторжествовала историческая правда, которая заключается в том, что государство Российское создавалось главным образом двумя эт-

носами — русскими и татарами». Да, это правда. Однако, на мой взгляд, было бы справедливо добавить, что в создании Российской цивилизации участвовали не только русский и татарский, но и многие тюркские и финно-угорские народы.

- Через всё пространство книги красной нитью прочерчивается мысль: Татарстан, будучи наследником тысячелетних традиций миротворчества, накопленных многими поколениями, и в двадцатый первый столетии продолжает оставаться модельной территорией мира, этноконфессионального согласия, диалога и плодотворного взаимодействия народов, культур и цивилизаций. В условиях трансформации всечеловеческой цивилизации, роста напряжения и конфликтов, особое значение имеет опыт взаимоотношений между двумя мировыми религиями — исламом и православием, накопленный светлыми примерами и даже лучшими образцами не только для Евразии, но и для всего мира.

- Автор далеко не утопист, он реально смотрит на окружающий мир с его конфликтами и войнами. Тревога за жизнь человечества и всей нашей планеты пронизывает каждый раздел книги, до читателя доводится основная мысль: *«Только мир составляет условие для всеобщего счастья!»*

- Э. Тагиров сумел показать драматически сложный тысячелетний путь татарского народа, справедливо сосредоточив внимание на понятии «Народ Пути». Для мировоззрения народа, впитавшего энергию Неба, Земли, Воды и Огня, понятие «Путь» («тарикат») означает постоянный процесс обновления духа, развития ума, нравственной и интеллектуальной работы, движения в направлении к совершенствованию самого себя и всего человечества.

- Сердцевиной Большой Евразии является Россия, а в великой России есть удивительное сокровище — татарская культура. Для того чтобы она дарила миру свою светлую энергию, необходимо постоянно стремиться к мудрой философии золотой середины. Именно этот путь освещает творческий дух книги.

- Автор, несомненно, татарин до мозга костей, россиянин до глубины души, Гражданин Мира до последней энергии его научной мысли!

В заключение отмечу: я глубоко убеждён в том, что эта книга займёт особое место в культурно-исторической памяти татарского народа. И не только. Она будет серьёзным вкладом в общемировую гуманитаристику, будет полезной широкому кругу специалистов и исследователей, и всем тем, кому небезразлична судьба народов, культур и цивилизаций планеты Земля.

Доктор философии, академик
Российской Академии Образования,
академик Международной Гуманитарной
Академии «Европа-Азия»,
Сухейль Фарах (Ливан — Россия)
Москва, 28 ноября 2018

ТАТАРСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ

(Пролог)

Каждая нация обязана выявлять перед миром свою национальную сущность. Если же нации нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление... Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у неё. Благородный дух и есть богатство нации, а её достояние — готовность, преодолевая узкие частные интересы, послать всему миру приглашение принять участие в празднике духовной культуры.

Рабиндранат Тагор

Данная книга — итог долгих и мучительных размышлений над темой, «горячей занозой» засевшей в ткань сознания, ставшей оголённым нервом в упространстве автора. Тема, «осевшая» в манускриптах, источниках, имеющих многотысячный возраст. Тема, постоянно актуализировавшаяся во времени — пространстве, остающаяся и ныне в эпицентре «горячей сковородки» раскалённого времени. Тема, соприкосновение с которой неизменно вызывает разнозаряженные эмоции и определённо прибавляющая градус температуре неутихающих дискуссий не только в рамках узкопредметного «пяточка», но и в широкоформатно-полидисциплинарном масштабе. Тема — «мифомотор», когнитивный драйвер.

Читатель догадался: речь идёт о татарской проблематике, которая никогда не уместилась, не укладывалась в прокрустово ложе нациорегиональной темы и глубоко понималась, постигалась только в контексте становления и эволюции всечеловеческой — Большой истории¹. Набирающая силу трансформация социальной Вселенной, переток космического интеллекта и сдвиг центра эволюции человечества от Запада к Востоку, сжатие горизонта макровидения и кризис философии будущего диктуют «необходимость изучения явлений, которые невозможно замкнуть в пределах национальных историй... Возникает потребность по-новому оценить меру глобальных взаимодействий и взаимовлияний, с одной стороны, и изолированность обществ — с другой»². Анализ достижений историографии, историософии и историосоциологии позволяет сделать вывод: в целом эскиз

---

¹ Глобализация, ворвавшись в сферу науки и историографической практики, потребовала перехода в изучении истории от микро- к макроподходу. Отсюда появление целого набора понятий: «большая история», «глобальная история», «универсальная история», «всечеловеческая история». Автор исходит из того, что они однопорядковые, хотя и имеют разную хроно-масштабность. См. подробнее: *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI веков: социальные теории и историографическая практика. — М., 2011.

² См.: Большая история: От Большого взрыва до глобализации: статья академика А. О. Чубарьяна и кандидата исторических наук А. А. Исэрова // Независимая газета. Наука. — 2018. — 11 апр.

целостной истории татар как одного из акторов всемирной истории человечества, внёсшего весомый вклад во все сферы его жизнебытия, создан. Но такую общую оценку можно применить к измерению роли любого народа в глобальной истории. Ведь все автономные национальные единицы — ручейки творчества — «бурлят» параллельно фарватерному течению большой Реки истории, а затем их энергия вливается в её общее русло. При этом, хотя и трудно измерить в арифметических цифрах долю их вклада в этот житнетворный процесс, без сомнения, каждый «муравей внёс свою соломинку в постройку общего дома». Но оставаться «влюблённым» в собственные Дома и продолжать приоритетно «копать» историю лишь «родных» регионов в духе традиций Гомера, значит уйти или не дойти до цельно-масштабного взгляда на прошлое, настоящее и будущее.

Необходима смена оптики, чтобы увидеть-оценить в целом роль всех «муравьёв» в строительстве и укреплении общей «постройки». Настало время изучать историю в глобальном масштабе как историю единого творческого порыва всех народов мира. Если мир и был сотворён Всевышним (библейский вариант «сотворения мира»), то его жизнеподдерживающими агентами являлись народы — семейство этнокультурных величин. В этом общем потоке их исторического действия постепенно обозначались народы-инициаторы, в процессе поисково-созидательного «буйства» задававшие образец-пример успокоения эмоций, охлаждения пыла, осознания необходимости «зарыть топор войны», «раскурить трубку мира», т. е. спасительной важности идеи установления мира и режима взаимопонимания, взаимодействия. Без пестования, культивирования фермента мира, без мироориентированной инерции, становления ритуалов, обычаев и традиций миротворчества вряд ли могло сформироваться витальное ядро человечества, «склеиться» его составляющие части. Среди них — миросозидательных единиц — находился и остался татарский народ, народ-участник сотворения «живого вещества» — феномена мира, постоянного жизневоспроизводства на Земле.

Речь идёт не о сотворении мира в религиозно-библейском понимании, а в смысле участия в созидании, утверждении мира как высшей духовной, интеллектуальной, философской, гуманистической ценности, мира как стволового нерва вселенской истории. Мира как нравственного принципа и этической нормы малых (семья, род, нация) и больших (народы, страны, цивилизации) форматов жизнеорганизации людских сообществ. Речь об определении миротворческой потенции татарского народа, о «мере и весе» его вклада в миростроительно-мироохранную деятельность человечества. С какого исторического момента начинается накопление его миротворческого капитала и его введение во всечеловеческий житнетворящий оборот? Всегда ли он терзался грёзами-мечтаниями о мире как об идеале-утопии — условии самосохранения, самоутверждения? Мог ли быть и был ли народ-кочевник романтиком или в нём неизбежно играла буйная

половецко-кыпчакская кровь и жажда покорения — овладения окружающим миром, идея создания империи «от моря до моря», заводившая и цепко державшая его на тропе войны?

Ведь татарское социогенетическое семя упало на разгорячённую историческую почву, когда каждое из быстро плодящихся племён и родов искало «тёплое место под солнцем». «Юность» татарского народа совпала со временем, когда на крыло вставали азиатские драконы, она протекала на пограничье их империй. «Молодость» его питалась энергией пробуждения континента Евразии и культурно-цивилизационного оформления её сердцевинной части — Алтая, а стадия «зрелости» была наполнена участием в реализации поистине глобально-исторических проектов организации первых, ставших затем обыденностью, «встреч культур», взаимодействия «конечных цивилизаций». «Встреч» военных и мирных, разрушительных и созидательных, возвышавших одних и опрокидывавших других, в ходе которых менялись их роли, накалялась конкуренция за лидерство по широкому кругу параметров, что из века в век двигало человечество по зигзагам и спиральям прогресса, упорно выталкивая его на очередную ступень цивилизационного совершенства.

Кем или чем мог стать этот народ, заверченный в бешеный калейдоскоп событий, в спираль кругооборота эпохальных сдвигов? Достиг ли он своей цивилизационной вершинности, своей национальной мечты? Есть ли у него столь же великое будущее, каким было его прошлое? Не смое ли его волна глобализационного потопа? В чём его предназначение с точки зрения исторических перспектив человечества, России, Европы и Азии, с их амбициями на глобальное лидерство?

Однозначных ответов на подобные вопросы нет и быть не может. Народы, как и их вожди (крупные исторические личности), в разные эпохи даже в рамках десятилетий, в соответствии с особенностями и потребностями фаз эволюции человеческого рода, соразмерно масштабам и характеру вызовов истории и степени собственной культурно-цивилизационной зрелости выполняли неоднозначную, многофункциональную историческую роль. Так и татары, с младенчества вкушившие зрелые плоды китайской цивилизации со всеми её *pro* и *contra*, насытившись ароматом культурного буйства и азиатского имперства, а затем ощутившие воздействие множества других культурно-цивилизационных, духовно-мистических и религиозных миров, особенно европейского и российского, в историческом времени и географическом пространстве были разными по статусу, нраву, ментальности. Нередко терпя поражения (военные, технологические, культурные, экономические), они познавали участь отодвинутых на периферию земной вселенной и именовались нецивилизированным, неисторическим народом-варваром.

Но татары были и великими ханами, нередко правившими даже Поднебесной, как это было, например, при Жание Багадуре («Великий властелин душ»), которому китайский император платил дань (Э. Паркер называет его «Ганнибалом Татарии»).

Были времена, когда их называли «потрясателями Вселенной» (*Р. Н. Безертинов*), и послы великих стран мира дожидались приёма в золотоордынском шатре. Но и тогда, когда татары были в зените славы и могущества, и потом, когда в их истории наступала «мерзкая осень и суровая зима», они не теряли ген пассионарной энергии, иммунно-миротворческую суть. Говорят, что у китайцев особая группа крови. У татар она тоже особая: в ней высока концентрация силы духа, доза ведического миролюбия. Это не гимн и не сага об особости характера татар. Татары — не богоизбранный народ, Всевышний ко всем народам относится ровно, равно их любя. Никто, ни один народ не мог быть в прошлом стерильно-мирным: кто не мог воевать — не мог и выжить. Вся история, особенно Средневековья, да и в последующие эпохи — тому свидетельство. Победить в войне сложно, трудно, но можно. Куда труднее укротить воинственный пыл, реформировать тип мышления и действия в направлении к миру. Переналадить кочевой образ жизни на оседло-земледельческий, а затем на городской и создать модельные культуру, письменность, искусство, науку, систему образования и градостроительства. Подобная задача не всем по плечу. Татары сумели решить такого рода проблему, и сегодня остающуюся для человечества сверх-актуальной, наверное, ещё и потому, что татары намного раньше и дольше, чем многие другие народы, закалялись в перекрёстном огне трёх масштабных стихий: географии, истории и геополитики.

География, «помотав» татар по всему свету, помещая их, кочевников, в девственно-нетронутые земные пространства, наконец, на каком-то этапе «прописала» в алтайско-евразийскую, наконец, «сердцевинную область» (*А. Пушкин*) планеты¹. География, привившая

---

¹ Автор разделяет точку зрения крупных учёных-специалистов по древне-средневековой истории о том, что Древний Алтай, занимавший тогда территорию от Южной Сибири на востоке и до Памира на западе, был прародиной татар, как и большинства тюркских народов. Отсюда, с Алтая, текла человеческая река, которая началась с робких ручейков (по мнению М. Э. Аджиева) за пять веков до новой эры или даже раньше. Вобрав историческую энергию более 30 тюркских сообществ, алтайцы после крупнейшего в Евразии демографического взрыва, растекаясь по многим азимутам, положили начало феномену Великого переселения народов. Алтай неслучайно взят в «разработку» ведущих мировых научных центров. В их недрах рождаются гипотезы, переворачивающие, казалось бы, беспорные, не подлежащие сомнению постулаты о первичности роли Древней Греции и Древнего Рима в просветлении мозгов человечества и непостижимости высоты подвига Древнего Египта. Они задают ориентиры для смены «ценностных вех» и понимания значимости воздействия тюркской культуры на ход и содержание предстории человечества, вызывая к жизни цепочку первичных цивилизаций от шумерской до финикийской, еврейской и арабской. См. подробнее об этом книги маститых тюркологов: азербайджанского учёного Г. Н. Гумбатова «Историческая прародина тюрков. От Арана до Алтая», татарских учёных Р. Ф. Мухаметдинова «Тюрки в истории мировой цивилизации» и М. Х. Бакирова «Прототюрки. Изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура», а также серию аналитических статей главного редактора газеты «Звезда Поволжья» Р. А. Ахметова, опубликованных в 2018–2019 годах.

степное начало к татарской стихии, превратившая их в усердных хлебопашцев, талантливых ремесленников, градостроителей, торговцев и скроившая особый, пионерный, тип «умостроения».

История длиною почти в три тысячи лет, отлитая из чудесного сплава былинно-исторических и драматических актов обретения и потерь, взлёта и угасания пассионарной энергии, «скроившая» татар в одного из первооткрывателей континента Евразии, обустроителей «великой мировой перемычки» (*Н. Трубецкой*). Она состоит из череды «эпох-кайрос»¹, в рамках которых сотворены цивилизации, ставшие историческими памятниками дерзновенного прорыва в будущее: Хуннская держава, Гуннское государство, Тюркский каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство...

Геополитика, тайно-исподволь двигавшая едва ли не самыми крупнейшими событиями на евразийском майдане, — важный фактор «лепки» образа жизни и стиля мышления татар. Геостратегичность уствования, сознания и действия предопределялись преимуществами соседствования с народами двух «гигантов» — Европы и Азии. Об этом вспоминает Б. Л. Пастернак: «Над вашей головой сошлись стрелки Запада и Востока». Основатель писательской «волны» гуманизма в советской литературе имел в виду и плодотворность, и опасность слияния этих двух начал. При этом речь идёт и о возможности «мимесиса» — подражания, использования их достижений, и одновременно об угрозе быть проглоченными или растерзанными в междоусобно-конкурентной войне этих частей света. Но самое главное состояло в том, что «аттическая соль» от постоянной смены ролей двух ценностно-ориентирных цивилизаций, смещения центра концептуального мирового лидерства с Востока на Запад и наоборот оседала, оформляла фронтирно-универсалистскую мыслительную способность татар.

В контекст становления и формирования «геополитизированного» типа характера татарского народа часто вводят чингисхановский фактор. Если в каждом двухсотом жителе планеты течёт кровь наследников династии империи Чингисхана, то, наверное, она не могла не войти и в его «плоть и кровь». Успешная реализация имперского проекта Чингисхана «полностью изменила жизнь всего мира»². Татары объективно не могли, да и, видимо, не хотели уклоняться от воздействия ветра монголо-сферных перемен. Так или иначе, но волны новой мировой истории, которую творил дух Чингисхана, не прошли мимо них³.

Вот почему экология души, стиль умонастроения, матрица характера, способа мышления и действия татар не могли быть ми-

---

¹ Кайрос — древнегреческое божество-покровитель особо значимых, «крутых» времён истории.

² *Уэзерфорд Д.* Чингисхан и рождение современного мира. — М., 2018. — С. 14.

³ См.: *Сибегатуллин Ф. С.* От Аттилы до президента. — Казань, 2008; *Харари Ю. Н.* Sapiens. Краткая история человечества. — М., 2018.

розлобными, они входят в класс народов миролюбивого типа¹. Архетип татарскости, генотип ментальности татар (открытость, душевность, толерантность и комплиментарность) даже под прессом самых сурово-драматических испытаний не был взломан. Коммуникативность, договороспособность, компромиссность — «охранная грамота» татар, ресурс их хронологической долговечности и постоянной исторической востребованности. Татарский фактор с его чувствительно-развитым миротворческим ферментом был всегда актуален, витально необходим.

Из пассионарно-миротворческих ручейков, подобных татарскому, подпитывалась вся Большая история человечества с временной протяжённостью аж в 300 тыс. лет. Много это или мало? Чем и как можно измерить значимость и высоту преодолённого человечеством Пути? Нашего современника не удивит цифрами даже астрономического порядка. Тем не менее необходимо попытаться дать соответствующую оценку Человеческому Роду, сумевшему, по меткому выражению президента России В. В. Путина, «пройти испытание историей», осуществить самый крупный глобально-исторический проект: довести свой Ноев ковчег от исходной гавани — древности до хронотропного причала под названием «XXI век». Человечество, пытаясь реализовать свою извечную мечту-утопию о сохранении жизни на Земле, из множества вариантов-альтернатив выживания и развития выбирало мирное сосуществование, соседствование с мультикультурными, этно-расово-цветными людскими сообществами как наиболее оптимальный путь. А сколько было соблазнов свернуть со «столбового пути», и ещё больше — «шансов» сойти с рельсов Истории! В этом смысле принципиально важно заявить: человечество, пройдя этот тернистый путь, совершило Подвиг. Подвиг нравственный, эпически-былинного масштаба.

Видение истории через такую глобальную оптику и вселенский масштаб оценки совершённого всечеловечеством Подвига — сохранения Зерна жизни — позволяет более рельефно рассмотреть и миротворческую роль татар, и, шире, — татарского фактора в мировой истории. В ней татарский народ видится, предстаёт одной из множества других созидательных единиц, каждая из которых в разной мере, но участвовала в сохранении иммунного свойства человечества творить и поддерживать в очаге жизни искру мира (Прометеев огонь) как предпосылку сохранения и цивилизационного развития.

Среди многих поучительных уроков истории выделим особо значимый: постоянная и многогранная борьба за достижение мира, продление паузы между войнами должны стать ключевым приоритетом. Это особо важно для формирующегося ныне нового типа человечества («техно-оцифрованное», «постчеловече-

---

¹ Миролюбие — это типологическая особенность характера народа в целом, а не каждого и всякого татарина. Среди них были и есть, как и у всех народов, «плохие парни».

ское», «кибер-роботизированное»), которому предстоит решать архисложную задачу сохранения жизнетворящей «яйцеклетки» обеспечения безопасности и устойчивости Ноева ковчега в море современности и будущности. Надежду, оптимизм на продолжение жизнедеятельности новых поколений придаёт то, что ему известен секрет обеспечения непрерывности нити, соединяющей поколения, эпохи и цивилизации. Речь идёт о секрете владения менеджментом достижения мира, умения строить «мосты» для встреч, договариваться, находить компромиссы, преодолевать конфликты и выходить на согласие. Востребованность искусства миродостижения, высокой коммуникативной культуры, адекватной вызовам разломного времени, не только велика, она — судьбоносна. Мы наблюдаем не поддающуюся уразумению картину: главы ядерных держав грозят друг другу «последней войной». «Разборки» внутри кланов, партий, элит и вне их, между государствами — стихия современности. Феномен «войны всех против всех» правит бал. Мир наклоняется в сторону ультранационализма. Сепаратизм, фрондёрство, трайбализм — характерная черта, часть нынешнего бытия. Распадаются последние империи. Шквалы кризиса «потрясают» мировые идеологии, религии. Дробятся, расщепляются некогда бетонно-цельные, составные части общецивилизационного Дома. Всё это — явные признаки зова-крика Истории, призывающие остановиться, «умиротворить» нравы и характер народов. На глазах рушатся стены и фундамент мироздания, выстроенного деяниями людей прошлых эпох и поколений. В основе разлома вселенского масштаба — «распил» гуманитарной составляющей современного мирового сообщества, «иссушение» корней травы духовности, «оседание» уровня культуры, взлом пин-кода взаимопонимания. Нужна срочная реабилитация договорной культуры, несущие скрепы которой в угаре исторической трансформации деформированы.

Нужен крутой разворот мысли, умственного взора и памяти к родникам жизнетворения, где гнездилась витальная энергия человечества и в которых пульс миротворческих инициатив продолжает биться звонко, сильно. Татарский «родник» — один из таких. Его сила в неистребимости, стойкости духа, негибкости воли, генетической предрасположенности к пионерству. Это «Народ Пути». В географическом и экзистенциальном смысле. Согласно древнекитайской философии, «путь» («дао») — закон развития, жизнебытия. Речь о стремлении постоянного совершенствования ума, бесконечного движения к Свету — знаниям, науке, культуре, о неустанной работе над телом и духом. Но смысл «дао» глубже, он непостижим. Это путь общения с Богом, путь познания Неба, Мироздания, Вселенной... «Пыльца» культуры китайского соседа, шире восточного мира, несомненно, «опыляла» прататар, приспособляя их к сложностям, многомерным и бесконечным испытаниям. Путь татар в истории не только неизмеримо длинен, но и извилист, противоречиво сложен. Он развёртывался в виде невероятных круговоротов, эпициклов,

спиралей, бросков и отступлений. И, наконец, произвольных хаотичных движений. Такое богатство круговерти исторического Пути закаляло дух, подготавливало к очередным, более крутым испытаниям, насыщая соком своеобразия культуру, талант, характер, давало то, что делало татар не просто одним из красивых изумрудов в ожерелье народов, но и незаменимым компонентом жизнепродолжения и возвышения человечества.

Автор книги считает необходимым отметить, что сосредоточенность сознания на национальном (а это особенность мышления бывших кочевых народов) формирует не национальную исключительность, но прежде всего национальное достоинство. Татарам удалось уберечься от воздействия бацилл нарциссизма, чопорности и высокомерия. Татарскому сознанию свойственна замечательная особенность: оно никогда не было только национальным, было интернациональным — космополитическим. Миронастроенность фибр сознания — это не результат выполнения какого-либо гиперпроекта, она сформирована логикой эволюции и подтверждена самой историей.

Татарский путь как путь, развёртывавшийся в жанре закона драмы, часто выбивался из схемы символической магистральной дороги развития. Он как таковой не всегда объясним логически. Как ни помещай его в прокрустово ложе мировой «столбовой трассы», он выходит за «пределы ряда» (*В. П. Уланов*), он всегда будет выбиваться из общей колеи. «Такой подход вовсе не исключает концепцию ведущей линии развития, «склеивавшей» все этнокультурные ветви исторического Древа, — как метко заметил профессор П. С. Гуревич, — крона которой содержит в себе возможность определённой культурной «резервации», сохранения заповедных зон, внутри которых будет развёртываться специфическое культурное творчество». Из этого интеллектуального экзерсиса выделим ещё одну важную мысль, усиливающую авторскую позицию. «Если история многовариантна, принципиально нетелеологична у своих истоков, ни в своём движении или возможном завершении, стало быть, вполне оправданна концепция бережного отношения к различным культурным корням. На Земле множество культур, и каждая из них способна придать всемирной истории неповторимый облик»¹. Наверное, потому каждый народ, как отмечал мэтр русской исторической школы XIX столетия Т. Н. Грановский, «входит в историю как новое творение»². В криптограмму всемирной истории татары вошли как «новое творение», вошли не как наблюдатели, подсматривавшие через щёлочку за ходом происходившего и не как экзотико-этнографическое украшение на мировом Древе народов, а как равноценный агент истории. Культурно-цивилизационная, духовная, интеллектуально-миротворческая, пассионарная «пру-

---

¹ Гуревич П. С. Жребий человечества // Свободная мысль. — 1992. — № 6. — С. 16.

² Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. — М., 1961. — С. 47.

жина» татар, раскручиваясь и усиливаясь во времени и пространстве, заставляла их взваливать на свои «плечи» подъёмную часть всеобщей исторической ответственности за судьбу Рода человеческого, «подталкивала» от одной фазы эволюции к другой. «Татарский след» участия в создании развитых цивилизаций и процветающих государств просматривается по всему периметру Планеты — от Тихого океана до Атлантического. Под разными этноназваниями татарские мирозидательные штрих-коды в истории запечатлены ещё мыслителями эпохи «осевого времени» (с 800 по 200 год до н. э.), когда в истории человечества был совершён первый и самый крупный «духовный прорыв», созданы основы мировых культур, наук, религий и цивилизаций.

Наиболее крупно татарская ипостась калейдоскопа всеобщей истории высвечена в книге английского учёного, профессора китаеведения Манчестерского университета Эдуарда Паркера «Тысяча лет из истории татар»¹. Учёный с мировым именем, известный тюрколог и синолог, великолепный знаток научных трудов Э. Паркера профессор Ю. Н. Халиуллин выражает изумление оттого, что до сих пор наследие Э. Паркера для татар было своеобразной «*terra incognita*». Ведь, по его мнению, в «паркеровских» историософских произведениях содержится ключ к разгадке особо трудных вопросов, связанных с генезисом татарского этноса, формированием ранних форм государственности и его выходом на путь Большой истории. «Двадцать пять веков тому назад, — пишет он, — за тысячу лет до появления этнонима «тюрк», китайские письменные источники использовали слово «татар» (*ta-ta* или *ta-tar*) по отношению к тюркоязычным племенам хиен-ну. Более того, имя племени хиен-ну (татар) под различными названиями (си-юнь, хун-юе, хиен-юн) упоминается в китайских династийных хрониках с III тысячелетия до нашей эры. Это означает, что писаная история татар — по меньшей мере появление «многострадального» этнонима «татар» — уходит в глубь веков, к временам возникновения первых очагов китайской цивилизации»². Татары были единственными иноземными партнёрами, с которыми китайцы поддерживали многосторонние контакты: обменивались послами, воевали, торговали, боролись за сферы влияния. «Татары и китайцы были вовлечены в систему международных отношений со всеми государственными атрибутами и последствиями»³.

Но главный постулат концепции Э. Паркера, по мнению Ю. Н. Халиуллина, состоит в том, что кочевые племена хиен-ну,

---

¹ Паркер Э. Тысяча лет из истории татар. — Казань, 2003. Книга была издана в Китае (1895), затем переиздана в Нью-Йорке (1924) и только в 2003 году переведена на русский язык и опубликована известным татароведом Вилем Мирзаяновым.

² См.: Хакимов Р. С. Судьба этнонима татар. — Казань, 2016; Тагиров И. Р. История татарской государственности и Татарстана. — Казань, 2017.

³ Халиуллин Ю. Н. Кто расшифрует татарский след // Независимая газета. Наука. — 2009. — 10 июня.

скифы, гунны и тюрки, занимавшие огромные просторы Евразии, в течение тысячи лет были разными стадиями исторического развития древних предков многих тюркских народов, включая современных татар¹. Э. Паркер не только удревнил историю татар на несколько столетий, но и вывел их из тени глобальной истории, вернул им статус её разнородного субъекта — творителя.

«Татары — миротворцы в контексте глобальной истории». В такой глобальной упаковке эта тема раньше и активнее стала разрабатываться в зарубежной историографии². Дело, видимо, не только в слабости источниковой базы для её фронтального изучения российско-татарстанским кругом учёных. Сказывается продолжение влияния идеологического духа запрета на глубокое «копание» в татарской проблематике, утвердившегося в науке и общественной практике в советское время. В отечественной науке до сих пор нет оформленного направления и сообщества учёных, призванных изучать историю отдельных народов и всего человечества как историю установления и развития отношений добрососедства, сотрудничества между людьми и народами, имеющими разный образ жизни, национальный характер, менталитет, принадлежавшими к разным системам этносов, культур, религий и ценностей. Понятно, что татарской «струе» миротворчества как ферменту жизнестойкости в российском и мировом социуме было бы суждено раствориться в волнах всеобщей познавательно-аналитической эволюции человечества. В этом плане зарубежный опыт развития татаристики для татарского народа имеет как моральное, так и практическое значение.

Крупнейший учёный-тюрколог, мыслитель-универсал Лев Николаевич Гумилёв, любивший о себе говорить, что «всю жизнь защищал татар», оставил для последующих поколений исследователей неизмеримо богатое, до сих пор до конца не расшифрованное концептуально-ценное, идейное наследие. В нём содержится немало ключевых для нашей темы методологических положений. «Надо отдать должное, — пишет он, — уму и такту хунну, табачей и тюрков... Они не создали идеологии периферийного варварства. И благодаря этому при неравенстве сил они устояли в вековой борьбе и победили, утвердив как принцип не истребление соседей, а удержание своей территории — Родины и своей культурно-исторической традиции — Отечества. И потому они просуществовали свои 1,5 тыс. лет и оставили в наследство монголам и русским непокорённую Великую степь»³.

Обращаясь к одному из национальных истоков всемирного полноводного родника миротворчества — татарского, вспоминается мысль классика немецкой драматургии Иоганна Фридриха

---

¹ См.: Халиуллин Ю. Н. На стыке двух тысячелетий : научная публицистика дипломата. — Казань, 2014.

² См.: Buzzati D. Le desert des Tartares. — Paris, 1998; Альфан Л. Великие империи варваров. — М., 2006; Колдуэлл Т. Монгол. — М., 2007; Гомпсон Э. А. Гунны. Грозные воины степей. — М., 2008.

³ Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. — М., 2007. — С. 2.

Шиллера об эстетическом воспитании ума человечества в направлении к миру как условию и смыслу жизнедеятельности. Мир в его творческом наследии — коллективное творение, а не участь только «великих» или «цивилизованных» народов. Идеи классика «живы», культивируются его наследниками. «Никогда не бывает такого, чтобы только одна культура или только одна нация несла факел человеческого прогресса. Понятно и другое: великие всемирные идеи, сформулированные одним мыслителем в одной культуре, были пронесены через столетия, пустив корни в других культурах и идеях других мыслителей»¹. Соглашаясь с умнейшим философом нашей современности, директором немецкого Шиллеровского института Хельгой Цепп-Ларушем, добавим к её метафоре: факел миротворчества также несла не только одна нация или цивилизация: необыкновенное чудо — мир всегда был, есть и будет совместно-сотворённым плодом народов, сложением их ума, воли и достоинств. «Китайская цивилизация родилась на территории Китая, она в то же время образована на базе непрерывного обмена с другими цивилизациями». Пусть эта цитата из предисловия, написанного Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином к книге «Диалог и партнёрство цивилизаций», будет ещё одним аргументом в пользу константы: цивилизация становится красочной благодаря обмену, а обогащается путём взаимной учёбы².

Ни один народ и ни одна нация не имеют основания считать, что они явились на свет в завершённо-самодостаточном варианте. И выживание, и развитие каждого из них — результат постоянных контактов-встреч, в ходе которых в природе-характере формируются новые грани, усиливающие их роль в общечеловеческой семье. Каждый из видов рода *homo sapiens* есть росток, обогащённый соком единого Древа жизни. Жизнеспособность всех его ответвлений, «смерть» или их «болезнь» снижает уровень «здоровья» всего Древа, осложняет его перспективу во времени. Итальянский поэт Клементе Ребора описывает эту взаимопереплетённость через образ могущего дерева — Тополя с ветвями, устремлёнными к небу, который треплет ветер, но тополь твёрдо стоит на земле благодаря мощному стволу, корни которого глубоко вросли в твердь почвы. Ствол выдерживает самые сильные потрясения благодаря тому, что корни питаются истиной взаимосолидарности.

Папа Римский Франциск развивает эту идею так: «...ствол без взаимопереплетённых между собой корней может какое-то время продолжать жизнь, но при этом он становится полым изнутри и в конечном счёте погибает»³. Погибает из-за нарушения закона взаимоперетекаемости энергии жизни, из-за попытки изо-

---

¹ Цепп-Ларуш Х. Наследие Шиллера и новый мировой порядок // Свободная мысль. — 2007. — № 12. — С. 126.

² Яковец Ю. В., Фарах С. Диалог и партнёрство цивилизаций. — М.; Казань, 2015. — С. 15.

³ См.: Риккарди А. Удивляющий папа Франциск. Кризис и будущее Церкви. — М., 2016.

лироваться, уйти от обязанности мирно-соединённого сосуществования. Равнодушие, эгоизм, жажда возвышения-верховенства над другими и рост агрессивизма в глобальном масштабе ведут к утрате онтологической основы и смысла бытия человечества. Несколько романтизированное отступление совершено с умыслом, чтобы подвести читателя к резюме: тополь выживает и поднимается к Солнцу только тогда, когда листва не «поедает» друг друга, а, наоборот, через мирное «прикосновение» друг к другу, покачивание на ветру времени усиливает.

Война, как в природе между живыми существами, так и в человеческом сообществе, ослабляет феномен единого целого. Миротворение наиболее сложный вид искусства — искусства выживания и развития. Мир как феномен — это самый тонкий нерв, вкраплённый в иммунную ткань каждого отдельного человека и всего человечества в целом. Потому он наиболее слаб, сравнительно с его анטיפодами. Вот почему так важна поддержка миротворческого порыва народов, культивирование и пропаганда идей, норм, принципов и ценностей миролюбия как главного условия сбережения источника жизни на Земле. Если война есть нарушение высшего закона жизни, за что и расплачиваются невинные её жертвы, то мир — это самая трудная задача, задача *сотворения* большими и малыми усилиями каждого народа — молекул жизни. Сотворение мира — это восстановление торжества закона человеческого бытия, предоставление естественного права народам быть свободными, счастливыми. Мир — это не тогда когда на планете не слышно выстрелов, а когда колосится урожай созидательного труда, плодоносит сад цивилизации. «Мир — это тело мироздания, душа которого — Господь / И люди с ангелами вместе даруют чувственную плоть / Огонь и прах, вода и воздух — из их частиц мир создан сплошь / Единство в этом — совершенство, всё остальное в мире — ложь». Поэтическое слово Омара Хайяма продолжает работать на воспитание миротворческой души человека и шире — на формирование мирообразующих поколений, народов, стран.

Предлагаемая вниманию читателя книга имеет частно-исповедальный характер, она отражает лишь «точку зрения», но вовсе не претендует на систематическое, исчерпывающее и полноформатное рассмотрение всей миротворческой истории татарского народа — это фундаментальная задача исторической науки в целом. В данном случае ставилась задача лишь уточнения вектора движения татар — «народа Пути» в направлении от культуры войны (насилия) к культуре мира (согласия), от «дикости» к цивилизованности на основе усиления потенциала интеллектуальности, духовности, толерантности, гуманитарности.

Во-вторых, книга не исчерпывает всю палитру цивилизациостроительной, миротворческой проблематики. Её «сверхзадачей» является обоснование целесообразности утверждения нового направления (жанра) в исторической науке — специального изучения процессов творения мира, исходной основой которого

является «мягкая сила» — интеллектуальный потенциал, накопленный предшествующими поколениями учёных.

И, наконец, на философско-концептуальном «обрамлении» книги лежит «печать» специфики личностного, прочувственного осмысления значимости и перспективности глобальной идеи культуры мира, которая была воспринята автором как озарение человечества от завалов и стереотипов конфронтации к диалогу, доверию и сотрудничеству. Поэтому она вошла в глубинные пласты собственно-личностного сознания, стала ценностным ориентиром, а желание материализовать, утвердить её на уровне общественной практики и прежде всего в сознании молодёжи стало смыслом всей жизни автора.

Немаловажное значение имела и его личная причастность к крупнейшим международным акциям по реализации программных документов ООН и ЮНЕСКО по проблемам культуры мира, к выработке и осуществлению пилотного проекта «Культура мира в России. Год 2000-й», а также таких программ, как «Татарстан на пути к культуре мира» и «Казань — город культуры мира». Всё это значительно усилило веру и степень приверженности автора идее культуры мира и ненасилия. Оптимизм по поводу её перспектив усиливался в ходе неоднократных встреч с «отцом-основателем» Программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира» экс-генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором, а также с генеральным директором ЮНЕСКО Коитиро Мацуурой, всемирным координатором Программы ЮНЕСКО Дэвидом Адамсом и координатором российской программы «Культура мира» Валерием Сахаровым. Ценнейшей школой миротворческой закалки явилось и остаётся участие в работе Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, председателем которой является министр иностранных дел России С. В. Лавров.

Большое значение в утверждении идей культуры мира, толерантности, этноконфессионального согласия и диалога цивилизаций в жизненную практику имели итоги визита государственной делегации Республики Татарстан во главе с первым Президентом Минтимером Шаймиевым в Парижскую штаб-квартиру ЮНЕСКО и подписание первого в практике и ЮНЕСКО и России Договора о сотрудничестве между ЮНЕСКО и субъектом Российской Федерации — Татарстаном. Согласно Договору Татарстан стал экспериментальной площадкой, где шла и продолжается апробация многих интеллектуальных новаций ЮНЕСКО. В рамках Программы ЮНЕСКО «На пути к культуре мира» в 1999 году в Казани был создан и действует первый и до сих пор единственный в мире Институт культуры мира, уникальность которого состоит в том, что он был предназначен для подготовки миротворцев нового типа — гражданских миротворцев (в отличие от военных миротворцев — «голубых касок» ООН).

Партнёрство по линии «ЮНЕСКО — Татарстан» продолжает давать зрелые, востребованные временем плоды. Флаги — знаки

ЮНЕСКО покрыли всё пространство республики. Три из двадцати девяти российских объектов, вошедших в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, и присвоение М. Ш. Шаймиеву звания «Специальный Посланник ЮНЕСКО» — лишь некоторые штрихи к характеристике завоёванных Татарстаном миротворческих позиций в мировом масштабе.

Не менее важным фактором в мобилизации духовных сил и интеллектуальной энергии, направленной на продолжение миротворческой деятельности (научной и практической), стало подключение автора этой книги к выполнению Программы ООН «Вклад научных сообществ в национальное и мировое развитие». Под эгидой Информационного центра ООН в Москве (директор В. В. Кузнецов), Российской ассоциации содействия ООН (председатель — ректор МГИМО (У) МИД России, академик РАН А. В. Торкунов), Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (председатель Исполкома А. Н. Борисов), Института культуры мира (ЮНЕСКО) и Международной Гуманитарной Академии «Европа-Азия» (руководитель Э. Р. Тагиров) осуществляется выпуск серии книг «Высшая школа в XXI веке: усиление влияния на национальное и мировое развитие».

Важнейшей вехой в творческой биографии автора стало участие в подготовке концепций, программ, а затем и в реализации крупнейших проектов, связанных с 70-летием ООН и ЮНЕСКО. В 2018 году автор участвовал в международных программах: «70 лет ООН в России», «Великий Волжский путь — пространство плодотворного диалога народов, культур, религий и цивилизаций». В настоящее время его мысль и интеллектуальная энергия направлена на участие в выполнении пилотных проектов, связанных с подготовкой к 75-летию ООН.

Редкостно-счастливый удел учёного, однажды увлёкшегося историей своего народа, выйдя к её первоисточкам, обнаружить, что она кровно-неотъемлемая часть всемирной летописи человечества и сумевшего внести свой вклад в трансляцию миротворческого опыта татарского народа в проекты и программы ООН — ЮНЕСКО.

Таковы те главные мотивы, которыми руководствовался автор при выборе названия и проблемно-тематического жанра данной книги. Она не претендует на полноту, завершённость и тем более на бесспорность предложенных читателю идей-мыслей. Да, она написана страстным языком, часто в ключе философского эссе. Но она — плод того, что было познано, пропущено через сознание, сквозь горячее сердце и изложено в соответствии с духом и характером сына своего народа, гражданина страны и планеты Земля.

Часто высокий слог автора, разбавленный академическими изысками и историософскими мыслевплетениями в текст исследовательского проекта, определяется одним — желанием передать читателю, «вбить» в его сознание мысль, часто отгоняемую или задвигаемую за завесу ежедневно-протекающих забот. Это мысль о том, что мир на Земле (в стране и дома) не подарок, однажды

спущенный с неба, а плод воспитания души (детей, семьи, нации), результат сложнейшей работы над собой по подавлению в себе неукротённого беса зла и усилению гена добра. Есть утверждение, что «люди злы, но человек добр». Никто не рождается насильником, фашистом, террористом — ими становятся. Время, в котором мы живём, — это время разгула страстей. Из гейзера современности низвергается огненная лава феномена «война всех против всех». В «войнушки» играют не только дети, но и дяди-политики. Война становится обычным делом. Её кривая коса психологически, умственно и физически скашивает страты, классы, молодую поросль, закупоривая тем самым каналы прорыва, роста, восхождения.

Как важно понять, что за временем тектонического сдвига в сознании, «пожара в головах», низвержения с пьедестала высоких идеалов, мечтаний и утопий, господства фетишизированного материализма, культа денег и насилия обязательно настанет Время просветления в мозгах, смягчения душ и укрощения «дикого зверя» в природе человека. Происходящее ныне — расплата, цена перехода человечества в новый фазис эволюции. Очищение не бывает без крови. Но гуманизм не будет обречён на терновый венец. Ослабнет рёв войны. Потомки развенчают истерию милитаризма, примутся за создание нового цивилизационного Дома. Мирного и процветающего. Дома для себя и своих детей, для продолжения Рода человеческого. Они уже открывают дверь в Будущее. Ключом открытия и входа в Него является философия ненасилия, сакральная идея мира. В истории татарского народа, владеющего патентом модельного миротворчества, в этом контексте наступает «акме-час», возникает возможность, быть может, впервые запустить мотор миротворчества на полную мощность. Современный Татарстан ощущает свою сопричастность к великому акту — началу рождения новой эры — эры мира, меру ответственности за исход Проекта перехода человечества в новое историческое время, наращивает усилия по ускорению прорыва в будущее.

В наступивших сумерках трудно найти надёжные ориентиры. Ночь уходящей эпохи грозит остаться навсегда. Но за её пределами на горизонте уже различимы блики Рассвета. Всплохи на небе оповещают о наступлении нового — счастливого Дня.

«История видала ситуации не сопоставимо хуже, и для большей части человечества нынешние обстоятельства лучше не придумаешь. А с будущим мы будем разбираться, когда оно случится»¹. Автор разделяет оптимизм Ричарда Уотсона — футуролога с мировым именем и напоминает читателю ещё один афоризм: «Не позволяй будущему тебя беспокоить. Если понадобится, ты встретишь его тем же оружием, которое сегодня защищает тебя от настоящего, оружием мира». В мудрости Марку Аврелию — великому императору Великой Римской державы, не откажешь.

---

¹ Уотсон Р. Будущее. 50 идей, о которых нужно знать. — М., 2017. — С. 203.

Татарский Дом — приют мира

МИРОТВОРЧЕСТВО — МЕТАФИЗИКА СЕРДЦА

(Методологический ключ к осмыслению феномена)

Весы судьбы колеблются, и в решительный момент достаточно одной лишь гири, чтобы наклонить их в сторону войны или мира.

Жан Жорес

Довольно с нас великих войн: мне кажется, что наступило время великого мира.

Оноре де Бальзак

«Миротворчество». Понятие, вошедшее в мыслесхему человекобытия ещё с «авраамических» времён. В Евангелии миротворцы, названные «сынами божьими», и в XXI веке остаются «вещью в себе». Код феномена миротворчества не расшифрован. Дело не в когнитивном бессилии (в науке почти сотня разноюансовых его прочтений), а в непознанности и в смысловой многозначности ключевой — «параллельной» — дефиниции «мир». Если наука о войне «полемология» давно уже «свила гнездо» в современной гуманитаристике, то с познанием «философской соли» контрагента дихотомии, мира человечество отстаёт с большим отрывом. Во вводной части, да и во всём текстовом пространстве книги автор достаточно пространно останавливался на характеристике миротворчества как имманентного свойства природы человека, признака его естественного экологического самоощущения и социального явления. Миротворчество в семантическом смысле — это, конечно, творение (сотворение) человеком мира. Но сугубо логическая привязка этих двух частей: «мир» и «творчество» ещё не проясняет его философско-космологическую, духовно-сакральную природу. Феномен миротворчества и как научная категория, и как социальный процесс, и как духовная интенция является предметом междисциплинарного анализа. Он на меже наук, причём наук не только гуманитарного профиля, и поэтому является предметом полидисциплинарного анализа.

Так уж получилось, что миротворчество как духовное явление, «урождённое» в конституции человека, стало приоритетным для концепций международных отношений и международного права. Ооновский контент, как наиболее распространённый, задаёт рамки представления о теории и практике миротворчества. Миротворчество в этом контексте — это деятельность институтов, структур и международных организаций, направленная на сохранение безопасности жизнедеятельности народов, прекращение или погашение вооружённых конфликтов, очагов войны путём примирения противоборствующих сторон. При этом рамки международной миротворческой деятельности постоянно раздвигаются, дополняются операциями гуманитарного и силового характера («мир через насилие»). Субъектами такого рода миротворчества являются не граждане и даже не сами народы, а государства, делегировавшие соответствующие полномочия

Организации Объединённых Наций. При этом надо заметить: ООН в прямом смысле — не Организация наций мира, в реальности это — Организация «семьи» государств, численный состав которой широк (более 200 государств-членов), но она не может кристаллизировать, синтезировать в своих декларациях даже самого высокого ранга всю полноту воли, эмоций, утопий, мечтаний и интересов в планетарно-земном масштабе. То есть ооновский «заход» (в пределах своей компетенции) — это политически-суженный вариант понимания философско-космологической, ведической сути феномена миротворчества. Это во-первых.

Во-вторых. В составе ООН, как известно, представлен конгломерат почти всех исторических типов государственных образований с точки зрения разнообразия уровня миролюбия, измеряемого показателями глобального индекса безопасности (*Global Peace Index — GPI*) — от классически миролюбивых до крайне агрессивных. Понятно, что такая качественная особенность состава Организации государств отражается на характере принимаемых решений и действий миротворческого порядка.

И, наконец, в-третьих. Миротворческие резолюции ООН не решают (и в принципе не могут решить) в корне проблему войны, не устраняют причину войн, потому что они принимаются исключительно в рамках политических инвектив.

Вышеизложенное — не «стрелы», число которых растёт, в адрес ООН, являющейся уникальным интеллектуальным изобретением человечества, остающейся его «мыслящей головой» и местом, куда, по меткому выражению В. И. Чуркина (бывшего постоянного представителя РФ в Совете Безопасности ООН на протяжении более десяти лет), «люди планеты идут со своими бедами и проблемами». Остаётся в силе и афоризм Д. М. Медведева, высказанный в бытность его президентом РФ: «Ничего, кроме Организации Объединённых Наций, человечество за последнее столетие для поддержания глобальной безопасности не придумало».

Цель автора — не оценка деятельности Всемирного Хурала Планетарного Цивилизационного Дома человечества¹. «Судья» в этом вопросе — История, измеряемая пропорцией соотношения в ней квантов зла и добра, прогресса и регресса, мира и войны.

В типично-традиционном понимании миротворчество — это то, чем занимаются «голубые каски» ООН. Но за занавесом остаётся непрерываемая глубинно-смысловая интеллектуально-аналитическая работа, протекающая в недрах мозгового центра — штаб-квартире на Ист-Ривере, в сотнях её специализированных институтов и в разветвлённых структурах общественного характера типа Ассоциаций содействия ООН. Существенной компо-

---

¹ Авторское мнение о роли и перспективах ООН. См.: Тагиров Э. Р. Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. — Казань, 2014; Человечество на этапе разлома Истории. Миссия ООН. Казань, 2016; Устойчивость планеты — историческая надежда человечества. — Казань, 2016.

нентой, усиливающей эффективность ООН в миротворческом плане, являются документы программного характера. Они рождаются в недрах международно-признанных интеллектуальных площадок — Римского клуба, Давосского форума, Всемирного Центра стратегического анализа. Всё активнее проявляют себя институты общемирового и странового гражданского сообщества, усиливая потенциал, пополняя арсенал методик, технологий и стратегий миротворчества.

Автор считает, что глобальный мегатренд нарастания спектра вызовов нового класса сложности и масштабности делает необходимым повышение роли гражданского сектора миротворчества. Миротворительная и мироохранительная миссия ООН — этого крупнейшего международно-правового и политического института — всё больше определяется степенью включённости в этот планетарный интеллектуальный организм гражданско-почвеннической инициативы, народно-низовой пассионарной энергии. Образно выражаясь, можно сказать: увеличение мощности глобально-оооновской миротворческо-энергетической Станции в вольтовом измерении, обусловленное инстинктом самосохранения человечества, возможно лишь в контексте переосмысления, углублённого прочтения феномена миротворчества. То есть необходим перевод понятия и явления миротворчества из сферы сугубо международной политики в сферу социальную — в область культуры, вмещающей в себя науку, образование, искусство, религию. Ориентиром такой трансформации служит идея Н. К. Рериха: «Мир через культуру». «Мир» неслучайно означает и вселенную, и мирность, — писал он. — Неслучайно эти два великих понятия объединены в одном звучании. Вспомнишь о вселенной, представишь и труд мирный. Приступая к труду, осознаёшь и вселенную... Вселенная и мирное творчество нераздельны. Всеми иероглифами хотели древние дать понять это целебное, спасительное единозначие». Вот он, тот искомый философско-методологический ключ для выяснения корня и природы мира (миротворчества).

Миротворчество по своему генезису — явление духовное. Мир — чувственное праначало бытия человека, его естественное состояние и интуитивное желание. Мир — это его внутренний послыл, метафизика сердца. Миротворческая способность человека, как и любого народа, конечно, объясняется божественным промыслом. Но этот однажды заложенный прометеев огонь в социальном измерении постоянно должен поддерживаться многогранной практически-созидательной работой. Мир творится сознанием, умом, интеллектом, культурой человека, народа, в целом человечества. Мир — первичная инстанция, предпосылка и условие вхождения народов в общечеловеческую семью, в историю в качестве главных её агентов-субъектов. В этом смысле, переиначивая К. Маркса, можно утверждать: вся история человечества — это история борьбы за убережение таланта самой высокой пробы и высшей степени востребованности — таланта творения, воспроизводства мира в Чаше жизни.

«Культура» — это базовое понятие для осмысления всего цикла истории Человеческого Рода — прошлого, настоящего и будущего во всей совокупности её содержания. Это определяется особым статусом и центральным месторасположением культуры в иерархии ценностей как духовной Праматери человечества. В энциклопедическом фонде накоплено 700 определений феномена культуры. Добавим ещё такой факт: фундаментальное интеллектуальное богатство современного общества выражено через 50 тыс. дефиниций, и каждая из них, хотя и в разной степени, но сопряжена с культурой и её неисчислимым сводом значений¹.

Из такого формата определения культуры вытекает её материнско-опекунская функция в отношении всех форм, направлений и проявлений миротворчества. Множественный ряд категорий, выражающих его многогранную суть, открывается понятием «культура мира», часто соотносимым с его антиподом — «культурой войны».

«Культура мира» является исходной, ключевой дефиницией для достижения целей нашего исследования. Многогранной, многозначной, сложной и противоречивой, как само человеческое бытие. Она иногда прочитывается как мировая культура. Но в этом понятии смыслообразующим является слово «мир», обозначающее антиномию войне. Впервые термин «культура мира» прозвучал в 1989 году на Международной конференции «Мир в умах людей» в Ямусукро (Кот-д'Ивуар). С тех пор ведётся интенсивная интеллектуальная работа по содержательному наполнению идеи «культуры мира», её концептуальному оформлению и реализации грандиозного международного проекта ЮНЕСКО — Программы «На пути к культуре мира».

Хотя институализация понятия «культура мира» произошла недавно, культура мира и согласия как социокультурный феномен и как процесс является неизменно воспроизводимым духовным продуктом, системообразующим элементом культуры человечества на всём протяжении его истории.

Под культурой мира понимается совокупность прогрессивных, демократических, гуманистических философско-этических ценностей, принципов и норм отношения людей друг к другу, природе и окружающему миру; традиций и обычаев, стилей поведения и образа жизни, базирующихся на историческом опыте выживания, самосохранения и развития всего человеческого сообщества². Эти ценности находят своё выражение в уважении жизни, человеческой личности, её достоинства и права, в отказе

---

¹ См.: Красная книга культуры. Red Book of Culture. — М., 1989; Мир культуры и культурология. — Вып. 1. — СПб., 2011.

² Культура Мира и Демократии. — М., 1997; Общественные перемены и культура мира. — М., 1998; Современная конфликтология в контексте культуры мира. — М., 2001; Тагиров Э. Р. Культура мира — идеология развития человечества. — Казань, 2004; Мухамедеева А. А. Культура мира и культура войны: сопряжение двух начал в свете глобализации // Конфликтология. — 2014. — Т. 2. — С. 180–191.

от насилия и в его недопущении, в признании равенства прав мужчин и женщин, права каждого на свободу слова, мнений и информации, в приверженности принципам демократии, свободы, справедливости, солидарности, толерантности, пониманию и принятии различий между людьми в культуре, правах и обычаях, в убеждениях и верованиях, взаимопонимании между народами, а также между этническими, религиозными и иными группами.

Культура мира часто характеризуется как закономерный, естественно-исторический процесс. Действительно, это глобальная тенденция и соответствующий вектор развития человечества. Как метаидея, ценностный ориентир и стратегическая цель она не всегда проявлялась явно, но постоянно требовала глубоких изменений в умах, а также практических действий (системных, программных) и преобразований (как на национальном, так и глобальном уровне), направленных на укоренение в сознании людей идей мира, на переход от логики силы и страха к этике ненасилия, логике разума и рационализма. В этом качестве она не сходила с повестки дня эпох и поколений.

История культуры мира знает множество проектов установления мира, начиная от мира человека с самим собой до мира во вселенском масштабе. Большинство из них осталось утопией, несбыточным мировоззренческим конструктом, но само их наличие, само развитие человеческой мысли в этом направлении вдохновляло, составляло философскую и идеологическую основу практических действий, политики мирного сосуществования и сотрудничества народов и стран.

В разных уголках планеты в ходе эволюции человеческого Рода возникли уникальные модели миротворчества. Европейский опыт мироустройства достаточно полно описан в литературе¹. О традициях миростроительства как составной части становления и развития цивилизаций на просторах Евразии известно в меньшей степени. Евроцентризм, будучи господствующей парадигмой мировидения, не нуждался в анализе опыта миротворчества «варварских» племён и империй, освоивших Евразийский континент. То есть в течение длительного исторического времени весь общечеловеческий опыт сотворения мира рассматривался лишь в оптике евроцентристского видения. В то время как на огромном евразийском континенте «кипела» многогранная жизнь, велись войны, походы, заключались пакты мира, строились города, осваивались великие торговые пути — морские и караванные.

История цивилизационного освоения и обустройства Евразии в силу сложения многофакторных начал (географических, геополитических, природных и т. д.) стала уникальной экспериментальной социальной площадкой, где протекала «отработка»

---

¹ Общественные перемены и культура мира. — М., 1998; На пути к культуре мира и ненасилия. — М., 1998; Культура мира: от утопии к реальности. — Казань, 1999; Культура толерантности и опыт дипломатии. — М., 2004; Дэвис Н. История Европы. — М., 2005.

самых разных форм встреч, а затем совместных действий, сожительства и сотрудничества людей и народов, принадлежавших разным культурно-ценностным и историко-цивилизационным системам. Евразия — это не только огромное поле конкуренции, соревнования-соперничества, противоборства и войн, но и рождения, творения множества форм мира. Древняя Евразия довела войны до уровня искусства, но она же открыла миротворческую вакцину — апробировала и ввела в обиход кочевнической жизни договорную практику. На последующих стадиях эволюции этнокультурных сообществ и государственных образований заключение договоров, оформление договорных отношений становилось нормой взаимодействия между народами. Многое из опыта развития договорных отношений татар, а затем и Республики Татарстан с окружающими народами и странами вошло в хрестоматию мировой дипломатии¹.

«Толерантность». Ещё одна дефиниция из разряда миротворческих понятий. Автор отмечает рост негативных тенденций в этом явлении после апофеоза феномена толерантности, пиком которого явился период энергично-результативного строительства основ — фундамента общеевропейского цивилизационного Дома. «Отцы-основатели» Европейского Союза толерантность возвели в ранг официально-европейской идеологии развития². Вершинное возвышение Европы состоялось во многом на основе успешной материализации идей и ценностей толерантности.

Да, авторитет толерантности резко упал на фоне исторического «угасания», потери Европой своей концептуально-лидерской роли в мире. Европа не прошла испытание нашествием «новых гуннов», захлебнувшись в вихре миграционного цунами. Общим местом стало объявление причиной кризиса европейской идентичности и европейской цивилизации «размякшую», обессиленную толерантность. Однако в этом факте нельзя видеть поражение идеи толерантности как таковой. Она была и остаётся ценностью, моральным нормативом, социальным и нравственным кодом, стержнем культуры человечества в целом. «Толерантность» и в эпоху современной трансформации остаётся ключевой эвристической дефиницией для понимания сути и вектора развития политических, социальных, культурных и геостратегических процессов прошлого и настоящего. Осмысление совокупно-миротворческого опыта, в т. ч. и татарстанского, также невозможно без учёта фактора толерантности.

---

¹ См.: *Паркер Э.* Тысяча лет из истории татар. — Казань, 2003; *Аджи М.* Тюрки и современная история. — М., 2004; *Безертинов Р. Н.* Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005; *Тагиров Э. Р.* На перекрёстке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. — Казань, 2007; *Тагиров И. Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2008; *Сибгатуллин Ф. С.* От Атилы до Президента. — Казань, 2008. — Кн. 1, 2; *Аблязов К. А.* Историческая судьба татар. — Саратов, 2012. — Кн. 1, 2.

² См.: *Тагиров Э. Р., Верясов А. Д.* Регионология. — Казань, 2004.

Анализ исторической практики убеждает в том, что устойчивость и целостность социума — общемирового и отдельно взятого тюрко-татарского, его способность давать ответы на вызовы конфликтогенного, катастрофического характера, двигаться к прогрессу через преодоление антитезных тенденций (войны и мира, распада и интеграции, конфронтации и солидарности и т. д.) во многом определялись степенью утверждения в его недрах культуры толерантности.

Так что же такое толерантность как явление? Почему оно в XXI столетии понимается неоднозначно? Наверное, потому что в него вмещается растущее многообразие способов, форм мировидения, гамма эмоций в процессе коммуникации, несовпадающие типы характеров, мировоззрений, ментальных установок. Отсюда во многих языках и культурах есть заметные нюансы-оттенки в его трактовке. Так, если французы (а именно французскому языку мы обязаны происхождением этого слова) понимают под толерантностью отношения, допускающие, что другие могут действовать иначе, нежели ты сам, то китайцы подчёркивают проявление великодушия, арабы — прощение, мягкость, благосклонность. В русском языке наиболее близким синонимом толерантности является терпимость, что означает способность и умение мириться с чужим мнением, характером, уважать право каждого «быть иным». Татарский вариант толерантности — это не только внешние атрибуты уважительности (хотя они обязательны), но и внутренний посыл, безусловный рефлекс, черта типологии национального характера. Для данного народа, рождённого, оформившегося и постоянно действовавшего в мире многообразности (народов, культур, религий, цивилизаций), познавшего уроки побед и поражений, толерантность вовсе не интеллектуальное украшение, а императив самосохранения, развития. Толерантность для него подобен эритроциту крови, который переносит кислород от лёгких к мышцам, сердцу, мозгу. Многие, в т. ч. и сами татары, в толерантности видят знак слабости, приспособляемости, покорности. Автор убеждён, что такое мнение ошибочно. Толерантность в любом варианте — это, конечно, не безбрежная уступчивость, она имеет свои границы, пределы и не является раздачей индульгенций. Но есть в ней «остов» — нравственно-этический стержень, опорный хребет, неломающийся, остающийся цельно-невредимым, как генно-бетонное начало.

В авторском концепте толерантность — феномен исторический. Возникнув на заре становления человеческой цивилизации на основе инстинкта самосохранения, она постепенно обретала статус нормы, принципа, устойчивой традиции. Необходимость культивирования толерантности диктовалась динамичным ростом количественного и качественного этнокультурного, конфессионального, мировоззренческого и иных форм многообразия. Фактор плюрализма (от лат. «множественность») требовал предельной заботы и активизации усилий по поиску формул согласия, способов координации разных не только по форме, но и по

сути ценностных, культурных, религиозных, идейных, философских ориентаций. Задержка или тупики в процессе поиска координирующих, согласительных механизмов в исторической практике оборачивались снижением преобразовательных темпов, заминкой на исходных ступенях социального прогресса, увеличением конфликтных ситуаций, узлов и зон, усилением тенденции конфронтации, агрессивности и учащением числа войн.

Проблема создания объединительной платформы, поиска общего знаменателя растущей множественности, межкультурного, межэтнического, межконфессионального начал всё больше превращала толерантность в фактор сохранения и развития общества. Общечеловеческий прогресс обеспечивался именно тем, что в «складках» истории накапливался потенциал культуры толерантности, сдерживавший применение сугубо силовых способов решения проблем и усиливавший ориентацию растущего числа общностей, народов, культур, религий на мирное сосуществование, солидарность, взаимодополняемость, соразвитие. Толерантность, таким образом, становилась неизбежным и постоянно воспроизводимым продуктом всемирного исторического процесса.

Не надо искать конкретного автора, творителя феномена толерантности, как нельзя делить народы на толерантные и нетолерантные. Она имманентно присуща каждому индивиду, народу, сообществу, являясь частью других, в т. ч. и интолерантных, природозаданных свойств. Никто не рождается в стерильно-чистом толерантном одеянии, человек всегда остаётся во власти стихии разнозаряженных эмоций, чувств. Фактор социализации, мировоззренческой ориентации, ценностной привязанности обеспечивает «победу» той или иной склонности в «игре мыслей», в системе координат «я — мы — они», «свой — чужой», «наши — другие». Толерантность — это синтез многих начал, результат труда интеллекта, продукт опыта жизнедеятельности. Поэтому степень и формы толерантности разные. После африканского «исхода» человечество, рассыпавшись по разным азимутам планеты, начало «лепить» разные модели толерантности. Сначала их количество совпадало с числом цивилизаций, затем исходно-колыбельная модель толерантности разрослась до множества иных вариантов. Историческая судьба народов, их образ жизни, уклад экономики, стиль мышления, претензии и реальная роль в мировой истории — вот что в конечном счёте предопределило множественность типов толерантности.

Известна роль эпохи античности в выработке краеугольных устоев и традиций культуры толерантности. Наши взоры при этом обращаются к практике организации миронастроенного человеческого общежития в форме древнегреческих полисов, к тем древнеримским временам, когда терпимостью была утверждена как базисный принцип, который позволил европейскому гуманитарному знанию выйти из стеснявших его рамок христианства, открываясь другим народам и эпохам. Европа — преемница эл-

линско-античной культуры — может рассматриваться как одна из «колыбелей» феномена толерантности¹.

Но в строго историческом плане пальма первенства идеи толерантности как многообразной формы «притирки», коммуникации, мирного соуживательства принадлежит Востоку, конкретнее — Индии, культура которой «генетически» предрасположена к межкультурному сопряжению. Она также не избежала войн самого разного характера, о чём, например, сообщает эпос «Рамаяна» с описанием истории длительной войны между двумя цивилизациями и мировоззрениями. Но итогом этой войны явился самый древний и самый демократичный тип толерантности — инклюзивный², суть которого описана в поэме «Махабхарата». В то время как другие народы разрешали национально-расовую проблему железом и кровью, индийская цивилизация сумела выдать мягко-модельный вариант толерантности³. Считается, что индийцы — самый дружелюбный народ мира. Секрет не только в факторе ахимсы (ненасилие), но больше всего в их приверженности патриархальному своду духовных ценностей, почвенническому идеалу человеколюбия. Кроткая уступчивость, манера здороваться со всеми с поклоном, всем улыбаться (бездна разница между известной однотипно-формальной американской и душевно-тёплой индийской улыбкой) — таковы неперенменные атрибуты индийского укоренённого стиля коммуникации. Индия — страна слонов, родина шахмат, поставщик пряности, экзотики, мифов и сказок, а сегодня третья по «весу» ВВП, обладатель ядерного оружия и передовых IT-технологий, остаётся непревзойдённым модельером толерантности.

Китай — ещё один коллективный автор древней формы толерантности. Её особенность в многообразии и многозначности форм, ритуалов, обычаев, традиций. Секрет философско-космологического богатства феномена китайской толерантности кроется в постоянном обновлении и новом глубинном прочтении миллионов смысло-знаков, вмонтированных в код национальной системы иероглифов.

Евразия также была одной из «прародин», в которой возникли и получили развитие ранние формы толерантного мышления и действия индивидов и человеческих сообществ. На путь толерантной коммуникации и взаимодействия евразийско-алтайские

---

¹ См. подробнее: Дэвис Н. История Европы. — М., 2005.

² Инклюзия в истории человечества — это «новый модус бытия», предполагающий включённость всех его членов в жизнедеятельную практику. «Именно инклюзия, вмещающая в себя общее и уникальное, безболезненно встраивает Другого в свой контекст, помогая ему проявиться и самореализоваться» (Е. Л. Яковлева). Автор книги вводит понятие «инклюзия» в более широкий — гуманистический, справедливый, равноправный контекст. Инклюзия — категория нравственная.

³ См. подробнее: Григорьева Т. П. Буддизм и современная мысль // Вопросы философии. — 2015. — № 6. — С. 135–137; Степанян М. Т. Предпосылки к развитию межкультурной философии (опыт Индии) // Вопросы философии. — 2017. — № 8. — С. 20–29.

сообщества «толкало» множество факторов: масштабность территории, контрастность природы и климатических условий, «срединность» и пограничный характер географического, геополитического и геокультурного контекста развития. Поэтому Евразия стала колыбелью одной из первичных мировых цивилизаций — тюркской.

В евразийском мире толерантность проявлялась во множестве форм. Создавая полиэтничные, поликультурные, поликонфессиональные и полицивилизационные империи, тюрки не только воевали, но и мирно соседствовали, сотрудничали с другими народами. Внедряя многие элементы своей культуры в сопредельное пространство, они также усваивали достижения других народов. Здесь соседствовали, перемежаясь, культура войны, с одной стороны, и культура мира и согласия — с другой. Толерантность при этом выступала между ними своеобразным «мостом».

Мир, основанный на принципах толерантности, как об этом свидетельствует история взаимоотношений, например, тюрков и славян, русских и татар, — это отнюдь не выбор между жизнью и смертью, прозябанием и процветанием. История показывает, что толерантность была и продолжает быть высшей ценностью и атрибутом высокоморальной жизни человечества: доброта, гуманность, уважение к другому человеку, другой стране, другой культуре, живой и искренний интерес к иному (человеку, стране, цивилизации); расширение собственных интеллектуальных и нравственных горизонтов, выход за пределы индивидуального и коллективного эгоизма и нарциссизма; накопление и интеграция всего лучшего в многовековом опыте человеческих интересубъективных и интернациональных отношений; взаимное уважение и интерес одной цивилизации к другой, а отнюдь не «столкновение цивилизаций»; состояние, когда каждая цивилизация «смотрится» как в зеркало в другую цивилизацию, чтобы лучше разглядеть и понять себя, чтобы обогатить себя знанием другого, контактами с другим, чтобы усмотреть в иной цивилизации не опасность, а новую возможность расширения сотрудничества, взаимного развития, поскольку цивилизации не альтернативны, а скорее взаимодополняемы.

Обеспечение непрерывности и результативности исторического процесса объективно связано с тем, что толерантность всё в большей мере становилась нравственной основой жизнедеятельности как отдельно взятого социума, так и мирового сообщества в целом, моральным императивом, нормативом, социальным и нравственным кодом, одним из стержней культуры человечества. В силу своей природы толерантность встраивалась во все виды социальных связей — от межличностного до международного, от внутригосударственного до глобального уровня. Однако процесс решения этой исторической задачи, конечно, не выглядел победным «шествием» идей, норм и принципов толерантности. Развитие человеческой мысли, историческая практика испытали немало обрывов, откатов, поражений. В алтайско-евразийской

истории также боролись и прямо противоположные тенденции. Потому что по многим причинам люди, целые народы и государства надолго делали ставку на силовые ресурсы развития, агрессию, единообразие в противовес различию.

Для Евразии в целом и её сердцевинной части — Алтая — формирование толерантности всегда было одной из злободневных проблем общественного развития, решение которой связывалось с сохранением самобытности, цивилизационной привлекательности и динамичности исторического прогресса. Полиэтническая, поликонфессиональная, полицивилизационная структура евразийского мира всегда остро фиксировала моменты утончения культурного слоя толерантности, угрозу дефицита культуры в целом, культуры мира в особенности.

Толерантность как цивилизационное свойство алтайцев (шире — евразийцев) была предопределена совокупностью объективных и субъективных факторов. Строительство, обустройство и постоянное совершенствование своего цивилизационного «дома», ориентация на внутренние ресурсы саморазвития, обеспечение благоприятных внешних условий жизнедеятельности и безопасности, ориентация на контакты с внешним миром — все эти сознательно выбранные приоритеты превращали толерантность в источник прогресса народа, в условие его самосохранения и развития. Не умозрительные идеи и религиозные откровения лежат в основе формирования толерантной философии мышления и действия, а практические идеи создания семьи, воспитания детей и продолжения рода, рациональной организации торговли, экономики, обеспечения конкурентоспособности государства.

На перекрёстке материков, миров и цивилизаций толерантность была наиболее выгодной формой исторического поведения людей, фактором здравого смысла и морали. Миротворчество в широком смысле слова постепенно становилось философской и практической базой образа жизни народа, стереотипом его повседневного поведения. Толерантность постепенно приобретала нормативный характер. Она «проглядывала» во всём содержательном и внешнем облике общества: в чересполосном (соседском) принципе формирования национальных посадов и слобод, религиозных общин и конфессий, в архитектурной и градостроительной культуре, которая создавалась и развивалась на основе сочетания национального и интернационального опыта, в полиэтническом хоре голосов, раздававшемся в общественно значимых социокультурных рекреациях: на базарах и многочисленных ярмарках, в зрительных залах театров и местах массового гуляния.

Во все времена в алтайской контактной зоне, как и во многих других евразийских местах «встреч цивилизаций», нормой было не только сожительство и мирное сосуществование, но и сотрудничество, взаимопомощь между представителями разных конфессий и общин, поселений и слобод. Причём оно было присуще как верхнему «этажу» общества, так и его низам. Для этой зоны не характерна вражда между купцами и ремесленниками,

банкирами и деловыми людьми, студентами и клерками на чисто религиозной или национальной основе. Если и возникали в общеалтайском «доме» «трещины» или зоны расслоения, то они имели скорее социально-имущественную или психологическую окраску. Никем и никогда не было подписано ни одной конвенции, не было принято ни одной хартии о толерантности, но соблюдение принципов взаимоуважения, стремление к взаимодействию, готовность к взаимопомощи — всё это входило в «кодекс» чести, имело силу выработанного обществом нравственного эталона, становилось образом жизни. В такой оценке нет стремления приукрасить, тем более возвеличить «ценность» того или иного народа на весах истории. Речь идёт лишь о своеобразии формирования и эволюции алтайско-тюркской цивилизационной субкультуры, о ментальности и характере её творцов. В тысячелетней истории алтайской субцивилизации случались разлады, ссоры, конфликты. Но уже на уровне саморефлексии доминировала установка на согласие, примирение, компромисс. Такая установка диктовалась и прагматическими соображениями. Многообразие становилось не помехой, а украшением и основой укрепления «транзитной» культуры. Миссия примирителя и посредника требовала подавления в себе агрессообразующих компонентов и взращивания в характере, структуре мышления и стиле поведения миролюбивых начал.

Алтай (в обозначенно-широком варианте) по сей день олицетворяет собой единственный в мире ареал, где за многие тысячелетия (во всяком случае, со времени появления здесь первого цивилизационного очага) не происходило кровавых столкновений и войн на межнациональной, межконфессиональной почве. И это неслучайно: динамизирующиеся темпы цивилизационного роста, всё более расширяющиеся и ускоряющиеся потоки межчеловеческих, научных и культурных связей, торгово-посреднических миссий и экономического партнёрства требовали выработки и соблюдения общепринятых правил игры, норм общения и сотрудничества. Поэтому именно здесь, на этом «мосту» становилась возможной не только «встреча», но и взаимодействие двух диаметрально противоположных историко-культурных систем — Европы и Азии. Здесь происходила их «притирка», примирение, соединение. На базе интеграции двух контрастно-противоположных начал создавался и развивался особый тип культуры — евразийской, «философским камнем», отличительным и одновременно возвышающим признаком которой являлась толерантность. Её воздействие на окружающий мир неопределимо. Можно с уверенностью утверждать, что Евразия как некая культурно-цивилизационная целостность состоялась в первую очередь благодаря фактору толерантности. В этом же контексте можно утверждать: татары как исторический народ состоялись также благодаря нравственно-этическому кодексу толерантности.

О миротворцах и миротворчестве татарского народа сложено немало байтов, легенд и песен. В фольклоре отражено множе-

ство творческих форм примирения, связанных с дипломатическими действиями аксакалов, старейшин родов и аулов. На этом поприще высокую роль играла женщина. Материнский запрет или материнское благословение, например, имели серьёзное значение в выборе жизненной модели поведения молодёжи. Выход за рамки материнского кодекса был равен богоотступничеству. Женщины вставали и на стезю посредничества. Так, в одной из легенд описывается смелый поступок молодой девушки, которой достаточно было вступить в круг и бросить свой платок, чтобы прекратить кровавый поединок двух разъярённых джигитов. В арсенале миротворчества были и более жёсткие приёмы, когда драчунов растаскивали по разным сторонам посредством применения силы. В отношении зловердных, неуступчивых задира, подстрекателей ссор и конфликтов применялась крайне жёсткая мера — проклятие.

Древнейшим способом коллективного миротворчества были джиены (собрания) и курултай, на которых обсуждались как проблемы войны и мира, так и вопросы улаживания конфликтов более ограниченного масштаба¹. Но самой известной и испытанной формой народного миротворчества, имеющей многовековую историю и сохранившей свою популярность в народе поныне, является Сабантуй. Продолжая традиции Олимпийских игр древних греков, складываясь из самых различных элементов древнетюркских обрядов, Сабантуй уже в эпоху Волжской Булгарии оформился в массовый праздник по поводу начала весенних земледельческих работ. В период существования Казанского ханства он получил статус самого популярного массового национального праздника. С этого времени он переходит из века в век, обогащаясь новым содержанием и формами, превращаясь в подлинно интернациональный спортивно-игровой, театрализованный, гуманитарный форум. Высший нравственный смысл Сабантуя — обновление миротворческих принципов, воззрений, идей и ценностей, традиционного ежегодного весеннего настроя на трудоприлежание, на мир с природой, людьми, самим собой. Миротворческий компонент присутствует во всех структурных элементах его сценария, в ритуалах и сюжетных композициях культурных и спортивных состязаний.

По татарским традициям к Сабантую обычно начинали готовиться задолго. Накануне праздника специально топили бани, приводили в порядок дворы, готовили площадку для торжеств, соревнований и гуляний (майдан). Но главным является то, что к Сабантую должны быть забыты все обиды, улажены ссоры и конфликты. Быть на Сабантуе сердитым, злым и агрессивным приравнялось к совершению тяжкого греха. Эта многовековая традиция сохранилась и по сей день. К миру, согласию и

---

¹ См.: *Шарафутдинов Д. Р.* Традиционная культура татарского народа (XIX — начало XX в.). Юность древнего Сабантуя. — Казань, 2004; *Тагиров Э. Р., Шарафутдинов Д. Р.* Сабантуй: в локальном и глобальном цивилизационном пространстве. — Казань, 2004.

дружбе призывает главный стяг Сабантуя — огромное расшитое полотенце, развевающееся в самом центре майдана. Программу Сабантуя курировали самые мудрые и почитаемые аксакалы. Мягкая задушевная музыка и песни, искромётные танцы и пляски участников праздника настраивают на оптимизм. Настаёт момент зенита — на арену состязания выходят борцы, на пояс каждого из которых надпись: «Если можно мириться — мирись, если нет — надень доспехи и борись». В этом виде состязаний не может быть позорно проигравших, хотя есть батыр-победитель. Важно, что с арены состязаний и батыр, и уступивший ему в силе уходят вместе, пожимая друг другу руки, оставаясь друзьями.

На мир настраивают и правила ведения всех игр Сабантуя: битъё горшков, перетягивание канатов, бег в мешках и т.д. Даже самое азартное спортивное состязание — скачки на лошадях, причём не по низине, а в гору — навстречу Богу Тенгри, — наполнено высоким гуманистическим смыслом. По правилам Сабантуя никто не должен уходить без подарков, приз полагается даже коню, который пересёк финишную черту последним. На взмыленную шею уставшего коня женщины вешают самое красивое красно-узорчатое полотенце. В этом, незначительном на первый взгляд, ритуале ярко выражены гуманизм и духовность народа: скакуны, в упорной борьбе преодолевшие дистанцию (независимо от того, какими они пришли к финишу), доставили людям радость, следовательно заслуживают похвалы и одобрения. Этот трогательный ритуал, известный как «конь надежды», имеет и другой, более глубокий смысл, реально отражающий обычаи татарского народа. Ведь пожилые женщины, вдовы, привязывающие вышитые полотенца, платки и салфетки, закидывая ими чуть ли не всего коня, приговаривают при этом: «Да будет мир и благоденствие во имя Аллаха», «дала обет, чтобы дочь ребёнком благополучно разрешилась», «чтобы корова тёлку принесла», «чтобы мир и спокойствие пришли» и т.д.

Сабантуй — низовая форма возвращения к своим историческим истокам, поворота к очищающим духовным корням, способ поддержания механизма преемственности традиций, эпох и поколений. Духом, энергией Сабантуя охвачен весь Татарский Дом — от каждого населённого пункта (деревни, аула, посёлка, райцентра, города) до столично-республиканского уровня. Ведь принципиально важно задеть ментальный нерв народа, дать прочувствовать единство всех его составляющих элементов: от школьной детворы до Союза ветеранов. Отсюда множась формы Сабантуя: летние, осенние, зимние, весенние. Интересной и перспективной являются его духовные варианты. Примером тому является детский мусульманский сабантуй, инициатором которого является народный сход (аксакалы, бизнес-структуры, школьный актив, медресе...) Балтасинского района РТ. В июле 2019 года там был проведён XII детский мусульманский сабантуй, неожиданно обретя всереспубликанский масштаб.

Сабантуй, возникнув как одна из исторических форм культуры татарского народа, давно уже обрёл интернациональный

характер как по содержанию, так и по масштабу распространения его идей, ценностей и принципов по всему миру. Сабантуй как форма культуры мира, толерантности, этноконфессионального согласия и диалога народов культивируется во всемирном масштабе: от Аляски, Флориды, Нью-Йорка до Пекина и Шанхая, от Владивостока, Токио, Нур-Султана до Лондона и Берлина. Празднество, вышедшее за национальные рамки и ставшее культурным феноменом международного масштаба. Номинирование Сабантуя как памятника нематериального исторического наследия в Список культурных шедевров, охраняемых ЮНЕСКО, несомненно, послужило бы усилению миролюбия в современном обществе народов.

«Диалог цивилизаций». Вот ещё одна дефиниция, вытекающая из материнского лона — понятия «культура». Существует мнение, что диалог как инструмент взаимодействия был впервые апробирован в рамках западной цивилизации. Первыми о диалоге заговорили древние греки. В древнегреческом полисе формируются и первые школы диалога (Сократ, Платон, Аристотель). В Новое время эта идея модифицировалась в теорию общественного договора.

А разве на другом конце ойкумены — на Востоке — не было необходимости в диалоговом мышлении? Что, диалог не имеет иных форм, кроме европейских? А как же находили язык общения соседские общины — народы в Евразийско-алтайском ареале? Как создавались древние империи? Только огнём и мечом? Бросим беглый взгляд на историю взаимоотношений китайских племён и народностей с сотнями вариаций отношений со своими соседями-тюрками. Совсем не трудно выйти на мысль: войны и торговля, походы и переселения народов, как, собственно, и на Западе, были формой диалога. Начало диалога, диалогического стиля мышления, как на Западе, так и на Востоке, восходит ко времени их появления. С тех пор ни одна цивилизация не могла развиваться без взаимодействия или диалога с другими. Диалог цивилизаций — объективный исторический процесс, развитие которого не могло быть стихийным, механистическим. Если исключить события спонтанного или военного характера, это, как и всякий диалог, — осознанно-творческий процесс, хотя в ходе войн и колонизаций также расширялись сферы и возможности межкультурного контакта. История освоения тюрками алтайско-евразийского пространства протекала путём комбинации средств и методов, мирных и принудительных, торгово-экономических, культурно-просветительских. Диалог более динамичный и целенаправленный характер приобрёл в ходе хуннско-гуннских военных походов, завоеваний Монгольской империи и Золотой Орды.

Многочисленные волны переселений народов, продолжавшихся с разной интенсивностью и перемещавшихся из одного конца ойкумены в другую на протяжении II—I тысячелетий до н. э. и I тысячелетия н. э., создали смешанный тип диалога цивилизаций, в котором начал доминировать компонент духовности и культуры.

Эпоха Средневековья ознаменовалась тремя масштабными акциями культурной глобализации в истории человечества, стихия которых в степях Евразии гасилась фактором диалогичности. Речь идёт о распространении трёх мировых религий — буддизма, христианства и ислама. «Экспансия каждой из них в разных случаях имела разные формы, но по степени унификации основных параметров культур народов, вошедших в зону влияния каждой из этих религий, по уровню нивелирования черт местного этнокультурного своеобразия названные явления, несомненно, превосходят все аналогичные события на протяжении истории»¹. С началом Нового времени тенденция культурно-цивилизационного взаимодействия приобретает более сложный и динамичный характер. С образованием полиэтнических империй межцивилизационный диалог ускорился и диверсифицировался как на уровне социумов, так и на межцивилизационном и международном уровнях.

Исторический анализ позволяет выделить, определить территории с повышенной интенсивностью и многообразием форм межцивилизационных контактов как ареалы постоянного устойчивого взаимодействия цивилизаций. Это зона Индийского океана и атлантическая межцивилизационная зона, африканская и американская сферы межцивилизационных связей. Мостом между месопотамской и индийской цивилизациями является зона Персидского залива. В качестве сферы межцивилизационного взаимодействия можно определить Великий шёлковый путь и Великий Волжский путь, соединившие наиболее развитые типы цивилизаций (персидскую, китайскую, тюркскую, русскую).

Активной сферой межцивилизационных контактов была территория между Волгой и Уралом, где осуществлялась связь самых разных культурно-цивилизационных миров. Специальное историческое исследование проблемы позволило бы найти множество примеров развитых межцивилизационных зон. В данном случае автор ограничивается лишь утверждением, что на протяжении своей истории человечество аккумулировало опыт многочисленных форм диалога, развивавшихся с применением самых разных средств, методов и способов: военных, торговых, миссионерских или посредством осознанного формирования межцивилизационных контактных зон.

Таким образом, диалог цивилизаций — это, несомненно, фактор исторического прогресса. Но не всякий диалог и не все контакты приносили позитивные плоды. В череде сменявших друг друга эпох истории человечества в разной форме и масштабности проявляло себя взаимодействие народов и цивилизаций, по-разному сопрягались центростремительные и центробежные, интегративные и разъединительные тенденции. Сложный, противоречивый характер имела трансформация культуры вой-

---

¹ Флиер А. Я. Страсти по глобализации // Общественные науки и современность. — 2003. — № 4. — С. 159–165.

ны и противостояния в культуру мира, диалога и партнёрства. Диалектика этих глобальных тенденций, степень их противоборства или «соразвития», преобладание той или другой всегда предопределяли облик, степень прогресса и цивилизованности человечества в целом, равно как и его составных частей — народов, государств. Так было в прошлом, так обстоят дела и в наше постиндустриальное время.

«Для диалога между цивилизациями, — как точно заметил Почётный профессор Казанского института культуры мира (ЮНЕСКО), действительный член Международной гуманитарной академии «Европа-Азия», генеральный директор ЮНЕСКО (1999—2009) К. Мацуура, — в центр наших забот снова попадает фундаментальная этическая концепция, и интуиция нам подсказывает, что она является сердцем всей системы ООН, а именно: самое драгоценное, чем мы обладаем, — это мир на Земле. Необходимость диалога между цивилизациями покоится на постулате мира, для чего требуется как минимум понимание того, что люди и культуры не могут существовать в изоляции. Без диалога культуры и цивилизации клонятся к закату и будут приговорены к исчезновению с лица Земли»¹.

Таковы наиболее важные для реализации концептуальной цели анализа проблематики миротворчества мыслительные единицы исследования. Рамки понятийного аппарата, предназначенного для изучения истории в целом и истории татар в её миротворческом варианте, постоянно расширяются, обогащается историко-философское содержание каждой из категорий мыслительного процесса. Культура и проистекающие из её природы явления: культура мира, культура толерантности, культура диалога — образуют фундамент миротворчества как науки, искусства, социальной практики. Культура лежит в основе и их антитезы: культуры войны, культуры конфронтации, культуры противоборства. Привязка этих парных явлений к феномену культуры глубоко обоснована². Ведь они выступают производным степени развития культуры. И война, и мир — суть явления культурные. В этом и состоит всеислие культуры: творить высокое и низменное, прекрасное и гадкое, доброе и злое, любовь и ненависть, героизм и предательство... Всё дело в содержательности, смысловой наполненности, программной нацеленности культуры. Весь круговорот событий, явлений, процессов и сама материя истории оплодотворены культурой. Нельзя отделять проявления цивилизации — положительные или отрицательные, прогрессивные или регрессивные — без учёта таинства воздействия на них духа «Праматери» человечества — культуры³.

---

¹ *Мацуура К.* Фактор надежды. — М., 2000. — С. 41.

² См.: *Канто А. С.* От культуры войны к культуре мира. — М., 2002.

³ *Тагиров Э. Р.* Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. — Казань, 2014. — С. 67.

«УМИРОТВОРЕНИЕ» ИСТОРИИ

Мир не только лучше, но бесконечно труднее войны.

Бернард Шоу

Мир — всего лишь сон войны.

Адриан Декурсель

История — это великая книга человечества, вмещающая в себя концентрированное богатство опыта рождения провидческих мыслей, озарительных идей, напряжённейшей духовной работы по постижению смысла жизни и своего предназначения. Это главная книга, за каждым знаком-словом которой проглядывает величественная панорама «громадьи» свершенного, достигнутого. Одновременно это и самая священная книга жителей планеты, ибо всё, что ими замышлялось и осуществлялось, имело сокровенную цель, сакральное обоснование.

Величайшим свойством истории является и то, что она была и остаётся самой открытой книгой человеческого рода, ибо она играет роль магнита, притягивающего, приковывающего внимание, ум, интеллект поколений всех времён. Она не закрыта и не завершится никогда, в ней не может быть последней страницы. Каждый входящий в этот мир человек, вступая в круг жизни, вписывает свои строки в свою часть истории.

История — книга открытая ещё и потому, что каждый раз мы открываем в ней ту часть её закулисья, которая была лишь чуть приоткрытой. Каждое новое «вхождение» в историю ищущего смыслов высвечивает её покуда скрытую от взора грань, которая в отсвете вызовов каждого нового времени приобретает особую значимость. Эпоха глобализации и вызванных ею кардинальных перемен актуализирует ту грань истории, которая связана с работой человечества по рождению, культивированию и установлению мира как главного посыла самой жизни на Земле.

Уже на заре человеческой цивилизации понятие «мир» вошло в жизненный оборот, утвердилось в словарном фонде человечества как приоритетно-вожде́нное состояние людей, обществ и народов, как сакрально-божественная метаидея. Постепенно мир как базовая ценность стал возводиться в ранг самого сокровенного желания, высшей надежды и веры людей. В их мировоззренческой системе субстанция мира обрела божественный образ.

Согласно античной мифологии, богиней мира была Эйрена (Ирена) — охранительница законности и порядка в общественной жизни. Культ Эйрены был широко распространён в Афинах. Особым почитанием под именем Пакс (от лат. «мир») она пользовалась в Риме. Во времена императора Августа на Марсовом поле в честь Эйрены-Пакс был воздвигнут алтарь, на котором ежегодно совершались торжественные жертвоприношения. Богиня мира изображалась молодой женщиной с рогом изоби-

лия, оливковой ветвью, жезлом Гермеса и колосьями. Иногда её изображали с богом богатства Плутосом на руках, подчёркивая этим связь мира с процветанием жизни, урожайностью земледелия и богатством.

Но путь к миру всегда был труден, извилист и отнюдь не прямолинеен. Поступь в направлении к миру часто прерывалась, следы заносило ветром желаний, интересов иного, противоположного настроения. Это не была победа зла, коварства и войны над миром. Скорее это закон жизни, которая только и может продолжаться через причудливое сплетение этих полярных начал. В данном контексте мы смотрим на историю как на вечное поле конкуренции способов, методик и технологий решения проблем выживания и развития; сочетания, взаимодействия и взаимовлияния фундаментальных тенденций-антитез — глобализации и локализации, унификации и многообразия, интеграции и атомизации, конфронтации и диалога, как на сложнейшую игру-состязание различных интеллектуальных, культурных, социальных, экономических, политических, дипломатических и военных сил. Не прекращается соревнование, сопоставление и отбор идей, концепций и систем ценностей. За всем этим — кипение страстей, столкновение интересов, позиций, взглядов и менталитетов людей, народов, государств.

История — это поле, на котором прогресс не тождествен однолинейному восхождению от одной ступени эволюции к другой. Он диалектичен, развитие человечества сочетает подъёмы, остановки и падения, обретения и потери как способ сохранения баланса общества в фазах кризиса и неустойчивости. История прокладывает путь через коллизии перманентной борьбы альтернативных, противоположных, разнозаряженных и конфликтогенных начал, выливаясь в череду, смену волн революции и эволюции, реформ и контрреформ, насилия и согласия, войны и мира.

К сожалению, процесс конкурентной борьбы альтернатив часто обретал форму войн. Человечество впадало в иллюзию возможности быстрых и лёгких побед путём применения преимущественно силовых ресурсов, угроз, диктата, подчинения, эксплуатации. В разное время у разных народов эта мания приобретала форму диктатуры или тоталитаризма во внутриагосударственном измерении, мессианства, гегемонизма, культурной, технологической или военной экспансии — во внешнем. Обретая статус победителя, великой державы или имперского гегемона, государства не только вырывались вперёд, но в целях сохранения роли гегемона впадали в соблазн наращивания силового потенциала. Нельзя упрощать сложнейшую проблему выбора альтернатив и противоборства конкурентных начал до уровня бытовых сентенций в стиле «сила города берёт», «сила есть — ума не надо», «зло вечно, а вражда неистребима»... Конечно, можно приписывать человечеству имманентную склонность к войне, приверженность к силовому фактору. Это эмоциональная актуализация проблематики, глубинный анализ которой составляет предмет специаль-

ных комплексных исследований. Мы можем лишь, опираясь на философскую формулу английского писателя-мыслителя «мир не только лучше, но бесконечно труднее войны» как на бесспорную константу, отметить, что именно в процессе конкуренции альтернатив «победу» чаще всего одерживала сторона, обладавшая преимуществом в силовых ресурсах.

Насилие в историческом времени и геополитическом пространстве постепенно превращалось в магистральную тенденцию развития человеческой цивилизации, в его движущую силу. Социальный прогресс обеспечивался главным образом посредством применения, демонстрации или угрозы силы — военной, политической, научно-технической, интеллектуальной, психологической и информационной. Силовые ресурсы интенсивно применялись как для решения внутренних проблем, так и для разрешения международных конфликтов и реализации гегемонистских амбиций.

Достаточно напомнить, что за всю историю цивилизации, условно ограничиваемой 5–6 тыс. лет, по подсчётам военных историков, произошло около 15 тыс. войн разного масштаба. Это означает, что ежегодно человечество в среднем вело не менее трёх, а каждое столетие — около 300 войн. Не воевало оно за всю историю лишь менее 300 лет. Войны унесли более 3,6 млрд человеческих жизней — это больше числа обитателей Земли 70-х годов XX века¹. В ходе войн разрушено и уничтожено ценностей на астрономическую сумму, выражаемую в квинтиллионах долларов. Этих средств хватило бы для обеспечения всем необходимым нынешнего населения земного шара в течение тех же пяти с лишним тысяч лет. Цивилизационное измерение цены военных побед и поражений предполагает оперирование не только цифрами, но и подсчёт совокупных потерь: возвратных и необратимых, количественных и качественных, материальных и духовных, психологических и нравственных... Каждая война, нарушая преемственность и связь поколений и традиций, перемалывая наиболее репродуктивный, работоспособный слой народов и стран, ослабляла физический и интеллектуальный потенциал человечества в целом, снижала качество его генофонда. Масштабы потерьного даже в таком неполном измерении многократно превосходят «величину» всех побед, одержанных на полях сражений. Такая диспропорция в шкале войны и мира, насилия и ненасилия, разрушения и созидания свидетельствует о ценности состояния мира, о том, насколько бесконечно мир труднее войны.

Современная стадия эволюции человечества также отмечена склонностью к силовому способу решения проблем развития, достижения успеха в борьбе за конкурентоспособность, укрепления могущества, обеспечения безопасности. Тяготение к жёстким, командно-административным, силовым методам, способам и прин-

---

¹ *Медведко Л. И.* Россия, Запад, Ислам: «Столкновение цивилизаций»? — Жуковский; М., 2003. — С. 334.

ципам решения частных и фундаментальных задач государственного управления, ведения международных дел или разрешения межгосударственных и региональных конфликтов, к сожалению, доминирует. Современная модель мироустройства не только неэффективна, ибо в её основе нет морально-нравственной базы цивилизации, как отметил Президент РФ В. В. Путин, но она сама становится «генератором новых человеческих трагедий и очагов напряжённости... Войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало... а даже больше, чем раньше. Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое гипертрофированное применение в международных делах военной силы — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов»¹. В своём Послании Федеральному Собранию (1 марта 2018 года) Владимир Путин впервые обосновал концепцию миротворчества в контексте вызовов трансформационного времени².

«Температуру» напряжения в мире подогревает расширение состава субъектов противостояния, силовых игроков на поле каждодневной жизни. Если раньше воевали и противостояли преимущественно государства и классы, то сегодня конфликты возникают между народами, социальными, национальными, культурными, конфессиональными, цивилизационными группами³. Волны противостояния между ними не только сменяют друг друга, уступая место победившему образу жизни, типу мышления и действия. Они динамичны и агрессивны. Сталкиваясь между собой, они всё чаще входят и «зависают» в фазисе бескомпромиссной схватки.

Наибольшую угрозу миру представляют конфликты нового исторического поколения, возникающие на пограничье культур, рас, наций, религий и цивилизаций. Содержание этого типа конфликтов «обогащают» радикальный национализм, сепаратизм, фундаментализм, экстремизм и терроризм. Их «творцы» одержимы не только политической самоцелью, но и яростной этнической и религиозной противопоставленностью, бескомпромиссной ненавистью.

Особенностью транзитного времени, времени встречи — сражений двух исторических эпох — является то, что силовое поле современности неумолимо и интенсивно расширяется. Потеря национальными государствами «монополии на насилие» восполняется реактивно множасьими источниками воспроизводства философии, идеологии и практики насилия. Как сохранить мир в условиях «минимизации» демократии и «максимизации» насилия, роста новых субъектов и центров силы и их стремления изменить сложившийся мировой порядок, вернуть утерянные

---

¹ Независимая газета. — 2007. — 12 фев.

² Основное содержание Послания президента РФ В. Путина Федеральному Собранию. — М., 2018.

³ Согласно одной из версий, столкновение исламской и христианской цивилизаций в XX веке предсказал ещё Нострадамус. См.: *Непомятый Н. Н.* Великая книга пророков. — М., 2006. — С. 4.

позиции, реализовать гегемонистские, националистические или шовинистические проекты? Как преодолеть тенденцию к самоуничтожению? Как преодолеть глобальное противоречие между «культурой жизни» и «культурой смерти», достигнуть глобального гуманитарного компромисса по вопросам взаимодействия этносов, народов, культур и цивилизаций, систем ценностей, мировоззренческих установок и образов жизни и миропонимания?

Поиск ответов на эти вопросы, за которыми судьба, будущее всех народов и цивилизации, актуализирует проблематику соотношения бинарных оппозиций, взаимодействия таких магистральных тенденций, как насилие и согласие, война и мир, противостояние и диалог. Их соотношение решающим образом определяет устойчивость человеческого общежития, содержание и темпы социального прогресса, историческую перспективу человечества. Если многие явления и раньше не укладывались в рамки изолированных логических дефиниций, то теперь более чем когда-либо их можно адекватно постичь лишь в категориях парных противоположностей.

Необходимо сразу обратить внимание на некоторые очевидные особенности историографического состояния данной проблемы. Во-первых, научная традиция ориентирует исследователей на фокусирование внимания на одной из сторон антитезных явлений, составляющих смысловое поле дихотомии «война и мир». Более того, возникает стойкое ощущение диспропорции в процессе их «автономного» изучения. Проблемами войны и насилия занимаются десятки научных центров. В то же время проблемы мира и согласия чаще всего остаются на периферии исследовательского интереса. Даже большинство крупных центров по изучению проблем мира (хотя многие из них даже официально называются институтами мира) заняты анализом не столько проблем мира, сколько войны.

В российской научной практике начала нынешнего века этот перекося выражен наиболее рельефно: здесь создано немало открытых и «закрытых» исследовательских институтов, научных направлений и школ, специализирующихся на военной проблематике¹. Они, как и большинство зарубежных центров, выносят проблему мира «за скобки» иных, приоритетных научных направлений. Такой парадокс в науке и социальной практике обычно объясняется методологическим замечанием, сформулированным К. Марксом: «Война раньше достигла развитых форм, чем мир»². Реальное отставание степени изучения проблем мира от степени разработанности проблем войны обусловлено в какой-то мере объективными реалиями.

Война как инструмент политики и преимущественный метод решения проблем развития действительно начала осознаваться

---

¹ См.: Цыганков П. А. Социология современных войн : материалы научного семинара. — Вып.1. — М., 2004.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — С. 46.

в категориях предмета науки раньше, чем феномен мира. Ведь война была преобладающим состоянием общества практически на всём протяжении истории, а мир — сравнительно кратковременной передышкой, подготовкой к новым войнам. Поэтому понятна потребность в научном анализе войн. Теоретическая мысль, подгоняемая потребностями политики и практики, концентрировала внимание и направляла интеллектуальные и финансовые ресурсы на изучение феномена войны, истории войн и военного дела. Категория мира вплоть до начала XXI века не подвергалась специальному историческому анализу. «Если представить себе отдельно написанное о войнах и мире, то второе будет выглядеть бугорком на фоне заоблачной горной гряды... Дело с познанием мира существенно отстаёт по сравнению с познанием войны»¹. Такой вывод известного российского военного историка и социолога, генерала В. В. Серебрянникова, автора исследования «Социология войны», констатирует истину, равнозначную аксиоме.

Вторая историографическая особенность заключается в том, что изучением проблем войны и мира занимаются преимущественно социологи, психологи, политологи, к аналитическому процессу подключаются и этнографы. Это и понятно: явления, входящие в сферу их интересов, интерпретируются наукой как социально-политические, антрополого-психологические феномены.

Философы претендуют на свой ракурс видения истории войны. В рамках современной историософии уже оформилось особое направление — полемология², т. е. наука о войне, что неслучайно³. Привлекательно-романтизированный образ войны, призванный возвеличить определённого политического деятеля, народ, страну, возникает прежде в головах людей, в их мировоззренческих представлениях, в философских идеологемах, концепциях и доктринах. Только затем он материализуется дипломатами, политиками и военными в конкретных планах и действиях.

Война и мир — исторические феномены, возникшие на заре человеческой цивилизации. Традиции их сбалансированного изучения в науке были заложены ещё древними политическими мыслителями — историками Фукидидом, Плутархом, Геродотом. К сожалению, последующие поколения историков ориентировались на освещение и анализ конкретных военных событий и баталлий, не уделяя адекватного внимания изучению явлений мира и совокупному, комплексному изучению диалектически взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений, каковыми являются война и мир. Крайне мало обобщающих исторических сочинений,

---

¹ *Серебрянников В. В.* Социология войны. — М., 1997. — С. 338.

² См., напр.: *Панарин И. Н.* Информационная война и Россия. — М., 2000; *Слипченко В. И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М., 2002; *Социология современных войн : Материалы научного семинара.* — Вып. 1. — М., 2004.

³ В русле полемологических исследований выполнена, например, работа: *Месснер Е. Э.* Всемирная мятежевойна. — М., 2004.

посвящённых «сквозному» анализу этих феноменов в их органическом единстве на протяжении всей истории человечества¹. Даже в наиболее фундаментальном труде А. Першица, Ю. Семёнова, В. Шнирельмана «Война и мир в ранней истории человечества»², объём которого превышает 400 страниц, «на проблемы мира и исторический опыт их решения отводится в общей сложности не более 10 страниц, т. е. 2–2,5 % объёма книги. До конца XIX века были в основном мечты о мире, не имевшие под собой достаточно масштабного опыта борьбы за мир. Дело с познанием мира существенно отстаёт по сравнению с познанием войны»³.

Наконец, третья особенность изучения проблемы состоит в том, что в исторической науке традиция изучения всего спектра диалектически разнонаправленных, дихотомических явлений, тенденций и феноменов войны и мира пока только закладывается.

В современных условиях особенно заметны отсутствие либо дефицит ракурса изучения истории сквозь призму истории регионов, народов и субцивилизаций. Большинство трудов отличается традиционной структурно-концептуальной направленностью, когда приоритет отдаётся базисным сферам жизнедеятельности, а войны, характеризующиеся исключительно как аномальные и сугубо регрессивные явления, согласно принятой рубрикации, включаются в раздел внешней политики. Между тем мир как особая и высшая общечеловеческая ценность, как явление, состояние, феномен и категория науки и социальной практики, политики и дипломатии в число базисных сфер общества исследователями не включается.

Истоки парадигмы, ориентирующей науку на приоритетное изучение материальных сфер жизнедеятельности стран и народов, исследователи обычно выводят из формулы К. Маркса о первичности бытия и вторичности сознания. Но в мировоззренческой системе К. Маркса нет абсолютизации одной из ипостасей бытия в определении их местоположения в иерархии базисных структур общества. Маркс никогда не утверждал, что всякая внеэкономическая деятельность (идеология, культура, наука, право) определяется базисом. Духу марксистского учения больше соответствует тезис о том, что экономическая структура устанавливает ограничительные условия, а не определяет элементы надстройки во всём их разнообразии.

Ф. Энгельс недвусмысленно высказался по этому вопросу так: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счёте

---

¹ Весьма ценным приобретением в науке стало осуществление российско-американского проекта, посвящённого анализу миротворческого опыта, накопленного на большом отрезке исторического времени. Материализованным результатом проекта стал капитальный труд: Мир / Pease: Альтернативы войне от Античности до конца Второй мировой войны. — М., 1993.

² Першиц А. И., Семёнов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. — В 2 т. — М., 1994.

³ Серебрянников В. В. Социология войны. — М., 1997. — С. 338–339.

является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму её различные моменты надстройки...»¹ Человеческий фактор и ресурс духовного потенциала в марксистской схеме полноправно включены в состав структурных факторов. Неслучайно отцы-основатели исторической школы «Анналов», разрабатывая модель «тотальной истории», призванной интегрировать все элементы базиса и надстройки, в т. ч. экономическую историю вкупе с историей социальной, демографической и экономической, брали марксизм в качестве своего отправного постулата.

Таким образом, в подмене приоритетов шкалы ценностей повинен не схоластически трактуемый марксизм, а идеологически препарированный вульгарный марксизм. Смысл и предназначение начавшейся ментальной революции в том и состоит, чтобы обеспечить переход человечества к ценностям постиндустриальной цивилизации, где культура, духовность, гуманизм, демократия, толерантность, этноконфессиональное согласие и мир будут иметь статус базисных. Речь идёт о задаче формирования новой, гуманистически ориентированной философии мышления и действия, новой системы жизненных ориентиров и новой парадигмы миропонимания, мироизменения, миростроительства. Без «революции» на уровне ментальности ни в одной отдельно взятой стране, где кризис межкультурного перехода имеет свои специфические проявления, ни человечеству в целом не удастся решить совокупность глобальных проблем: социальных, демографических, экологических и наиболее острых среди них — межконфессиональных, межнациональных, межкультурных. Силовые ресурсы решения проблем развития, обеспечения необходимого уровня и качества жизни, безопасности народов и государств иссякают. Наступает время наиболее полного введения в повседневный оборот гуманитарного, нравственного, миротворческого исторического капитала, накопленного человечеством.

Необходимость такого поворота диктуется тем, что историческая конкуренция двух философий, ценностных ориентаций — войны (насилия) и мира (согласия), — определявших противоположные векторы развития человечества, вошла в фазу прямого, лобового противостояния. Об этом свидетельствует поток сложнейших, драматических событий, процессов и тенденций, составляющих современную картину мира. «Шар любви, отягощённый враждою», — такую характеристику своему времени дал 2,5 тыс.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. — С. 394.

лет назад Эмпедокл. Инерция исторического груза культа силы, агрессии и войны сегодня не только «отягощает», но и грозит разорвать «шар любви» — всё пространство жизни человечества.

Академик Н. Н. Моисеев определял XX век как «век предупреждения». В своих последних работах он пришёл к более категоричному выводу: «Время предупреждения прошло». «Через несколько десятилетий, — предрекает И. В. Бестужев-Лада в книге «В преддверии Страшного суда...», — можно будет спорить, гадать только о том, через сколько именно лет человечество должно погибнуть в волнах второго Потопа, от которого нельзя спастись ни на каком ковчеге»¹. На Всероссийской научно-практической конференции «Молодёжь и будущая Россия» академик А. П. Федотов прогноз своего коллеги подтвердил с позиции теории космизма². Многие зарубежные аналитики опасаются, что новой исторической волне насилия трудно будет найти адекватные формы мира³.

Аргументы, лежащие в основе таких пессимистических прогнозов, трудно оспаривать. Они свидетельствуют о реальных опасностях, возможно, неизбежных. Но вряд ли верно выстраивание потока событий, явлений, процессов в безальтернативном направлении, предрекая торжество хаоса и неминуемость «конца истории». Глобальные проблемы, факторы и тенденции, грозящие катастрофой, одновременно открывают и позитивные перспективы для цивилизации.

«Современная эпоха, — пишет Юваль Ной Харари, — свидетель не только беспрецедентного уровня насилия и жестокости, но также мира и спокойствия... Тектонические плиты истории движутся со страшной скоростью, но вулканы пока молчат. Новый гибкий порядок, кажется, в состоянии предусматривать и даже индуцировать радикальные структурные изменения, не доводя дело до губительных конфликтов»⁴. Но этот, бесспорно, талантливый аналитик весьма осторожен в своих прогнозах: на свой же вопрос «Что же такое современная эпоха — эра бессмысленной резни, войн и угнетения или это эра мира?» отвечает так: «Мы стоим на пороге и ада, и рая, тревожно перемещаемся от одних врат к другим. История всё ещё не определилась с итогом, и ряд случайных совпадений всё ещё может подтолкнуть нас в том или ином направлении»⁵.

Будущее человечества, по-видимому, в решающей степени бу-

---

¹ Бестужев-Лада И. В. В преддверии Страшного суда, или Избежим ли предреченного в Апокалипсисе? — М., 1996. — С. 5.

² Федотов А. П. Модель управляемого единого мира и её реализация поколением первой четверти XXI века // Россия: перспективы прорыва в цивилизацию знаний. — М., 2004. — С. 33–59.

³ См.: Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. — М., 2004; Тоффлер Э. Война и антивоина. — М., 2005.

⁴ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. — М., 2018. — С. 442.

⁵ Там же. — С. 453.

дет зависеть от умения обеспечивать приоритетность социально-позитивных, созидательных, объединительных процессов. Для этого необходимо научиться трансформировать философию и логику в плоскость отстаивания ценности мира на основе диалога, конструктивного взаимодействия народов, стран и цивилизаций. Успех решения задачи зависит от своевременности и эффективности новых форм и механизмов поддержания мира, адекватных степени угрозы военного самоуничтожения на Земле.

В аналитико-футурологическом мыслительном процессе, направленном на поиск ответов на вызовы новой эпохи, серьёзную роль призвана сыграть историческая наука с её возможностями ретроспективного изучения процессов становления, развития и опыта миротворчества, обеспечения этноконфессионального согласия, организации межкультурного диалога, начиная с преисторических начал до наших дней. Значимость обращения к такому опыту в теоретическом и практическом, ценностно-ориентационном, духовно-нравственном смысле неизмерима.

Ценность усвоения уроков истории в том, что и в прошлом решались задачи, связанные с трансформацией конфликтной реальности, поиском стабильности, преодолением конфронтационного, агрессивно настроенного сознания, культа войны. В современной исторической науке превалирует постулат о многослойности прошлого и отсутствии единой истории. Но тезис о множественности историй и бесконечности их интерпретаций не отменяет органической связи прошлого, настоящего и будущего. Будучи формой самосознания общества, история чутко реагирует на современные проблемы, и чем эти проблемы масштабнее, тем ощутимее сила влияния энергии истории на состояние всего сущего, начиная от конкретной личности человека до мирового социума¹. «Провозглашённый было конец истории не наступил ни в прошлом веке, ни в нынешнем. История, однако, споткнулась, «время вывихнуло сустав», в мире совершается универсальный переворот. Меняется само представление об истории как осмыслении былого, будущее становится важнее прошлого, прогнозистика вытесняет летописание, эхо событий уводит за горизонт. Поток времени, вливаясь в океан коллизий, размывает русло общей судьбы, образует дельту, разделяясь на всё более многочисленные протоки и сюжеты». Искусство аналитика в этом контексте — угледать в этом сложно-противоречивом разнообразии прошедшего, настоящего и будущего вектор истории². Вот почему вопросы войны и мира, миролюбия и агрессивности, сотрудничества и противоборства, согласия и междоусобицы были неизменными пунктами «повестки дня» с древнейших времён. Это связано с извечными поисками ответа на вопрос о том, какое из

---

¹ См.: *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. — М., 2004. — С. 10, 207.

² *Некlessа А. И.* Мир как корпорация людей // Независимая газета. — 2018. — 19 июля.

начал движет людьми и судьбами народов — конфликт, «война всех против всех», классовая или социал-дарвинистская, борьба за выживание или отношения солидарности, взаимопонимания и взаимоуважения.

Конфликтологи такое противостояние позиций называют борьбой двух парадигм мышления — консенсусной (интегративной) и конфликтной. Сопоставляя и соизмеряя смысл и результаты разных ценностных явлений и состояний с позиций каждой парадигмы, человеческое сообщество неизменно подходило к выводу о приоритетной важности определения мирной формулы «модуса вивенди», усиления гуманистического и интегративного потенциала. Поэтому принципиально важно включить в социальную практику поиск ответов на вызовы времени, исторический опыт и традиции осуществления цивилизационных перемен на мирных основах, ведения диалога и организации сотрудничества народов, смягчения, минимизации насилия, трансформации философии войны и насилия в философию мира и созидания. Опыт творения народами рациональных и самобытных укладов жизни, развитых форм культуры, государственности и цивилизации оценивается в качестве эффективной формы интеллектуальной инвестиции в современность как важнейший стратегический ресурс динамичного, устойчивого развития мирового сообщества.

Отмечая неопределимую роль истории в формировании гуманистически ориентированной личности, миротворческого сознания молодых поколений, особенно в становлении нового, справедливого и демократического, мирового порядка, Генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999) Ф. Майор в выступлении в Норвежском Нобелевском институте 22 ноября 1995 года сформулировал программную задачу: «умиротворение» истории. «Если бы помнили, — говорил он, — что история — вещь не безобидная, она продолжает убивать и спустя столетия после таких событий, как битва при Косово, имевшая место в XIV веке, мы пришли бы к пониманию того, что в дополнение к тем подходам к разрешению конфликтов, которые перечислены в статье 33 Устава ООН, необходимо ещё разоружение истории. «Умиротворение» истории — вроде того, что произошло в Западной Европе за последние три десятка лет...»¹ В Программе ООН «Повестка дня на XXI век» расширение зон мира, согласия и взаимодействия, погашения «горячих этнических точек» и «умиротворения» планетарного сознания определена в качестве центральной задачи.

«Умиротворение» истории имеет широкий смысловой диапазон. Это прежде всего «демократизация», гуманизация и либерализация истории, т. е. преодоление перекоса в осмыслении истории, когда идеализировались революционные (насильственные) методы в ущерб эволюционным, реформаторским методам преобразования экономических, социально-политических систем, формирования образа жизни, решения национальных проблем, «иде-

---

¹ Культура мира и демократии. — М., 1997. — С. 23.

ологизации» сознания. В учебниках истории конфликты и войны, в т. ч. межэтнические, зачастую освещались предвзято и необъективно, вся тяжесть вины за их развязывание перекладывалась на плечи противной стороны, в радужных тонах представляли воители и политики своей нации, страны. Значение военно-политических аспектов конфликтов, разъединяющих народы, неоправданно гипертрофировалось, при этом затухала роль интегративных, объединительных тенденций, диалога культур и цивилизаций. Прославлялись собственные победы и национальные герои на фоне преуменьшения заслуг армий и героев других наций. Военная тематика представлялась наиболее эффективным плацдармом воспитания мужества, отваги, героизма, патриотизма. Война оценивалась не иначе, как искусство. Понятно, что подобная «подсветка» истории способствовала формированию устойчивых и одновариантных — агрессивистских, борьбистских стереотипов и стандартов мышления и поведения многих поколений. Приверженность философии, идеологии и логике войны, выбору силовых методов и ресурсов на длительное время предопределяла содержание и вектор исторического развития человечества.

«Умиротворение» истории означает возвращение статуса первичности духовности, культуре и сознанию. Культурная доминанта, фактор гуманитарности и нравственности лежат в основе исторического прогресса: чем меньше культуры, тем конфликтнее и нестабильнее общество. Развитость культурной «экипировки» человека и степень одухотворённости народа составляют фундамент единства, стабильности, силы и величия государств. Сообщество современных «продвинутых» стран, обнаружив отставание в военной, технологической, информационной сфере, прибегает к интеллектуально-образовательной интервенции, часто равносильной культурным революциям, обеспечивающим восстановление нарушенного баланса сил. Именно культурные революции являются ресурсом стратегического преимущества и открывают историческую перспективу. ЮНЕСКО в этой связи определила XXI век как столетие гуманитарной интервенции в области образования, науки, культуры и информации.

«Умиротворение» истории — это восстановление полноты картины прошлого, послы о необходимости изучения опыта созидательной деятельности человечества, наиболее важной и одновременно труднейшей формой которой всегда было творение мира. Этот опыт многогранен и многолик. Он состоит из реального вклада каждой национальной единицы, этноса и народа в общечеловеческий миротворческий капитал. Включение потенциала национальных историй, где сконцентрирована народная мудрость, стратегии, методики и традиции достижения компромиссов, соглашений и консенсуса между этносами, народами, приверженными разным «богам», идеалам и ценностям, — важнейшее условие успешной трансформации человечества, его перехода в эру мира, согласия, диалога и сотрудничества.

«ПОВОРОТ К КОРНЯМ»: ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА

История — самый величественный и самый священный гимн народа. В него нельзя вламываться с топором.

М. Д. Скобелев

Традиции — это то, что забыли сыновья, стараются вспомнить внуки.

Закон Эйлис Росси

Для чего нужна история? Ведь это не материализованный продукт, ценность которого можно «взвесить», определить в параметрах меры весов. Но если бы история имела «стоимость», переводимую в денежно-золотой или иной прагматичный эквивалент, её реальная ценность потеряла бы уникальную значимость. Как нельзя определить материализованный вес культуры, искусства, музыки¹, так историю невозможно оцифровать в материальном исчислении.

История — категория духовная. Но она участвует в преобразовательных процессах всего окружающего мира — природы, общества, людей. Она — постоянная величина в переналадке эмоционально-чувствительного начала, мыслительного аппарата, политического настроения, нравственного самочувствия. Она незримо влияет на все стороны Бытия. Степенью «вооружённости» историзмом (историческим опытом, историческим стилем мышления) во многом предопределяется гносеологическая (греч. *gnosis* — знание, познание), онтологическая (греч. *ontos* — сущее) и эвристическая (греч. *heurisko* — отыскиваю, нахожу) способность каждого индивида и человеческого сообщества. Величина совокупного интеллектуального, культурного, технологического, экономического, военного, информационного потенциала человечества напрямую зависит от способности превращать однажды возникшую искру интереса к прошлому в неистребимую социальную потребность. В этом смысле всемирная история — это движение пытливей мысли от мифологического до современного уровня историосознания. Если исходить из того, что главной движущей силой истории является желание «превратить сказку в быль», становится понятной генетическая «влюблённость» народов в собственное прошлое, их желание возродить память, вернуть прошлое, вступив в диалог с наследием предков.

Устремление мыслепотока в прошлое, переосмысление истории и поиск в ней «подсказки», ориентира или использование её в качестве ресурса для решения назревших экономических, социальных, политических, культурных и иных задач обычно служит приметой поворотного, переломного времени. «Взрывом» интереса к истории отмечены периоды транзита, трансформа-

---

¹ Хотя есть классическое изречение «когда музы поют, пушки молчат».

ции общественных систем, государств и мирового сообщества в целом. Можно констатировать закономерность: чем масштабнее исторический разлом, тем острее и глубже интерес к «архиву времени», тем нужнее аккумулированный опыт поколений. Глубокий смысл и высшее предназначение «точек бифуркации» состоит не в механической смене трассы исторического движения, а в совершении революционного по масштабности и значимости ментального переворота, в изменении системы ценностей, мировоззренческих установок, стиля мышления, структуры общественного сознания и на этой основе корректировки — «выправления», а иногда и смены вектора исторического движения, уточнения целей, стратегий и приоритетов цивилизационного развития. Вот почему смена «вех», ценностных ориентиров, подобная сменам геологических эпох, невозможна без включения в трансформационные процессы энергетики историзма, мобилизации ресурса уроков истории.

Транзитная эпоха постмодернистских исканий, определяемая как глобальная межцивилизационная трансформация, также отмечена бумом интереса к истории от её семейно-родового до глобального масштаба. Этот феномен обозначен в науке как «поворот к корням», «возврат к истокам»¹. Идёт активная аналитико-исследовательская работа не только в порядке заполнения «белых» или «чёрных пятен» истории, но и в контексте нового её прочтения, более глубокого переосмысления пройденного и свершённого, обрётённого и потерянного. В неё втянуты не только профессионалы: «ревизия» истории приняла поистине массовый, всеохватный характер.

В полную силу развернулась работа исторической мысли в глобальном масштабе. В этот процесс включена интеллектуальная мощь современности: от введения в оборот семейно-родовых архивов, национально-государственных секретных документов, открытия новых экспертно-аналитических центров и исследовательских школ до мобилизации возможностей компьютерной технологии и глобальной сети — Интернета. Порой кажется, что вся планетарная общественность занята выполнением одного, самого важного проекта современности по переосмыслению истории на-

---

¹ «Возврат к истокам» — понятие интернациональное, но не национальное или сугубо религиозное. При всей множественности форм и содержательной наполненности «возврат к истокам, к архаике, этическим традициям и ритуалам прошлого» как явление, процесс и движение имеет глобальный характер. Это объясняется тем, что причиной современного общецивилизационного кризиса является возникновение дисбаланса, резкого противоречия между инструментальнотехнологическим (и военным) могуществом человечества и его нравственным состоянием, между двумя типами сознания агрессивистской («пещерной») и миротворческой (современной). В этом контексте является нравственность, этика, духовность получают статус витального кода жизнеспособности человечества, а программа формирования новой планетарной этики на основе возвращения апробированных ценностей архаики, традиционализма, исходно-корневого создаёт предпосылки для его самосохранения и дальнейшего развития.

родов, стран, человечества. Только за 25 последних лет прошли две волны модернизации учебников истории в системах образования Европы, США, Латинской Америки и Азии. За это время Россия пережила три волны переадаптации стандартов обучения в системе образования по историческим дисциплинам. История превратилась в поле самой разнообразной интеллектуальной деятельности: «битвы» за правду, выяснения первопричин былых конфликтов, трагедий, катастроф¹, но одновременно и «умиротворения» прошлого и настоящего, поиска ресурсов дальнейшего развития. Исторические, историософские, историографические сюжеты предваряют презентацию новых концепций, экономических программ и проектов, анализ социокультурных феноменов, сложнейших явлений и процессов эпохи трансформации. Историческое обоснование, исторические параллели — обязательная атрибутика важнейших международных документов: договоров, пактов, соглашений, коммюнике. К истории апеллируют элиты современных политических пертурбаций и движений². К историческим аргументам обращаются лидеры политических партий, народов, стран и коалиций государств при обосновании программ и доктрин развития, при формулировке национальных интересов и приоритетов внутренней и внешней политики. История всё больше становится ресурсом политики, политических технологий, ключом к власти.

В США эта тенденция определяется как всепроникающий *storytelling* (повествование). Она «расцвела» в 1980-е, во время президентства Рональда Рейгана, когда в официальных речах политиков на смену статистике пришли логика и аргументация истории. С тех пор история для американской элиты, причём не только политической, но и интеллектуальной, включая бизнес-элиту, превратилась в формат дискурса, в своего рода «обязательную дисциплину». Американский образец «вбивания» истории в человеческий мозг постоянно совершенствуется. Так, в десятиминутном представлении журналистам министров по поводу своего вступления на пост президента Джордж Буш слово «история» употребил десять (!) раз. Барак Обама вообще «блистал» знанием законов истории, вводя в оборот элементы narra-

---

¹ Так, в Евросоюзе процесс объединения грозит откатом назад в силу обострения споров исторического характера. Алжир представляет счёт французам за колонизацию столетней давности, Латинская Америка вспоминает грехи конкистадоров и отыгрывается на их потомках, потомки африканцев выигрывают миллионы у белых американцев, русские припоминают полякам злодейство, польская центральная газета печатает радостную статью, что в XXII веке русских вообще не останется. Киев, исходный исток российской цивилизации, в писаниях «самостийных» историков становится нераздельной украинской исторической собственностью. В Эстонии объявлена «война» против правды истории Второй мировой, её самой священной страницы — истории Великой Отечественной войны...

² «Бархатные», «оранжевые» и иные «цветные» революции, потрясения и перевороты, охватившие постсоветское геополитическое пространство, идеологически были оформлены как акты восстановления исторической справедливости.

тива для обоснования «виражей» внешней политики. Дональд Трамп объявил себя «отцом нации» не без заявки на возвращение потерянной исторической мечты.

Для России история — важнейший из трёх опорно-несущих столпов, наряду с географией и геополитикой. Своеобразный духовный «иконостас». Историческими сюжетами заполнена текстовка президентских посланий, обращений, выступлений¹. История, будучи информационно-технологическим инструментом апелляции к сознанию, становится мощнейшим ресурсом ведения «анти-войны» и отстаивания национальных интересов страны в условиях её внешнеполитической изоляции.

Наиболее успешно история введена в класс «тяжёлых орудий» в Китае. Мудрость истории — философское ядро концепции «мирного возвышения Поднебесной к глобальному лидерству. У китайцев самая длинная (более 10 тыс. лет), полная (в ней нет вырванных или «отрихтованных» страниц) и одухотворённая история. Отсюда специфика китайского стиля мышления — глобально-исторического, да и стратегия развития измеряется не без учёта опыта тысячелетий.

В общем, надо согласиться с тем, что история становится универсальным ресурсом достижения национальными элитами своих стратегических и тактических целей (политических, коммерческих, информационно-технологических, военных). К истории часто обращаются в поиске формул согласия для развязки конфликтных узлов, погашения «горячих точек» на планете. История — «поле боя» и одновременно сад любви человечества. Вот почему неточность или некорректность обращения с историей, её документами и фактами, а тем более её фальсификация, могут служить катализатором напряжения, ухудшения климата в межнациональных, межконфессиональных и даже межгосударственных отношениях². Так же, как уважительное отношение к истории, осмысленное пользование её плодами — шаг, приближение человечества к мудрости.

Автор не собирается давать развёрнутую оценку феномену «поворота к корням» в категориях «хорошо» или «плохо», ограничившись ремаркой, что историзм как стержень мыслительного процесса и базовый элемент мировоззрения становится приметой эпохи. Формат и цели исторической рефлексии, воз-

---

¹ «Послание-2018» являет собой образец введения в концепцию развития страны ресурса истории.

² Резкое осложнение взаимоотношений между двумя соседями — Японией и Китаем — лишь один из множества примеров событий, причиной которых являются «взрывы» исторических «мин», заложенных в ходе «смутных» времён, выступавшие формой компромисса, победы или поражения некогда противостоявших сторон. Так, поводом для начала информационной войны и дипломатических демаршей стал выпуск учебника по истории Японии, где претензия на часть китайской территории обосновывается историческими аргументами. Китай не остался в долгу: ответил «взрывом» антияпонских исторических публикаций.

врата к историческим корням различны¹, поэтому последствия этого феномена неоднозначны. Дело в том, что историческое «пробуждение» приводит в движение самые тонкие нервы национального, этнокультурного, религиозного, регионального и цивилизационного сознания. Оно нарушает привычный строй мыслей и устоявшиеся стереотипы в когнитивном пространстве. Вскрываются дремавшие в глубинах исторической памяти факты (односторонних, двусторонних, многосторонних) обид, унижений, несправедливостей, которыми полна история. Исторический ренессанс не только «освежает» — обостряет их. Он настраивает если не на сведение старых счетов, то на восстановление справедливости, былого величия, национальной гордыни. Настрой на подобную ревизию может материализоваться в самых неожиданных вариантах: в форме революций и террористических актов, национально-освободительной войны и сепаратизма, экстремизма и религиозного фанатизма, вспышек ксенофобии и расизма, ультранационализма, интеллектуального, экономического и духовного прорыва.

Многие современные завалы и тупики в сфере межкультурных, межнациональных, межконфессиональных и межгосударственных отношений потому и образовались, что на стыке тысячелетий обозначилось ментальное явление: пересмотр итогов деятельности предыдущих поколений, стремление «поправить», «улучшить» историю культур, религий и народов, проигнорировать неудобные факты и события прошлого. Начался поиск аргументов, чей хан, князь, государь или царь был храбрее и мудрее; чья культура «выше», а чья «ниже»; какая из религий толерантна, а какая агрессивна; кто первым встал на тропу войны... Независимо от конкретики, обращение к корням обостряет проблему идентификации личности, народа, страны.

Почему это происходит? Да потому что процессам восстановления исторической памяти, активизации исторического самосознания присущ взрывной характер, ибо создается мощная историческая энергетика. Она подпитывает и усиливает не только цивилизационно-преобразовательные процессы, но порой ускоряет прорастание всходов национализма, ксенофобии и религиозной нетерпимости. Примером тому является сериализация террористических актов, совершаемых в церквях, местах паломничества и религиозных святынь.

Многовариантность и противоречивость природы «поворота к корням» усиливаются кондоминиумом тенденций мирового

---

¹ Одной из форм такого «поворота» становится и традиция проведения исторических юбилеев городов, рубежных исторических актов и событий, гражданских, национальных и религиозных праздников, которые по своей изначально-генезисной, этноконфессиональной, культурно-цивилизационной, т. е. сложно составленной, природе вызывают неоднозначные эмоции, оценочные суждения. Однако они, даже порой поляризуя массовое сознание, восстанавливают историческую память, активизируют интеллектуальную жизнь общества.

развития: глобализации, регионализации, усиления культурно-цивилизационного многообразия, миграционного «бума», роста конфликтного потенциала в мире, усложнения отношений между народами, культурами, цивилизациями и государствами. Все эти явления имеют причинность и закономерность, сохраняя автономность и самостоятельность. Но в рамках эпохи разлома оснований цивилизации — «всемирной смены ценностных порядков» они образуют диалектическую смесь единства в многообразии, затрудняя процессы осмысления феномена поиска «корней» и усиливая непредсказуемость последствий исторического «пробуждения». Так, глобализация, стимулируя многообразие во всех сферах общественной жизни, вызывает ответную реакцию самозащиты в форме консервативного традиционализма, религиозного и ценностного фундаментализма, национализма, этноренессанса. Терроризм, который спекулирует на идеологии и практике антиглобализма, также является формой расплаты за цивилизационную динамику и универсализацию мирового сообщества, за однолинейно-западную социальную и геополитическую направленность современного этапа глобализации.

Действительно, глобализация, особенно в её западном варианте, несёт в себе опасность подавления энергии «истоков» национального, культурного, языкового, религиозного, психологического, ментального и видового многообразия. Суть глобализации в том, что оформляется планетарное мировое сообщество, где взаимозависимость приоритетнее дифференциации, автономности, суверенности. Возрастает роль тенденций, механизмов и институтов сближения, объединения. Но одновременно и параллельно с этими процессами ослабевает привязанность людей к своим ареалам проживания и происхождения, территориям — единственным источникам воспроизводства национального образа жизни, миротворческих традиций и духовности.

Вынужденный «отрыв» огромной массы людей, целых народов от своих исторических корней в науке рассматривается как «разрушение оснований замкнутости» (*Э. Шилз*). «Необходимо чётко осознавать, что речь идёт о разрушении веками формировавшихся принципов взаимодействия в этническом биологического и социального, о разрушении особенности культур, своеобразия биосоциокультурных пространств»¹. Тех просторов, «в которых судьбы... повёртываются к целительности родины, или к губительной безродности, или уже к равнодушию перед лицом обеих» (*М. Хайдеггер*). Сознание опасности равнодушия к родине и губительной безродности становится доминирующим настроением в современном глобализованном мире. Его ясно отражает А. Филиппов в послесловии к книге У. Бека, озагла-

---

¹ Козлова О. Н. Этничность человечества: пространство бытия и быта народов // Социально-гуманитарный журнал. — 2003. — № 5. — С. 75.

ленном «Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места»¹.

Это, конечно, гиперболизация угроз глобализации. Многое будет зависеть от степени «вооружённости» историческим опытом формулирования ответов на вызовы интернационализации (глобализации), накопленным человечеством в течение тысячелетий. Дело в том, что глобализация в целом, как и глобализация в культурной области, не уникальная новация современной эпохи. «Процесс глобализации протекает теперь уже более пяти столетий, на самом деле он берёт начало с того момента, когда человек достиг мастерства в навигации. Но то, что происходит ныне, — это полное драматизма ускорение процесса глобализации, что является сложной проблемой, требующей массированного ответа. Этот ответ должен даваться с должным уважением к культурному разнообразию и идентичности этому бесценному компоненту, в котором и состоит подлинное достоинство наших многих народов»².

Регионализация — одна из форм ответа на вызовы глобализации. Она выливается в процесс выхода на арену самостоятельного творчества новых субъектов, новых акторов — народов, локальных сообществ и регионов. Многие из них в силу целого ряда причин были в стороне от главной артерии общемирового цивилизационного развития и поэтому в наибольшей степени заинтересованы в возврате к целительным истокам бытия и истории малой родины. В обращении к историческим корням, в восстановлении этнокультурных традиций, в апеллировании к опыту предшествующих поколений они ищут способы адаптации к сложности, противоречивости и динамике трансформационного времени, усматривая в нём ресурс самоидентификации, самоопределения и самоутверждения³. Общим знаменателем форм реакции на глобализацию выступает возросший интерес народов и региональных сообществ к прошлой и будущей судьбе своей цивилизации, культуры, к своей аутентичности и идентичности.

Однако регионализация открывает «шлюзы» для многих вариантов действий. На глобальном уровне новые субъекты мировой политики (государства или государственные образования в рамках федераций), получив более высокий политический статус, нередко, обладая мощным энергетическим, природно-ресурсным или лидерским потенциалом, испытывают самые различные соблазны, например, соблазн потребовать компенсации «отнятого», «завоёванного», «присвоенного» или наращивания своей мощи путём военизации экономики, милитаризации общества, установления диктаторских режимов. Своими действиями они зачастую

---

¹ Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001. — С. 283.

² Мацуура К. Фактор надежды. — М., 2000. — С. 23.

³ Соланж Б. Народы пишут свою историю // Новый курьер ЮНЕСКО : спец. вып. — 2004. — Янв. — С. 76.

серьёзно усложняют архитектуру международных отношений, усиливают нестабильность в мире, подталкивают к новому витку напряжённости.

На региональном уровне процесс исторического «пробуждения» народов, культурного возрождения, рост национального самосознания и восстановления исторической памяти также протекает неоднозначно, противоречиво и вариативно. При этом он имеет ряд особенностей, затрудняющих работу мысли и действий у народов, имеющих обрывы, разрывы в ткани исторического самосознания. Так, коллективная память российского общества в целом и его русской части принципиально отличается от коллективной памяти других народов, составлявших имперскую Россию, Советский Союз. Особенно это характерно для народов, пострадавших от репрессий, русификации, христианизации, депортации, у которых события такого порядка составляют один из опорных моментов национальной консолидации, протекающей «от противного».

Таким образом, регионализация вызывает к жизни мощный поток эмоций, явлений, движений, инноваций, стремительно меняющих темп исторических преобразований, задающих новый вектор цивилизационным переменам. Поэтому как исход всемирной трансформации, так и вся перспектива эволюции человечества во многом будет определяться уровнем исторического самосознания, состоянием духовности, величиной культурного слоя народов и регионов мира. Превращение регионального «бума» в культурный ренессанс и всесторонний расцвет регионов, превращение регионов в прогрессивные и демократические субъекты мировой и региональной политики создадут, на наш взгляд, предпосылки для вступления мирового сообщества в новую фазу исторического развития. Главным условием и содержанием такого перехода является смена ценностных и мировоззренческих систем, а стало быть, политических, экономических, социальных и внешнеполитических ориентиров в пользу утверждения идей, норм и принципов демократии, культуры мира, мирного сосуществования и соседствования, диалога и сотрудничества народов, стран и цивилизаций.

Однако этот переход не может быть единовременным актом. Освоение ценностей постиндустриальной цивилизации, философским ядром которой являются культура мира, толерантность, этноконфессиональное согласие и диалог цивилизаций, будет протекать легче и интенсивнее там при наличии объективных исторических предпосылок. Наиболее подготовленными «площадками» и пионерами такого перехода являются регионы, которые обозначают себя как «точки роста». Они превращаются в модернизационные центры. Именно там, в зонах «малых родин», где берут начало истоки парадигм нравственности, духовности народов мира, рождаются не только образцы высоких технологий, но и формулируются ответы на многие вызовы времени. В них аккумулируется опыт, усиливается потенциал толерант-

ного стиля мышления и исторического действия, создаются неконфликтные модели цивилизационных перемен («татарстанская модель» в России, «швейцарская модель» в Европе, модели «экономических чудес» и интеллектуальных прорывов «азиатских тигров»).

Регионализация — явление столь же историческое, как и глобализация. Оба явления — это форма и суть объективных тенденций к интернационализации и дифференциации, интеграции и федерализации, развитию и взаимодействию центростремительных и центробежных сил. Поэтому насколько опасно упрощать или односторонне оценивать глобализацию, настолько опасно и методологически неверно сводить регионализацию лишь к восстановлению «иссохших» исходных корней, поиску национально-региональной идентичности, возобновлению процесса жизнедеятельности территорий.

«Парадокс в том, — отмечает И. Я. Левяш, — что известные регионы — территории, но далеко не всегда территории — регионы. У них — предыстория тысячелетий существования и эволюции внешне связанных, но самодостаточных «одноклеточных» макрокосмов. Регион как культурно-цивилизационный феномен обретает смысл только в контексте глобализации. Являясь относительно самостоятельным, регион абсолютно не самодостаточен как подсистема глобальной целостности и вне её взаимосвязи и взаимообусловленности — просто территория»¹. Речь идёт не только о разных масштабах проявления или пространственного «господства» этих двух тенденций, а об их разных предметах и целях — смыслах воздействия. Глобализация более связана с цивилизацией, а регионализация — с культурой»².

Регионализация, являясь «последним прибежищем историко-культурной самобытности»³, «ядром» идентичности народов, тем не менее набирает историческую силу больше всего в коллизии процессов интернационализации — глобализации. Институциональное напряжение между глобализацией (как движением к обезличенным универсалиям) и процессом национально-территориальной регионализации (как способом сохранения уникального в человеческой цивилизации) создаёт живую ткань общественного развития. Достижение динамичного равновесия между процессами глобализации и регионализации, несомненно, будет усиливать тенденцию устойчивого развития человечества.

Анализ феномена «поворота к корням» требует введения в оптику исследования и такого ментально значимого компонента, как национальный фактор. Это сверхважно. Дело в том, что «совре-

---

¹ *Левяш И. Я.* Россия в XXI веке: между роком геополитики и императивом глобализации // Россия и современный мир. — 2005. — № 10. — С. 10.

² См.: *Рац М. В.* Российский проект в глобальном контексте // Полис. — 2001. — № 6. — С. 167–183.

³ *Разлогов К. Э.* Российская культура: проблемы и решения // Свободная мысль. — 2006. — № 3. — С. 25–33.

менный мир двинулся в сторону национализма. Национальный вопрос не только актуализировался, он вышел за пределы своих привычно-рамочных берегов. Как в научно-концептуальном, так и в территориально-пространственном смысле. Он потребовал расширения арсенала средств, применение которых позволило бы эффективнее влиять на «вскипающее» этнонациональное (этнорелигиозное) настроение, «срезать» взбухающие пики этноконфессиональных конфликтов, понять логику массовых перемещений народов мира и эффективно осуществлять миграционную политику»¹.

С чем же связана нынешняя «национализация»? Где причины всплеска национализма? Может быть, разгорание «национального пожара», нарастание реактивно-революционного этнопротеста, «восстание этничности» (*В. Соловей*) объясняются лишь временным «скачком» в социопсихологических настроениях? Но крайний радикализм этнонациональной «мятежественности» (*Л. Медведко*) и «вселенскость» её масштабов наводят на мысль о выходе, казалось бы, уже «укрощённого» национального вопроса на иной уровень — на уровень многофакторной сложности. Нациовопрос обрёл форму виртуального «вируса», проникающего во все клетки общественного организма и вызывающего к жизни неоднозначные явления-процессы. Эта особенность исторической памяти способна реанимировать факты — эпизоды былых обид, унижений, воспламенить память и возжечь «войну» за восстановление утерянной независимости, исторической правды, перекройку границ. Она же может решение любого вопроса (процесса) социального, политического или экологического характера облечь в этнорелигиозную форму. В условиях незавершённого исторического транзита, да, собственно, и в посттранзитную эпоху любая проблема, связанная с модернизацией или глобализацией, рискует получить этноконфессиональный или чисто национальный оттенок. Очевидно, в реанимации нациовопроса в новой энергетической оболочке помимо традиционных факторов участвуют более глубинные, связанные с социопсихологическими, ментальными, расовыми, гендерными, религиозными и культурно-цивилизационными различиями и многими ещё не известными факторами причины.

Человечество уже апробировало множество форм и типов организации коммуникаций, взаимодействия людей в гетерогенных, сложносоставленных в этнокультурном и культурно-цивилизационном смысле обществах. Опыт их жизнедеятельности обобщён в теориях этноплавильного котла («американская гражданская нация»), интернационализации народов («советский народ»), мультикультурализма и диалога цивилизаций европейско-

---

¹ *Тагиров Э. Р.* «Восстание этничности» — знак эпохи разлома истории // Современные гуманитарные практики гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. — Казань, 2017. — С. 161–165.

го образца. Каждая из этих моделей человеческого общежития имеет свои плюсы и минусы. При этом каждая из них имеет ещё не использованные ресурсы и возможности самовыражения. Можно даже утверждать, что потерпели неудачу не сами идеи, а их «материализованные» варианты. В любом случае они уже не вмещают в себя сложную гамму повседневностей многонациональных человеческих сообществ эпохи трансформации. Для выработки нового типа взаимоотношений в гетерогенизирующихся сообществах необходимо новое прочтение, «переоткрытие» феномена этноса.

Становится ясным, что для выяснения природы феномена перерождения нациовопроса в транспроблему требуется междисциплинарный мозговой штурм, выход науки за рамки первично-познавательных границ. Ибо речь идёт не просто о «возвращении» национального фактора в «реку Истории», а об обретении им новой, более значимой роли. В литературе для характеристики этого феномена часто прибегают к эмоционально-публицистичному стилю: «этнобесие», «нациовзрыв», «новый крестовый поход наций», «этноренессанс»... Упомянутые определения высвечивают ту или иную грань многогранного явления. В любом социальном негативе (ксенофобии, нацизме, расизме, терроризме, экстремизме), в самых разнообразных по характеру и масштабам революциях, покрывших густой сетью шар земной, в каждом варианте противоборства (в «горячих точках», «конфликтах цивилизаций» и «геополитических войнах»), в прогрессирующем росте числа сепаратистских и трайбалистских движений, так же, как и в набирающем силу регионализме, автономизации и федерализации, — во всём этом клубке событий, явлений, тенденций несложно обнаружить искомый этнонациональный (этноконфессиональный) «след».

Особенностью нынешнего, третьего «осевого времени», в отличие от первого, является то, что если тогда агентами истории были роды, племена и формирующиеся народности, то теперь главными действующими лицами являются нации. Нации — это не «фетиш», не «мираж» и не «блики в сумраке», а локомотивы, тянущие цивилизацию в мир постиндустриализма. Нациоединицы под напором глобализационных волн «рождают» ответные явления, в чём помимо прочего проявляется феномен растущего многообразия мира. Этот феномен многомерен, многоаспектен. Одним из его показателей является рост числа наций: если в середине XX века их было приблизительно полторы-две тысячи, сегодня их более четырёх тысяч.

Приметой растущего многообразия является активизация процессов диффузии (дробления) мировых культур, религий, цивилизаций¹, в т. ч. и по этнонациональному признаку. Ми-

---

¹ При этом различия-противоречия внутри этих сообществ выражаются более активно — радикально, чем между самими мировыми культурами, религиями, цивилизациями.

грационно-иммиграционные потоки¹ также в большей степени формируются, консолидируются вокруг того или иного этнонационального стержня. По этому же принципу создаются анклав-ы, диаспоры.

В XXI веке мы прощаемся не с национальными величинами — важнейшими составляющими человеческой цивилизации и её ценностным ядром, а с устаревшими представлениями о них. Да, нация — это исторический продукт индустриальной эры. Но её нельзя ни «забыть», ни «отменить», ни объявить «изгоем», к чему призывают рьяные постиндустриалисты. Каскад вспышек расизма, ксенофобии этноцентризма, радикального национализма и терроризма — это расплата как за пренебрежение, недооценку, ошибки в этой тончайшей и весьма деликатной сфере — сфере национальных (межнациональных) отношений, так и за отставание уровня осмысленности, распознанности феномена «восстания этничности». Нужна ли мобилизация энергии интеллекта, ума для удержания раскалённой магмы в пределах воронки нациократера? Есть ли смысл продолжать движение к нациокорням и постигать уроки из опыта прошлого, если да, то почему?

Во-первых, потому, что человек входит в человечество через нацию. Он рождается в конкретной национальной «оболочке»: французом, татарин-ом, чувашем, русским, евреем и т.д. Это то, что относится к естественному праву. Национальность — предмет гордости (если мы имеем дело не с манкуртом). Национализм в этом смысле — это право нации и конкретного человека на реализацию своей свободы. При этом он сын своего народа, большой страны и только потом гражданин мира. То есть национальность — это реальность и в гражданском, и в политическом смысле, и с ней опасно не считаться. Во-вторых, национализм — это прогноз на завтра. Спектр прогнозов простирается от мировой катастрофы до всеобщего счастья. Может быть, национализм существует в воображении, но нации ни в прошлом, ни сегодня не желают признавать себя продуктом воображения. Даже если «они существуют только в нашем коллективном воображении», — отмечает уже упомянутый нами молодой израильский историк Юваль Ной Харари, — но мощь их чрезвычайно высока. Пока

---

¹ В настоящее время за границами страны своего рождения в мире проживает около 200 млн человек. И это количество будет лавинообразно нарастать. По прогнозам ООН, к середине XXI века численность мигрантов увеличится как минимум ещё на 190 млн человек. Наступило время ещё одного эпохального переселения народов. Речь о цунами мигрантов в Европу. Это не радостное известие, ибо на пути движения народов в иные миры есть и будут другие его последствия. Идёт двухсторонний процесс: «отток» мозгов, интеллекта и финансов из Ближнего Востока в Европу и «опустынивание» ближневосточного континента. Европа при этом не просто этнически «посмуглеет», что естественно вызовет межэтническую, межкультурную напряжён-ку, но и «перегрузится» от демографического веса: к 2025 году там будет проживать 0,5 млрд человек. Ближний Восток с его пониженным культурным, интеллектуальным и этнорасовым тономусом может «войти» в фазу этнопле-менных разборок.

миллионы немцев верят в существование германской нации, приходят в волнение при виде национальной символики, пересказывают немецкие национальные мифы и готовы жертвовать деньгами, временем и жизнью во имя германской нации, Германия остается одной из самых могущественных стран мира»¹.

И, наконец, ещё об одном факторе, несомненно влияющем на содержание и динамику феномена «поворота к истокам». Речь о явлении, определяемом как «возвращение Бога». Иногда его именуют как феномен «триумфа Бога» или «Реванша Бога»². Это весьма сложная проблематика, требующая глубокого и специального анализа³. Применительно к нашей миротворческой, специфической проблематике важно отметить лишь следующее. Во-первых, не «Бог возвращается», а люди движутся к Нему (Бог никуда не уходил). Во-вторых, каждый из них возвращается к своему Богу. И не только в плане общемирового конфессионального предпочтения своего духовного Первоначала, а в контексте диффузии (распыления) мировых религий внутри себя на многие сотни ответвлений. Отсюда плюсы и минусы в оценке значимости «бума» религии в контексте целей «поворота к корням». Религия не только страж-охранитель духовных ценностей — традиций, но их возбудитель. Её миссия — в возрождении и их адаптации к вызовам эпохи трансформации. На решение задачи «поворота к корням» она влияет специфически, не прямолинейно. Исходить надо из той закономерности, что поток энергии феномена «возвращения к истокам» многогранен и состоит из многих компонентов: региональных, национальных, духовных, культурных...

Представляется, что именно в контексте такое широкое понимание особенностей и перспектив «поворота к корням» диктует императивность поиска новых подходов к осмыслению санирующего эффекта, мудрости и назидательности опыта, накопленного предшествующими поколениями, освоения новых технологий анализа крупниц исторического материала, национальной и всемирной истории.

В такой актуализации проблемы воссоздания полной и объективной картины исторического прошлого в принципе ничего сверхъестественного нет. Овладение мудростью и ценностью исторического капитала всегда являлось метаидеей народов. Но

---

¹ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. — М., 2018. — С. 438–439.

² О религиозации сознания, повышении интереса к этому феномену свидетельствует и то, что в русскоязычном секторе Google слово «религия» встречается в 11 700 тыс. документах (на 01.07.2016). См.: Вопросы философии. — 2017. — № 4. — С. 29.

³ См. об этом подробнее: *Набиев Р. А.* Власть и религиозное возрождение. — Казань, 2014; *Ибрагимов Р. Р.* Власть и религия в Татарстане. — Казань, 2006; *Мифтахов Ф. Ф.* Этноконфессиональная политика в российском обществе на этапах перелома истории. — Казань, 2017; *Тагиров Э. Р.* «Восстание этничности» — знак эпохи разлома истории // Современные гуманитарные практики гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. — Казань, 2017.

человеческому сознанию свойственно возведение границ между познанным и непознанным. Поэтому оно каждый раз заново ставило перед собой задачу добраться до глубинных истоков истории, которые, как бы воплощаясь в бесчисленном множестве потоков, вновь ускользали от направленного взора, который был не в силах уместить всё богатство истории в рамках исследовательского фокуса. Мы и сегодня вынуждены констатировать множественность тайн, загадок, неясностей, неизвестностей и непредсказуемостей как в мировой истории, в складках, изгибах и морщинах которой огромная глыба не тронутых вниманием исследователей пластов, срезов, наслоений, так и в составляющих её частях — национально-региональных историях, где остаётся много неизведанного. Ведь и представители блистательной плеяды историков древности, классический ряд мэтров и талантливые историки новейшей генерации жаловались, что история — это мрак, и её занавес лишь приоткрыт.

Но следует ли делать из этого трагедию, признаваясь в интеллектуальной неполноценности, инновационной неспособности или слабости исторической науки? Скорее всего, надо согласиться с тем, что история безмерна, безгранична во времени и пространстве, многогранна, мозаична в своём содержательном наполнении, и потому всякомудвигающемуся ей навстречу дано видеть лишь ограниченную её ипостась, грань. Очевидно, каждое поколение историков будет пытаться по-новому открывать глубинный философский смысл истории, «схватить» из её мощного и масштабного потока ту часть драгоценного материала, ту её сторону, которая зачастую остаётся за чуть приоткрытой завесой времени.

В прошлом и наука, и преобразовательная практика могли ограничиваться достижениями частного порядка, шаг за шагом осваивая бездну истории, поэтапно расшифровывая код универсальности инструментального предназначения её опыта. Ограничиваясь аналитическими возможностями главным образом формационной теории, задачу исторической науки исследователи сводили к изучению приоритетных, «материализованных» областей общественной жизни. Потому она излагалась как социальная, экономическая, политическая или военная (внешнеполитическая) история.

Большинство национальных исторических школ (в т.ч. и российской) традиционно были ориентированы на анализ преимущественно базовых сфер общественной жизни. В тени политической, экономической и иной событийно-отраслевой истории оставалась история эволюции интеллекта, духовных ценностей, ментальности, культурно-исторических типов и образа жизни народов в режиме их динамичного взаимодействия и взаимовлияния. Такой вульгаризованный материалистический подход к истории — пример «взгляда из туннеля» (*Дж. Хекстер*). Конечной целью исторического исследования является познание жизни реальных творцов истории — людей и народов во всём их

разнообразии или, если воспользоваться выражением, ставшим девизом школы «Анналов», создание «тотальной истории», т. е. панорамно-объёмной, полисюжетной истории.

Императивы решения современных проблем человечества, а также выработки глобальных футурологических прогнозов-сценариев его развития актуализируют задачу выхода из «туннеля», требуют реконструкции картины прошлого в полноформатном виде, изучения и «возвращения» в современную социальную практику опыта истории во всём его объёме, т. е. в его реальном масштабе. Речь идёт о необходимости создания интегральной модели изучения как универсальной («большой») истории человечества, так и истории конкретных народов и цивилизаций, причём в фокус исследовательского внимания должны попасть все сферы и формы жизнедеятельности, в т. ч. культура и философия миротворческой деятельности народов. Историческая наука нуждается в своеобразном переходе от микроскопа к телескопу, как образно выражался Марк Блок, пояснивший, что «микроскоп — прекрасный инструмент для исследований, но куча сделанных с его помощью слайдов ещё не является произведением искусства». Когда историк «отступает на несколько шагов», чтобы «разглядеть проблему, явление, феномен в целом, он сталкивается с гораздо более острыми проблемами интерпретации — необходимостью соединить множество сюжетов в связный рассказ, оценить значение различных факторов»¹. Необходимость расширения традиционного ряда базовых областей общественной жизни путём введения в него культуры, знания, науки и всей совокупности духовных ценностей как продукта — результата миротворчества — диктуется не только важностью восстановления «тотальной» целостности истории, но и особой значимостью феномена мира, миротворчества как фактора, придающего смысл всем другим видам деятельности, обеспечивающего процесс непрерывности и воспроизводства самой жизни.

Мы исходим из убеждения, что непрерывность и целостность всех форм жизнетворения, ценностное содержание единого исторического бытия во многом обеспечивались благодаря способности человеческого духа и разума сопрягать разнополярно заряженные начала и превращать их в единый исторический поток, направленный на развитие. Это достигалось благодаря умению вырабатывать и усиливать энергию толерантности, гуманитарности и миротворчества. Непрерывность нити истории — это результат стремления человеческого сообщества к солидарному взаимодействию и коллективному творчеству перед лицом постоянно усложняющихся и возрастающих в своих масштабах вызовов времени. Духовные, интеллектуальные усилия человечества по подавлению инстинктов агрессивности, воспроизводство «генов» мира и наращивание миротворческого потенциала

---

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — М., 2000. — С. 141.

являлись главным условием сохранения жизни как высшей ценности, продолжения исторического творчества людей во всех формах и сферах бытия.

Логика исторического развития убеждает в том, что миронастроенность, миронаправленность мыслей и деятельности, ориентир на толерантность, консенсус, согласие и взаимодействие оборачиваются, превращаются во вполне измеримую, осязаемую духовную и материальную инвестицию, в многообразные формы ценностного капитала. Установка на мир, политику взаимопользовательного контактирования с другими цивилизационными сообществами как во внутреннем, так и во внешнем измерении социума постепенно становилась моральным и материальным эквивалентом философии мира, противостоящей культу насилия. Такая трудная, сложная и противоречивая трансформация системы ценностей, движения от культуры войны и насилия к культуре мира и согласия обуславливала рациональность, прагматичность и эффективность всех сфер и направлений жизнедеятельности людей, народов и государств. Именно потому отнюдь не случайно, что по мере накопления жизненного опыта, исторической мудрости ориентация на мир, миротворчество, диалог и сотрудничество между людьми, народами и государствами постепенно возводилась в статус базовой этической нормы, всеобщей философской и сакрально-мировоззренческой ценности.

Значимость ориентации гуманитарных наук на специальное и системное изучение миротворческого опыта диктуется усложняющимся характером общественного развития, усилением его антиномичности и непредсказуемости. Принципиальное значение в этом плане имеет отказ от конфликтной модели анализа бинарных оппозиций (хаос и порядок, дезинтеграция и интеграция), переход к изучению истории в контексте модели мультикультурализма, интегрального взаимодействия и взаимовлияния народов, диалектики созидательного и разрушительного, интеграционно-объединительного и центробежного, техногенного и гуманитарного начал, а также иных разнополярных процессов-тенденций, в своём взаимопересечении образующих целостность глобальной человеческой общности.

На это обращают внимание и глобальные институты, ответственные за мирное, устойчивое развитие человечества — ООН и ЮНЕСКО. Совсем не случайно каждый год в XXI веке получает ту или иную миротворческую «маркировку»: Международный год культуры мира, Международный год диалога цивилизаций, Международный год сохранения историко-культурного наследия человечества, Международный год планетарного сознания и этики диалога народов, культур, религий и цивилизаций... В этом прослеживаются признаки всеобщего беспокойства по поводу перспектив человечества перед угрозами-вызовами новой нарождающейся эпохи, резко актуализировавшей задачу включения накопленного исторического миротворческого потенциала в трансформационные процессы современности. В итоговых документах,

принятых на прошлой юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2015), исторический опыт «умиротворения» народов, религий и цивилизаций обозначен в качестве условия выживания и стратегического ресурса дальнейшего развития человечества. Крупный вклад в реализацию этой нравственной установки внесли Международная научная конференция «Толерантность — «оливковая ветвь» человечества на этапе разлома истории» и Международный гуманитарный форум «Сбережение человечества как императив устойчивого развития». В том, что они в год 70-летнего юбилея ООН — ЮНЕСКО были проведены именно в Казани, имеет под собой обоснование: столица Татарстана, являющаяся «правонаследницей» тысячелетнего опыта миротворчества, превратилась в площадку апробации пилотных международных проектов и программ. В 2020-м — очередном ооновско-юбилейном году Казани как «духовному Гринвичу» мира вновь придется стать одним из модераторов предстоящей жаркой дискуссии по ключевой проблеме современности: «От глобального кризиса к будущему человечества».

Культура коммуникации, толерантности, этноконфессионального согласия и диалога цивилизаций как система гуманистических, мирозидательных, миротворческих ценностей, идей, норм и принципов общения, культура соседствования и мирного сосуществования людей и народов имеет различные масштабы, качественные измерения, уровни: глобальный, локально-региональный, национально-местный. На уровне мини-модели сообщества, т. е. на местно-региональной почве, закладывается исходная основа социокультурной, генетической матрицы модели взаимодействия его составляющих элементов-«атомов». Здесь накапливается историческая энергетика (интеллектуальная, социальная, экономическая, этнокультурная), которая, по законам сообщающихся сосудов, передается и питает своей силой все последующие пространственные уровни и формы межкультурной коммуникации. Чем выше и мощнее исходная энергетика, тем больше оснований для утверждения апробированного опыта мирного соуживательства в качестве образца-ориентира образа жизни, стиля мышления и практического действия народов и стран мирового сообщества.

Именно так понимается автором значимость поворота научной мысли и практики к анализу опыта, уроков и традиций межнационального, межконфессионального согласия, диалога цивилизаций и культуры мира, пострадавших народами мира в разные историко-хронологические эпохи, в разных территориально-пространственных ареалах планеты. При этом он не скрывает ни своего преклонения перед мощью и возможностями воздействия миротворческо-гуманитарно-эмоционального духа, ни шире — культуры мира на сознание, психологию и умонастроение человека. Автор привержен возвышенной оценке базовых ценностей-ориентиров, выработанных этнокультурными сообществами и национально-региональными цивилизациями, от кото-

рых берут начало родники миротворческого таланта и интуиции народов.

«Возвращение к корням». Что это — одноразовый акт или перманентный процесс? Почему проблема освоения исторического опыта для каждого нового поколения приобретает новую актуальность и новую сложность? Как понять в этом смысле изречение Г. Гегеля: «История учит человека тому, что человек ничему не учится из истории»?

Феномен «вечного возвращения» объясняется не столько постоянством в повторении ошибок, совершённых в прошлом (синдром «наступления на одни и те же грабли») или ограниченностью познавательного небосклона, сколько закономерностями, которые мы наблюдаем и в природе с её периодической сменой дня и ночи, календарным обновлением погоды в цикле «зима — весна — лето — осень» или в вечном обновлении космоса. Цикличность предопределяет повторяемость феномена «возвращения к истокам», частота которого детерминирована количеством нереализованных возможностей в прошлом. Отсюда регулярность, «сериализация» обращения, припадения к истокам. Путешествие к исходному началу — это очередная попытка начать всё сначала, насыщая архаизм современностью, синтезируя прошлое и современное в одно историко-культурное поле. «Наше сознание устроено таким образом, — отмечает А. Генис, — что мы воспринимаем окружающее только тогда, когда оно укладывается в какую-нибудь историю... Реальность — это история, которую мы себе рассказываем. Смена эпох — это смена «историй». Раньше её писал миф, потом — церковь. Последние три века нашу историю писала наука...»¹

Заключая размышления о значимости «поворота к корням», автор ещё раз подчёркивает, что очередная эпоха «слома» цивилизации, обращение взора к плодородным миротворческим пластам истории, овладение искусством преобразования завоевательного настроя-азарта на мирозидательную стратегию, присущие предкам, выдвигают такое обращение в разряд центральной задачи. Она получает «статус витального кода» жизнеспособности человечества и его составляющих — народов. Программа «исцеления историей» — в актуальной повестке дня XXI века.

---

¹ Генис А. А. Билет в Китай. — СПб., 2001. — С. 119.

ИСТОРИЯ ТАТАР: НА ПУТИ К ПРАВДЕ

В высшем значении История есть летопись обороны Истины против восстающего на неё, явно и тайно, отрицания. Видимо, действующие в этой борьбе личности и народы суть не что иное, как сознательные и бессознательные орудия движений Духа Правды и двуликого духа неправды.

А. Ф. Вельтман

Если мы знаем, что история человеческого общества — это история войн, то, в конечном счёте, история народов — это борьба за правду.

Ч. Т. Айтматов

Первая из вышеприведённых цитат принадлежит автору «прорывной» для России середины XIX столетия книги «Аттила. Русь IV и V века»¹ историку А. Вельтману. Пожалуй, она могла бы стать эпиграфом, как для всемирной истории, так и для всего свода национальных историй. Но она предназначена для осмысления прежде всего истории татарского народа, которая была и пока в значительной мере остаётся в плену негативистских мифологем, предвзятых субъективистских мыслительных схем и этноцентристских фобий.

Откуда и когда возник негативный ответ на историческом образе татар? Наиболее ранние корни татарофобии восходят к хуннской эпохе, когда в китайских источниках было отмечено появление грозной военной силы — племён под общим названием «та-та», т. е. «татары», упоминаемых в разных вариациях как «белые», «чёрные», «дикие»... Возведение Великой Китайской стены также связано с необходимостью обеспечения безопасности от набегов кочевников хунну (прежде всего татар).

Благодаря китайцам понятие «татары» и вошло в лексикон. Соседствование «сыновей Тенгри» с «сыновьями Неба» для формирующейся тюрко-татарской цивилизации имело многозначный характер. Но татары для Поднебесной всегда создавали проблемы геополитического порядка. Мир кочевой и мир земледельческий тогда, в эпоху древности, и не могли жить бесконфликтно. Даже тысячелетия не смогли истребить в генотипе сознания китайцев первоначальный «варварский» образ татар. Их эволюция из хунну в гуннов также не сняла с них «оттиск» дикости.

В XII веке в Европе происходит второе возвращение понятия «татары» в том же нарицательном смысле, каким в своё время хунну-татары наделялись китайцами. Оно было связано с выходом на историческую арену новых молодых империй — Монгольской империи и Золотой Орды. Но при этом необхо-

---

¹ *Вельтман А. Ф.* Аттила. Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858.

можно сказать об особенностях европейской культурной почвы, которая была готова и способствовала прорастанию семян «анти-татаризма». Различные варианты негативистской оценки татар как разновидности «варварской» («дикой») культуры, как фактора регресса и исторического тормоза утвердились в западном общественном сознании на основе традиционного для европейцев стереотипа восприятия чужой, иной культуры как-либо заведомо агрессивной, либо второсортной, но во всяком случае не вполне равноценной и, стало быть, «нецивилизованной».

В более широком сопоставительном контексте «Запад — Восток» евроцентризм зиждется на представлении о самодостаточности, самоценности закрытых систем, «где, — как считает известный ориенталист Э. Саид, — объекты раз и навсегда являются тем, что они есть, потому что они есть то, что они есть, т. к. по онтологическим соображениям эмпирический материал не может ни менять своё место, ни видоизменяться. Соприкосновение европейцев с Востоком, в частности с исламом, усилило эту систему изображения Востока... и превратило ислам в олицетворение чужака... Многие идиоматические выражения, связанные с Востоком, заняли прочное место в понятийном аппарате европейской академической науки. Все они сходились в представлениях о так называемом восточном характере, восточном деспотизме, восточной чувственности... ориентализм был именно такой системой истины. И поэтому будет справедливо сказать, что каждый европеец, высказываясь о Востоке, неизбежно проявлял себя как расист, империалист и почти полный этноцентрист»¹.

Можно соглашаться с такой оценкой, можно её не принимать, но евроцентризм по своему концептуальному содержанию и предназначению препятствовал, да и сегодня мешает утверждению взгляда на конкурентоспособность и «модельность» культур незападных народов. Такой подход чаще всего применялся к истории кочевых народов, которым было отказано в праве на способность создавать высокие, развитые формы государственности, хозяйственных систем, культур. А т. к. татары в подобной трактовке выступали представителями классических форм кочевой культуры (вспомним клише «пантюркизм» или «татаро-монгольское иго»), то они по определению попадали в список нецивилизованных народов агрессивистского типа.

Понятие «татары» в европейском сознании изначально «засело» как явление, угрожающее самим основам классической цивилизации. Начиная с выхода на историческую арену Монгольской империи и Золотой Орды, когда Европа действительно испытала ужас, содрогнувшись перед реальной опасностью разделить участь многих завоёванных народов и испытать негативные последствия завоевательных походов этих государств. Затем все последующие кочевнические «выходы» в европейском направлении,

---

¹ См.: Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. — М., 2004. — Вып. 2. — С. 41.

шире — все восточноазиатские ужасы стали определяться через понятие «татаро-монголы» или просто «татары». Татары становились собирательным образом и воплощением варварства всего кочевого (азиатского) мира. Как татарское деяние воспринималось всё, что рушилось на пути движения Чингизидов к олимпу славы. С татарами связывался весь длинный шлейф разрушений и опустошений, неизменно сопровождавших завоевательные походы монголов, тюрков и не только их. Татары вошли в европейское сознание не как конкретное этнокультурное явление, а как некая дикая тьма, варварская масса, двигавшаяся из глубин Азии и одержимая целью испепелить европейскую цивилизацию. Европейцы оценивали эти походы не иначе, как междоцивилизационную войну. Несколько поколений детей было воспитано в духе страха перед татарами. В таком «педагогическом» арсенале главной мерой наказания детей за непослушание являлась угроза: «отдадим татарам».

На верхних «этажах» европейского цивилизованного мира также витала тень татарской угрозы. Неслучайно европейские монархи начинали свои утренние молитвы восклицаниями «О господи, спаси нас от татар». При этом название «татары» идентифицировалось с древнегреческим термином «тартар», что означало самый глубокий уровень ада, где обитают наиболее опасные и отвратительные громадные чудовища. Это представление, например, подтверждает письмо французского короля Людовика IX своей матери. Король писал: «Нам с небес послано утешение, что эти тартары должны были прийти, поэтому мы должны быть в состоянии или отправить их назад в Тартару, откуда они появились, или иначе мы сами должны вступить в небеса, чтобы радоваться восторгу, который ожидает избранных»¹.

Именно такая проекция восприятия татарского фактора объясняет глубину его внедрённости в европейский менталитет. Этим объясняется и непреодолимость негативистского подхода к историческому прошлому татар в европейской традиции. Даже в самых последних поколениях европейских и американских школьных и университетских учебников по истории анализ исторических процессов почти пяти столетий (вплоть до середины XVI века, т. е. до падения Казанского ханства) даётся через понятие «татарское иго». В них даже современный так называемый «исламский терроризм» или «исламский фашизм» имеет татарские предтечи².

Евроцентристская традиция восприятия иных, незападных социокультурных форм задавала научным школам соответствующие мыслительно-аналитические ориентиры. Она устраивала и российские историко-политические институты, облегчая ре-

---

¹ Цит. по кн.: *Ишболдин Б. Б.* Очерки из истории татар. — Казань, 2005. — С. 7.

² См.: *Дюран С.* Ислам и фашизм: грубое смешение понятий // Свободная мысль. — 2006. — № 9–10. — С. 87–92.

шение идеологической задачи «утопления» татарского вопроса в одноцветном тёмно-негативном тюркско-кочевническом или монгольском прошлом. С таким историческим имиджем в «ре-спектабельные» народы попасть было трудно. Но именно это и требовалось носителям великодержавного взгляда да и всем, кто придерживался принципа «*divide et impera*» («разделяй и властвуй»). Выводить русские исторические корни из общего много-этничного, во многом тюркоязычного, евразийского «плавильного котла», тем более признавать историческую родственность с тюрко-татарским миром означало бы противоречить мессианской идеологии Московской Руси, объявившей себя в момент становления Российского государства «третьим Римом».

Реалии изменившегося мира побудили советскую систему видоизменить постулаты национальной политики. Появилась формула дружбы народов вокруг и во главе с великим народом — старшим братом. Но в самых «жёстких» идеологических документах татарам было предписано забыть о глубине и древности исторических корней, о причастности к процессам мировой истории, об участии в создании передовых и конкурентоспособных форм цивилизаций, культур, государственности, укладов и образов жизни. Синдром «татарской опасности» не преодолен и в современном сознании российского общества. Он проявляется в самых разных формах. В исторической науке это возрождающаяся и набирающая силу русская историографическая традиция, представляющая российскую историю как историю русского национального государства. В политике это непризнание права на суверенитет или отрицание существования татарского вопроса как части нерешённой в целом национальной проблемы. В культуре это атавизмы запретительных мер, связанные с сохранением и развитием татарского языка, получением образования на татарском языке, сменой кириллицы на латинскую письменность... Коррекция «русскоцентристской оптики» видения прошлого, настоящего и будущего — назревшая проблема. Многонациональные державы-империи не могут позволить себе такую роскошь — в течение десятилетий игнорировать национальные проблемы. Чтобы понять опасность возможных последствий, достаточно все национальные проблемы, накопленные в Советском Союзе, и сам его распад соотнести с более масштабным историческим контекстом причин гибели всех многонациональных империй. Преодоление синдрома этноцентризма и фобий в XXI веке обретает черты фундаментальной проблемы не только для России, но и в масштабах глобальных.

Во всеобщую копилку созидательно-преобразовательного опыта человечества, в непрерывность и поступательность движения по пути цивилизационного развития внесли вклад все народы мира. Волею исторических судеб татары изначально были включены во всеобщий процесс становления и развития человеческой цивилизации. Последовательно, не пропуская ни одну ступень исторического становления, пройдя все основные этапы эволю-

ции, татары постепенно становились значимой социокультурной силой, фактором развития, системообразующим «ферментом» тюркской, а затем и российской цивилизации. Татарский опыт поиска и творения рациональных форм жизнеустройства, культуры и цивилизации, включая не только достижения, но и неизбежные в историческом порыве ошибки, потери, неудачи, опыт, накопленный за тысячелетия на масштабном алтайско-евразийском геополитическом «майдане», не мог не стать интернационально полезным историческим капиталом. Поэтому «татарский след» обнаруживается в сложных исторических перипетиях многих народов, во многих общезначимых историко-культурных ценностях, источниках, памятниках, составляющих общее историческое наследие человечества. Но татары, имея полное основание гордиться величиной своего вклада во всеобщий прогресс, в одинаковой мере со всеми остальными мировыми этнокультурными «единицами» несут и ответственность за потери общецивилизационного характера, исторические трагедии и гуманитарные катастрофы.

История татар — это вовсе не победное шествие от одной взятой исторической высоты к другой. Как и история многих древних народов, она сложна, противоречива и драматична. Она уникальна, но одновременно поучительна универсальностью спрессованного в ней многогранного опыта, в котором «просматриваются» многие признаки, оттенки, линии и контрасты общей исторической судьбы человечества. В ней — пассионарные взрывы и угасания, озарительные взлёты и падения, блистательные победы и сокрушительные поражения, совпадающие в целом со схемой «большой», всеобщей, глобальной истории. Весомость и значимость татарского компонента в мировой истории определялась в прошлом и определяется в настоящем совокупностью факторов. Исходным среди них является временной параметр.

Вопрос о первоистоках народов мира и человечества в целом был и остаётся одним из предметов растущего интереса, анализа и дискуссий в науке. Ещё Томас Манн по этому поводу писал: «Прошлое — это колодец глубины несказанной... Поэтому практически начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так и не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоисточке...»¹

Глубина «колодца» прошлого, исторический возраст человеческого рода, до сих пор измеряется в весьма широком диапазоне — от нескольких миллиардов до 300 тыс. лет. Менее спорным является вопрос о времени становления первобытного общества. В настоящее время одни учёные считают, что древнейший человек (а тем самым и первобытное общество) возник 1–1,5 млн лет назад, другие относят его появление ко времени более 2,5 млн лет

---

¹ Манн Т. Иосиф и его братья : в 4 т. — Т. 1. — М., 1968. — С. 35–36.

назад. Верхняя грань первобытнообщинного строя колеблется в пределах последних 5 тыс. лет, различаясь на разных континентах. В Азии и Африке первые классовые общества и государства сложились на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., в Америке — в I тысячелетии н. э., в других областях ойкумены — ещё позднее¹.

Из этой всемирной генеалогической схемы (конечно, не бесспорной) вытекают первоисточки тюркской цивилизации и, соответственно, татарского народа. Следует сразу оговориться, что в каждой попытке приблизиться к началу своей истории — первоистоку — нельзя усматривать лишь стремление к искусственному удревнению исторического возраста своего народа и попытку обоснования его исключительности, мудрости, значимости. Время выхода на арену истории само по себе не имеет решающего значения в определении роли, которую играет тот или иной народ. Как известно, волной истории в реку небытия сметено немало цивилизаций, процветавших ещё в доисторическое время. Верно и то, что народы, ставшие субъектами истории значительно позже своих древних предшественников, и сегодня продолжают задавать тон и ритм историческому процессу. В данном случае автор исходит из важности всеобщего положения о том, что необходимость знания родословной «от и до» (своего рода, народа, человечества) относится к категории этической нормы, нравственного императива.

Длительное время исторические корни татарского народа учёные «выводили» из VI века н. э., связывая их с образованием Тюркского каганата. Сейчас этот тезис устарел. Науку уже не устраивает и то, что его первоистоком определяется хуннская эпоха. «В таком случае получается, — замечает С. Х. Алишев, — что тюрки не имели своего родового первобытного общества, не жили в палеонтологическом и неолитическом периодах»².

На основе анализа широкого круга источников учёный обосновывает восхождение исторических корней тюрко-татар к эпохе энеолита, медного (VI—III тысячелетия до н. э.) и бронзового веков (IV — начало I тысячелетия до н. э.). Вводя в свою систему аргументации результаты исследований многих поколений историков, С. Х. Алишев находит «следы» древне-тюркской цивилизации не только на территориях традиционного их расселения (в Южной Сибири, Монголии, Центральной Азии, в районах Волго-Камья), но и в более широком пространственном диапазоне (на Мальте и даже на Американском континенте), куда в доисторические времена тюркоязычные племена перебрались через Камчатку, Чукотку и острова Тихого океана. Исследователь солидарен с мнением сибирского учёного В. Е. Ларичева о том, что предки современных индейцев сиу, майя, ацтеков долгое время жили среди тюркских племён Сибири или сами были тюр-

---

¹ Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. — М., 2004. — С. 5.

² Алишев С. Х. Всё об истории Казани. — Казань, 2005. — С. 5.

коязычными. Затем они перекочевали в Северную Америку, открыв её 40 тыс. лет назад, т. е. задолго до Колумба¹. С таким подходом согласен и крупнейший французский тюрколог Рене Груссе: «Я хотел бы, чтобы ещё раз вы обратили внимание на этот великий варварский народ, которым правили три величайшие фигуры — Аттила, Чингисхан, Тамерлан, народ, история которого охватывает десять столетий, а география завоеваний простирается от границ Китая до границ Запада... Правящих рас и имперских наций немного. Тюрко-монголы, подобно римлянам, из их числа»².

Процесс поиска исторических корней татарского, как и любого другого народа, нельзя рассматривать как проявление желания участвовать в конкуренции за пальму первенства в истории человеческого рода. Скорее это форма участия в решении таких проблем глобальной истории, как генезис и истоки человечества. Ведь отрывая жизнетворные исторические корни от ствола и кроны культуры, в данном случае татарского народа, мы обедняем саму историческую почву становления и развития тюркской, российской и всеобщей человеческой цивилизации. Искажаем представление о сложном, но весьма продуктивном характере их сопряжения, взаимосвязи, взаимовлияния и о многокорневой природе каждой из цивилизационных величин. Именно в этом контексте продолжается качественное развитие исторической науки. Значителен вклад в решение данной задачи основателей казанской исторической научной школы. Речь идёт о капитальных трудах таких учёных, как М. З. Закиев, А. Г. Каримуллин, И. Р. Тагиров, Р. С. Хакимов, А. Х. Халиков, А. А. Литвин, С. Х. Алишев, Б. Ф. Султанбеков, А. Л. Литвин, Р. Р. Фахрутдинов, А. И. Ногманов, Р. Г. Фахрутдинов, Р. К. Валеев, А. Г. Мухаммадиев, Э. С. Кульпин, М. А. Усманов, Д. М. Исхаков, Р. У. Амирханов, Ф. Ш. Хузин, Р. Р. Хайрутдинов, А. Г. Галлямова, И. Л. Измайлов, Я. Ш. Шарапов, Я. Я. Гришин, Д. К. Сабирова, А. А. Иванов, О. Н. Коршунова, Г. М. Мустафина, С. М. Михайлова, Г. М. Давлетшин, Д. Р. Шарафутдинов, Рам. М. Валеев, Раф. М. Валеев, Р. Г. Хафизов, М. С. Гатин, А. А. Бурханов, Р. А. Циунчук, Р. Р. Ибрагимов, Ф. Н. Шакуров, В. А. Чистяков. Фундаментальными трудами обогатили тюрко-татарологию Ф. С. Сибгатуллин, Ю. Н. Халиуллин, М. Х. Бакиров, Р. Ф. Мухаметдинов, Р. Н. Безертинов, К. А. Аблязов, М. Э. Аджиев.

Признаком «возвращения к корням» является количественный и качественный рост выпуска исторической литературы местно-регионального характера. Среди них труды Д. Г. Закирова, Ф. А. Рашитова, Н. И. Сахапова, Р. А. Дулаевой. Возрастает и объём литературы, выходящей за рубежом (Б. С. Ишболдин, Ю. Огуз).

---

¹ См.: *Ларичев В. Е.* Охотники за мамонтами. — Новосибирск, 1968. — С. 8.

² *Груссе Р.* Империя степей. — Казань, 2012. — С. 8, 18.

Величественный исторический путь, пройденный татарским народом, героические образы далёких предков, не один раз «перешагивавших» границы целых континентов, связавших Европу с Азией крепкими нитями информационных, культурных, торговых и научных связей, стал предметом серьёзного философского осмысления. Татарское философское наследие чрезвычайно богато и многопланово. Оно представлено трудами А. Утыз-Имяни, А. Курсави, Х. Фаизхан, Ш. Марджани, К. Насыри, И. Гаспринского, Г. Баруди, Р. Фахрутдина, А. Максуди, Ф. Карими, М. Бигиева, Г. Исхаки, Х. Атласи и др. В процесс возвращения духовного капитала татарского народа крупный вклад внесли А. Н. Юзеев, Ф. М. Султанов, Р. М. Мухаметшин, М. И. Ахметзянов. Свою поэтико-литературную строку в общенациональное движение возвращения сокрытого духовного сокровища вводят Ф. И. Урманчеев, Ю. Г. Нигматуллина, А. М. Шарипов, Б. Т. Гали. Всё более мощным становится ряд исследователей, специализирующихся на анализе духовно-религиозных основ татарского народа: Р. Н. Хабибуллин¹, Х. С. Салихов², Исхак хазрат Лутфулла³, Ильяс хазрат Зиганшин⁴, Джалиль хазрат Фазлыев⁵. Пожалуй, самым крупным коллективным итоговым отчётом всей семьи гуманитариев стал выпуск многотомной истории татар⁶. В этом фундаментальном издании лейтмотивом проходит мысль, что татары прокладывали свою «колею» не параллельно с фарватерным течением Большой истории, их работа являлась неотрывной, органической частью эволюционных процессов всего человечества.

Масштабная интеллектуальная работа, проведённая многими поколениями историков по восстановлению правды о татарском народе и возвращению ему объективно заслуженного статуса субъекта истории, равнозначного другим народам-сотворцам культурно-цивилизационных систем, может быть обозначена как прорыв. Ибо безнравствен тот, кто не знает своей истории, живёт, как Иван, не помнящий родства. Как прорыв, задающий

---

¹ *Хабибуллин Р. Н.* Хәятел ислам вә бәянел хак. — Казан, 2013. — 319 б.

² *Салихов Х. С.* Религия и наука (основы мировых религиозных и светских культур). — Казань, 2012.

³ *Лутфулла И.* Историко-публицистические очерки. — Казан, 2014.

⁴ *Жиганшин И.* Казан шәһәренен Идел буе һәм Вахитов районнарындагы мәчетләр турында белешмәк. — Казан, 2015.

⁵ *Фазлыев Ж.* Тигез гомер итегез. — Казан, 2013; *Его же.* Ребёнок мусульманина. О воспитании. — Казань, 2012.

⁶ История татар. — Т. 1 : Народы степной Евразии в древности. — Казань, 2002; История татар. — Т. 2 : Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань, 2006; История татар. — Т. 3 : Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. — Казань, 2009; История татар. — Т. 4 : Татарские государства XV—XVIII вв. — Казань, 2014; История татар. — Т. 5 : Татарский народ в составе Российского государства (II половина XVI — XVIII в.). — Казань, 2014; История татар. — Т. 6 : Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. — Казань, 2013; История татар. — Т. 7 : Татары и Татарстан в XX — начале XXI в. — Казань, 2013.

некий вектор возрождения нравственности. Став знаковым явлением, он ориентирует и другие народы, потерявшие в вихре времени свои «следы», ещё не возвратившие свою «утерянную», «украденную» или залитую теменью негатива историю, на совершение «поворота к корням» в полноформатном варианте.

Не менее важно и то, что из этих «возвращённых» тысячелетий мы ещё больше убеждаемся в том, как много, оказывается, было уже в этом исходно-древнем историческом материале общего, единого, объединительного. Это обусловило трансформацию, казалось бы, разрозненных по многим философским, ценностным, религиозным параметрам этногрупп, социокультурных единиц, народов в единое тюркское, евразийское, российское, мировое сообщество, через всплески исторической энергии которых и «ткалось» всемирное полотно истории.

Принципиально важен ещё один урок истории, суть которого состоит в том, как важно сохранение самобытности, национальной и культурной идентичности в процессе растущего единообразия, унификации образов жизни, стилей мышления, форм бытования народов. Эта опасность всегда подстерегала народы в ходе великих переселений, миграционных волн, смешения этносов и культурного синтеза. Мировая история знает множество примеров образования этноплавильных «котлов», но результаты везде и всегда были разными. Так, в процессе аналогичных процессов, происходивших в ходе формирования американской нации, историческая практика нивелировала, стандартизировала образы жизни всех народов-участников великого американского проекта. Длительное время опыт американизации коренных и пришлых народов континента считался, как и всякий другой американский эксперимент, эталонным. Только на рубеже XX–XXI веков стало понятно, насколько значительны и невосполнимы последствия утраты самобытности и сокращения до критической отметки спектра многообразия этносов, культур цивилизаций на американской экспериментальной площадке.

Анализ истории татар обогащает представление о значимости сохранения самоидентичности, культурно-цивилизационного самосознания. История татар — это история борьбы за сохранение своей культурной уникальности и цивилизационной ценности в самых разных её формах (мирных и торговых, научных и культурных, информационных и интеллектуальных). Она превращалась в движущую силу, становилась философским ядром национальной идеи. Речь идёт о том, что в громадном евразийском геополитическом котле этнокультурного смешения образов жизни, укладов хозяйствования, типов политического устройства государств, в процессе активного и длительного взаимодействия и многогранного взаимовлияния социальных страт и этноначал татарскому народу удалось на социогенетическом уровне сохранить, развить главные свойства, и сегодня определяющие его цивилизационную характеристику — национальную самобытность, культурную уникальность, особенности национального характе-

ра, психологии и менталитета. Со степенью умения сохранять эти свойства во многом связана и дальнейшая историческая перспектива татар.

В основе сохранения своей культурно-национальной идентичности и способности обеспечивать цивилизационную эволюцию лежала неизменная забота о развитии духовности, о приумножении потенциала культуры мира, толерантности и межнациональной коммуникации. Более того, уважительное отношение к представителям другой, иной культуры, национальности, религиозной или цивилизационной системы, выступавшее непременным атрибутом образа татар в представлении других народов, являлось приоритетом в системе ценностей, важнейшим постулатом татарской народной педагогики и принципом воспитания молодых поколений. Принятие ислама как мировоззренческой системы, формы идеологии, культурной ценности и религиозной доктрины — в мусульманский цивилизационный мир также способствовало превращению миролюбия, толерантности, добродушия и уважительности в нравственный императив, этическую норму, моральный кодекс татарского народа.

Смысл ещё одного этического урока всеобщего характера, вытекающего из истории татар, сводится к тому, что успех историко-преобразующей деятельности народов внутри своих государств, так же, как и величина, значимость их вклада в общемировой прогресс, во многом предопределяется степенью и способностью организовать функционирование и развитие своих обществ на мирных, цивилизованных началах. Ориентация на сохранение мира, достижение согласия, стабильности внутри страны (внутренний диалог) и постоянное расширение контактов и связей с внешним миром (внешний диалог) — вот главное условие их процветания, усиления мощи, обеспечения безопасности и укрепления позиций на международной арене. История становления и развития таких народов, стран и цивилизаций — это история непрерывной работы над собой по подавлению инстинктов агрессивизма и формированию деятельностного, мирностроенного образа жизни, толерантного характера и менталитета.

Подъём, расцвет и рост влияния во внешнем мире, так же, как и длительность исторического срока жизнедеятельности любой цивилизации, в значительной мере зависят от степени внедрения философии, идеологии, принципов, норм и ценностей культуры мира в глубинные пласты сознания народа, во все «клеточки» и структуры общества. Победа культуры войны и насилия над культурой мира и согласия, напротив, подводила их к распаду, а порой и к исчезновению как самостоятельной национальной и мировой единицы. История знает множество примеров «схода» с исторической сцены и исчезновения во мгле времён даже крупных империй и цивилизаций, народы которых не сумели изменить воинствующий образ жизни. Опьянённые результатами военных побед, уверенные в безошибочности выбранных

жизненно-смысловых ориентиров, они канули в бездну истории. Такая же участь рано или поздно ожидает нации и империи, не способные учиться на уроках истории, продолжающие делать ставку в своей гегемонистской, великодержавнической амбиции на сугубо силовой фактор.

Ёмкость и ценность уроков миротворчества, вытекающих из истории татарского народа, определяются длительностью, многогранностью, масштабностью и эффективностью его действия на исторической арене в качестве активного субъекта творчества на громадном межконтинентальном пространстве в координатах «Запад — Восток», «Север — Юг». Значимость татарского миротворческого капитала определяется и тем, что он складывался, множился и укреплялся не просто за счёт механического сложения-суммирования или калькирования опыта других народов, а путём этапного творческого освоения, синкретизации, а затем и развития этого опыта. Миротворческий ресурс татарской нации — совокупный результат сложного взаимодействия и взаимовлияния самых разнополярных этнокультурных, социально-политических, религиозных, цивилизационных величин, систем и образований на всём протяжении истории человечества, начиная с древности и до современности.

«Модельность» и содержательная ёмкость миротворчества татарского народа определяются совокупностью причин и обстоятельств как объективно-субъективного, так и внутреннего и внешнего характера, множеством географических, природно-климатических, геополитических, культурных, религиозных, цивилизационных и других факторов, влиявших на выбор вектора исторического движения и способов решения назревших проблем и, самое главное, на процесс формирования образа жизни, стиля мышления и действия, национального характера и менталитета.

Прежде всего автор имеет в виду геополитическую составляющую эволюции татар, становление, жизнедеятельность и развитие которых всегда протекало на стыке различных культурно-цивилизационных миров и историко-политических систем. В силу такой геополитической заданности инстинкт самовывживания и саморазвития народа подсказывал ему рациональные, прагматично-выгодные формы и нормы поведения в отношениях и с ближайшими соседями, и с «транзитными» народами. Постепенно на этом «мосту» между Европой (Западом) и Азией (Востоком) оформился ряд крупных контактных исторических зон (Южно-Сибирско-Алтайская, Волго-Уральская, Центрально-Азиатская), где науке и искусству взаимодействия учились в силу необходимости и целесообразности многие народы, вовлечённые в орбиту межкультурного диалога и сотрудничества. Татарскому народу приходилось выступать одновременно в роли ученика и учителя, осваивая и утверждая принципы и нормы совместной жизни с народами, поклонявшимися разным богам, идеологиям и культурам. Но главная его задача состояла в медиации, в примирении разных культур и характеров.

Отметим, что татары были не просто «проводниками» народов, передвигавшихся из одной оконечности ойкумены в другую. Они имели редчайшую в истории возможность формирования «соединённого» типа ума, впитывавшего плоды конкуренции идеологий, философий, культур и технологий двух систем-цивилизаций. Перемещение оси глобальных культурных центров от Европы к Азии и наоборот само по себе являлось для них источником прибавки интеллекта, миротворческого опыта, мудрости.

Формирование миротворческо-социогенетического «эмбриона» татарского народа происходило в рамках древней тюркско-кочевой культуры. Развитие кочевого цивилизационного мира в координатах масштабного временно-пространственного измерения требовало выработки и оттачивания искусства организации жизни на основе философии и практики «соразвития». В течение тысячелетий в рамках алтайско-евразийского «прямоугольника степей»¹, сопоставимого с аравийским и североафриканским, в зоне пересечения со многими цивилизационными мирами протекала жизнедеятельность десятков этнокультурных общностей, входивших в единое тюркское кочевое сообщество. Этот исходно полиэтнический тюркский кочевой мир граничил на севере с большой культурной зоной, куда входили ангарская бронзовая, енисейская, металлообрабатывающая алтайская и многие другие культуры. К северо-западу и к юго-западу от рубежей кочевого мира открывалась Европа, которая сопрягалась со средиземноморским культурным миром. На юге тюркский кочевой мир граничил с культурами иранского и индийского ареала, а на юго-востоке ближайшими соседями были этносы китайской культурной зоны.

В огромном геополитическом котле шёл интенсивный процесс коммуникации, взаимодействия, смешения и синтеза многих этноначал как внутри, так и вне «прямоугольника степей». Народы этих культур были включены в процессы первой, а затем и последующих в истории Евразии больших этнокультурных «переключек». Если в геополитическом смысле этот объединённый степной мир противостоял средиземноморскому союзу государств, то в этнокультурном смысле у народов «прямоугольника степей» границ не существовало. Более того, преобразовательная энергетика вырабатывалась тем сильнее, чем шире и глубже развивались межкультурные связи на перекрёстке различных цивилизационных миров. Значительную роль в этом сыграли первые миграции, переросшие в великие исторические переселения народов, волны которых были растянуты в огромном геополитическом (от Алтая до Средиземного моря) и временном (с III—II веков до н. э. до IV—V веков н. э.) пространстве, «разбудив» великую историческую энергию, направленную на

---

¹ Николаев В. В. История предков чувашей (XXX в. до н. э. — XV в. н. э.). — Чебоксары, 2005. — С. 18.

освоение и обустройство целого континента, на создание там рациональных форм и типов культур, государственности и цивилизаций.

Длительное время в прошлом, да и поныне целый ряд научных школ продолжают оценивать великие эпопеи переселения народов как великие исторические катастрофы, виновниками которых являются неуголённая жажда, генетическая склонность кочевников-тюрков к захватам, походам и войнам. Но великие переселения подготовили человечество к великим географическим и научно-техническим открытиям, к прорыву в индустриальную цивилизацию. Тем самым они ускоряли темпы, обогащали содержание и смысл жизнедеятельности народов, а интеграционным, объединительным тенденциям придавали новый импульс. Именно тогда, через оживление цивилизационного эмбриона Евразии — Великой Степи впервые была установлена связь между народами двух континентов, двух различных культурно-исторических систем. «Оседлав коня», тюрки «первыми в мире установили связь между народами. Именно их посредничество сыграло главную роль в сближении Востока с Западом»¹. Языком общения, посредничества, дипломатии и торговли между ними стал древнетюркский язык. Неоднократно обращаясь к этим сюжетам, патриарх концепции пассионарности Л. Н. Гумилёв отмечал притягательную силу культуры древних тюрков. «Ещё больше, чем материальная культура, — писал он, — поражают исследователя сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрков: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие чётко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран»². Племена и народы тюркского сообщества он считал посредниками, транзитным ферментом и стимулятором межэтнической коммуникации. Создание тюркских государств он относил к «переломным моментам в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали друг друга».

Процессы переселения-расселения древних народов потому и не превращались в нескончаемую череду войн, что с ростом потенциала цивилизованности в обществе (внутри системы), межцивилизационного взаимодействия (между системами) одновременно возрастал уровень навыков и культуры толерантности, соседствования, взаимодействия. Формирующееся в алтайском «прямоугольнике степей» тюрко-татарское социоэтническое сообщество впитывало живительные соки этой культуры в свою иммунную систему, фиксировало в исторической памяти, воспроизводя её в ещё больших масштабах на новых межцивилизационных геополитических площадках. В резуль-

---

¹ *Иванов-Тогой А. Д.* Сокровенное. — Якутск, 2004. — С. 3.

² *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки. — М., 2007. — С. 8.

тате волго-уральский ареал, где завершился процесс культурно-цивилизационного оформления татар современного типа, стал соединительным мостом, местом встреч цивилизаций Запада и Востока, Севера и Юга и формирования на этой основе особой субкультуры, главными свойствами которой были и остаются уважительность, комплиментарность, диалогичность.

Другим важным условием формирования миронастроенного типа национального характера татарского народа выступает природно-географический фактор. Географический фактор — это совокупность многих компонентов: климата, природного ландшафта, флоры и фауны. Среди них, как известно, особую роль в формировании основополагающих свойств и черт национальной психики и менталитета народов мира играли великие исторические реки¹. Татарам в этом плане повезло: в процессе исторического бытия в течение тысячелетий они были испытаны дарами и стихией многих морей и великих исторических рек. Одной из таких является Волга, возраст которой 20 тыс. лет². Возникнув в заливе Каспия в рамках первого «Осевого времени», прорываясь к морю через тысячу протоков, она становилась двигательной силой истории. Под Казанью на Волге завершался караванный этап Великого шёлкового пути, где его эстафету перехватывал Великий Волжский путь, доведя энергию гипербореических волн Тихого океана до Атлантического и связывая тем самым «конечные» земные цивилизации. Значимость феномена Волги и её «детища» Великого Волжского пути, к сожалению, до сих пор недооценена³. А ведь она была не только крупнейшей торгово-экономической артерией, но и мощным культурным, интеллектуально-духовным инструментом преобразования образов жизни, ментальной психики и характера многих народов Европы. На пути Волги создавались основы великих империй, религий, цивилизаций. Где в результате синтеза многих транзитных явлений — сознаний, мыслей, интеллекта оформлялся микрослепок человеческой Вселенной. Великий Камско-Волжско-Каспийский путь, будучи продолжением Великого шёлкового пути, давал возможность осуществления божественного замысла, связав житие народов ойкумены в одну общую — планетарную историческую судьбу. Китайская интенция «Один пояс — один путь» отражает суть миссии этих двух Великих путей. Татары, в историческом плане оказавшись в эпицентре преобразовательных процессов, протекавших в меридианах и широтах Евразии, стали неотъемлемой творительной частью всемирной истории. Отсюда цивилизационный облик, образ жизни, стиль мышления и типология их исторического

---

¹ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. — М., 1995; Великий Волжский путь. — Казань, 2002. — Вып. 1–4.

² См.: Наука и жизнь. — 2017. — № 8. — С. 6.

³ Великий Волжский путь. — Казань, 2002. — Вып. 1–4; Бурдин Е. А. Волжская Атлантида: трагедия великой реки. — Ульяновск, 2005.

характера. Отсюда же их тяга к поэзии, литературе, науке, искусству, музыке. Умение строить отношения с людьми, торговать и ладить с конкурентами и быть в ладах с дипломатией во всех её проявлениях. Всё это, эскизно перечисленное, выступало основой становления и развития их миростроительной традиции.

Среди множества других факторов, определявших и составляющих сегодня содержательную направленность и ориентиры историко-миротворческого действия татарского народа, — национальная идея, своего рода аскеза, сокровенная мечта, политическая философия жизни, которая на протяжении столетий вдохновляла развитие, хотя никогда не носила название национальной идеи. Эта чётко и исчерпывающе сформулированная идея никогда не существовала как некая официальная доктрина. К тому же, будучи набором коренных национальных ценностей и принципов, она имела как неизменную базовую, так и адекватную требованиям каждого отрезка времени эволюционную часть. Поэтому в представлении разных слоёв общества в разное время национальная идея обретала то форму утопии или мифа, то становилась реальной сплывающей, мобилизующей и вдохновляющей силой.

«Национальная идея играет роль того общего солнца, которое в равной мере обогревает каждого — и богача и бедняка, и сановника и рядового гражданина, и православного и мусульманина, и русского и еврея. Национальная идея имеет либо форму целевых универсалий, либо форму символов»¹. Поэтому наличие национальной идеи, национальной мечты всегда было и остаётся атрибутом цивилизованности каждого народа, а её постоянное «обновление» выступает условием конкурентоспособности, степени развитости. Более того, наблюдается некая закономерность: чем привлекательнее образ национальной мечты, чем она удачнее сочетает ценности разных времён, тем выше степень успешности и признанности народов, стран и цивилизаций на мировом майдане. Китай тому классический пример. «Китайское чудо», состоящее в том, что Поднебесная в рамках двух последних десятилетий стала играть роль первой «скрипки» в оркестре мировых держав. Китай сегодня — это вторая экономика в мире, вошедшая в цифровую эру, крупнейшая космическая и ракетно-ядерная держава. При этом ядром мощи является «мягкая сила» — совокупность культурно-цивилизационных активов. Вот чем объясняется тот факт, что в орбиту выполнения китайской мечты под названием «Один пояс — один путь» уже в 2016 году включилось 3 млрд земель. Китай своим шёлковым поясом обвязал интересы-устремления почти половины населения планеты. Более того, он способствовал смеще-

---

¹ Сковрцов Л. В. Проблема цивилизационной самоидентификации России: теоретический аспект // Россия и современный мир. — 2005. — № 2. — С. 69.

нию центра мирового концептуального лидерства с Запада на Восток¹.

Национальная идея татар, как и любого другого народа, — это формула его самосохранения и развития, в ней — сгусток незыблемой, сохраняющейся во времени и пространстве совокупности идей, этических норм, философско-мировоззренческих и нравственных ценностей; в ней сконцентрированы опыт и уроки истории, выступающие предметом гордости и одновременно неизбывной горечи; в ней неизменно хранится образ свободолюбивого, деятельного, целеустремлённого народа.

Определяя национальную идею татар в качестве своего рода Столпа, Опоры и Надежды, необходимо заметить, что она оформлялась на основе взаимодействия двух общественных начал: стихийного и рационального. Первое зарождалось, существовало и существует в народе, в его толще и вместе с народом видоизменяется, наполняясь содержательно по мере течения исторического процесса, представляя собой набор интуитивно выработанных потребностей, реакций и ценностей. В науке это называется «низовым, иррациональным уровнем национальной идеи», эмоциональным ответом на изначально важные вопросы: «Кто мы, откуда идём, чего мы хотим и каковы наши цели?»

Второе начало — уже почти исключительно рациональный момент. Он представляет собой базовый идеологический элемент, сознательно создаваемый элитой народа, которая призвана улавливать низовые народные чувства и ощущения, ценить, уметь сопрягать их с задачами нации, синтезировать, сплавить воедино и формулировать тем самым ответы на выдвигаемые временем вызовы. Национально-государственный элемент, аккумулируя и систематизируя массовые надежды и чаяния, как бы отвечает на следующий круг вопросов: «Что нам, как нации, следует делать, учитывая запросы времени?» и «Каким образом мы должны это сделать?» Имевший возможность изучать особенности национального характера татар «изнутри», Максим Горький писал: «Татары — народ трезвый, чистоплотный, трудолюбивый, умеющий соединять душевную мягкость с упорством в достижении цели». Под целью писатель, очевидно, имел в виду не просто очередные жизненные проблемы, а задачи стратегического порядка, вытекающие из национальной идеи и отвечающие ей.

Два начала — рационалистическое и государственническое — всегда находились в процессе перманентного взаимодействия. Область их встречного взаимопроникновения, срастания была и остаётся почвой, «материей» национально-государственной идеи. Чем шире область данного взаимодействия, чем органичнее оно

---

¹ Китайская тема — самая употребляемая в мировом процессе, ось встреч мировых лидеров и всемирных форумов. См.: *Лобанов М., Звезданович-Лобанова Е.* Инициативы «Один пояс и один путь» // Свободная мысль. — 2015. — № 5. — С. 115–130; *Тагиров Э. Р.* Лицом друг к другу // Республика Татарстан. — 2017. — 20 июля; 2018. — 28 июня.

протекает, чем сильнее и крепче сочетание этих двух начал, тем мощнее и жизнеспособнее возникающая из такого взаимодействия национально-государственная идея, тем она долговечнее и действеннее. Но оба начала объединительной идеи имели вполне конкретное общее исходное, базовое основание — язык, историю и культуру народа. В своём органическом единстве они создавали виртуальный образ народа-первопроходца и обустроителя своей земли-родины, народа-созидателя многих государственно-стей, своей цивилизации, прочного духовного основания¹.

Если государственнический смысл национальной идеи был предметом осмысления и заботы национальной элиты, интеллектуального слоя общества и политиков, то её смысл на массово-бытийном уровне был прост и доступен каждому: сам живи, помогай и давай жить другим. Отсюда в качестве базовых ценностей национальной идеи всегда выступали уважительность, толерантность, компромиссность, согласие и солидарность. Её важным компонентом являются такие качества, как стремление к добру и справедливости, возвеличивание земли и честного труда на ней, особо уважительное, почтительное отношение к родителям, старшим, детям и женщинам.

Национальная идея для татар была и остаётся основанием самоидентификации. Она влияет на формы и нормы цивилизованного поведения, является механизмом спасения культурного кода от деструкции. Национальная идея и в XXI веке сопрягается не только с проблемой сохранения исторического лица, языка, традиций, но и с проблемой сохранения самого татарского народа, его цивилизации. Весьма интересно в этом плане мнение оригинального философа-мыслителя В. П. Уланова: национальная идея-мечта в форме «выхода за пределы ряда», «ухода со вторых ролей», базирующаяся только на былом историческом могуществе, — бесперспективна. «Решающим фактором развития в XXI веке останется деятельная активность и эффективность, особенно интеллектуальная эффективность... Интеллект будет определять все значимые процессы в обществе... Этноязыковые и этнокультурные факторы в жизни будущего успешного мира не будут играть определяющей роли». Ещё более круто его выражение: «этнический фактор важен лишь для немоушного ума и мало развитой искусственной среды»². Трудно согласиться, «проглотить» всю эту мысль, обращённую в историческую перспективу. Национальный фактор всё-таки и в будущем будет сохранять свою потенцию как внутренне-иммунная сила. Сохранение языка, культуры не может «остановить развитие». Наоборот, феномен культуры в целом, а значит, и её национальный компонент, будет оставаться «духовным иконостасом», движущей производитель-

---

¹ Подробнее об этом см.: *Тагиров Э. Р.* Татарстан: национально-государственные интересы (Политическое эссе). — Казань, 1995.

² *Уланов В. П.* История и перспективы евразийского и мирового развития. — Казань, 2012. — С. 264–265.

ной силой человечества. Вот почему проблема места и роли нацио-фактора в её исторической судьбе была, существует и сохранится надолго.

Возвышающийся уровень этики, духовности, культуры и искусства взаимодействовать с другими народами и цивилизациями лежали в основе запаса и воспроизводства исторических сил, которые были особенно необходимы татарскому народу в поворотные моменты истории, когда рушились одни и создавались другие системы ценностей, формы культуры и государственности. Накопленный за тысячелетия опыт и выученные уроки миротворчества, соседствования и взаимодействия с инокультурными мирами — это бесценное философское, интеллектуальное, духовное сокровище народа. Возвращение этого сокровища и введение в жизненный оборот — предпосылка и гарант самосохранения и исторического развития в XXI веке, в эпоху тотальной глобализации, когда соседями и контактирующими являются все народы мира, в условиях резкого усиления интеграционных, объединительных тенденций и одновременного роста культурно-цивилизационного многообразия мира. Оно служит и глобальным целям человечества — сохранению мира, обеспечению его устойчивого и безопасного развития.

Всеобщая значимость татарского историко-преобразовательного опыта и его миротворческой составляющей вытекает из методологического положения о диалектическом единстве собственно национального, локального, регионального и общемирового. Прорыв к универсальному, всемирно-историческому началу обеспечивается через развитие цивилизаций в пределах, внутри отдельной (локальной, региональной, национальной) и через взаимодействие, синтез цивилизаций. Пространственная изолированность цивилизационных очагов и межкультурных контактных зон, как убедительно показал К. Ясперс¹, не мешала им стать исторически всеохватными, продуцировать формы человеческого бытия, излучать всемирную или общечеловеческую духовность. Универсальное рождается и утверждается через процессы и тенденции развития, выливающиеся в прорывы в локальных, региональных и культурно-цивилизационных модернизационных центрах (культурно-цивилизационных комплексах). Татарский историко-преобразовательный опыт в целом и его духовный стержень — миротворческая философия и практика, генезисно ограниченная во времени и пространстве, также создавались как местный, региональный творческий продукт. Но из-за масштаба, глубины и ценности поднятого нагора исторического материала он оказался глобально-историческим, мировым. «Делая историю, мы превзошли собственную историю»². Замечание А. Тойнби, касающееся европейской цивили-

---

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 33, 38, 93.

² Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. — М.; СПб., 1996. — С. 66.

лизации, вполне применимо ко всем историческим свершениям любого, в т.ч. татарского, народа, которые оказываются столь крупными, что приравниваются к культурно-цивилизационному прорыву. Стремясь аргументировать это положение, совсем недавно талантливый журналист, политолог-философ от Бога Рашид Ахметов принялся за выполнение мегапроекта «Евразия», в центре которого анализ истории «татарской азиатской сверхдержавы», самой крупной в истории человечества и самой высокоразвитой для того времени, — под названием «Великая Татария». Его анонсовые публикации¹ настраивают на пересмотр всей всемирной истории, начиная от предыстории человечества до Нового и Новейшего времени через татарскую оптику видения прошлого. «Заход» — смелый, революционный. Посмотрим, во что это выльется. Число последователей концепции «Великой Татарии» растёт². Данная книга входит в то же парадигмальное мыслительное русло.

Любого исследователя, взявшегося за анализ национальной истории, можно уличить в стремлении поставить в центр всеобщего внимания историю своих — «малых» народов, ранее угнетённых или по разным причинам вынесенных на периферию общемировых потоков цивилизационного развития. Каждая национальная история в отдельности тяготеет к тому, чтобы историческую судьбу собственного народа, своей этнической группы представлять как нечто уникальное, неповторимое, считать её единственной в своём роде. Нациопатриотическое осмысление каждой этносоставляющей истории многонациональной России объективно и легко объяснимо. Дело в том, что история Российского государства до сих пор сплошь и рядом ошибочно воспринимается и трактуется исключительно как русская национальная история. В традиционную «русскоцентристскую оптику» видения истории не вмещаются «этносы периферий».

Предпринимая попытку дать общую картину истории России как истории многонациональной страны, известный немецкий учёный, профессор, руководитель семинара по истории Восточной Европы Кёльнского университета Андреас Каппелер предлагает весьма продуктивную методологическую парадигму. Её смысл заключается в том, чтобы уйти от крайностей в исследовательской практике, преодолеть русскоцентристский подход к истории России, скорректировать его посредством «полиэтнической оптики». Свою главную задачу автор книги «Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад» видит в том, «чтобы и русскоцентристской оптике, направленной как рассмотрение истории Российской империи как «национального государства», и узким проекциям национальной

---

¹ См.: Звезда Поволжья. — 2018, 2019.

² См.: Мухаметдинов Р. Ф. Тюрки в истории мировой цивилизации. — Казань, 2018; Бакиров М. Х. Прототюрки: изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура. — Казань, 2019.

историографии нерусских народов противопоставить взгляд на Россию, позволяющий выявить супернациональный, полиэтнический характер Российской империи». По достоинству должен быть оценён тот вклад, который внесли в историю Российской державы нерусские народы, который в русской историографической литературе, как правило, недооценивается. Наконец «надо иметь в виду, что предшествующая эпохе модернизации история этнических групп — народностей России имеет также большое значение как предыстория наций, которые в XIX и XX веках вовсе не возникли из ничего»¹.

В рамках вышеозначенной парадигмы и выполнялась данная работа, в которой нет переоценки — преувеличения ценностей татарского цивилизационного феномена. Есть лишь желание принять участие в общем процессе восстановления реальной исторической субъектности татарского народа, одного из составляющих истории многонациональной страны — России и всемирной истории.

Путь в историю, начатый татарским народом с участия в создании первых традиционных обществ и тюркских каганатов, а затем продолженный им в форме творения собственных крупных государств и процветавших в эпоху Средневековья цивилизаций, обозначен множеством достижений и потерь, взлётов и падений, что и обеспечивало ему прорыв на приоритетных направлениях прогресса. В рамках истории Нового и Новейшего времени он продолжал совершать то, что, несомненно, важно для всеобщей истории. Его работа на всемирную историю продолжается и в XXI веке.

---

¹ Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. — М., 1996. — С. 12.

«Стрела истории»: от древности к современности

ХУННСКО-ТЮРКСКОЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ НАЧАЛО ТАТАР

Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие даёт кочевой мир.

П. Н. Савицкий

Хунну были первыми, кто совершил прорыв через пустыню, позволивший продлить Великий шелковый путь от Китая до Европы и связать Восток с Западом.

Л. Н. Гумилёв

В центрально-азиатско-«алтайском треугольнике» Евразии в рамках III—II тысячелетий до н. э. медленно и постепенно совершалась одна из самых важных революций в социально-экономической истории человечества: происходило первое великое разделение труда — между племенами, которые преимущественно практиковали земледелие, и племенами, главным хозяйственным занятием которых стало скотоводство¹. С развитием кочевого образа и уклада жизни связано и становление Великой Степи, которая к концу III тысячелетия до н. э. «приобрела современные

---

¹ Номадизм как форма хозяйствования «отпочковался» от земледелия, он исторически возник позже оседлости. «Тем самым отпадает представление, — как совершенно справедливо отмечал П. Н. Савицкий, — о кочевом быте как об особой «стадии» в развитии человечества... Кочевой быт представляет не «стадию, но месторазвитие. В связи с этим нужно указать на необоснованность ходячих суждений о том, что кочевая культура принципиально «ниже» оседлой. В чисто научной сфере понятие «лестницы культур» надлежит заменить представлением о разных культурах» (*Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения. — Прага, 1928*). Тюркская кочевая культура также не может быть оценена через стандарты — критерии европейской системы ценностей. Её общим аршином не измерить, у неё своя «особая статья». Отличительной чертой народов тюркского кочевого мира, конечно, является целый ряд качеств, формируемых природой, включая проницательность, интуицию. Правомерно суждение, что природа не географическое понятие, не окружающая среда, «мистическая субстанция, а Прародина — Мать-земля своему народу, выступающему в отношении её одновременно и Сыном, и Мужем. История есть супружеская жизнь Народа и Прародины. Культура же — чадородие их брака». Не менее притягательной чертой тюркского цивилизационного мира является его сравнительно позднее подключение к шествию мировой цивилизации и феномен его стяжённого развития, когда ускоренно были пройдены те исторические формации и стадии общественного сознания, которые в нормальном поступательном процессе Европы и России занимали века (*Гачев Г. Национальные образы мира. — М., 2002. — С. 3, 6*). Длительное время господствовала точка зрения, что изобретателями номадизма как образа жизни и первыми номадами были индоевропейцы, к которым примкнули тюрки. Ныне аргументированно доказано, что нельзя украсть у тюрков страницы их начальной истории, которые были посвящены созданию тюрками-хунну могучего государства, существовавшего в конкурентном соседстве с великим Китаем. Хунну не получили номадизм от кого-то, а в течение столетий сами его формировали вместе с другими этнокультурными сообществами.

очертания, и к этому сроку для неё настало время человечества»¹. Великая Степь, оживая деяниями первооткрывателей, становилась житнетворительным эпицентром Евразии. Человечество могло надолго задержаться в своём развитии без пионерско-подвижнической энергии народов-освоителей континента Азии. К сожалению, долгое время народы, открывшие Азию и создавшие там сеть цивилизаций, «были вполне умышленно оклеветаны, оболганы, провозглашены примитивными дикарями, на которых «цивилизованная», «высококультурная» Европа просто-таки обязана взирать сверху вниз с нескрываемым превосходством и вполне объяснимой (для самих заносчивых европейцев, понятно) брезгливостью. Меж тем азиатская действительность старых времён, как показывает даже довольно-таки поверхностное изучение, была весьма далека от сфабрикованного европейцами удобного лубка»². Великое изобретение — номадизм, принадлежащее им, являлось формой ответа на вызов Истории, сутью которого было осуществление пионерного проекта по созданию развитого человеческого общежития в условиях нетронуто-девственной природы. Окончательное сложение номадизма как формы хозяйствования и образа жизни огромного массива человеческого сообщества происходит в конце III — начале II тысячелетия до н. э.³

Какие условия подготавливали формирование кочевого образа жизни? Кому первому пришла мысль «всё своё положить на повозки — с тем, чтобы отныне, в поисках травы и воды, стать независимым от оседлости? Кто бы он ни был, — пишет один из основателей концепции «евразийства» П. Н. Савицкий, — эта мысль стала одной из чреватых последствиями человеческих мыслей. Тем самым создался хозяйственный уклад, который доныне остаётся наиболее рациональным укладом на миллионах квадратных вёрст; создался уклад, в течение тысячелетий имевший огромные военные преимущества, сделавший историю кочевого мира одной из замечательных страниц истории...»⁴

Наиболее известную развитую древнеевразийскую форму государственного образования представляет хуннская держава. По многим культурно-цивилизационным характеристикам она определяется как хуннский социальный феномен⁵. Эта тема в советское время была запретной, как, собственно, и тюрко-татарская проблематика в целом. На рубеже XX—XXI веков стало возможным «прикоснуться» к древнейшим истокам истории тюркской цивилизации и татарского народа. Сегодня уже можно

---

¹ Доманин А. А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. — М., 2005. — С. 4.

² Бушков А. А. Чингисхан. Неизвестная Азия. — М., 2006. — С. 4.

³ Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Жить — это кочевать // Независимая газета. — 2006. — 28 июня.

⁴ Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения. — Прага, 1928.

⁵ Россия и Восток: археология и этническая история // Материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». — Омск, 1997. — С. 6—9.

говорить о возникновении целого направления в исторической науке — хуннологии¹. Главная его миссия состоит в возрождении из пепла истории образа народа — одного из первооткрывателей «евразийской целины», в восстановлении исторического достоинства хунну (не в терминах «лучший» или «худший», а в исторической беспристрастности). Хуннология призвана восстановить исходно-начальное звено непрерывной цепи исторического творчества тюркских народов, которое осуществляясь в тесном взаимодействии народов, вливалось и усиливало общечеловеческий цивилизационный капитал.

Хуннское государство создаётся на базе весьма масштабной евроазиатской культурно-исторической общности, сложившейся в VIII—VII веках до н. э. на обширной территории от Северного Причерноморья на западе до Ордоса на востоке. Но «сердцевинной» точкой формирования образа жизни, хозяйственного уклада, быта и основных черт характера хунну является Горный Алтай. Алтай — естественная природно-экологическая ниша, где зарождалась основа хуннской культуры, которой будет суждено стать мировоззренческо-ценностным ориентиром в процессе формирования тюркской цивилизации. Алтайско-хуннская культура предопределила многие параметры образа жизни, стиля мышления, религиозно-культовых воззрений тюркоязычных народов. Отсюда же, с Алтая, подавались незатухающие «сигналы» цивилизационного строительства, воспринятые народами других континентов. Именно здесь археологи обнаружили памятники материальной и письменной культуры, которые обусловили мировоззренческий переворот в представлениях о месте и роли кочевых народов и их культур в становлении и развитии тюркской цивилизации, в общеисторическом процессе эволюции человечества в целом. Ведь историческая наука на протяжении многих столетий находилась в плену стереотипа, созданного ещё Аммианом Марцеллином, утверждавшим, что кочевые народы — это дикие варвары, не умеющие ни сеять, ни пахать, не знающие родины, сокрушающие всё, что встречают на своём пути, и занимающиеся только войной².

Вопреки традиционному евроцентристскому подходу к оценке хуннского этапа тюркской кочевой истории, современная историческая наука предполагает и убедительно доказывает, что хунну уже к концу III века до н. э. представляли собой внушительную силу, контролируя Великую степь от Алтая на западе до Большого Хингана на востоке, от Байкала на севере до Китая на юге. Мощь хуннского государства, как, собственно, и всех последующих тюркских империй, создавалась не столько в результате

---

¹ См.: *Ермолаева И. Е.* Вторжение гуннов в Европу // Россия и Восток: история и культура : материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». — Омск, 1997; *Гумилёв Л. Н.* История народа хунну. — М., 1998. — Кн. I, II; *Аджи М.* Европа, тюрки, Великая Степь. — М., 1998; *Крадин Н. Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. — М., 2000.

² См.: *Газиз Г.* История татар. — М., 1994. — С. 20.

походов и завоеваний, сколько в процессе нарастания динамизма его развития. История его становления — это история смены волн реформ и прогресса в искусстве управления страной.

Принято считать, что первым известным правителем хунну, носившим титул шаньюй (верховный вождь, хан), был Тоумань. В годы его правления хунну подвергались массированным атакам со стороны окружавших их племён и могущественной Китайской империи. В этот период ситуация складывалась явно не в их пользу. В частности, Тоумань был вынужден не только платить дань некоторым племенам, но и отправить к правителю враждебного народа юэчжи в качестве заложника своего сына Модэ. Однако последнему удалось бежать. Несмотря на то что Тоумань лишил Модэ права наследовать власть, он всё же выделил ему удел и 10 тыс. воинов. Среди своих воинов Модэ навёл жесточайшую дисциплину, в результате чего каждый был готов беспрекословно выполнить любой приказ.

То, каким образом он этого добился, в известной мере объясняют записи китайского историка II века н. э. Сыма Цяня. Обучая своих воинов, Модэ приказал им пускать свои стрелы туда, куда он пустит свою. Неповиновение каралось смертью. Дабы удостовериться, насколько преданны и дисциплинированы его воины, он решил проверить их. Вначале он повелел следовать его примеру, пустив стрелу в своего любимого коня. Тем, кто не повторил его действий, Модэ велел отрубить головы. Спустя некоторое время он направил стрелу в свою жену. Многие воины не смогли сделать того же и были казнены. Затем на охоте Модэ пустил стрелу в коня своего отца. На этот раз уклонившихся не оказалось. Сделав вывод о том, что подготовка воинов завершена, Модэ выстрелил в своего отца, и последний тут же был утыкан стрелами¹. Вероятно, многое в описании «системы Модэ» преувеличено. Более того, в историографии нет единого мнения о том, каким образом Модэ пришел к власти. По одной из версий, он законным образом наследовал титул своего отца, по другой — убил его².

Бесспорно то, что роль Модэ в истории Великой Степи была значительной. Неслучайно некоторые историки называют его «Чингисханом древности». Для такого уподобления есть основания: Модэ действительно во многом схож с великим монголом. Он создал великую державу, просуществовавшую около трёхсот лет, установил жёсткий порядок в общественной и политической жизни, провёл крупнейшие реформы, добился огромных успехов на военном поприще. «Установления Модэ (по крайней мере, многие из них) на тысячелетия пережили своего создателя, легли в основу социальных отношений в Великой Степи и вплоть

---

¹ По: *Гумилёв Л. Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. — М., 1960. — С. 64.

² *Ахсанов К. Г.* Очерки истории тюркских народов. Древность и Средневековье (III в. до н. э. — XII в. н. э.): учеб. пособие. — Казань, 2003. — С. 53.

до Чингисхана во многом определяли всю систему жизненных ценностей в этом регионе мира. То, что было сделано Модэ в Великой Степи, по своему размаху и последствиям превосходит деяния Юлия Цезаря или Карла Великого»¹. Но если имена двух европейских политиков-полководцев известны каждому, то Модэ до сих пор оставался незаслуженно забытым.

История хунну, как и история кочевников в целом, — это прежде всего военная история, составившая «одну из огромных и замечательных глав всемирной истории» (*П. Н. Савицкий*). Выдающееся изобретение тюрков-кочевников — лёгкая колесница с вооружёнными воинами и лошади в упряжке (II тысячелетие до н. э.), воин-всадник на боевом коне (I тысячелетие до н. э.), конница (кавалерия) как особый мобильный, ударный род войска, как правило, обеспечивавший успех сражения. Эти достижения постепенно перенимались оседлыми народами, становясь важной частью вооружения их армии.

Народы, входившие в контакт с тюрками, заимствовали у них многие элементы военного снаряжения, одежды и быта: жёсткое седло, уздечки, стремяна, шлем, кожаные сапоги, пояс. С хунну связано появление кованого меча, защитных доспехов и свистящей стрелы (иногда называлась музыкальной), имевшей не только большую дальность полёта, но и производившей устрашающий психологический эффект, наводя страх на противника.

Военная история тюрков-кочевников — это история, примечательная по многим параметрам. По выражению П. Н. Савицкого, прежде всего с физической точки зрения. «Количественно небольшие группы кочевников, — отмечал он, — добивались величайших политико-милитарных результатов... Всё население гуннского царства² не превышало по численности населения нескольких китайских округов (одной пятой китайских богатств было достаточно, чтобы купить целиком гуннский народ). И эта горсточка (организованная на основах кочевого быта) держала в страхе Китайскую империю и временами добивалась политического над ней перевеса... Военная история кочевого мира — это как бы взрыв атома. Но за этой «физической» стороной скрывается, конечно, другая. Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие даёт кочевой мир»³.

Наверное, под впечатлением поистине революционно значимых достижений в военной сфере в исторической литературе до сих пор сохраняется оценка хунну лишь как завоевателей, занятых главным образом войнами со своими соседями. Евроцентристская модель восприятия хунну как воинственного,

---

¹ Доманин А. А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. — М., 2005. — С. 17.

² Речь идёт о хуннском государстве.

³ Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения. — Прага, 1928.

агрессивного и варварского народа поныне воспроизводится в самых различных вариациях.

Но в рамках культурно-цивилизационного, мирозидательного подхода к исторической оценке хунну методологически важно исходить, во-первых, из того, что освоение военного дела, совершенствование военной техники и технологии, военной стратегии и тактики было главным условием самоорганизации, самоутверждения, обеспечения безопасности и дальнейшего развития не только кочевых, но и всех древних сообществ. Война, военные походы, умение воевать, доведённое до уровня боевого искусства, для них были весьма важной частью образа жизни. У хунну военное дело было престижным, культовым занятием. Так, китайские источники отмечают проведение военных спортивных игр, состязаний, конных скачек. В хуннской поэтической культуре возникает даже военный музыкальный жанр, т. е. песни и гимны, восхвалявшие воинскую доблесть и отвагу, верность клятве и данному воином слову-обещанию¹.

Во-вторых, превращение патриархального общества хунну в крупную военную державу, способную на протяжении более трёх веков конкурировать за лидерство в центральноазиатском регионе с самым мощным тогда государством — Китаем, также обуславливала приоритетность военного дела в структуре образа и уклада жизни. Каждый хунну был воином, имел начальника, был обязан подчиняться ему. Он рождался и заканчивал свою жизнь воином².

В-третьих, развитость военного дела объясняется и тем, что оно выступало фактором роста эффективности хозяйственной жизни, ибо хунну-воин одновременно был и скотоводом (пастбищное хозяйство), и земледельцем (пашенное земледелие), и коневодом (конь — основная тягловая сила, средство транспортировки и передвижения). Не агрессивность, не кровожадность и жестокость как генотипные черты характера превращали тюрка в воина. Экономический мотив, возможность переключения и применения достижений военной мысли и техники в быту и хозяйстве нельзя исключать из спектра причин культивирования военного образа жизни.

В-четвёртых, степень военизированности образа жизни древних тюрков во многом предопределялась задачами поиска наиболее удобных и выгодных территорий «месторазвития» в целях обеспечения природно-климатического, географического и геополитического преимущества. Конечно, нельзя исключать и такой серьёзный мотив, как решение проблемы обеспечения безопасности, независимости и реализации амбиций мессианского лидерства и имперского господства. Имперскость — этот обозначив-

---

¹ Бакиров М. Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Казань, 1999. — С. 47, 52–53.

² Николаев В. В. История предков чувашей (XXX в. до н. э. — XV в. н. э.). — Чебоксары, 2005. — С. 53.

шийся вектор цивилизационного развития был присущ в эпоху древности азиатским и европейским этнокультурным сообществам в целом. Такая направленность была характерна и для евразийско-тюркских государственных образований эпохи «архаических» империй. «По правде говоря, — отмечает Юваль Ной Харари, — империи на протяжении двух с половиной тысяч лет были основной формой политической организации. Два с половиной тысячелетия большинство людей были подданными той или иной империи. И это очень стабильная форма государственной жизни»¹.

В-пятых, в контексте миростроительного подхода к исторической роли хунну методологически важно подчеркнуть, что, хотя постановка военного дела в хуннском обществе была приоритетной и хунну часто вели войны с соседями, а военное искусство всячески культивировалось, из этого не вытекает вывод об их генетической воинственности, беспощадности, склонности к захватничеству, разбою и агрессивном типе характера кочевых тюркских сообществ. Автор считает важным отметить, что в хуннском обществе укреплялась тенденция постоянного приращения удельного веса цивилизованности, гуманизма и гуманитарности. Так, война, военные походы начинают приобретать более цивилизованный характер. Устанавливается целый ряд этических, правовых, административных норм и принципов организации армии, ведения военных действий и правил поведения на захваченной или колонизированной территории. Совершенствуется дипломатия, результаты которой часто преобразовывались или задерживали начало войн, способствовали их завершению принятием документов, устанавливавших мир, т. е. заключением мирных договоров (соглашений).

В практику входит заключение межплеменных и международных соглашений, по форме и сути похожих на клятвы. «Так, например, — отмечает известный филолог-ориенталист М. Х. Бакиров, — в «Цянь Хань шу» описано заключение в 47 году до н. э. правителем (шаньюем) восточных хунну Хуханье соглашения с китайцами посредством клятвы. В том же источнике приведён текст клятвы, произнесённой обращением к небу»². Заключение клятвенных договоров как самой высокой формы в практике межгосударственных отношений в последующем становится нормой тюркской дипломатии. На основе такой же традиции, например, был заключён договор между западными хунну и Кавказской Албанией³. То, что эти клятвы совершались на горах путём простирания рук вверх, к Небу, в целях приближения к Тенгри, придавало им сакрально-мистический характер⁴.

---

¹ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. — М., 2018. — С. 235.

² Бакиров М. Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии : автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Казань, 1999 — С. 52.

³ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. — М.; Л., 1959. — С. 209—210.

⁴ Бакиров М. Х. Указ. соч. — С. 53.

О совершенствовании миротворческих методик и технологий в практике международных отношений можно судить и на основании анализа копии текстов письма правителя хунну Модэ китайскому императору Хиао-Вену (176 год до н. э.).

«Великий гуннский Тенгри-Кут, возведённый на престол Богом (Тенгри), приветствует императора Китая и желает ему здоровья. Недавно мы получили от Его Всемогущества императора послание об устройстве мирных и родственных отношений. Этот вопрос разрешился в соответствии с обоюдным желанием сторон и содержанием писем.

В последнее время по причине того, что ваши чиновники на границе оскорбили (нашего) Западного Токи, он без моего разрешения и по наущению Ху-Хеу Нанчжу и других вступил в конфликт с китайскими чиновниками и таким образом совершил действия, противоречащие договору, заключённому между двумя правителями. Он нарушил существующие между нами отношения братства и поставил Ханьскую династию в положение врага соседнего государства. Были получены два письма, в которых император Китая выразил недовольство. Отправленный нами с ответным письмом посол пока не вернулся. Также не вернулся и китайский посланник. Это положение, это недоразумение между двумя соседними государствами явились причиной некоторых нежелательных действий.

Т. к. действия, противоречащие договору, произошли из-за ошибки нескольких мелких чиновников, я повелел принцу Токи идти в поход на юэчжей.

С помощью Тенгри и благодаря тому, что наши воины были здоровы, а кони сильны, наша армия одержала над юэчжами большую победу. Острота наших сабель заставила их нам подчиниться. (Кроме этого) в последнее время мы привели в Средней Азии к подчинению лоланов, усуней, хукотов и других — всего 26 народов и стран. Всё население этих стран стало воинами нашей армии, все народы составили с нами один дом (один народ).

После установления безопасности и порядка в северных странах я намереваюсь прекратить войну, дать отдых воинам, а коней пустить на луга для откормки. Я хочу, забыв о событиях, имевших место между нами (и вами), чтобы население на границах жило, как и раньше, в мире, дети росли, а старики до конца своих дней пребывали в спокойствии. Пусть (народы) из поколения в поколение пользуются миром и порядком.

Т. к. от императора Китая до сих пор нет ответа, я посылаю это письмо с придворным министром Хе-у-Ценом. Я также отправляю с ним верблюда, двух верховых и восемь ездовых коней. Если император не хочет приближения гуннов к границам Китая, он должен дать повеление пограничным чиновникам и приграничному населению удалиться от границы»¹.

---

¹ Максуди С. Тюркская история и право. — Казань, 2002. — С. 182–183.

Вышеприведённый текст письма расширяет наше представление о политико-правовых взглядах правившего две тысячи лет назад тюркского государственного деятеля и военачальника Модэ Багадура и отражает характер международных обязанностей и отношений. Оно отражает и образ мыслей тюрков того времени, умевших серьёзно размышлять.

Об этом же свидетельствует содержание ещё одного исторического документа миротворческого характера. Он свидетельствует о высоком уровне договорной практики между двумя великими государствами и коммуникативной культуры в целом и, конечно, о благотворном воздействии китайской цивилизации на процесс эволюции хунну и других евразийских этнокультурных сообществ.

Договор, заключённый между гуннским правителем Хуханье и китайскими послами Хан Чангом и Чанг Мунгом в 47 году до н. э.

«Начиная с сегодняшнего дня и на все будущие времена китайцы и гунны заключают между собой союз с целью составить единый род (быть братьями), не обманывать друг друга и не нападать друг на друга из поколения в поколение и устанавливают следующие принципы:

1. В случае, если подданные одной из договаривающихся сторон совершат воровские или разбойные действия, потерпевшая сторона тотчас сообщит об этом другой стороне, и виновный будет наказан и (потерпевшему) будет возмещён ущерб.

2. Если одна из двух сторон подвергается нападению третьей страны, другая сторона должна оказать ей военную помощь посредством отправки войска.

Пусть падёт проклятие небес на того, кто осмелится нарушить договор. Пусть последующие поколения обоих народов уважают это соглашение»¹.

Переписка хуннского предводителя Модэ с китайским императором, договоры и соглашения, заключённые между двумя государствами, а также многообразные формы и методики миротворческой практики вошли в золотой фонд искусства тюркской дипломатии.

Особенность хуннского этапа древнетюркской истории в этом плане состоит в общественном осознании весьма важной мысли-идеи о сопоставимости мира как ценности по сравнению с войной. «Подобно тому, — отмечает классик тюркологии Садри Максуди Арсал, — как турки умели отличаться на поле боя, когда это было необходимо, при соответствующих условиях они могли быть и защитниками мира. Периоды культурной жизни, которые мы видим в истории тюрков... были возможны благо-

---

¹ Максуди С. Тюркская история и право. — Казань, 2002. — С. 185.

даря «тюркскому миру» (*pax turcica*), т. е. миру и спокойствию, гарантом которых была тюркская сила. Как миролюбивость, так и воинственность не являются неким психологическим состоянием, в котором пребывают народы. Это всего лишь результаты, порождённые историческими, климатическими и экономическими условиями»¹.

Внешняя политика хунну со временем всё больше подчинялась задаче обеспечения условий для мирной жизни. Её приоритеты смещались в сферу торговых, культурных и деловых отношений. На это были направлены дипломатия и усилия по упрочению обычаев и традиций соседствования, гостеприимства, партнёрства. В соответствии с ними, например, гарантировалась защита жизни и имущества гостей, торговцев, послов и парламентариев. Ценность мира и горечь военных потерь отражались и в древнехуннской поэзии, особенно в таких её жанрах, как плач (сыктау), плач-причитание, историко-лирические и исторические песни².

Таким образом, исторический прогресс хуннской культурно-исторической системы во многом связан с обеспечением техно-гуманитарного баланса между культурой войны и культурой мира. Именно этим объясняется то, что тюркская цивилизация в хуннском варианте не «провалилась» в бездну, пучину войн и не растворилась в процессе динамической колонизации территории ойкумены, а, обозначая себя в форме частых пассионарных «толчков-выбросов» в пределах своего распространения, «прорвалась» в новые исторические эпохи и дала «всходы», в т. ч. на европейском культурном поле.

Место народов в истории определяется не статистикой военных побед и поражений, а мерой конкретного вклада в обеспечение исторического рывка человечества в разных направлениях прогресса. Для объективного измерения этого вклада необходим комплексный подход, обеспечивающий охват всего многообразия форм творчества, а также учёт степени новационности, пионерства и востребованности достижений историческим временем.

Ориентиром для миротворческого подхода к вопросу о роли хуннского фактора в эволюции человечества является оценка, данная Л. Н. Гумилёвым. Он считал, что основным достижением хунну было освоение степных просторов Евразии, особенно её пустынных площадей, долгое время разделявших народы, служивших непреодолимым препятствием для сотрудничества народов. Огромное песчаное море в степях Монголии, например, разделяло целые континенты — Европу и Азию. А китайские источники сообщают о многочисленных попытках преодолеть горно-скалистый участок и песчаный коридор, затруднившие транзит между двумя континентами. Каждая такая попытка за-

---

¹ Максуди С. Тюркская история и право. — Казань, 2002. — С. 45–46.

² См.: Бакиров М. Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Казань, 1999. — С. 49.

вершалась неудачей, часто имела трагический финал¹. Люди не выдерживали сурового экзамена на терпение, умение и сноровку. Сказывались недостаточный уровень технического снаряжения, отсутствие надёжных транспортных средств и особой породы лошадей, приспособленных к трудным и долгим переходам через пустыню.

«Хунну были первыми, кто совершил прорыв через пустыню, позволивший продлить Великий шёлковый путь от Китая до Европы и связать, таким образом, Восток с Западом». Л. Н. Гумилёв оценил это как великий цивилизаторский подвиг. «Заслуга их перед культурой лишь в том, что, освоив кочевое скотоводчество, они сумели перебраться через пустыню — песчаное море Гоби, т. е. открыли Сибирь, как их современники-финикийцы, научившись плавать по морю, открыли Европу. Оба открытия важны для судеб истории, и трудно сказать, какое из них более значительно»².

Этот цивилизаторский подвиг был невыносим без такого достижения, как одомашнивание (одомашнивание) лошади. В жизни скотоводческих народов Евразии лошадь имела особое значение: она была основной хозяйственной единицей, главным средством организации кочевой жизни. Лошадь являлась основополагающим элементом военной доктрины хунну. Можно сказать, что именно одомашнивание лошади радикально изменило быт, культуру, мировоззрение, весь уклад жизни степного населения. Через тысячи лет насильственной эволюции дикая лошадь стала выполнять социальную функцию, без которой прогресс на Азиатском континенте был невыносимым. «К 1000 году центральноазиатская лошадь была главным транспортным средством, помощником пастухов, без неё невозможно было бы представить охоту, нельзя было вести военные действия — лошадь стала становым хребтом степной экономики»³. Открытие Америки (1492), кстати, также связано с воздействием самой мощной, сверхдлинной 560-летней тюркско-хунно-монгольской пассионарной волны, «прибившей» к её берегам, кроме самих азиатов, и прирученную лошадь. До этого в американских прериях лошадей не было. Возникновение того типичного американского ковбойского образа жизни, который осел в памяти многих поколений, конечно, состоялось благодаря евразийско-степной лошади.

Пионерство хунну на этом направлении действительно имело неоценимое — мировое значение: если мы взглянем на историю общечеловеческой цивилизации, то увидим, что многие поворотные моменты в древнее время и в средние века прямо или косвенно были связаны с появлением и использованием коня.

---

¹ См.: Бичурин Н. Я. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 3 т. — Т. 1. — М.; Л., 1850.

² Гумилёв Л. Н. История народа хунну : в 2 кн. — Кн. 1. — М., 1997. — С. 42.

³ Мэн Д. Чингисхан. Жизнь, смерть и воскрешение. — М., 2006. — С. 56.

Получив возможность «удесятить» свои силы с помощью прирученной лошади, человечество смогло осваивать огромные пространства, а у степных народов это вызвало появление кочевого способа хозяйствования, первых крупных передвижений народов. Скорость и выносливость, недоступные человеку, преданность хозяину делали коня не просто средством передвижения, но и другом, и «соратником». Древние степные народы считали, что конь имеет неземное, божественное происхождение, потому конь был предметом культа. Недаром в представлениях большинства народов конь олицетворял Солнце и был посвящён его богу.

В памяти многих народов долго сохранялись живые образы реальных и вместе с тем мифических кентавров — кавалерии евразийских народов, которые наводили ужас на оседлых жителей Европы и Ближнего Востока. «С конями мчащимися, огнём пышущими, искры копытами высекающими» передвигались древние тюрки, скифы, гунны¹. Оценивая значение окультуривания лошади как революционный «прыжок» в прогресс, можно добавить, что оно явилось одним из грандиозных достижений человечества, без которого, пожалуй, и вся история была бы иной.

Другим весьма важным направлением «цивилизационного подвига хунну» (*Л. Н. Гумилёв*) является свершение «железной революции». Они первыми освоили сыродутный способ выплавки железа, получая из него сталь и чугуны². «Восстановление железа путём химического соединения его окиси с окисью углерода давало губчатую металлическую массу, так называемую крицу. Качество кричного железа даже теперь считается выше доменного»³. Как известно, в Египте, признанном общемировом цивилизационном центре того периода, металл получали более трудным способом — путём выжигания.

На реках Селенге и Чикое найдены целые поселения (городища) хуннских «металлургов», кузнецов и других мастеров, снабжавших население предметами быта, украшениями, хозяйственным инвентарём. «Из высококачественного железа алтайские кузнецы изготавливали однолезвийные ножи, тёсла-топоры, стремена, удила, мечи, сабли с малым изгибом и массивным клинком, наконечники копий и стрел, а также железные котлы двух типов: круглые (подвесные) и стоящие на конической ножке»⁴. Эти поселения нередко разрастались до масштабов города. Согласно археологическим данным, для них была характерна достаточно развитая инфраструктура. В частности, в

---

¹ См.: Конь мой крылатый. — Казань, 2000. — С. 15.

² Неслучайно слова «чугун» и «булат» тюркского происхождения.

³ *Безертинов Р. Н.* Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005 — С. 46.

⁴ *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена : в 3 т. — Т. 1. — М.; Л., 1950. — С. 131.

раскопанных недалеко от Улан-Удэ развалинах хуннского города были обнаружены дома с отопительной системой, плавильные печи, ремесленные мастерские. В центре крупных ремесленно-земледельческих поселений имелись дворцы-резиденции, храмы, молельни. Для развития межобщинных связей строились мосты, совершенствовались средства передвижения, в практику внедрялись колёсные повозки, совершенствовалось караванное снаряжение.

Производство железа, открытие новой отрасли хозяйствования — металлургии дали сильный импульс для качественного скачка тюркского общества в цивилизационном измерении. Металлургия способствовала развитию домашних промыслов (производству изделий для собственных нужд) и возникновению ремёсел (производству изделий для обмена или продажи). Из металла выделялись орудия труда, оружие, предметы домашнего обихода, украшения. Больших высот достигли хунну в ювелирном деле, о чём свидетельствуют найденные археологами изделия из золота, серебра и драгоценных камней. Железо не только расширило ассортимент металлических изделий, но, что особенно важно, способствовало развитию ремесла как особой сферы деятельности и появлению особого профессионального слоя населения — ремесленников. Оно же ускорило становление других видов ремесленной деятельности. Развивалось гончарное искусство, чему в особенности благоприятствовало изобретение печей для обжига керамики и гончарного круга. Получило стимул ткацкое производство. Входила в обиход и кожаная обувь (плетёнки, сандалии).

У цивилизаторского подвига, совершённого хунну, есть и другая серьёзная культурная составляющая. Речь идёт о том, что на данном этапе в древнетюркском сообществе был совершён качественный скачок в идейно-мировоззренческом, духовном отношении. Об этом свидетельствуют сложившийся общетюркский протоязык¹, возникшая письменность², развитое музыкальное

---

¹ Представители московской школы сравнительного языкознания С. Арутюнов и С. Козлов, характеризуя хунну, пишут: «Народ этот, судя по словарю его языка, около 6—17 тыс. лет назад обитал в стране, имевшей горы и равнины, примыкавшей к морю; там росли и берёза, и тис, а в реках водился лосось... Впервые одомашнив лошадь и изобретя лёгкую колесницу, этот народ за пару тыс. лет смог расселиться по множеству стран, ассимилировав их «доиндоевропейское» население, и стал родоначальником множества новых народов». (См.: Арутюнов С. А., Козлов С. Я. Язык — это брод через реку времени // Независимая газета. — 2006. — 25 янв. — С. 14).

² Наличие письменности у хунну отмечается в китайских источниках. Хуннская иероглифическая письменность являлась межобщинной (международной) для всего восточного круга культур. (См.: Гумилёв Л. Н. История народа хунну. — М., 1998. — Кн. I. — С. 131; Николаев В. В. История предков чувашей (XXX в. до н. э. — XV в. н. э.). — Чебоксары, 2005. — С. 60—61).

искусство¹, художественное мастерство², исторические знания³, познания в астрономии, химии, географии. Видимо, не зря ещё классик английской философии (XVI век) Роджер Бэкон писал, что татары преуспели «благодаря методам науки. Хотя они и склонны к войне, но достигли многого, потому что посвящали часы изучению принципов философии». Вот вам и татары-«варвары», чей реальный образ был более известен интеллектуальному миру Европы и Азии и исламо-персидско-арабской культуре.

Необходимо отметить и сравнительно высокий уровень развития правовой культуры хуннского общества. На основе проведённых шаньюем Модэ реформ в хуннском обществе действовало как гражданское, так и государственное право. Как члены общества (граждане), хунну имели систему обязанностей — это поголовная воинская обязанность, обязанность подчиняться начальникам, уважать землю (земля рассматривалась как основа создания государства)⁴. Смертью каралось нарушение дисциплины и уклонение от воинской повинности. В число преступлений, карающихся смертью, входило обнажение оружия. Кража наказывалась конфискацией имущества не только вора, но и его семейства. За мелкие преступления делали порезы на лице⁵. «В последующем эти законы вошли в жизнь почти всех тюркских народов, которые создали свои государства. Обобщённые гражданские права кочевников и государственные права, сохранившиеся со времени Модэ, вошли в законы Чингисхана, в его знаменитую «Ясу»⁶.

Динамичный характер исторического развития хунну в значительной мере определялся постоянным наращиванием межкультурных связей и благотворным воздействием могущественного

---

¹ М. Х. Бакиров в своей докторской диссертации «Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии» высоко оценивает профессиональный и гражданско-воспитательный уровень различных форм поэтического искусства (мифологию, традиционные календарные обряды и праздники), а также уровень музыкального творчества хунну (трудовые, лирические, военные и исторические песни). Недавняя находка на территории Центральной Азии музыкального духового инструмента — каменной свирели более чем 30-тысячелетней древности также подтверждает эту мысль. (См.: Алишев С. Х. Всё об истории Казани. — С. 6.)

² Свидетельством тому являются профессионально оформленные целые галереи наскальных и пещерных рисунков. Грандиозные «художественные галереи» эпохи бронзы обнаружены в горах Анхарай недалеко от Алматы. (См.: Кляшторный С. Г. Страна ариев // История татар : в 7 т. — Т. 1. — Казань, 2002. — С. 75; Алишев С. Х. Указ. соч. — С. 6.)

³ См.: Давлетшин Г. М. Культура древних тюрков. — Казань, 2006. — С. 56.

⁴ «Земля есть основание государства». Это изречение вождя хунну Модэ обрело силу крылатой фразы-метафоры на все времена и для всех народов.

⁵ См.: Николаев В. В. История предков чувашей (XXX в. до н. э. — XV в. н. э.). — Чебоксары, 2005. — С. 52.

⁶ Безертинов Р. Н. Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005 — С. 18.

соседа — Китайской империи. История взаимоотношений с ней полна как периодами мирного сотрудничества, так и жестоких военных столкновений. Основной причиной последних было то, что в сфере влияния хунну оказалась определённая часть территории, по которой пролегал Великий шёлковый путь. Безусловно, это осложняло и затрудняло внешнюю торговлю Китая, доход от которой был велик. Поначалу решение проблемы Китайская империя видела исключительно в военной плоскости, поскольку не желала признавать народы, живущие за её пределами, равными себе. Хунну, наоборот, в большей мере были заинтересованы в мирных отношениях, нежели в войне. Это позволяло им в обмен на скотоводческую продукцию импортировать недостающее в государстве зерно, ремесленные изделия и ткани.

Военные действия шли с переменным успехом. Китайцы долгое время не могли ничего противопоставить хуннской тактике разящих рейдов небольших отрядов, часто застававших китайских воинов врасплох. Для того чтобы огородить свою империю от кочевых народов, в т. ч. и хунну, китайцы возвели стену протяжённостью в сотни километров, известную как Великая Китайская стена. Однако она не служила препятствием взаимодействию китайско-тюркско-хуннских культур. Китайский фактор в древности и Средневековье был важнейшим системообразующим компонентом всей тюркской цивилизации. Признание важности этого фактора закрепилось в афоризме «Держись от Китая подальше. Не отходи от Китая слишком далеко».

В целом результаты взаимодействия хунну с другими культурными мирами, протекавшего по законам конкуренции, сопоставления, сравнения элементов-традиций, поражают воображение. Формирование хуннского цивилизационного феномена стало возможным в процессе выработки образцов заимствования, противостояния «обаянию» (ассимиляции), особенно китайской «модельной» цивилизации, а также восприятия и переработки достижений могущественного скифо-евразийского культурного комплекса (скифского «звериного» стиля в искусстве)¹. Во многом именно благодаря этому хунну сумели занять свою нишу в культуре и искусстве всего кочевого континента от Дуная до Жёлтого моря.

С высоты достижений современной цивилизации обозначенные выше новые явления в хуннском образе и укладе жизни не всегда воспринимаются как качественные сдвиги, прорывы, выведившие на новый уровень жизнедеятельности не только собственно тюркские и евразийские сообщества. Но они существенно влияли и на жизнь соседних народов, воздействовали на темпы и содержание европейского цивилизационного прогресса.

---

¹ При этом степень восприятия скифской культуры была такова, что возник новый феномен — «евразийский пошиб» (*П. Н. Савицкий*) звериного стиля, который на протяжении многих веков являлся художественным знаком отличия тюркского кочевого мира.

«Когда кочевые племена Азии, — отмечал ещё в XIX веке этнограф и исследователь Сибири Н. М. Ядринцев, — имели большие распространения и могущества, естественно, их культура была богаче. Это доказывается как находками, так и свидетельствами путешественников. Одежда, вооружение варваров перенимались греками и римлянами. Византийцы много перенимали у гуннов. В эпоху Юстиниана у варваров заимствованы накидки, штаны и обувь. Оружие варваров (мечи, копья, топоры, кольчуги, щиты) перенималось, даже ткани фригийские шли от варваров-скифов. Императоры Византии и аристократия усваивали богатые головные уборы, шейные ожерелья и другие предметы, которые носили варвары. Археологические данные открывают ныне, как искусство и орнаментика передвигались с востока на запад Европы вместе с восточной роскошью»¹.

Автор приводит ещё один пример того, насколько хуннские культурные достижения входили в европейскую жизненную практику. Известно, что феномен средневекового рыцарства в традиционной историографии оценивается как недостижимо высокое достояние европейской цивилизации. Это, несомненно, так. Но верно и то, что оно является историческим продуктом, базировавшимся на «влипании» в него результатов усилий и творения множества этносов и Европы, и Азии. Оно выросло на «плечах» достижений многих культур. «Возникновением средневекового рыцарства Запад обязан Востоку, прежде всего... скифо-сарматам»². «Ветер степи шумит в древе европейского рыцарства». Эта метафора итальянского историка Франка Кардини относится не только к анализу конкретного феномена рыцарства, в ней плод аналитической мысли по поводу влияния восточного фактора в целом на европейский прогресс. При этом в содержание восточного фактора он включает тюркский (тюркско-хуннский) культурный компонент, относит скифов к родственному им тюркоязычному сообществу. Тем самым он закладывает основу для объективного подхода к вопросу о роли тюрков в древней истории Евразии, обосновывает в исторической науке альтернативную, в отличие от европоцентристской версии, точку зрения на эту проблему.

Скифская тема далека от исчерпывающего изучения и сегодня. За два с половиной века накал дискуссий по этой проблеме не уменьшил, а увеличил количество непояснённых вопросов. Но бесспорно одно: оформление скифов в качестве активных субъектов истории происходило в алтайско-азиатских глубинах, где они в эпоху древности совместно с тюркоязычными и другими племенами осваивали Евразию. Появившись в VII веке до н. э. на исторической арене Европы, они создали развитую полифоническую субкультуру, которая длительное время ока-

---

¹ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — С. 258.

² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. — М., 1987. — С. 42.

зывала воздействие на весь окружающий культурный мир. Непобедимый на протяжении почти четырёх веков (VII—IV века до н. э.), этот многочисленный и воинственный народ оставил наследие в виде неповторимого «звериного стиля» в искусстве на культурном полотне древней истории. «Скифы, этот азиатский по происхождению, но ставший европейским народ, — пишет известный российский скифолог А. Ю. Алексеев, — оказывали на протяжении нескольких столетий значительное воздействие на культуру и историю своих близких и дальних соседей. Они оказались первыми в длинной цепочке известных нам кочевых племён, которые с периодичностью в 200—400 лет накатывались волнами по Великому степному коридору в Европу (последней такой волной были монголы в XIII веке). Тем не менее культура скифов не имеет, пожалуй, равных себе среди степных культур всех эпох ни по присущей ей яркой самобытности, ни по произведённому ею резонансу».

Скифы, конечно, были кочевниками. Но, как и у любого кочевого народа, у них была «база» в виде оседлой части общества, которая и придавала скифам образ многогранной талантливости. Скифы были не только непревзойдёнными воинами, ими «был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь серьёзных изменений и дополнений вплоть до изобретения огнестрельного оружия» (*Е. Черненко*). «Деревянное, обшитое кожей седло — тоже, кстати, изобретение скифов» (*А. Бушков*). Но скифы были и умелыми землепашцами, у которых греки закупали зерно. Они мастерски строили деревянные и каменные дома, изготавливали ковры и искусные ювелирные изделия.

Итак, скифской культуре нельзя отказать в уникальности. Но в литературе, начиная от Геродота и до новейших исторических изысканий, сохраняется традиция умолчания или полупризнания достижений скифов. Почему «скифское золото» экспонируется в крупнейших музеях мира, но умалчивается их принадлежность к кочевой культуре? «У меня есть сильное подозрение, — замечает по этому поводу А. Бушков, — что корень зла в том и кроется — в азиатском происхождении скифов, подсознательно раздражающем европоцентристов, а если совсем точно, европейских шовинистов от истории. С их точки зрения, «азиатам» не полагается «государств» и «городов», на каковые имеет право лишь цивилизационная Европа»¹.

Как бы ни были велики и славны скифы, и они, как многие другие легендарные народы, трансформируясь во времени и растекаясь в пространстве, сошли с арены большой истории. Но скифо-тюркский, как и гуннский, «след» обнаруживался в разных точках мира спустя столетия. Так, известный историк допетровского времени А. Лызлов корни татар, Чингисхана и Батыя возводил к скифам. По мнению М. Аджи, тюрки-скифы добрались не только до Центральной Европы, но и до Британии.

---

¹ Бушков А. А. Чингисхан. Неизвестная Азия. — М., 2006. — С. 110.

Этот оригинально мыслящий историк даже ввёл в оборот понятие «английские кыпчаки»¹. То есть ни скифы, ни хунну и гунны в последующем не выпали в «осадак» истории. Тюркский фермент оставался системообразующим в процессе рождения и становления многих новых культур и этносов. Очевидно, поэтому виртуальный образ «скифов» в массовом сознании продолжает перманентно транслироваться во времени и пространстве. «Мы — те, об ком шептали в старину, / С невольной дрожью, эллинские мифы: / Народ, взлюбивший буйство и войну, / Сыны Геракла и Эхидны, — скифы», — писал поэт В. Брюсов. Знаменитая формула самоидентификации А. Блока: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!» также не имеет временных границ в своём применении.

Результаты самых последних археологических раскопок на территории современного Алтая и Северного Китая («ледяные» гробницы, феномен «алтайских мумий», Аркаимское городище²) усиливают аргументы в пользу гипотезы о тюркоязычности скифов, способствуют решению «хуннской головоломки», проясняют роль древних тюрков в становлении общечеловеческой цивилизации в целом³. «Нет народа, — пишет тюрколог А. И. Куркчи в предисловии к книге Л. Н. Гумилёва «История народа хунну», — который не углядел бы своей части исторического наследия в биографии хунну. История хунну — начальная часть истории многочисленных этносов, населяющих нынешнюю Внутреннюю Евразию, ту Центральную или Высокую Азию, которая до недавнего времени упорно являлась фактической границей русско-европейской ойкумены»⁴.

О чём идёт речь? Насколько прав А. И. Куркчи, утверждая, что многие народы Евразии — это «птенцы гнезда хунну»? Автор согласен с этим мнением. Во-первых, потому, что древний Алтай по своим природно-географическим и экологическим характеристикам — одна из благодатных и благоприятных пространственных зон для оформления здесь «гнезда» — колыбели уникальной цивилизации. Во-вторых, динамичное становление и удивительная жизнестойкость хуннского общества, способность героического противостояния внешним врагам во многом определялись

---

¹ *Аджи М.* Средневековая история тюрков и Великой Степи : в 2 т. — Т. 1, 2. — М., 2007.

² Аркаимская культура, несомненно, относится к типу древнейших продвинутых исторических феноменов. В исследованиях многих авторов Аркаим называют «уральской троей», которая на пять веков древнее гомеровской Трои. Аркаимцы — современники первой династии Вавилона, фараонов Среднего царства Египта и крито-микенской культуры Средиземноморья. См. об этом подробнее: *Зданович Г. Б.* Аркаим: Арий на Урале или несостоявшаяся цивилизация. — Челябинск, 1995; Восточный экспресс. — 2001. — № 11 (23–29 марта); Звезда Поволжья. — 2006. — 10–16 авг.

³ *Гуляев В. И.* Скифы. Расцвет и падение великого царства. — М., 2005. — С. 382.

⁴ *Куркчи А. И.* Предисловие // Гумилёв Л. Н. История народа хунну. — М., 1998. — Кн. 1. — С. 13.

исходно-этноинтернациональным составом создателей-обустроителей алтайского цивилизационного «гнезда». Хуннское государство — это одна из самых раннедревних форм федераций народов — племенных союзов, в которой рано и быстро вызревало осознание важности общности и единства. И, в-третьих, помещённость хуннского общества во всемирно-исторический контекст, а точнее, «в определённую дидактическую схему синхронных и диахронных сравнительно-сопоставительных связей с теми или иными конкретными субъектами истории» (*Р. М. Гибадуллин*), способствовала внедрению в его этнокультурный код ценностей самобытности, самоидентификации и одновременно общности исторической судьбы всех его составляющих.

Более обобщённо можно сказать, что историческая основа способности и традиции этнокультурной самоидентификации большого семейства тюркских, и не только тюркских, народов возникла в недрах хуннского общества. «Именно хунну, представ на мировой арене как военно-патриархальное государство-народ, впервые определили собой существование особой геоисторической целостности, особой цивилизации, находившейся в оппозиции как Древнему Китаю, так и ираноязычному Турану и далее — Западу. Хунну и их соседи, находившиеся в подчинении или в соседской тяжбе и вражде, вошли в историю, составляя самостоятельный регион развития культуры, искусства, религии, экономики и политики. Эта самостоятельность началась очень рано и отразилась... в первобытных петроглифах, рисунках на камне, в грандиозных росписях в пещерах, на скалах, в скульптуре»¹.

Совсем не случайно, что к могуществу степи именно тогда проявили интерес народы Европы, и особенно наиболее цивилизационная её часть — древние греки, римляне. Образ Великой Степи олицетворялся и конкретизировался через преобразовательные действия хунну. «Они были первыми, кто проникся беспокойством пространства, кто испытал волнение перед территорией ужаса, — кентаврами, конными всадниками, перемещавшимися со скоростью ветра. Китаецентрический взгляд на кочевников понятен: он статичен, недаром против них построена Китайская стена. Европейский искус, древнегреческий прежде всего, вырос из огромного любопытства к новизне и переменам. Царские грифы где-то в Сибири стерегли золото, гипербореи жили в снегах, исседоны подпирали золотоносные горы, одноглазые аримаспы на золотооблачённых конях покоряли равнины».

«Кто они были?» — спрашивает А. И. Куркчи и отвечает так: «Античный странник и поэт Аристей из Проконесса увидел дикий мир равнодушных людей азиатской Скифии и описал их. Время — VI век до н. э. «Берегись остроклювных, безгласных псов Зевса, грифов и одноглазой конной рати аримаспов, которые живут у златоносного Плутонова потока», — так написал

---

¹ *Куркчи А. И.* Предисловие // Гумилёв Л. Н. История народа хунну. — М., 1998. — Кн. 1. — С. 14.

Эсхил в «Прикованном Прометее» в 475 году до н. э. Все отметили фантастически необузданный мир конной Азии: Скифии или Хуннии — Геродот, Клавдий Птолемей, Плиний»¹.

В середине II века до н. э. хуннская держава вошла в фазис распада. В поиске причин распада любого мощного государственного объединения нужно исходить из того, что их всегда бывает много. Так, в списке причин падения Римской империи насчитывается 210 гипотез. Многофакторными были и причины распада хуннской державы. В историческом плане тюрки ещё только учились искусству создавать государство. Из близкого окружения для них наибольшую ценность представлял китайский опыт строительства централизованного государства. Но калькировать в цельном виде оседло-земледельческий тип государственности было невозможно и нецелесообразно. Хунну надо было учиться создавать принципиально новый тип государства самостоятельно. Именно сопряжёнными с этим издержками главным образом и объясняется сход с арены истории державы хунну.

Значительную роль в ускорении этого процесса сыграл китайский фактор. Что имеется в виду? Постоянные войны с Китаем и подстрекаемыми китайцами соседними государствами ослабляли историческую энергетику молодого государства. Китайцы умело пускали в ход самые разные приёмы в борьбе против хунну: интриги, заговоры, подкупы хуннской знати и т. д. К примеру, представители знати в борьбе за титул шаньюя часто пользовались поддержкой Китая, что вело к их зависимости от Поднебесной империи. Хуннская аристократия, обогащаясь за счёт китайских «даров», пренебрегала интересами своего государства, что вело к социальной дифференциации хуннского общества и росту в нём конфликтогенного потенциала. В середине I века н. э. хунну раскололись на южных и северных. Южные хунну признали свою зависимость от Китая и вступили в союз с ним, а также с сяньбийцами (90—94 гг. н. э.), нанесли ряд поражений северным хунну. Однако Китаю и его союзникам не удалось их уничтожить. Ожесточённо сопротивляясь, северные хунну отступали на запад, и к 158 году небольшая их часть достигла Нижнего Поволжья и Прикаспия.

Двигаясь на запад по азиатским степям, хунну то покоряли, то заключали договоры и создавали союзы с местными тюркскими и угорскими народами. Все эти народы переходили к таборному кочеванию, перенимая элементы политического устройства хунну-гуннов. При этом сами они также обогащали кочевнический образ жизни элементами культур местных — оседлых народов. Этому способствовала толерантная природа хуннского характера. Неслучайно по мере движения миграционного потока орда хунну-гуннов обростала не только тюркскими, но и угорскими и ирано-язычными (сарматы) племенами.

---

¹ Курчки А. И. Предисловие // Гумилёв Л. Н. История народа хунну. — М., 1998. — Кн. 1. — С. 14.

Интересно выяснить, почему хунну при своём отступлении выбрали именно западное направление? Почему целый народ решился на столь опасное переселение¹, не имея при этом ни малейшего представления о том, что ожидает его впереди? В определённой степени ответ на поставленный вопрос дают результаты археологических раскопок в кургане Ноин-Ула. Среди найденных вещей оказалось много привозных изделий. По мнению Г. И. Боровки, обнаруженные фрагменты тканей имеют греческое происхождение². Если дело обстоит именно так, и хунну пользовались вещами, созданными в странах западной цивилизации, то логично предположить, что хунну уже имели контакты с европейцами, знали и о самих странах, в которых были изготовлены те или иные изделия. Тогда выбор направления их пути был обусловлен вполне конкретными причинами — знанием факта, что на западе живут народы, которым есть чем торговать и условия обитания которых пригодны для жизни. Видимо, хунну понимали, что, будучи оттеснёнными от Китайской империи, они будут обречены на постепенный регресс, поэтому переселение на Запад, где, по имеющимся у них сведениям, находилась высокоразвитая цивилизация, было обдуманное и, скорее всего, оптимальным решением.

Поиск ответа на вопрос, казалось бы, имеющий конкретно-частный характер, выводит нас на размышления более глубокого порядка.

Кочевой мир принято рассматривать как некое текучее, постоянно движущееся явление. В течение многих веков истории кочевые волны прокатывались в самых разных направлениях. Хотя общим вектором движения, независимо от территориально-исходного положения, был всегда запад, ни один из кочевых народов не проник на запад далее срединноевразийских степей.

Гуннское движение, ставшее началом всемирного явления — великого переселения народов — выбивается из этой схемы. Аттіловы походы знаменуют собой исторический прорыв тюрков-кочевников в культурный массив Европы. Он состоялся потому, что гунны продолжили и развили хуннскую традицию завоеваний-переселений. «Нужно отделять, — отмечал П. Н. Савицкий, — завоевания-расширения от завоеваний-переселений. В первом случае завоеватель не бросает той базы, от которой он первоначально исходит: он расширяет свои владения, не отказываясь от прежних. Во втором случае — первоначальная

---

¹ Феномен Великого переселения народов нельзя упрощать ни по сложности, ни по временному его измерению. Хунну-гунны, положив начало этому явлению, вовлекли в этот миграционный поток огромные массы людей самого разного этнокультурного происхождения. По массовости оно приобрело общекионтинентально-европейский масштаб, а в хронологическом измерении оно было растянуто в несколько веков (от III—II вв. до н. э. до IV—V вв. н. э.).

² Краткие отчёты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. — Л., 1925. — С. 26.

база оставлена завоевателем»¹. При сравнительно-сопоставительном подходе можно утверждать, что если монгольское движение XIII века относится к типу завоеваний-расширений, то хуннско-гуннское движение является завоеванием-переселением.

Переселенческая идеолого-мировоззренческая установка влияла на выбор направления и характер гуннских миграций, усиливала эффект коммуникации и взаимодействия гуннов с европейской культурой. Потому трудно согласиться с утверждением о том, что гунны несли в Европу только беду, сея разорение и смерть римской цивилизации. Это была «лавина азиатов, — пишет французский историк Луи Альфан, — более диких, чем все прочие варвары... Нашествие гуннов... вызвало такое потрясение, после которого она долго приходила в себя, так что это нашествие косвенным путём упростило задачу другим варварам»². Деятельность гуннов в Европе автор квалифицирует как действия «аттиловской банды», погром «азиатских орд». Видимо, даже маститому учёному было трудно расстаться с философией «высотности» европейской и «примитивности» тюркской культур, цивилизованности европейцев и варварства азиатов. Хотя надо признать то, что Луи Альфан успел многое сделать для того, чтобы последующее поколение историков смогло совершить «переоткрытие» Азии с точки зрения признания её роли в формировании культурного образа средневековой Европы.

По пути своего следования, а также в процессе жизнедеятельности на новом месте обитания хунну быстро и легко общались и даже смешивались с другими народами и племенами. Так, к моменту переселения хунну в Поволжье и Приуралье здесь жили угорские племена. По словам Л. Н. Гумилёва, «...приуральские угры были тем народом, который приютил беглецов и дал им возможность вновь собраться с силами»³. В результате такого синтеза некоторые изменения претерпели внешний облик и культура хунну. В этой связи принято различать центральноазиатских хунну и восточноевропейских гуннов. Если о первых мы знаем благодаря китайским источникам, то о вторых нам известно из трудов европейских авторов. При этом большинство учёных согласны с гипотезой, в соответствии с которой происхождение гуннов напрямую связывается с хунну⁴. Примечательно, что с момента своего первого появления в Восточной Европе в середине II века и до середины IV века о гуннах нет каких-либо сведений. По всей видимости, в течение 200 лет продолжал идти поток кочевых народов с востока, который вливался в гуннский

---

¹ Савицкий П. Н. О задачах кочевниковедения. — Прага, 1928.

² Альфан Л. Великие империи варваров: от великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. — М., 2006. — С. 27.

³ Гумилёв Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. — М., 1960. — С. 242.

⁴ Гавритухин И. О. Гунны // Большая Российская энциклопедия. — Т. 8. — М., 2007. — С. 160.

этнос до той поры, пока этот конгломерат не достиг критической массы, требующей выплеска вовне.

Такой выплеск происходит в 60-х годах IV века, когда гунны переходят Волгу и начинают продвигаться в Европу. Здесь они в первую очередь столкнулись с аланами и готами. Несмотря на ассимиляцию, гунны сохранили хуннскую тактику ведения боя, основанную на лёгкой и маневренной кавалерии. Гуннские всадники, вооружённые луками, способными поражать дальние цели, не сближаясь с противником, осыпали их градом стрел. При попытках противника сойтись с гуннами в ближнем бою те, обладая прекрасной маневренностью и мобильностью, рассыпались в разные стороны. Аланы и готы, имея более тяжелое вооружение, так и не сумели приспособиться к тактике гуннов и к 375 году были ими разгромлены.

В конце IV века гунны, преодолев Кавказский хребет, стали совершать походы в страны Ближнего и Среднего Востока. Однако в этом регионе им так и не удалось углубить своё продвижение и в начале V века под натиском персов они были вынуждены покинуть пределы Передней Азии.

После относительной неудачи в персидских владениях гунны снова направляются на запад. Переправившись через Дунай, они проникают в пределы Центральной Европы, пытаясь установить отношения с Римом. К этому времени контролируемая ими территория простиралась от Рейна до Волги. Наивысшего расцвета гуннская культура достигла в так называемую эпоху Аттилы, который сумел не только объединить в одно целое западную и восточную части союза гуннских племён, создать мощное государство, простиравшееся от Кавказа до Эльбы, но и придать ему новое качество, с точки зрения культурно-цивилизационного измерения.

Аттила — это уже не племенной вождь и не царствующий хан, а лидер страны, военачальник нового формата, совмещавшего в себе хуннское и европейское начало. Поэтому он сразу входит в поле зрения многих известных государственных деятелей, военачальников, а также историков и исследователей-географов Европы. Его имя становится знаковым на фоне дряхлеющей Римской империи, кризиса отживающей и рождающейся новой исторической эпохи. Вот какую характеристику даёт ему историк середины XIX века, специалист по древней истории А. Вельтман: «Положим, что Аттила был варвар в греческом смысле, т. е. язычник; но варвар-политик, который, прежде чем брался за оружие, состязался переговорами; варвар, по сознанию просвещённое врагов своих, мудрый в советах, снисходителен к просьбам, верный данному слову»¹.

Классик древней истории Иордан писал о нём: «Был он мужем, рождённым на свет для потрясения народов, ужасом всех

---

¹ Вельтман А. Ф. Аттила. Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858. — С. 4.

стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на всё трепет, широко известный повсюду страшным о нём представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесённое своё могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился...»¹ Л. Н. Гумилёв, опираясь на высказывания современников, оценивает Атиллу так: «Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходящие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его талант и отвагу. Поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна»². Византийский посланник (посол) Приск Панийский также высоко оценивал предводителя гуннов: «Никто из царствовавших до сих пор над Скифией и над иными странами не совершил столько великих дел и в столь короткое время, как Атиллы»³.

Многие притягательные черты характера Атиллы, особенно мужество, справедливость и толерантность, рождали желание воевать под его началом. Поэтому гуннская армия постоянно пополнялась представителями других народов. В ней сражались остготы, гепиды, руги и акациры, нередко были случаи, когда на стороне Атиллы действовали римляне и греки, «предпочитавшие справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников»⁴. Интернациональный состав гуннской армии отмечается и в трудах современных европейских историков⁵.

В оценке крупных исторических фигур всегда присутствует множественность подходов. Противоречивую оценку великому Атилле — сыну Великой Алтайской степи⁶, давали уже при его жизни. Но имя этого гуннского полководца вошло в летописи и легенды многих народов. В скандинавском эпосе «Эдда» он обозначен под именем Атли. Наиболее известным и значимым произведением о нём, в котором он выведен под именем Этцель, является немецкая поэма «Песнь о Нибелунгах», вошедшая в знаменитый сборник «Vilkinsa Saga». Как масштабная историческая фигура Атилла осмыслен в монографии М. М. Хабибуллина «Атиллы»⁷.

В историографии бытует традиция недооценки, а порой и негативной трактовки роли и значимости гуннского этапа тюркской

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — Л., 1977. — С. 95—96.

² Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. Хунну в Азии и Европе. — М., 1993. — С. 499.

³ См.: Вельтман А. Ф. Атиллы. Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858. — С. 168.

⁴ Гумилёв Л. Н. Указ. соч. — С. 499.

⁵ См., например: Дэвис Н. История Европы. — М., 2005.

⁶ См.: Иванов-Тогой А. Д. Сокровенное. Якутск, 2004. — С. 20.

⁷ Хабибуллин М. М. Атиллы. — Казань, 2013.

культуры и её роли в мировой цивилизации. Модель подобного прочтения гуннской истории сконструировал античный историк первой четверти IV века н. э. Аммиан Марцеллин. Согласно его концептуальной схеме, гунны не были способны к цивилизованным видам жизнедеятельности: хлебопашеству, земледелию и искусству. Они сохранили в себе только пристрастие к лошадям и верховой езде, умение пользоваться арканом, мечом и луком. Смысл и содержание их жизни — это кочевье с семьями в колёсных кибитках, разведение домашнего скота, захват и освоение новых территорий. Подобная версия выпячивала военную, завоевательскую сторону уклада жизни гуннов. Иные сферы жизни, характеризующие уровень их духовности и культуры, выносились за скобки или им придавался сугубо негативный оценочный оттенок.

Современный уровень исторического познания, историографической и методологической культуры позволяет на основе цивилизационно-миротворческого подхода заключить, что гунны открыли новую страницу не только в истории тюркского мира, но и в летописи мировой истории народов. Анализ солидного, интернационального по происхождению и авторскому составу источникового корпуса позволяет утверждать, что с именем гуннов связано «окультуривание» многих сфер общественной жизни в общекультурном измерении¹. Достигнутый гуннами уровень военной мысли и техники, политической, правовой, экономической и культурной систем стал достоянием и предметом заимствования как для формирующихся локальных тюркских сообществ, так и для европейских народов. Но если для родственных и соседствующих племенных образований гуннские культурно-цивилизационные достижения были примером, образцом для введения их в свою жизненную практику в явочном, оперативном порядке, то для европейцев гуннский опыт становится сначала предметом осмысления, изучения и анализа. И только тот «осадок», который оставался после европейской культурной фильтрации, приобретал материализованную форму. Но творчески осмысленное восприятие культурных результатов деятельности народов, принадлежащих к иным цивилизационным мирам, всегда имеет большую эффективность, чем их механическое копирование. В этом плане, несомненно, гунны стали тем «светом с востока» (*ex oriente lux*), который многому научил Европу, способствуя подготовке к исторической роли центра мировой культуры. Маститый учёный, автор десятков произведений по проблемам тюрко-татаристики Мурад Аджи писал: «...каждый второй европеец имеет тюркские корни!» Тюркских топонимов на карте Европы чуть меньше, чем звёзд на небе. Границы Великой Степи хорошо видны и в конечном пункте Европы — Англии,

---

¹ См. подробнее: 100 лет гуннской археологии. Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен : тез. междунар. конф. — Ч. 1, 2. — Улан-Удэ, 1996.

народы которой, особенно шотландцы, до сих пор тюркские наряды, узоры, украшения хранят не только в древних сундуках и музеях, но и в исторической памяти¹.

Диапазон вклада гуннов в развитие общетюркской, общеевропейской и зарождавшейся древнерусской культур, несомненно, весьма широк. Это тема отдельного и специального изучения. В рамках данного исследования автор считает важным заметить, что гуннская культура являла собой исторический продукт, сформировавшийся на протяжении нескольких тысячелетий эволюции древнетюркской цивилизации в постоянно расширяющихся территориальных границах необъятного геополитического пространства. Её потенциал усиливался не только благодаря постоянному поиску путей совершенствования системы и механизмов организации внутренней жизни тюркского сообщества. Не меньшее значение имело воздействие внешней среды, как природной, так и социальной. Постоянно меняющаяся внешняя среда выступала реактивом, стимулирующим и ускоряющим процессы внутреннего самосовершенствования системы.

Учащение контактов, усиление взаимосвязей и взаимодействия с многообразными родственными и иными этнокультурными сообществами перманентно актуализировал проблему обеспечения жизнеспособности, безопасности и конкурентоспособности, подталкивали на путь дальнейшего развития. Поэтому гунны, впитав в себя опыт многих эпох, поколений и этнокультурных общностей, были подготовлены к встрече с европейским культурным миром. Тем более, что Европа для них не была некоей неизвестностью. Представители многих аристократических родов, в т. ч. Атила и его брат Бледа, жили и учились в Риме, осваивали основы римского права и дипломатии, несли военную службу, а некоторые из них даже возглавляли римские легионы. Поэтому их роль в зоне европейской культуры нельзя объяснить в рамках лишь таких ценностных понятий-антитез, как «завоеватели — освободители». В разное время для разных народов и в разной степени они выступали не только в этих ролях, но и выполняли историческую миссию более широкого формата.

Такая многофункциональная роль определялась сочетанием множества факторов. Одним из них, несомненно, является фактор развивающегося имперства, который начал складываться ещё в древнехуннское время. Стремление к объединению всех тюрков в рамках большого, сильного централизованного государства-империи во многом влияло на характер внешней политики, в значительной мере подстёгивало сохранение и усиление военизированного образа жизни. Но такой образ жизни типичен для эпохи, когда рушились одни и возникали новые империи. Претензии на мировое господство, идеи вселенского миссионерства являлись идеологическим обоснованием ведения военных походов, расширения зоны влияния и господства многих могущественных

---

¹ См. подробнее: *Аджи М.* Европа, тюрки, Великая Степь. — М., 2004.

государств Европы. Той Европы, которая, задержавшись на стадии формационного загнивания и духовного кризиса, в римском перекрестье культурно-цивилизационных миров искала новые направления-ориентиры дальнейшего исторического развития. Гунны лишь ускорили процесс выхода Европы из состояния бифуркации и обретения ею иного качества.

Забота о поддержке высокого уровня военного дела вытекала из кочевого характера государства гуннов, она выступала формой ответа на вызовы своего времени, отвечая мировоззрению и практическим жизненным потребностям. «Т. к. гунны сформировались в народность на основе военной общины, — отмечает Садри Максуди, — война и подготовка к войне занимали в их жизни важное место. Дети гуннов с малых лет обучались верховой езде и стрельбе из лука. Прежде чем учить детей верховой езде на лошадях, их тренировали в езде на овцах, а при обучении охоте мальчики сначала стреляли по полевым мышам и по хорькам».

Гунны в мирное время очень любили охотиться: они устраивали облавы на оленей и хищных животных, представляя их врагами на войне. Таким образом, гунны и древние турки в целом учились воевать с врагами лицом к лицу. Гунны воевали в конном строю, были отличными всадниками. Каждый гунн имел доспехи. Перед военными походами они регулярно занимались военными манёврами. Существовали особые, очень серьёзные методы военной тактики, основу которой составляли мощные и стремительные атакующие действия. Военные успехи определялись мастерством в стрельбе из лука и внезапностью нападения. Использовались такие виды оружия, как лук, стрелы, копьё и сабля. Во время боя на дистанции использовались лук и стрелы. В ближнем бою сражались саблями и копьями. Ещё одной важной особенностью тактики гуннов был стремительный отход при необходимости. Иногда отступление было ложным и, когда враги увлекались погоней за ними, гунны стремительно поворачивали коней навстречу противнику и обрушивались на него. Главный смысл тактики был в том, чтобы ошеломить противника. Враги гуннов во время боя не могли до конца понять, отступают они или наступают, по словам Аммиана Марцеллина «...в бой они (гунны. — *Авт.*) бросаются, построившись клином, издают при этом грозный завывающий крик. Лёгкие и подвижные, они вдруг нарочно рассыпаются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшные убийства»¹.

Главными факторами военного успеха гуннов можно назвать безграничную храбрость, стремительность действий и умение соответственно ситуации постоянно обновлять традиционный тактический арсенал. «Мы можем предположить, — отмечал

---

¹ См.: Засецкая И. П. Гунны на Западе // История татар с древнейших времён : в 7 т. — Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань, 2002. — С. 147.

Садри Максуди Арсал, — что почти все военные традиции тюрков были заложены в гуннский период»¹.

Поэтому неслучайно, что длительное время на европейском военном театре гуннский вариант организации армии, стратегии и тактики ведения военных действий считался образцовым². Важным элементом военной политики была дипломатия, искусство которой не раз предотвращала и прекращала войны или снижала уровень человеческих, материальных и культурных потерь. Так, Анатолийский мир (Соглашение), заключённый Аттилой с римским императором Феодосием II, предотвратил возможное кровопролитие. Победа, одержанная на Каталаунской равнине, служит ярким примером не только высокого военного искусства гуннов, но и великодушия победителей. Эту победу можно было бы довести до логического конца, т. е. взять столицу легендарной империи Рим. Столица, народ, сенат и Папа — все были в панике. Не видели решения, кроме как сдаться. Тогда к Аттиле выходит Папа Римский Леон в полном облачении апостольского наместника, сопровождаемый всем духовенством Рима и посольством императора Валентиниана, и от имени всего христианского мира умоляет не трогать город³, в котором были накоплены культурные ценности общемирового значения: прекрасные памятники архитектуры, знаменитая Александрийская библиотека, в хранилищах которой были собраны уникальные документы-источники по истории Европы и Азии с древних времён.

Аттила сохранил Рим в целости, предотвратив крах мировой культуры. Таких миротворческих актов, совершённых гуннами, немало. Аттила не один раз участвовал в переговорах процессах и дипломатическом улаживании межгосударственных конфликтов в Византии, Паннонии (Венгрии), Северном Причерноморье, на Северном Кавказе.

«Признанный искусный дипломат Аттила вёл челночную дипломатию, — пишет В. В. Николаев, — чем обеспечивал взаимодействие регионов и народов огромной державы, от Рейна до Волги, в т. ч. между гуннами в Паннонии, в придунайских районах (отметим, это было ещё в самом начале V века, т. е. до переселения туда аспаруховых болгар в VII веке), «чёрными гуннами» донских степей и Приазовья (болгарские народы), «белыми гуннами» Прикаспия (савиры). Он посетил восточных хунну в Центральной Азии на северо-западе Китайской империи, подкупил их тем фактом, что западные хунну (гунны) и восточные хунну говорили на одном языке... Затем посетил Китай

---

¹ Максуди С. Тюркская история и право. — Казань, 2002. — С. 174–175.

² См.: Вельтман А. Ф. Аттила. Русь IV–V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — Л., 1977; Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. — Л., 1951; Аджи М. Европа, тюрки, Великая Степь. — М., 1998; Безертинов Р. Н. Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005.

³ Вельтман А. Ф. Аттила. Русь IV–V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858. — С. 4.

и установил с ним дружеские дипломатические отношения, обеспечив таким образом безопасность восточных границ державы. Уже будучи правителем, во время вояжа по своей империи с целью наведения порядка в Западной Европе перед решающими сражениями в Западной Европе, подавил восстание акациров... Аттила изменил мир»¹.

Опыт организации дипломатической работы, посольских структур, ведения переговоров и заключения мирных договоров и соглашений, как и многие элементы военной технологии, военного быта, принципы организации войск, были предметом подражания для последующих тюркских государственных объединений и их ближайших соседей, в т. ч. и Древней Руси.

Менее всего известно, к сожалению, что гунны были не только превосходными воинами, но и лучшими для своего времени кожевниками и ткачами. Даже огромная армия воинов одевалась в холщовую рубаху, обеспечивалась кожаной обувью и меховой шапкой. Непревзойдённого для своего времени мастерства достигло изготовление женской одежды. Вот как описывает её византийский посланник Приск Панийский: «Одежда их женщин весьма опрятна и ловко сделана, она состоит из исподницы и кофты тёмно-синего цвета, обшитых светлой каймой, и белой рубахи, спущенной ниже юбки и убранный складками около шеи и рук с оборкою, похожею на кружева; девушки ходят с открытой головой, убирая волосы различными монетами. Все они носят серьги, запястья и кольца даже с трёхлетнего возраста»².

Важным элементом общей культуры для военно-кочевого образа жизни была банная культура. То, что для римлян баня была «инструментом» поддержания чистоплотности, здорового духа и эмоционального настроения, не является открытием. Гораздо менее известно великолепие бани Аттилы, построенной из камня и выглядевшей как шедевр зодчества, покорявшее и римлян, и послов из самых разных стран³. Необходимо отметить, что если римские бани сооружались на основе использования тёплых термальных вод, то гуннская банная система по своей технологии была рассчитана на бесперебойное функционирование в любых походных условиях. Она выступала важным условием поддержания санитарной гигиены и физического здоровья, а стало быть, и боеспособности воинов. Надо иметь в виду, что в военных действиях принимала участие огромная масса людей. По данным Иордана, войско Аттилы достигало примерно 500 тыс. человек. Зародившаяся тогда банная культура стала фактором сохранения здоровья, оптимизма и жизнеспособности общества в более

---

¹ Николаев В. В. История предков чувашей (XXX в. до н. э. — XV в. н. э.). — Чебоксары, 2005. — С. 27–28.

² Более полное содержание записки византийского посланника Приска Панийского см. в кн.: Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2008. — С. 24–25.

³ Вельтман А. Ф. Аттила. Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858. — С. 162.

широком контексте. Освящённая в последующем идеологией ислама в качестве важного элемента духовной жизни волжских булгар, она твёрдо вошла в повседневный быт татарского народа, стала культовым явлением, внедрилась в практику национального гостеприимства.

Музыкальные традиции и инструменты гуннов — арфа, гармонь, кобыз, барабан, комуз (балалайка) — впоследствии стали частью культурной жизни многих народов мира. Музыка сопровождала гуннов не только во время праздников и пиршеств. Возможно, именно тогда общемировая дипломатическая практика обогатилась традицией встречать высоких гостей — правителей или послов других стран — оркестровым маршем и песней, исполняемой женским или большим смешанным хором. Нормой дипломатического этикета считалось и знание иных языков, особенно языков соседствующих или покорённых народов. В дипломатическом корпусе обязательно были толмачи — переводчики, посредники. Многие авторитетные исследователи той эпохи (Иордан, Приск Панийский и даже Аммиан Марцеллин) отмечали, что развитая коммуникативная культура, знание многих языков (кроме родного тюркского, ещё и греческого, латинского, германского, ругийского, готского и мн. др.) вообще было присуще гуннам¹.

Традиции, нормы, обычаи, уклад и образ жизни любой общности, достигшие статуса этнической культуры, оказавшей воздействие на жизнеустройство других народов на огромных пространствах Евразии, не могут быть бесследно рассеянными ветрами истории. Их опыт служит «источником и началом» (*fons et origo*) истории и культуры поколений последующих эпох.

Оценивая историческую роль гуннов, А. Н. Бернштам полагал, что сила влияния гуннской культуры такова: она в сильнейшей мере способствовала уничтожению античных рабовладельческих отношений и утверждению феодальных социально-экономических отношений². Хотя этот тезис оспаривается, вряд ли можно умалить историческое значение целого среза культуры, культуры гуннов, впитавшей в себя опыт организации хозяйственной, военной и духовной жизни предыдущих эпох и цивилизаций. Гунны ускорили развитие многих социально-экономических и духовных процессов на евразийском геополитическом пространстве. Для Европы гуннское государство стало фактором ускорения цивилизационного развития. Его влияние обнаруживается во многих сферах европейской жизни: экономике, культуре, включая музыку, языке. Тюркский язык на длительное время стал языком международного общения и переписки. К примеру, в романо-германском языке около 800 слов с тюркскими корнями. Тюркизм крепко «засел» в тезаурусе европейских народов

---

¹ Вельтман А. Ф. Аттила. Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий. — М., 1858. — С. 17–18, 30.

² Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. — Л., 1951. — С. 55.

мира. «Тюркская лексика, — считает известный учёный-тюрколог Р. Мухаметдинов, — присутствует в шумерском (Азия), этрусском (Европа), индейских (Америка) и индоевропейских языках¹.

Неоценимо значима роль гуннов и с точки зрения определения путей, направлений и перспектив последующего развития тюркской цивилизации, которая при ином стечении обстоятельств без гуннского «капитала» могла бы иметь совершенно другой исход. Вся последующая нить истории свидетельствует о том, что распад гуннской державы не пресёк корней тюркской культуры, а был весьма продуктивным этапом эволюции тюрков, явился важной составляющей той исторической почвы, на которой в последующем стала возможной консолидация множества локальных групп и сообществ вокруг одного организующего идейно-политического, культурно-цивилизационного ядра — Тюркского каганата. Гунны завершают целый этап исторического созревания тюркской культуры, тюркского этнокультурогенеза, «этап легендарных предков» (*С. Г. Кляшторный*). Культурно-историческое самосознание гуннов хотя и опиралось на императивы исходно хуннского традиционализма, но уже обильно «орошалось» цивилизационными достижениями европейской реальности.

Культуро-миротворческий подход к оценке роли гуннского фактора сквозь призму не только общетюркского, но и общемирового контекста облегчает решение задачи более предметного анализа феномена «Великое переселение народов мира» (*Геродот*). Известно, что первые две крупные переселенческие волны с запада на восток были инициированы прототюркскими сообществами ещё до нашей эры. Они заметно изменили темпы и масштабы эволюции человечества, активизировали межрегиональные, межэтнические и межкультурные контакты и дали толчок новому и самому масштабному по времени и масштабу сдвинутых людских сообществ переселению народов, получившему название «великого». Переселение изменило не только направление движения (теперь уже с востока на запад), но и содержание. Вряд ли целесообразно по инерции рассматривать великие переселения народов как историческую катастрофу, вызвавшую экологический, экономический и демографический кризисы. Скорее, это был многофункциональный, многофакторный, многоэтапный, длительный (II—III века), сложный и противоречивый исторический процесс. Наряду с неизбежными в подобных процессах определёнными негативными последствиями, несомненно, что Великое переселение стало наиболее крупным в истории человечества смешением образов и укладов жизни народов континентального порядка, формой наиболее масштабного синтеза культур, открывшего новую, более высокую фазу движения человечества. «В действительности оно охватило большую

---

¹ Мухаметдинов Р. Ф. Тюркский мир и мировоззрение // Тюркский взгляд. — 2015. — № 1.

часть полуострова, восток и запад, — отмечает Норман Дэвис, — и продолжалось всё I тысячелетие н. э. и позднее, вплоть до того постоянного пристанища... Переименовав более позднее выражение, мы могли бы назвать его *Drang nach Westen* (натиском на запад) или походом к территориям постоянного поселения. Без этого не было бы ни Европы, ни европейцев»¹.

«Гунны, начавшие Великое переселение народов, преобразовали этнополитическую карту Евразии...» Соглашаясь с такой оценкой и развивая мысль своего немецкого коллеги Отто Дж. Маенхен-Гельфена, казанский профессор Г. М. Давлетшин так уточняет роль гуннов: «вся Евразия подверглась влиянию гуннов»². Нами упомянутый французский историк-евроцентрист Луи Альфан также был вынужден признать: «история гуннов на том не кончилась: великий народ не исчез целиком и полностью с мировой арены, на которой его деяния гремели в течение целого века»³. Но, будучи подверженным волнам перемен в процессе смены формаций, в ходе великих этнических и культурных смешений, этнос нашёл своё продолжение и развитие во многих новых государственных общетюркских кочевых образованиях⁴.

С образованием Тюркского каганата открывается следующий этап исторического развития тюркского этнокультурного и политического сообщества, этап «собираания камней», усиления объединительных тенденций, преобладающего господства центростремительных сил и строительства «архаических империй»⁵.

Причин и факторов, лежащих в основе объединительных процессов, «кристаллизации» тюркского мира, было множество. Это общность образа жизни, схожесть культур, языков, преемственность традиций, верований и мировоззренческих принципов. Понимание важности сложения сил, усилий и ресурсов для совместного расширения территорий и освоения новых пространств, успешного ведения торговых дел и решения хозяйственных задач. Необходимость совместной защиты своих материальных и духовных ценностей и своей независимости. Всё это стимулировало и активизировало процессы единения и консолидации тюркоязычного мира.

Мощным инструментом формирования и сплочения этого мира выступал тюркский язык, который в процессе стирания различий между множеством диалектов и наречий приобретал единую норму, становился языком межобщинного, межрегионального,

---

¹ Дэвис Н. История Европы. — М., 2005. — С. 161.

² Давлетшин Г. М. Мир гуннов // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2011. — № 1–2. — С. 159.

³ Альфан Л. Великие империи варваров: от великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. — М., 2006. — С. 31.

⁴ См.: Мухамадиев А. Г. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. — Казань, 2011.

⁵ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. — СПб., 2000. — С. 80.

межэтнического общения. Наличие письменности, многообразные формы устного и художественного творчества (мифология, поэзия, музыкальное и художественное искусство, письменная история) — всё это работало на закрепление исторической памяти, связи и преемственности традиций и поколений. Создание генеалогических легенд и мифов, утверждавших общую для всех мистическую родословную, служило идеологическим обоснованием общетюркского единства.

Фундаментом сохранения этнокультурной наследственности, непрерывности истории тюрков и идейным инструментом укрепления общности их духовного мира стала единая для них проторелигия — тенгрианство, в основе которой было поклонение солнечному (небесному, космическому) божеству — Тенгри (Тенгре, Тангра, Тэнгре). Доктринальная сила тенгрианства состояла в том, что оно носило не частный, личностный характер, как другие формы религий (иудаизм, христианство, ислам, буддизм), а общинно-коллективистский. Все его «обрядовые ритуалы имели коллективную форму», что значительно облегчало, упрощало процедуру общения с духом Тенгри¹. Но главная притягательная сила тенгрианства состояла в том, что оно отвечало традиционному тюркскому мировоззрению, соответствовало особенностям образа жизни и менталитета тюрков. Оно укрепляло общетюркский дух, выполняло роль своеобразного духовного скрепляющего «цемента». Поэтому неслучайно, что именно на основе тенгрианства возникли главные для того времени общетюркские цивилизационные ценности, такие как солнечный календарь, руническая письменность, алфавит и основные в жизни тюрков календарные праздники (Нардуган, Науруз, древние формы Сабантуя).

Такой весьма эскизно обозначенный спектр причин и факторов выхода тюркского этнокультурного сообщества на более высокую и масштабную интегративную форму государства — империю — после бесконечных завоеваний-переселений, во время которых рассыпались, казалось бы, приговорённые к вечности царства и державы, а на их месте возникали не менее амбициозные государственные образования, конечно, полно и законченно не объясняет история Великого Тюркского каганата. Но многие изъяны данного эскиза могут быть восполнены путём выявления общих законов и закономерностей этногенеза и прояснения через их призму характера и особенностей исторической эволюции тюркского этнокультурного сообщества.

Методологическим ключом расшифровки тюркского феномена является теория пассионарности Л. Н. Гумилёва². «Может сложиться мнение, — разъяснял он, — что пассионарность — бла-

---

¹ Бездертинов Р. Н. Тенгрианство. — Казань, 2005. — С. 6.

² Весьма интересным концептуальным исследованием данного феномена является книга: Фрумкин К. Г. Пассионарность. Приключения одной идеи. — М., 2008.

го, порождающее прогресс. Это не так. Пассионарность не генератор, а катализатор. Она так ускоряет этнические процессы, что многие этносы сгорают от собственных деяний, не дожив до спасительного гомеостаза. И, наоборот, за пределами прямого воздействия мутации, там, куда пассионарность попадает с генетическим «дрейфом», этносы организуются, усиливаются и оставляют могучее потомство и устойчивую традицию»¹.

Инерция этногенеза, набравшая историческую силу и динамику движения, способна сохранить, воспроизводить и развивать этнос. «Вихрь времени ломал дубы-империи и клёны-царства, но степную траву он только пригибал к земле, и она вставала неповреждённой. Рассеянные потомки хунну... были геноносителями, и их пассионарность сплавления отдельные популяции (субэтносы) — осколки былых великих степных народов в новые оригинальные, не очень похожие на своих предков этносы. И даже если последние исчезли, как гунны или тюркюты, в стихии степной войны... цепь превращений не прерывалась до тех пор, пока шёл прогресс этногенеза и сохранялся пассионарный генофонд»². Результатом одного из таких «перерождений» стала степная империя — Великий Тюркский каганат.

При всей важности и необходимости учёта фактора пассионарности, для выяснения «тайны» превращения тюрков в двигательльно-преобразовательную историческую силу, необходим более широкий, комплексный, т. е. цивилизационный подход. Данный подход позволяет полнее и глубже объяснить факторы, определившие непрерывность линии этнокультурной динамики хуннского степного этнокультурного сообщества, не знавшего обрыва и подвергавшегося лишь видоизменениям. Становится понятным, почему при всех исторических катаклизмах, даже «при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось», почему «этническая традиция, она же сигнальная наследственность, была не нарушена и, наконец, западный поход Истеми-хана в 555 году был идейно связан с хуннскими миграциями II века, т. е. что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости... Эстетическое восприятие прошлого — это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершили потому, что незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновляли их»³.

В составе совокупных предпосылок становления кочевой империи — Великого Тюркского каганата важное место принадлежит постоянно развивавшейся культуре коммуникации, диалога и соседствования.

Фактором единения различных тюркоязычных субстратов в рамках общетюркского цивилизационного Дома, а затем и более

¹ Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М., 2003. — С. 164.

² Там же. — С. 168–169.

³ Там же. — С. 167.

динамичного развития всего тюркского культурного мира является рост интенсивности взаимодействия с инокультурными мирами. Процесс взаимодействия (соприкосновения, контактирования, тем более соседствования) разных общественно-культурных систем при всём многообразии форм необходимо рассматривать не просто как случайность или необходимость, но как «один из генераторов развития»¹. Дело в том, что рост такого взаимодействия, имеющего объективный характер, с одной стороны, предполагает выработку стремления к сравнению, сопоставлению своей этнокультурной общности с иной, а с другой — побуждает к сохранению своей самооценности, самоидентичности. Этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации, ибо это способ её «бытия»². В этом плане становление и развитие общетюркского цивилизационного дома, формой которого был Великий Тюркский каганат, являются результатом не только собственно этнотюркских усилий, но и в значительной мере итогом — производным постоянного взаимодействия с разнообразным этнокультурным внешним миром.

Великий Тюркский каганат образовался в 552 году, когда вождь племени Ашина Бумын был провозглашён каганом. С этого времени этноним «тюрк», дословно означающий «сильный», «крепкий», закрепился в качестве собирательного имени за всеми племенными объединениями-государствами. В последующие 30 лет наследники-продолжатели дела основателя империи внесли существенный вклад в реализацию общетюркской мечты — превращение Тюркского каганата в мировой колосс³.

Наивысшего расцвета Великий Тюркский каганат достигает во второй половине VI века в процессе освоения новых территорий и включения в него потенциала покорённых племён. Его территория простиралась от Маньчжурии до Северного Причерноморья, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Значительная часть Южного Урала и Нижнего Поволжья, включая территорию современного Татарстана, также входила в состав каганата. «Своё гигантское государство, простиравшееся от Чёрного моря до Тихого океана, тюрки называли Вечный Эль, как бы утверждая этим свою власть на вечные времена»⁴.

Опираясь на военную и политическую силу, каганат пытался усилить влияние на соседей, развивал отношения с великими государствами раннего Средневековья: на востоке — с Китайской

---

¹ Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Казань в системе этнокультурного взаимодействия народов России // Народы России на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — Казань, 2005. — С. 8.

² См.: Исхакова Н. Е. Феномен этничности // Народы России на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — С. 75.

³ Родословное древо Ашина и деятельность наследников Бумына наиболее полно описаны в кн.: Безертинов Р. Н. Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005. — С. 732.

⁴ Доманин А. А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. — М., 2005. — С. 30.

империей, на западе — с Византийской империей, на юго-западе — с кочевыми племенами Средней Азии. Пограничное положение настраивало каганат на необходимость не только завоевательных походов, но и на ведение искусной дипломатии. В дипломатическую практику тогда вошли регулярные обмены посольствами, подписание политических и торгово-экономических договоров. Активность и результативность внешней политики обеспечили включение Тюркского каганата в международную систему торговых, экономических, политических и дипломатических отношений. Это в свою очередь обусловило новый уровень этнических контактов и культурно-цивилизационного симбиоза. Но главной целью оставалась консолидация конгломерата тюркских народов Евразии и на этой основе усиление экономической, политической и военной мощи государства.

Отмечая результативность в достижении цели, Л. Н. Гумилёв писал: «По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху принципата, когда были завоёваны Пиренейская Германия, Норик, Британия, Иллирия, Дакия, Каппадокия и Мавритания или Англия и Франция в XVIII—XIX веках. Каганат был не только обширнее, но и экономически мощнее Хунну, т. к. он взял контроль над «дорогой шёлка» — караванным путём, по которому китайский шёлк тек в Европу в обмен на европейское золото...»¹

Имперский характер государства требовал постоянно совершенствовать военное дело, усиливать боеспособность войска. «Победы кок-тюрков, в результате которых они стали хозяевами половины мира, были неслучайными: они создали эффективную систему управления армией»². Войско кок-тюрков состояло из тяжёлой и лёгкой кавалерии. Конница составляла основную ударную силу в военных действиях и в степи, и в горах. Соответственно её предназначению воины-кавалеристы были хорошо вооружены. Вместо длинных скифо-сарматских мечей у них появляются однолезвийные искривлённые сабли, дальнобойные луки с трёхлопастными наконечниками на черенке. Копьё у конного воина становится более тяжёлым, ибо оно предназначалось для вышибания противника из седла. Эти новые формы вооружения потребовались в связи с изобретением стремя, которые делали посадку всадника более устойчивой, позволяли вести рукопашный бой³.

Древнехунно-гуннская традиция культивирования военного дела, воинской отваги получила дальнейшее развитие и была доведена до уровня боевого искусства. К нему тюрки приобщались с детства. Этому они учились в школах воинских и боевых искусств, в которых шла не только физическая и воинская, но и

---

¹ Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М, 2003. — С. 171.

² Безертинов Р. Н. Тенгрианство. — Казань, 2005. — С. 58.

³ См.: Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2008. — С. 42.

духовная закалка. Тюркское боевое искусство базировалось на философии и мировоззренческой системе ценностей тенгрианства, что помогало тюркам одерживать победу благодаря не столько численному, сколько духовному превосходству.

В литературе до сих пор существует точка зрения, согласно которой Великий Тюркский каганат занимался исключительно ведением войн. Однако ясно, что ни одно государство ни тогда, ни позже не могло веками сохранять своё доминирование только за счёт войны. Степень военного могущества каганата и множество победных сражений в ходе военных столкновений с армиями таких великих империй, как Китай, Иран, Византия, Арабский халифат и других государств, во многом определялись и уровнем экономического и культурного развития. Поэтому правильнее говорить о перманентном изменении соотношения между военными и мирными формами, ценностными приоритетами и направлениями развития, часто в пользу первых, т. е. военно-технологических.

Первоначальный имперский импульс, обозначившийся ещё в эпоху хуннской державы, с набиравшим стремлением к расширению территории и освоению новых пространств усиливался. У гуннов проявления имперской традиции обнаруживаются более чётко. В Великом Тюркском каганате уже определённ обозначается преобладание имперских традиций над партикулярными, невоенными устремлениями. Во многом это было связано с трансформацией кочевого образа жизни, уклада хозяйствования и стиля мышления. Сутью перемен является смена «завоевательно-переселенческой» мировоззренческой установки на философию «завоевания — покорения — подчинения». С ней связаны все наиболее кардинальные перемены в решающих сферах жизнедеятельности. Уже на этом этапе можно говорить не только о синтезе кочевого и оседлого укладов, но и о том, что земледелие и ремесленное производство, ориентированные на рынок, становятся равнозначными традиционн кочевыми видами хозяйствования. Важнейшим элементом трансформации кочевнической системы стала революция в духовной сфере.

Создание Великой тюркской империи было, пожалуй, единственной и безальтернативной формой решения этапной исторической задачи «собираания разбросанных тюркских камней» и завершения длительного процесса формирования общетюркской цивилизации. Признаки-критерии развитости этой цивилизации видны в эффективности управления государством, армией, политическими институтами. Получают развитие и расцветают оригинальные элементы, новые формы и направления материальной и духовной культуры. Многие культурные явления той эпохи приобрели устойчивый характер и превратились в традиции для последующих поколений тюркских народов и государств. Тюркская традиционная культура, сложившаяся как система, включала в себя широкий спектр народных знаний, связанных с практической деятельностью (календарь и счёт времени, метрология

и система счёта); систему космогоничных воззрений и философских взглядов на время, пространство и смысл бытия; совокупность идейно-мировоззренческих установок и религиозных верований, самобытное искусство, отражавшие широту и полноту духовного мира тюркского сообщества¹. Ярчайшим свидетельством её высокого уровня явилось появление и развитие общетюркского языка и древнетюркской рунической письменности, которая стала предпосылкой для сильного культурного рывка общества. Культура и образованность для тюрков постепенно становятся явлением достаточно обычным и привычным.

«Впервые традиции общей письменной цивилизации оказались распространёнными на территории, став достоянием не отдельного племени (какими были рунические письменности кочевников до тюрков), а всей империи»². Расширилась социальная база письменной культуры и территория её распространения. «Руническая письменность была распространена и активно использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племён... В сравнении с раннесредневековой Европой Тюркский каганат можно считать страной сплошной грамотности»³. Этот вывод имеет исключительное значение для определения роли фактора образованности в формировании культурного облика татарского народа. В его иерархической системе ценностей образованность, просвещённость и цивилизованность всегда имели статус главных, приоритетных.

Материализованными формами тюркской письменности выступают орхоно-енисейские надписи, выполненные на камне, бумаге, строениях и предметах быта. Особый интерес представляют эпитафии, имевшие многожанровый характер и широкую функциональную нагрузку. Специалисты рассматривают их как средство монументальной пропаганды и источники изучения тюркского права⁴, как своеобразное дидактическо-педагогическое наставление-завещание, как сборник идейно-нравственных и духовных ценностей и кодекс морали и этики⁵, а также как памятники общетюркской поэзии⁶. Памятники-эпитафии манифестировали идею вечного божественного эля, т. е. имперскую идею, слитую и неотделимую от истории.

---

¹ См.: *Давлетшин Г. М.* Очерки об истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). — Казань, 2004; *Давлетшин Г. М.* Культура древних тюрков. — Казань, 2006.

² Татары. — М., 2001. — С. 50.

³ *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как исторический источник // Наследие Н. Ф. Катанова. История и культура тюркских народов Евразии. — Казань, 2006. — С. 165.

⁴ См.: *Максуди С.* Тюркская история и право. — Казань, 2002. — С. 50–57.

⁵ См.: *Павич М.* Хазарский словарь. Роман-лексикон в 100 000 слов. Мужская версия. — СПб., 1997.

⁶ *Безертинов Р. Н.* Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005. — С. 53.

«Записи на орхонских каменных книгах-памятниках мировой культуры VI—VIII веков поражают величием духа, мощью слова, концентрацией сил древнего космоса, сечи кровавой, гулом битв и сражений предков, призывом к миру и добру, плачем, скорбью по погибшим героям, стремлением к объединению тюркских племён во имя благоденствия народа»¹. Орхон-енисейский памятник — это открытая книга мудрости, написанная на основе собственно тюркского алфавита, которым пользовались длительное время многие тюркские народы. Это своеобразное послание создателей древнетюркской империи своим наследникам.

Рождение тюркской историографии как особого направления в системе научных знаний связано с именами двух отцов-основателей древнетюркской исторической школы — Тоньюкука Апа-тархана и Йоллыг-тегина. Это выдающиеся мыслители и самые древние из известных нам тюркских историков². Но в самом факте появления историографии как наиболее высокой формы исторического самосознания, самопознания, сознания своей культурно-исторической идентичности необходимо видеть интегрированный признак осознанности единства, сплочённости и величия своего народа, своей цивилизации. Можно определённо сказать, что если длительный исторический процесс становления и внедрения чувства гордости, сопричастности достигнутой славе и величию в сознание, интеллект, память тюрков привели к созданию Великого тюркского каганата, то его итогом, духовным продуктом и наследием является психологический феномен под названием «великодержавный дух». Под великодержавностью в первоначальном смысле этого слова понимается способность к выживанию системы, обеспечивающая долговременную перспективу. Жизнеспособность системы в закодированном виде переходит в свойство членов общества, всего народа. «Великодержавный дух — это не что иное, как проекция выживаемости системы на индивидуально и социально-психологический субстрат её элементов»³. Великодержавный дух совсем не случайно, но закономерно рождённый в Великой тюркской империи, значительно облегчил структурирование средневековых систем-государств, а затем и всех последующих империй.

Общетюркский цивилизационный дом за 200 лет своего существования подготовил к самостоятельной жизни целое поколение новых «потрясателей Вселенной».

На широком геополитическом пространстве Великой Степи от Семиречья до Тянь-Шаня в первой половине VII века появились два крупных тюркских государства — Хазарский кага-

---

¹ См.: Бакиров М. Х. Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — Казань, 1999.

² Давлетшин Г. М. Очерки об истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). — Казань, 2004. — С. 394.

³ Марченко В. Т. К истории великодержавного духа в России. — М., 1995. — С. 10.

нат и Великая (или Приазовская) Булгария¹. Эти наследники Великой тюркской империи не только соединили исторические нити преемственности тюркской государственности, тянущиеся от алтайских хунну, но и существенно повлияли на смену смыслового вектора дальнейшей эволюции тюркской цивилизации и изменения её природы.

Хазарский каганат вошёл в историю как крупное историко-культурное, полиэтноконфессиональное явление мирового масштаба. История этого государства часто описывается в качестве заблудшего автономного образования или фона-контекста истории других народов². Она всё ещё не вписана в систему общетюркского сообщества народов, в историю государственности татарского народа. «Естественно, — замечает по этому поводу аксакал татарской истории, академик Академии наук Республики Татарстан Индус Тагиров, — не может быть претензий на то, что история Хазарии принадлежит к истории лишь одной татарской государственности. Тем не менее нынешние татары вправе рассматривать хазарскую историю и как историю своей национальной государственности»³. Известный тюрколог М. Аджи также считает, что существует немало признаков-критериев (общность исторического происхождения, языка, образа жизни и т. д.), позволяющих рассматривать Хазарию как важную составляющую тюркской цивилизации и татарской субкультуры⁴.

Именитый английский историк, специалист по истории Большой Европы Норман Дэвис отмечает: «Из всех государств, недолго просуществовавших на Европейской равнине, ни одно из них не вызывает таких споров, как Хазарское... Загадка хазар до сих пор не разрешена. Но Хазария не умерла совсем: в Греции на Рождество дети ждут не Санта-Клауса из Лапландии, а Святого Василия из Хазарии»⁵.

Весьма интересный и продуктивный подход к хазарской проблематике имеет оригинальный мыслитель современности Юваль Ной Харари. «Мы говорим, думаем, мечтаем на языках, — пишет он, — которые были навязаны нашим предкам мечом... Совершенно очевидно, что политический, экономический и социальный уклад современного Израиля гораздо больше напоминает уклад тех империй, в которых евреи жили в последние два тысячелетия, чем законы древней Иудеи. Если бы царь Давид явился в ультраор-

---

¹ Согласно легенде эти государства названы по именам двух братьев — предводителей скифских племён — Хазарика и Булгара, которым судьба начертила разные жизненные маршруты. Можно вполне определённо утверждать, что хазары и булгары являются представителями многовидового тюркского этнокультурного семейства.

² Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.

³ Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2008. — С. 50.

⁴ Павич М. Хазарский словарь. Роман-лексикон в 100 000 слов. Мужская версия. — СПб., 1997.

⁵ Дэвис Н. История Европы. — М., 2005. — С. 174.

тодоксальную синагогу суверенного Иерусалима, то был бы абсолютно сбит с толку, видя прихожан в восточно-европейской одежде, говорящих между собой на германском диалекте (идише) и ведущих нескончаемые споры о вавилонском тексте (Талмуде). При Давиде не было ни синагог, ни Талмуда, ни даже свитков Торы»¹.

К разгадке тайны-загадки феномена Хазарии подключился и казанский учёный и политик, автор ряда бестселлеров профессор Ф. С. Сибгатуллин. На основе солидного корпуса источников он, запустив исследовательский «шурф» вглубь пластов прошлого, обосновал вывод о многокорневом происхождении еврейского народа, на образе мыслей и образе жизни которого отчётливо проявляется «налёт» времён империй, тюрко-татарских в т. ч.²

Весомый вклад в хазарско-еврейскую проблематику внёс профессор А. А. Литвин³. На всём пространстве своей книги «Евреи в Казанской губернии и Республике Татарстан» он обосновывает логическую, хотя и противоречивую связь между хазарами и евреями. Ещё одна особенность данной книги заключается в том, что предисловие к ней, написанное доктором исторических наук, профессором И. А. Гилязовым, не только украшает, но и усиливает исследовательские позиции самого автора.

Весьма продуктивен взгляд на тему «Еврейская цивилизация» упомянутого учёного, «копателя» протюркских пластов истории Р. Ф. Мухаметдинова. Начало еврейской истории он связывает с библейской эпохой, начавшейся в XX веке до н. э. В качестве народа древние евреи сложились во II тысячелетии до н. э. на территории древнего Ханаана. Этот «копатель» на основе анализа «интернационального» свода источников утверждает, что «хронологически возникновение еврейского народа совпало с эпохой рождения древнейших письменных цивилизаций, а географически его «национальный очаг» возник на перекрёстке Древнего Мира — там, где встречаются пути, соединяющие Месопотамию и Египет, Малую Азию, Аравию и Африку». Автор пропускает ту часть его «первооткрытий», которые весьма ценны, отметив лишь его оценочное значение еврейского фактора в мировой истории: «...С исторической точки зрения главным вкладом еврейского народа было создание моноатеистической национальной религии — иудаизма, основание одной из мировых религий — христианства, а также стимуляция к развитию товаро-денежных отношений, которые привели к переходу от феодализма к индустриальному обществу»⁴.

Погружение в хазарско-еврейскую проблематику не самоцель (это тема капитальных академических исследований), но весь-

---

¹ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. — М., 2018. — С. 237–238.

² См.: Сибгатуллин Ф. С. Татары и евреи. — Казань, 2013.

³ См.: Литвин А. А. Евреи в Казанской губернии и Республике Татарстан. — Казань, 2018.

⁴ Мухаметдинов Р. Ф. Тюркский мир и мировоззрение // Тюркский взгляд. — 2015. — С. 18–19.

ма важно. В данном случае оно, во-первых, необходимо для аргументации авторского концепта: почти все современные народы — потомки той или иной империи, величие которых достигалось отнюдь не только победами в ходе военных сражений, оно питалось также соками философии миролюбия, инклюзии. Булгары и хазары, татары и евреи — ветви одного общечеловеческого Древа истории. Во-вторых, открывая всё новые и новые страницы истории собственного народа и неизбежно познавая при этом пережитии судеб других народов — соседей, братьев по культурно-генетическому корню, обнаруживаешь, насколько недопустимо мало знаешь о тех, с кем он воевал, дружил, вместе шагал по одной жизненной тропе. Еврейская строка в Большой истории человечества при всей сравнительной малочисленности этого народа, неопределимо ценна, она отлитоительно ярко вписана в тексты, характеризующие базовые сферы мирового социума (религия, наука, культура, финансы, медицина... Лишь один факт: за всё время с начала вручения Нобелевской премии (1901) евреи разных стран составили 25 % от общего числа лауреатов этой премии¹.

Политическая система Хазарии, впитавшая в себя многие черты Тюркского каганата, имела свою специфику. Так, во главе Хазарского государства стоял каган, личность которого обожествлялась. При его появлении, а происходило это всего лишь три раза в год, все люди, не смея поднять глаз, должны были пасть лицами к земле. О наделении кагана божественной сущностью свидетельствует и пышный церемониал его похорон. Выглядело это так: над могилой усопшего сооружался дворец, место захоронения никаким образом не обозначалось, строителей же после выполненной работы убивали. Специфика политического устройства Хазарии заключалась в том, что при всём своём величии каган являлся только номинальным правителем: вся полнота власти была сосредоточена в руках бека, военных и финансово-торговых воротил.

Во второй половине VII века хазары, воспользовавшись ослаблением Великой Булгарии, подчинили себе часть болгарских племён. В составе Хазарского каганата оказались также савиры, барсилы, беленджеры, аланы и другие местные племена. В конце VII — начале VIII века данью были обложены близлежащие восточнославянские племена. В результате военного противостояния с Византийской империей хазары овладели Таманским полуостровом, Босфором, большей частью Крымского полуострова, за исключением Херсонеса. Несмотря на усиление хазарского присутствия в Причерноморье, встревоженная арабскими походами Византия установила с Хазарией союзные отношения.

Вскоре сам Хазарский каганат стал объектом экспансии со стороны набиравшего силу Арабского халифата. С конца VII века

---

¹ Мухаметдинов Р. Ф. Тюркский мир и мировоззрение // Тюркский взгляд. — 2015. — С. 19.

до 732 года арабо-хазарские войны шли с переменным успехом. Ситуация меняется с приходом к командованию арабскими войсками полководца Мервана. После этого инициатива полностью переходит к арабам. Особенно катастрофичным для хазар стал поход Мервана в 737 году. Тогда ему удалось разгромить хазар, разорить их кавказские владения, в результате чего культурный, экономический и политический центр жизни хазар переместился на север государства, в район нижнего течения Волги. Сюда перенесли и столицу государства, ею стал город Итиль. Таким образом, борьба каганата с арабами успехом не увенчалась, но и арабам хазары не дали проникнуть в Европу со стороны современного Дагестана.

Хазарский каганат был вынужден подписать жёсткий мирный договор на условиях противоборствующей стороны. Одним из основных требований халифата было принятие Хазарским каганатом ислама в качестве государственной религии. Таким образом, посредством духовно-культурного сближения арабы планировали включить Хазарию в орбиту своего влияния. Примечательно, что к этому времени ислам достаточно широко распространился в Хазарии благодаря бухарским купцам, торговавшим в низовьях Волги. Более того, по мнению М. Худякова, большую часть населения Хазарии составляли именно мусульмане¹. Однако принудительный характер принятия ислама в статусе государственной религии обусловил негативное отношение к нему в среде высших слоёв хазарского общества, воспринимавших ислам как религию завоевателей.

Помимо вышеозначенного требования, хазары обязывались выплатить солидную дань и признать власть халифа. Однако подобное положение длилось недолго. Вскоре в Арабском халифате началась смута, был убит последний представитель правящей династии Омейядов, и к власти пришли Аббасиды, которые в тот момент в большей степени были озабочены внутренними проблемами своего государства. Хазары не упустили шанса восстановить независимость. В 763–765 годах под командованием Раж-тархана их войска нанесли поражение арабам, разорив Албанию и Грузию. Однако в 765 году арабам всё же удалось вытеснить хазар за Дербент. Конечный результат арабо-хазарских войн для хазар был вполне приемлем: им удалось отстоять свою самостоятельность. Следует отметить, что после восстановления независимости хазары отказались от ислама как государственной религии.

Положение религии в Хазарском каганате было уникальным. Дело в том, что в Хазарии почти в равной степени помимо ислама были представлены христианство, иудаизм и язычество в виде тенгризма. Христианство проникло в каганат из Византии, с которой у хазар были весьма тесные торгово-экономические

---

¹ Худяков М. Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. — Казань, 1922. — С. 21.

отношения. Византия на отдельных этапах арабо-хазарских войн сотрудничала с Хазарским каганатом в надежде на распространение в каганате христианства. Усиление позиций христианства, а тем более придание ему статуса государственной религии не входило в планы хазарской знати, поскольку это неминуемо привело бы к зависимости от Византии. В этой ситуации хазарская государственно-политическая элита поступила нестандартным образом.

Стремясь войти в орбиту государств с монотеистической государственной религией, а также сохранить независимость и обособленность среди христианских и исламских государств, хазары в качестве государственной религии приняли иудаизм. Ко времени образования Хазарского каганата на его территории уже проживала крупная еврейская община, существенно пополнившаяся после массового изгнания евреев из Византии в 723 году. Но несмотря на государственный статус, иудаизм не стал массовой, доминирующей по числу последователей конфессией, т. к. его приняла в основном лишь знать каганата.

Таким образом, в ситуации, когда иудаизм имел статус государственной религии, большая часть населения являлась приверженцами христианства, ислама и язычества. Степень конфессиональной толерантности в Хазарском каганате наглядно иллюстрирует факт, что в суде заседали представители всех вероисповеданий: по два представителя от иудаизма, ислама, христианства и один — от язычества.

Однако объективность требует анализа и обратной стороны конфессиональной жизни хазарского государства. Безусловно, такой радикальный шаг, как принятие государственной религии, влекущий за собой глубокие перемены практически во всех сферах жизни общества, не мог восприниматься благодушно абсолютно всеми слоями населения. Неудивительно, что часть хазарской знати осталась недовольна принятием иудаизма. Дело заключалось не в антипатии к конкретному вероисповеданию, а в боязни потерять свою духовно-нравственную основу и опасении утратить привычный уклад жизни и традиции.

Безусловно, религиозное многообразие обогатило духовную и материальную культуру Хазарии. Но, как ни парадоксально, поликонфессиональный характер Хазарского каганата стал важнейшим источником внутренних противоречий. В рамках той исторической эпохи для политической консолидации общества была предпочтительнее ситуация, при которой большая часть населения страны придерживалась бы одной государственной религии. Поликонфессиональность в тех условиях вела к идеологической разобщенности хазарского общества.

Несмотря на географическое перемещение хозяйственно-культурной жизни хазар к северу, вызванное арабо-хазарскими войнами, она не угасла и даже получила новый импульс. Новая столица Итиль являлась не только административно-политическим центром, но также слыла как город ремесленно-торговый,

славилась крупными ярмарками, караван-сараями, мастерскими. Население столицы и каганата, было пёстрым в этническом отношении: кроме хазар, здесь жили болгары и аланы, тюрки и славяне, арабы и хорезмийцы, евреи и византийцы. Каждая конфессия была представлена своими храмами. К примеру, в городе насчитывалось не менее 30 мечетей. Жилые постройки состояли из деревянных домов или шатров, войлочных юрт и полуземлянок. Итиль просуществовал до 965 года, когда был разрушен киевским князем Святославом Игоревичем.

Другим крупнейшим городом Хазарии был Саркел (от хазарского «белый дом»), возникший в IX веке на пересечении торговых путей. В 834 году византийский император Феофил по просьбе хазарского кагана направил на реку Дон архитектора для строительства каменной крепости, которая и была возведена местными мастерами. Крепость, надёжно защищая от внешних врагов, представляла прекрасные условия для развития ремесла и торговли. Неудивительно, что вскоре Саркел превратился в крупнейший город Приазовья с полиэтническим населением, заметную часть которого составляли болгары. Впоследствии город, подвергшись сильному разрушению в ходе войн с Древнерусским государством, просуществовал как южная русская цитадель под названием Белая Вежа вплоть до середины XII века.

Основным хозяйственным занятием населения Хазарии являлось полукочевое скотоводство, но часть населения занималась земледелием, садоводством и виноградарством. Многие зерновые, огородные и садовые культуры стали известны хазарам благодаря тесным торгово-экономическим связям с народами и государствами Центральной Азии, Ближнего Востока, Южной и Центральной Европы. Близость Каспийского и Азовского морей, Волги, Дона и других рек сделала для населения Хазарии привычным рыболовство. Летом многие скотоводы отправлялись на временные кочевья, зимой жили в поселениях и городах.

Особое значение для формирования Хазарского каганата и расширения его международных связей играла торговля. Каганат располагался на пересечении торговых путей с Востока на Запад (Великий шёлковый путь) и из Балтики в Каспийское и Чёрное моря (Великий Волжский путь). С севера шли меха, скот, мёд и воск, белужий клей, с юга — арабская сталь, ювелирные изделия, с востока — шёлк, пряности, драгоценные камни, с запада — оружие, изделия из металла, ткани. Каганат был транзитным маршрутом в торговле невольниками, однако рабовладение не получило здесь значительного распространения и по своему типу было близко к патриархальному рабству.

К середине X века Хазарский каганат теряет своё былое влияние в регионе. Сказалась междоусобная борьба и давление со стороны соседей — печенегов, огузов и усиливавшегося Древнерусского государства. В 965 году киевский князь Святослав нанёс сокрушительный удар хазарам («неразумным хазарам» — «Слово о полку Игореве»), от которого они не оправились.

Другим государством-«осколком», возникшим также на правах наследника общетюркского Дома, стала Великая (или Приазовская) Булгария. Первое упоминание о булгарах в письменных источниках относится к середине IV века. «В «Хронографе», составленном в 354 году в Западной Римской империи, среди народов, обитавших на востоке и происходивших от библейского Сима, рядом со скифами и лазами, названы некие *vulgares*»¹. Скорее всего их происхождение связано с тюркско-угорскими племенами Южной Сибири — Алтая, Приуралья, переместившимися в ходе Великого переселения народов в район Дона и западного Предкавказья.

Основателем Великой Булгарии считается хан Кубрат, который в причерноморских степях путём сочетания мирных (дипломатических) и военных операций, уклоняясь от серьёзных столкновений, предпринял попытку «собрания народа». Само его имя в переводе с тюркского языка означает именно такой императив: «ты должен собрать народ»².

Основной территорией Великой Булгарии стали земли, простиравшиеся от Кубани до Днепра, населённые булгарскими племенами оногуров, частично кутригуров и, по-видимому, древне-венгерскими племенами. Столицей Великой Булгарии стал восстановленный после гуннского разгрома древний античный город Фанагория, располагавшийся на Таманском полуострове. Хан Кубрат, выросший при дворе византийского императора, получивший прекрасное образование, знавший многие языки народов причерноморского региона, был приверженцем объединительной политики. С целью консолидировать тюрк хан Кубрат поддерживал союзнические отношения с Византией, которая, в свою очередь, стремилась использовать булгар как военный и политический противовес аварам. Поэтому поддержка Византии в борьбе булгар с Аварским каганатом за свою независимость была непрочной. Наверное, во многом этим объясняется недолговечность Великой Булгарии. После смерти хана Кубрата в начале 640-х годов Великая Булгария распалась на три самостоятельных государственных образования, которые возглавили его сыновья. Старший сын Батбаян, возглавивший приазовскую группу булгар, создал Кавказский вариант былого могущего государства. Западная группа булгар во главе с младшим сыном Кубрата ханом Аспарухом ушла на Балканы, там они основали первое славяно-болгарское государство. На современной политической карте мира оно обозначено и существует под названием Республика Болгария. Ещё одна, более мощная группа булгарских племён, перемещаясь на север и пройдя степи нижней Волги, на рубеже IX—X веков создало своё государство — Волжскую Булгарию. Считается, что оно было создано вторым сыном Кубрата Котрагом.

---

¹ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005. — С. 62.

² Татары. — М., 2001. — С. 51.

У всех «наследников» Великой Булгарии — разная историческая судьба. Но в хромосомах памяти этих народов сохраняется представление о своих истоках — предках.

К сожалению, великобулгарский этап в отечественной историографии часто описывается лишь как кратковременный эпизод, как незначительное историческое явление. В действительности культура Великой Булгарии была не эпизодом или одним из ярких всполохов переходного от древнего к средневековому историческому времени, а связующим звеном, обеспечившим непрерывность эволюции тюркской цивилизации, фактором сохранения и распространения её сущностных черт под этнонимом «булгары» (болгары) в широких геополитических координатах.

Волгобулгарский срез культуры, обогативший мировое общество уроками как мирно-созидательного, торгово-экономического, так и военно-завоевательного характера, не канул в Лету. Он продолжал оказывать своё воздействие на многие стороны общетюркской цивилизации. И даже через многие столетия он продолжал подавать и подаёт ныне «культурные сигналы», проявляя себя в виде морально-этических норм, традиций и обычаев, вошедших в мифологию, в повседневную практику и духовную жизнь многих народов — исторических наследников и продолжателей булгар, в т. ч. и татарского народа.

В историческом процессе формирования и развития древнетюркской государственности и культуры татарского народа участвовали многие соседско-родственные племена. Среди них особую роль сыграли кипчаки (или кыпчаки, на Руси они были известны как половцы). Возникновение феномена «Великая Степь» («Дешт-и-Кыпчак») связано именно с ними. Кыпчаки (так чаще принято писать. — *Авт.*) представляли собой влиятельную силу — военную, экономическую, культурную. Имели все признаки — критерии высокоразвитой цивилизации¹. «Что означает кипчак?», — вопрошал неистовый учёный Мурад Аджи. И сам же ответил: «Точно неизвестно, споров об этом много. Его переводят по-разному: и «тот, кому тесно», и «несчастный», и по-другому. Думаю, подходят все возможные и невозможные толкования. Потому что нельзя одним словом объяснить, что такое снег в огне и на ветру». Вулкан? Буря? Стихия? Возможно... Душа кыпчака — это в первую очередь воля. Только свобода и простор по-настоящему одаривает её счастьем. Так что пусть толкуют слово «кыпчак» как кому угодно, но... Кто не любит свободу и волю, в том нет кыпчакской крови!». «Кыпчаки» — одна из форм ведической степной стихии, так серьёзно, основательно «опылила» тычинками своего этноцветка своих соплеменников, что не оставила себе сил для собственно-исторического бытия. Кыпчакский налёт есть почти у всего семейства тюрков: в языке татар, в традициях чувашей, в духовных обрядах башкир, каза-

---

¹ См. подробнее: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005.

хов, хакасов, азербайджанцев, киргизов. В каждой из них есть кыпчакская кровь — духовная, историческая.

Таким образом, Великая Степь к началу Средневековья была не только заряжена энергетикой многоэтничного потока евразийских народов, но и превратилась в арену уникального исторического творчества и культурно-цивилизационного конкурентного соперничества. Уже в I тысячелетии н. э. в этом «котле» происходит быстрое изменение этнического состава исторических акторов, среди которых преобладание тюркоязычных племён становилось всё более заметным. Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации подвигало их на создание разнообразных форм государственности — от родоплеменных объединений до «архаических империй» и «варварских государств», трансформировавшихся в «раннефеодальные державы». «Тюркская речь, — отмечает М. Аджи, — заглушала на Европейском континенте любую другую. Тюрки были самым многочисленным народом мира... Вот, пожалуй, главный итог Великого переселения народов! Один народ дал жизнь десяткам других народов»¹. В другой своей книге этот «плодовитый» автор отмечает: тюркская культура, словно живительная река, вливалась в Китай, Индию, Иран, ближневосточные и европейские страны, создавая средневековую культуру этих стран и всего евразийского континента»².

Важнейшим культурным итогом эпохи древности является завершение процесса формирования этногенетической основы — матрицы тюркской цивилизации. Её достижения проявились на многих направлениях прогресса: переход от кочевого образа жизни к оседлой городской жизни, эволюция социальной структуры общества, возникновение классовых образований, древних форм рынка и частной собственности, освоение передовых технологий во многих сферах экономики и градостроительства. Важнейшим достижением явилась революция в духовной сфере: создание письменности, литературы и искусства, приобщение к великим религиям — буддизму, манихейству, христианству, исламу.

Всё вышеотмеченное — далеко не полная история и тем более всего лишь краткий перечень этапных достижений тюркского сообщества народов, «прорвавшихся» от архаичного к раннефеодальному времени.

Каковы были идейно-философские мотивы, устремления и ценностные ориентиры, способствовавшие появлению и историческому взлёту тюркского цивилизационного мира? Каковы духовные скрепы, на длительное время обеспечившие цельность и историческую мощь тюркского фактора в мировой истории? Чем объясняется феномен масштабности, длительности и неза-

---

¹ Аджи М. Древняя история тюрков и Великой Степи : в 2 т. — Т. 1. — М., 2007. — С. 165.

² Его же. Средневековая история тюрков и Великой Степи. — М., 2001. — С. 12.

вершённости процесса воздействия тюркского «социального эха» на умонастроение, эмоциональный настрой и психологию людей, народов? В чём секрет «вмонтированности» «тюркости» в историческую память, характер и национальное самосознание народов, в т. ч. татар, на уровне ментальной заданности?

В постановке такого рода вопросов нет претензии на завышенные оценки роли тюркского, а стало быть, и татарского фактора. Никому не подвластно ни произвольное возвышение народов на пьедестал славы, ни их «сбрасывание» с достигнутых вершин. Автор лишь подводит к мысли о том, что тюркский культурный материал не бесполезный шлак и отработанный исторический ресурс, а резерв, сохраняющийся и вводимый в оборот потребностями развития современного мира. Ведь тюркское наследие (тюркское цивилизационное «родимое пятно») обозначается, актуализируется в наше время не только в связи с явлениями негативистского характера — фундаментализмом, экстремизмом, терроризмом. Человечество вынуждено признать, что вновь настал момент смены исторических ролей народов, континентов, цивилизаций. Сдвиг оси культурного лидерства из Европы к Востоку — глобальный тренд современности. Теперь сигналы-новации, идущие из Евразии, из исторической прародины тюрков — Азии (Востока), будут определять облик мира в III тысячелетии.

Формулировка полновесных и тем более законченных ответов на вышеозначенный ряд вопросов не входит в круг задач данного исследования. Но важна сама постановка и введение их в контекст вызовов нового исторического времени. Включаясь в аналитический процесс осмысления тюркского феномена в данном концептуально-исследовательском ракурсе, автор считает важным акцентировать внимание на следующих моментах.

Тюркский «узор» на полотне общемировой истории начал обозначаться в период разложения родового строя и зарождения раннегосударственной организации человеческого сообщества, когда патриархальные коллективы, объединяясь в крупные военно-политические союзы, начали создавать идеологическое подкрепление важности единства и могущества. Первоначальные формы идеологием были просты, но уже тогда эффективны. Создание генеалогических легенд, мифов, сказаний, в т. ч. надгробных памятников, было направлено на утверждение идей общности тюркских корней, легитимности и непрерывности (а стало быть, и историчности) тюркской реальной и мистической родословной¹. Такая духовная практика уже в более глубоко идеолого-исторически оформленном, чем в хуннское время, виде получила особое развитие в эпоху тюркских каганатов. Так, в VI веке в Великом Тюркском каганате военно-административ-

---

¹ Это направление в науке разрабатывается в трудах гуманитариев широкого профиля: Ф. И. Урманчеева, Г. М. Давлетшина, М. Х. Бакирова, Х. Ю. Миннегулова, Н. Ш. Хисамова, М. И. Ахметзянова и др.

ная система «десяти племён» («десяти стрел»), представлявшая собой традиционную для кочевых евразийских империй десятичную организацию войска, была идеологически обоснована этногенетическим мифом о десяти сыновьях волчицы и гуннского юноши из рода братьев Ашины, ставших основателями десяти тюркских племён¹.

В раннем Средневековье на базе хуннско-гуннского традиционализма возникают новые, более эффективные варианты тюркской этногенетической мифологии. Так, вхождение в состав Волжской Булгарии юго-западных соседей — буртасов получило идеологическое оформление созданием соответствующей мифологической родословной братьев Булгара и Буртаса, отец которых Алып, наряду со своими братьями Тюрком и Гази, считался сыном Яфеса (Яфета), рождённого Нуком (Ноем). Тот факт, что фольклорные версии генеалогических мифов сохранились в татарском национальном самосознании, является свидетельством изысканности и эффективности философской и идеологической оформленности бытия и исторического действия тюркского цивилизационного мира.

В ценностной системе тюркского мира приоритетное место занимала этическая норма уважения старших, культ предков. Взывая к кровно-родственной солидарности и взаимопомощи, она цементировала союзнические межплеменные и родственные общинные отношения. Культ предков соединял поколения во времени и пространстве, обеспечивал непрерывность нити истории тюрков, позволял конституировать весьма важную сторону общественного единства, социально-политическую вертикаль — отношения как между поколениями, так и между «верхами» и «низами».

Ещё одним ключевым элементом тюркской мифологии, предназначенной для формирования представления о величии, вечности, естественности и божественности исторической миссии тюрков, является идея космогонического функционирования тюркского государства (власти каганов). В таком контексте цели и смысл деятельности государства приобретали глобальное, общечеловеческое значение, поскольку они становились продолжением космогонического акта и установления такого порядка во Вселенной, в котором тюрки занимали центральное положение. Такой, по сути эгоцентричный, взгляд на себя и на окружающий мир способствовал мобилизации тюркского общества на совершение как завоевательных подходов, так и озарительных технологических, интеллектуальных и духовных проектов.

Весьма возможно, что именно из понимания величия своей исторической ответственности вытекала установка на укрепление единства, толерантности, межэтнического и междивизиационного диалога, на поиск баланса между стремлением к сохранению

---

¹ См.: Давлетишин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X — начало XIII в.). — Казань, 1990. — С. 69.

этнокультурной, территориальной, хозяйственной автономности, самостоятельности и потребности в развитии контактов с внешним миром, между культурой мира и культурой войны.

Таким образом, в рамках древности сложился набор базовых элементов тюркской цивилизационно-ценностной системы, который вошёл в культурно-историческое самосознание татарского народа «неким архетипом, придающим понятию «тюрки» значение самотождественной (т. е. изначально не выводимой из тождества с другими и не сводимой к такому тождеству), самоценной мировой единицы, наделённой исходным природным качеством внутренней целостности и ориентированной на самореализацию и самоутверждение во внешнем мире»¹.

Древнетюркский период (IV тысячелетие до н. э. — VIII век) был временем формирования древних очагов тюркской цивилизации и образования раннегосударственных племенных союзов: Хуннская держава, Гуннское государственное объединение, Тюркский каганат, Великая Булгария, Хазарский каганат, печенежские и кыпчакские племенные объединения. Общественный строй древнетюркских племенных объединений развивается от военной демократии к раннему классовому обществу. В экономике преобладают кочевническо-земледельческие методы хозяйствования, успешно развиваются ремёсла, торговля, возникают города. Общей духовной основой для древних тюрков является язычество. Формируется мировоззренческая система и складывается основа тюркской (тюрко-татарской) традиционной культуры и духовности. Появление письменности повысило информационно-коммуникативную культуру и вывело структуру тюркского общества на качественно новую ступень, открыло возможность трансляции опыта, традиций и духовных ценностей предков приходящим в жизнь новым молодым поколениям, обеспечило непрерывность роста этноисторического самосознания, поэтому возникшее этническое единство, ощущение сопричастности к общей этнокультуре (цивилизации) не прерывалось, хотя тюркские государства на протяжении этого длительного исторического времени то объединялись, то распадались на отдельные части, часто воевавшие между собой. Архаичность древнетюркских мировоззренческих представлений не мешала им оставаться в генетическом ядре, культурно-историческом и цивилизационном самосознании татарского народа, служить исходным архетипом на протяжении всей его истории, вплоть до современности.

Становление и эволюция тюрко-татарской цивилизации протекали синхронно с историей развития народов Европы и Азии в рамках единой для всего человечества — эпохи древности.

---

¹ Гибадуллин Р. М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 119.

В это время в Центральной и Восточной Европе появляются раннегосударственные племенные образования германцев, славян, мадьяров, занявших новые территории в ходе «великого переселения народов». Восточные славяне также создают государственные племенные объединения — прообраз будущего древнерусского государства. В восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке сосуществуют две великие империи — Византийская империя и Арабский халифат, наследовавшие культурные традиции древнейших цивилизаций Европы и Азии. Древнетюркские этносы испытывают на себе цивилизационные влияния. В ранний период это влияние восточной цивилизации древнего Китая, с выходом в Центральную Азию — влияние ираноязычной скифо-сармато-сакской кочевой цивилизации, а затем Сасанидского Ирана и Арабского халифата. С выдвижением тюркских народов на восточную периферию Великой Римской империи ощущается влияние западной (византийской) цивилизации — наследницы традиций европейской греко-римской античности. Древнетюркские цивилизации также воздействуют на народы Азии и Европы, с которыми оказываются в контакте, что наиболее заметно в трансформациях этносов: алтайских Центральной Азии, угро-финских Поволжья и Приуралья, иранских Прикаспия, германских и славянских на периферии Римской империи.

Рубежным событием на этапе перехода от древности к Средневековью является распад последнего Тюркского каганата, его «распыление» на дробные части и образование Волжской Булгарии как качественно нового исторического типа цивилизации.

«БУЛГАР — ИМЯ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ»

Великая Булгария — последняя страна, имеющая города.

Вильгельм де Рубрук

Привет тебе, Булгар, большой славы город, прославившийся своей культурой на всю Европу.

Из «Баитов города Булгар»

В таком парно-цитатном зачине (начале) болгарского раздела книги есть свой смысл. Во-первых, наличие широкой сети городов для кочевых сообществ — «степняков» — само по себе является признаком (критерием) высоты уровня их цивилизованности. Народ, оставаясь кочевником по ментальности, стал продвинутым земледельцем, автором железного сабана (плуг) со специальным приспособлением — резаком (орудие труда для хлебороба и мельницы), одновременно превратившимся в горожанина, пользовавшегося водопроводом, срубленным из дерева (баней), и чеканившего монеты, создавшего центры ремёсел, торговли и ярмарки, куда съезжались купцы, послы разных стран и учёный люд. Аналогичную высокую оседлую культуру трудно было найти и в Восточной, и в Западной Европе в рамках почти всего Средневековья. Именно это и засвидетельствовал Вильгельм де Рубрук. Вторая цитата характеризует постмонгольскую эпоху некогда цветущего Великого Булгара, народ которого остался приверженным к традиционным ценностям, культуре, искусству. Это — во-вторых. Баиты — одна из универсальных по жанровой ёмкости форма народного творчества, в которой коллективное сознание оценивает наиболее значимые, как правило, трагические для судеб народа события. Ценность баитов как специфического исторического источника состоит в том, что они «создавались или во время события, которое они запечатлевали, или же вскоре после него»¹. Обобщённое в баитной форме прославление Булгара — не авторско-субъективная оценка, данная с высоты нашей современности, а образная фиксация значимости создателей болгарской цивилизации, высокая оценка роли фактора образованности и культуры в жизни народа. «При этом, — как резонно замечает Ф. И. Урманчеев, — речь идёт, по всей вероятности, не только о столице, но и стране в целом, что подтверждается и достоверными историческими данными (т. е. дальнейшими строками баита. — *Авт.*): «Твои славные дети взялись за свои книги — неграмотность, необразованность отбросили прочь»². В баитах есть строки: «Булгар — это имя великой страны, пом-

¹ Кирдан Б. П. Думы // Украинские народные думы (XV–XVII вв.). — М., 1962. — С. 34.

² Урманчеев Ф. И. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья. — Казань, 2002. — С. 45.

ните это, потомки». В них запечатлены не только неизбывная горечь и масштабность постигшей народ потери — разрушение Булгара¹, но и вера в его будущее. С этого трагического рубежа байты становятся эпической частью литературного творчества народов Волжской Булгарии, а затем и всего татарского народа.

В середине I тысячелетия н. э. территория Волго-Уралья находилась в орбите бурных этнополитических процессов эпохи «Великого переселения народов», разворачивавшегося в степях Евразии. В это же время в Среднее Поволжье проникают новые этнические группы, главным образом с запада и, видимо, юго-востока. Они активно взаимодействуют с местными финно-угорскими и тюркскими племенами, создавая предпосылки для становления новых вариаций локальных культур, что известно по археологическим памятникам². Качественно новый этап в развитии региона был связан с появлением в Волго-Камье болгарских племён³, создавших уникальную цивилизацию — Волжскую Булгарию.

---

¹ В литературе есть и другие определения байтной версии национального горя по поводу уничтожения Булгарского государства. Так, например, М. Х. Бакиров в одном из вариантов байта находит такие строки: «Сколько учёных, правоведа было у тебя когда-то. Наступило время потрясений, исчезла твоя свобода».

² Казаков Б. П. Могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). — Самара, 1998. — С. 97–99; Старостин П. Н. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тысячелетия н. э. // Finno-Ugrica. — № 1. — 1997. — С. 30–31; Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьевская культура. — Самара, 2004. — С. 33; Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура. — Уфа, 1998; Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.

³ По мнению археологов, первые болгары появились на Самарской луке, очевидно, ещё в конце VII века н. э. См.: Багаутдинов Р. С., Богачёв А. В., Zubov С. Э. Пробулгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). — Самара, 1998. Значительная группа болгар появилась в южных районах Среднего Поволжья во второй половине VIII — первой половине IX века. Их приход связан, видимо, с походами арабского полководца Мервана против Хазарского каганата, в составе которого находились тогда болгары. Со второй половины IX — первой четверти X века на Средней Волге появляются новые группы болгарского и угорского населения, бежавшего от религиозных войн в Хазарии, а также от конфронтации мадьяр и печенегов. На рубеже IX–X веков сформировалась яркая и своеобразная языковая культура волжских болгар. Однако население продолжало вести кочевой образ жизни. Завершению процессов идентификации, становления государственности, мусульманизации болгарского общества способствовали кардинальные политические перемены в Восточной Европе, связанные с падением Хазарского каганата в третьей четверти X века и притоком в связи с этим в Волжскую Булгарию новых групп населения, принёсших земледельческие навыки и традиции городской культуры. В конце X века с территории Среднего Урала в Волжскую Булгарию проникает новая волна угроз. Таким образом, возникновение Волжской Булгарии явилось результатом миграции болгаро-тюрков и угров в Урало-Поволжье. См.: Казаков Е. П. Начальная история Волжской Булгарии // Очерки по археологии Татарстана. — Казань, 2001. — С. 123–130.

Булгарская проблематика стала предметом междисциплинарного и интернационального интереса уже в момент становления основ этой локальной субцивилизации. Краткие сведения о том времени отражены у восточных авторов X века аль-Балхи, Ибн Русте, персидского анонима Худуд аль-Алама и др. Наиболее полным источником, с твёрдой хронологической и географической привязкой, является описание ранней Волжской Булгарии Ахмедом ибн Фадланом от 922 года¹.

Исследовательская мысль к булгарской тематике неизменно возвращалась и в последующем. Одна из крупных временных «волн интереса» к тюркско-булгаро-татарской проблеме относится к XVIII веку. Она была связана с потребностями модернизации Российского государства. Неслучайно «булгаристами» стали отцы-основатели официальной русской исторической школы. Так, известный историк и государственный деятель В. Н. Татищев впервые обосновал необходимость и важность изучения истории «малых народов России». Обращаясь к истории Волжской Булгарии, он значительное место уделяет характеристике её культуры, экономики и торговли, пишет о булгарах, что это «народ был ремесленный и купечеством во всей сей стране главный... что в хитростях, рукоделиях и купечестве весьма преиззяществовал». Особое значение В. Н. Татищев придавал связям Волжской Булгарии с Русью, причём не только связям политическим, но и культурным, межконфессиональным, экономическим. В сравнительном описании образов жизни — русского и булгарского — он определяет главное занятие, которое составляло базу общности двух народов. Таким занятием он считает торговлю. Торговое сотрудничество булгар с Севером России обеспечивалось, по мнению пионера российской истории, «посредством судоходных рек». «Россию во время недородов житами довольствовались и более в ремёслах и купечестве прилежали»².

О высоком уровне развития у булгар ремёсел, в т.ч. кожевенного, писал М. М. Чулков в своём крупном труде по экономической истории «Историческое описание Российской коммерции». Более тысячи лет волжские булгары «особливо с великим искусством и превосходством против других выделявали кожи, поэтому многие называют юфть искусной выделки «аль-булгари», или «товар булгарский». Достижением дворянской историографии начала XIX века стали труды Н. М. Карамзина. В «Историю государства Российского» включено описание истории волжских булгар, где автор подчёркивает, что булгары — народ, занимающийся разносторонней торговлей и имеющий развитую экономику.

---

¹ См.: Путешествия Ахмеда ибн Фадлана на Волгу / общ. ред. Р. З. Махмутова. — Булгар, 2004; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. — Харьков, 1956.

² Татищев В. Н. История Российская с древнейших времён : в 7 т. — Т. 1–4. — М., 1962–1964.

Булгарский этап истории татарского народа и сегодня остаётся в поле активного исследовательского интереса¹. Булгаристика постоянно пополняется фундаментальными исследованиями. Среди них выделяются труды профессоров Р. М. Валеева и К. А. Руденко². Крупным вкладом в булгароведение является второй том «Истории татар»³. Новый взгляд на историю булгар предложен авторами капитального труда «Время и пространство Булгарской цивилизации»⁴. Новизна не только в оригинальности жанра — он выполнен в виде Атласа в серии «Bulgarica», но главное в том, что феномен Волжской Булгарии помещён в широкий хронографический масштаб (от VII века до н. э. и до XIII века), геопропространственный пояс (срединная часть Евразии) и в контекст истории Булгарской цивилизации — начиная от древних тюрков и скифов, Хазарского каганата, Дунайской Болгарии, Монгольской империи и Золотой Орды. Данная книга-атлас — прорыв в целом в булгаристике. Она выводит множество булгарских государств из состояния изоляции — одиночества, собирает весь тюркско-скифо-кыпчакско-ордынский конгломерат этносов в единую булгарскую семью, обозначая их как этапы формирования татарского народа.

В этом объёмном труде автор нашёл много подсказок-ориентиров для уточнения, углубления знания по истории Волжской Булгарии. В этой стране-цивилизации сконцентрированы огромный многовековой опыт и достижения многих поколений и государств, позволяющие на этой основе исторический прорыв, культурно-цивилизационный скачок на более высокий уровень социального прогресса. Это редкий в мировой истории пример, когда в рамках одного исторического периода удалось решить множество проблем фундаментального порядка:

- обеспечить сравнительно мирный переход от примитивной языческой проторелигии — тенгрианства к исламу, которому было суждено стать одной из движущих интеллектуальных сил человечества;

---

¹ Смирнов А. П. Волжские булгары. — М., 1951; Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984; Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период, X — начало XIII в.). — Казань, 1990; Казаков Е. И. Культура ранней Волжской Булгарии. Этапы этнокультурной истории. — М., 1992; Валеев Р. М. Волжская Булгария. Торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII в. — Казань, 1995; Валеев Р. М., Мухаметшин Д. Г. Очерки поволжских булгар // Мирас. — 2003. — № 1–8; Измайлов И. Л. Изучение государственной культуры Волжской Булгарии в отечественной историографии // История государственности РТ и современность. — Казань, 2000. — С. 65–68.

² См.: Валеев Р. М. Великий Болгар в мусульманском и мировом историко-культурном наследии. — Казань, 2015; Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). — Казань, 2014.

³ См.: История татар с древнейших времён : в 7 т. — Т. 2. — Казань, 2006.

⁴ Атлас Bulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации. — М.; Казань, 2012.

- видоизменить стиль мышления, уклад и образ жизни этнического сообщества;
- осуществить переворот в социально-политической, торговой, культурной, экономической, военной сферах;
- сформировать общество, в котором приоритетами были не только военная доблесть и мужество в боях, а в той же мере уважались, культивировались, воспитывались и поощрялись ценности трудовой этики, духовности, толерантности, этноконфессионального согласия.

Однако в практике изучения болгарской проблематики были и остаются оценочные крайности — от замалчивания или припущения значимости болгар до «делёжки» болгарского наследия между многими тюркскими народами. Однако история Болгарии остаётся «вещью в себе» и не помещена в общемировой контекст. Не ставятся вопросы и такого, например, порядка: в какой мере болгары обогатили человечество и что оно могло потерять, не будь их? Случайно или закономерно их появление? Постановка подобных вопросов и поиск ответов на них составляют задачу осмысления Булгара в контексте глобального процесса «возвращения к историческим корням». Булгарский цивилизационный феномен — неслучайный «всплеск» пассионарной этноэнергетики, который мог возникнуть, а мог и не появиться. Явления такого порядка никогда не бывают продуктами случайного или стихийного характера. Становлению, могуществу и расцвету болгарской цивилизации способствовал ряд предпосылок. Во-первых, пришедшие в Среднее Поволжье болгары, этноним которых и дал название государству, имели длительные традиции государственности, восходившие ещё к хуннской эпохе. Во-вторых, возникновение и развитие Волжской Болгарии совпало по времени с крупнейшими социально-экономическими переменами в той части Евразийского континента, которая, в отличие от уже сформировавшихся регионально-модернизационных центров, оставалась в стороне от преобразовательных процессов, протекавших в Азии и Европе.

Формирование болгарской цивилизации отвечало потребностям не только «пробуждения» Волго-Уральского региона, но и решению задач общемирового плана. Речь идёт о назревшей исторической задаче перехода от эпизодических, нестабильных форм связей между Европой и Азией к системному и всестороннему диалогу и сотрудничеству. Волго-Уральскому региону через Волжскую Болгарию предстояло превратиться в надёжную геополитическую и геоэкономическую «площадку» встреч и обмена достижениями двух крупнейших культурно-исторических систем — Европы (Запада) и Азии (Востока). В процессе решения этой исторической задачи уже «в конце IX века традиционная роль «Поволжья как периферии цивилизации была сломана и создавалась совершенно новая политическая и культурно-историческая ситуация. Возникло государство, образовалась целая сеть городских поселений, стали регулярными торговые связи со

странами Европы и Азии, ислам стал государственной религией. Иными словами, Среднее Поволжье стало неотъемлемой частью культурной ойкумены»¹.

Булгарский цивилизационный феномен — это вовсе не «местечковое» явление. Оттого, что такая оценка ещё сохраняется и «выплёскивается» с волнами евроцентристских или иных этноцентристских эмоций, значимость булгарского феномена, подтверждаемая фактами, не умаляется, ибо факты — упрямая вещь. «Упрямые» факты свидетельствуют, что расцвет могущества Волжской Булгарии не просто совпал с бурными общемировыми процессами средневекового цивилизационного пробуждения. Сам булгарский феномен вызвал к жизни многие социально-экономические и культурные новации. «Связав» две суперцивилизации Евразии (Европу и Азию), он ускорил темпы исторического развития человечества. Неслучайно то, «что именно этот период истории у многих народов наполнен бурными процессами складывания средневекового общества: возникают и расцветают города, появляется письменность, утверждаются мировые религии и устанавливаются обширные торговые связи. Никогда ещё мир не связывали столь крепкие торговые пути, как в IX—X веках, «когда в регулярный товарообмен были втянуты практически все народы — от Англии на западе до Китая на востоке и от Прикамья на севере и до Индии на юге»². Отсюда можно сделать вывод о том, что булгарская субцивилизация по своей значимости и степени воздействия на внешний мир явилась стратегическим ресурсом в решении исторических задач эпохи Средневековья.

История Волжско-Камской Булгарии — первого раннефеодального государства на территории современного Татарстана подразделяется на *раннебулгарский* (VIII — начало X века), *булгарский домонгольский* (X — первая треть XIII века), *булгарский золотоордынский* (XIII—XIV века) периоды.

Раннебулгарский период был связан с появлением в Поволжье булгарских племён. Основными источниками их изучения являются археологические памятники, оставленные булгарскими племенами, в первую очередь могильники — Больше-Тарханский в Тетюшском районе и Кайбельский в Ульяновской области. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что в культуре булгарских племён много европеоидного «материала», но определяющими являются восточно-азиатские элементы. Об этом свидетельствуют хозяйственный уклад и образ жизни раннебулгарских племён, нормы и традиции быта, отправления религиозных ритуалов.

Среди первых письменных источников по истории Булгарии и булгар выделяются сочинения арабо-персидского географа Ибн Русте (X век), который указывал, что «Булгарская земля смеж-

---

¹ Измайлов И. Л. Образование Булгарского государства // История татар. — Т. 2. — С. 125.

² Там же.

на с землёй буртасов. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское (так на востоке в то время именовали Каспийское море. — *Авт.*) и прозывается Итиль, протекая между землями хазарской и славянской». Упоминал болгарские земли и географ-путешественник аль-Мукаддаси в своём труде, написанном в 985 году. Восточные авторы X—XI веков Ибн Хаукаль, аль-Масуди и Гардизи свидетельствовали, что болгарские земли граничат на западе со славянскими. Пестрота этнического состава населения Волжско-Камской Булгарии зафиксирована Ибн Русте, который писал о трёх крупных племенах — булгарах, берсулах (барсилах), эсегелах. Ибн Фадлан добавил к ним племена суваров (савиров) и баранджаров (баланджаров). Ибн Фадлан описывает южных и юго-восточных соседей болгар: гузов, печенегов, башджардов (с ними многие исследователи связывают происхождение современных башкир). Аль-Истахри и Ибн Хаукаль (X век) сообщали, что язык болгар подобен языку хазар, и обозначали границу болгарского влияния по реке Яик, за которой начиналась страна гузов¹.

На западе граница Волжской Булгарии проходила по реке Суре. Здесь она граничила с племенами мордвы. На юге к Волжской Булгарии относился район Самарской луки. Граница на востоке проходила по реке Белой. Расселившиеся в Среднем Поволжье болгары имели опыт создания и развития государственности и культурных ценностей, приобретённый в Великой Булгарии и Хазарском каганате, а также навыки разнообразной хозяйственной деятельности. Их приход стимулировал ускоренное развитие всех сторон жизни многоплеменного и пёстрого в этноконфессиональном отношении населения края.

Умерших соплеменников болгары хоронили, как правило, в глубоких ямах. Захоронения обкладывали костями лошадей, собак и других домашних животных, орудиями труда (железными ножами, иглами, глиняными пряслицами), оружием, украшениями (бусами, бисером, бронзовыми и серебряными нагрудными и поясными подвесками, накладками на ремни, браслетами, серебряными, реже золотыми серьгами и серебряными перстнями с сердоликом и цветным стеклом).

Обязательными элементами сопровождения в загробный мир были предметы быта: деревянные чаши, окованные медными и серебряными пластинами, костяными и бронзовыми пуговицами, бронзовыми зеркалами, а также керамические горшки и сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге. Погребальный обряд, большинство предметов и особенно керамика могильников раннебулгарского периода представляют собой один из самых

---

¹ Источниковая база булгаристики была значительно усилена в трудах Ш. Марджани. В его творческом наследии более 30 трудов. Среди них особое место занимает двухтомная книга «Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан во Болгар», которая, по определению классика татарской литературы Г. Г. Ибрагимова, стала «фундаментом национальной истории».

северных вариантов средневековой салтово-маяцкой археологической культуры, созданной ещё булгарами, аланами, суварам и другими тюркоязычными племенами во времена Хазарского каганата. Памятники Танкеевского и других могильников, скорее всего, принадлежат присоединившимся к булгарам тюркоязычным эсегелам, обитавшим ранее в Верхнем Прикамье и Вятско-Камском междуречье.

Результаты исследований убеждают в том, что различные группы раннебулгарского населения имели чётко выраженные антропологические отличия. Так, большинство захороненных в Танкеевском и Тетюшском могильниках были людьми с явно выраженными европеоидными чертами, в отличие от захоронений Больше-Тарханского и Кайбельского кладбищ.

На ранних этапах булгарской истории прослеживается серьёзная конкуренция местных племён за местообитание и источники жизнедеятельности, поэтому важным сюжетом раннебулгарского периода стала достаточно длительная борьба эсегелов с угро-венгерскими кочевыми племенами, располагавшимися в VIII–IX веках в левобережье Волги и Прикамье. Это военное, экономическое и культурное противоборство завершилось с уходом венгров на юго-запад. К тому времени конкурирующими сторонами уже был накоплен значительный опыт взаимодействия, взаимовлияния.

В IX–X веках численность булгарских племён в Среднем Поволжье заметно увеличивается, активизируется их хозяйственная деятельность по освоению новых земель и внедрению в жизненную практику прогрессивной технологии. Социально-хозяйственной революцией стал переход булгар к оседлому образу жизни и освоению плужного земледелия. Оно заметно потеснило кочевое скотоводство. Принесённые булгарами из Причерноморья и с Северного Кавказа навыки ремесла, металлургии, строительства, кузнечного и оружейного дела, ткачества и обработки кож, гончарного и ювелирного искусства органично соединились с местными промысловыми традициями.

В условиях интенсификации хозяйственной деятельности и усиления конкуренции с соседними племенами возросли роль и влияние булгарской военно-племенной знати, возглавившей в своё время переселение булгарских племён на Волгу. С ускорением процесса социальной дифференциации складываются предпосылки формирования раннефеодального государства. Это переход к оседлому типу хозяйственной деятельности; освоение и закрепление за булгарскими племенами постоянных территорий; ускоренное развитие ремесла и торговли не только с соседними, но и с отдалёнными племенами; усложнение социальной структуры общества; повышение роли базовых элементов духовной жизни: научных знаний (в т. ч. исторических, философских, медицинских), образования, письменности, литературы, поэзии и искусства.

По политическим параметрам раннебулгарский период можно характеризовать как *этап дружинной истории*. Шла конкурентная борьба между различными группами военно-племенной

знати. Заметную роль в этой борьбе играло ближнее военное окружение конкурирующих князей. К X веку конкуренция двух главных центров — Биляра и Суvara — завершилась объединением болгарских племён в болгарскую конфедерацию. Создание конфедерации стало важным и необходимым шагом на пути к образованию единого и сильного Болгарского государства.

Домонгольский период (X — первая треть XIII века) можно считать временем окончательного становления и расцвета Волжской Булгарии, наиболее динамичного развития политической и социальной систем, хозяйства и культуры, налаживания международных политических, торгово-экономических и культурных отношений, роста международного авторитета Булгарии. Именно период, когда болгарская цивилизационная доминанта исключительно ярко и полно проявила себя на обширной территории и оказала заметное влияние на развитие многих соседних народов, очевидно, следует рассматривать как собственно болгарский. В этот период впервые отчётливо проявилось влияние природно-климатических, географических и геополитических факторов на тип государственности, культуры, религии, цивилизации, образа жизни, стиль мышления и национальный характер народа.

Взаимосвязь общества и природы особенно важны для народов, чья жизнедеятельность протекает на перекрёстке культур, религий и цивилизаций, не просто разных по своей природе, но и конкурирующих между собой. Историческая судьба народов в решающей степени зависит как от степени таланта, выбора оптимальных моделей организации внутренней жизни общества, так и от взаимоотношений с внешней средой — природой и соседними народами, странами. Для таких народов умение обеспечивать баланс интересов внутри социума и с окружающими государствами, своевременно корректировать и уточнять приоритеты внутренней и внешней политики становится неременным условием развития, роста могущества и безопасности. Толерантность, комплиментарность, диалогичность и дипломатичность для них являются не интеллектуальным украшением, а свойством характера, запечатлённым в менталитете и традициях. Превращение народов «контактных зон» в конкурентоспособные «модельные» исторические величины всегда связано с напряжённой работой интеллекта, мысли, включением в преобразовательные процессы всё более эффективных ресурсов саморазвития.

Претензия Волжской Булгарии на такую «модельность» базировалась на возможности использовать многовековой тюркский цивилизациостроительный опыт, потенциал многоэтничности и поликультурности общества, природно-географические и геополитические преимущества. Хозяйственная специфика края, своеобразие географического положения и природно-климатических условий, многообразие этнокультурных общностей и поликонфессиональность населения предопределяли динамизм исторического развития болгарской цивилизации и Волго-Уральского региона в целом.

Многочисленные источники эпохи Средневековья позволяют определить границы Волжско-Камской Булгарии. В XI–XII веках граница Волжской Булгарии пролегла севернее Камы и западнее Волги. На севере болгары освоили территорию между реками Кама и Казанка, а также в южной части рек Иж, Тойма и Вятка. На севере Волжская Булгария граничила с Вятской землёй. Эта граница была неопределённой. Малочисленное население проживало в редких поселениях вдоль крупных рек. Недалеко от них болгары строили свои торговые фактории — центры торговли с местным населением.

Археологические данные убедительно подтверждают, что на севере болгарское население освоило территорию до бассейна Казанки, но влияние Булгарии не ограничивалось этими пределами. Таким образом, территориальными границами Волжской Булгарии в X–XIII веках можно считать реки Суру на западе, Белую и Яик на востоке, Казанку на севере и Жигулёвские горы, огибаемые волжской излучиной Самарской луки, на юге. Многочисленные болгарские поселения обнаружены археологами в современных Ульяновской, Самарской, Пензенской областях¹.

Соседями волжских болгар на востоке, юге и юго-востоке в разное время были главным образом тюркские племена огузов, хазар, печенегов, кыпчаков и мн. др.; на севере, северо-востоке и северо-западе — угро-финские народности; на западе — угро-финские племена, большинство которых контролировалось восточнославянскими княжествами. Можно предположить, что болгарский тип образа жизни, государственности, социально-экономического строя, культуры соседства отвечал интересам исторического развития волго-уральских этнических сообществ. «Многогранное» соседство требовало постоянного поддержания конкурентоспособности, выступало и фактором растущей полиэтничности и поликонфессиональности.

Булгарские племена составили ядро болгарского союза племён, и со временем этноним «булгар» замещает и вытесняет прежние этноплеменные самоназвания. Наиболее заселённая территория Булгарии охватывала лесостепные районы западного Закамья, ограниченные Камой, левобережьем Волги, Малым Черемшаном и Шешмой. На периферии своего государства болгары чересполосно и весьма мирно соседствовали с множеством тюркских и угро-финских племён на большом геополитическом пространстве Волго-Уралья.

Обычно процессы складывания основ государственности занимают столетия, однако они всегда замыкаются в определённой временной плоскости, связанной с деятельностью крупных исторических фигур. Особая роль в государственном объединении булгарских племён принадлежит эльтеберу (князю) Алмушу (Альмушу, Алмасу), который в начале X века превратился в

---

¹ См.: *Хузин Ф. III*. Булгарский город в X — начале XIII в. — Казань, 2001.

знаковую для становления государственности историческую фигуру. Именно он предпринял решительные шаги к объединению болгарских племён и оформлению государственного статуса Волжско-Камской Булгарии.

Вплоть до начала X века волжские болгары развивались в специфических политических условиях: пришедшие сюда в разное время племена были слабо связаны между собой и долгое время находились в зависимости от Хазарского каганата. Булгары до укрепления своего государства выплачивали ежегодную дань каганату, для чего, как свидетельствовал Ахмед ибн Фадлан, необходимо было с каждого дома брать по шкурке соболя, а болгарский хан отправлял в Хазарию своих детей в качестве почётных заложников. Каганат был заинтересован в сохранении господствующего положения на востоке Европы, политико-экономического контроля над северной частью Волго-Каспийского торгового пути. Эльтебер Алмуш сумел определить возможности и ресурсы для расширения самостоятельности набиравшего силы Булгарского государства, и это мог дать политический союз с кем-то из сильных противников Хазарского каганата. Хазарский каганат на рубеже IX—X веков конкурировал за влияние на евразийских торговых путях с Арабским (Багдадским) халифатом и Византийской империей. В это противостояние были втянуты кочевые объединения печенегов, гузов и кыпчаков в степях от Волги до Дуная, а также Хорезм — в Средней Азии и Киевская Русь — на востоке Европы. Окончательный выбор политического союзника был сделан булгарами в пользу Багдадского халифата.

Почему был выбран такой вариант союзничества? Каковы были мотивы и последствия булгаро-багдадского политического контракта? Что это — случайность или стратегически продуманный и перспективный для булгар исторический шаг? И, наконец, в какой мере ориентация на Арабский халифат была связана с решением о принятии ислама в качестве государственной религии?

Принятие ислама в качестве государственной религии, вызванное потребностями внутреннего развития и во многом предопределившее культурно-цивилизационное самоопределение не только булгар, но и Волго-Уральского региона, несомненно, представляло собой и внешнеполитическое решение. Оно было продиктовано в первую очередь стремлением Волжской Булгарии получить официальный статус эмирата, т. е. вассальной территории багдадского халифа — верховного правителя всех мусульман с тем, чтобы, опираясь на его поддержку, избавиться от весьма обременительного и унижительного подчинения хазарским каганам. Как уже отмечалось, дипломатия народов, обитавших в «контактных зонах», эффективна тогда, когда работает на опережение. Отсутствие дипломатического дара предвидения всегда чревато многими опасностями, потерей приобретённого. В этом смысле стратегический расчёт болгарской дипломатии заключался в распространении суверенитета на территории, которые находились в хазарском подчинении. Восточная «тонкость» болгарской дипло-

матии заключалась в том, что акт перехода Волжской Булгарии под протекторат Арабского халифата должен был иметь лишь формальное значение, т. к. анклавное положение на пространствах немусульманского мира и большая удалённость от Багдада делала нереальными традиционные формы и нормы вассалитета.

Арабо-мусульманская ориентация Волжской Булгарии давала определённые геополитические гарантии, а стало быть, способствовала сохранению её статуса межконтинентального центра торгово-транзитного обмена. Не менее важным было то, что арабо-мусульманский мир «подпитывал» болгарское общество опытом и результатами своего исторического «взлёта». Многие ценности, рождённые в арабской «колыбели» цивилизации, были близки тюркским народам. Они быстро проникали и впитывались в ткань болгарского этнокультурного самосознания. На протяжении трёх столетий арабо-мусульманское воздействие было столь глубоко и многогранно, что давало основание считать Волжскую Булгарию частью исламского мира. Однако его болгарская часть несла на себе печать специфичности, особенности и даже единичности. Эта особенность вытекала из пограничного, периферийного положения в исламском мире. Волжская Булгария находилась, с одной стороны, на острие его взаимодействия с немусульманским миром, с другой — в стороне от непосредственного участия во внутренних процессах и конфликтах мусульманского мира, которые очень часто определяли культурно-историческую идентичность его сегментов.

В болгарско-региональном сознании «оседал» идеализированный, «чистый остаток» виртуального представления об исламе без конфликтогенных его составляющих. В литературе существует мнение, что укоренение в болгарском обществе именно такого «препарированного» образа ислама объясняется плюрализмом трактовок в вопросе мазхаба, допускавшим наряду с ханафитским и шафиитский толк¹, а также отсутствием в болгарском суфизме оппозиционности официальному правоверию, присущей классическому арабскому суфизму². Можно согласиться с тем, что такое восприятие ислама в болгарской «контактной зоне» порождено стремлением власти к большей политической централизации перед лицом внешней угрозы. Именно по этой причине интегративная функция ислама превалировала над центробежными тенденциями³. «Булгарский» пласт в культурно-исторической самоидентификации современного татарского общества, — размышляет Р. М. Гибадуллин, — связан не просто с осознанием себя частью мусульманского мира, но и с наиболее интегрированным образом этого мира, сущностные стороны

---

¹ См.: Очерки истории татарской общественной мысли. — Казань, 2000. — С. 24–25.

² См.: *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. — Казань, 2002. — С. 73–74.

³ См.: Очерки истории татарской общественной мысли. — С. 24.

которого (и принадлежность к которому) реализовывались не столько в его внутренних процессах, сколько во взаимодействии его с внешним, немусульманским, миром»¹.

Конечно, утверждение в волго-уральском ареале идей и ценностей исламского мира в либерально-демократическом (умеренном) варианте («покрое») объясняется не только вышеобозначенными внутриполитическими и геополитическими факторами. Булгарская этнокультура сама являлась наследницей тюркской традиции толерантности, компромиссности, цивилизованных форм соседства. К развитию этой традиции, внедрению её в социальную практику, в т. ч. духовную, располагал и географический, природно-климатический фактор. Окружающий мир, культуры, религии, цивилизации соседних народов и государств выступали в роли не только конкурента, но и партнёра, представляли не только военную угрозу, но и источник миролюбия. Народ, выбравший своим «месторазвитием» перекрёсток великих цивилизаций, генетически программирует свой образ жизни, стиль мышления и практического действия на умеренность, центризм при отсечении крайностей и культивирование установок на толерантность, согласие, солидарность и сотрудничество.

Принятие ислама во многом предопределило суть, формы и направления не только последующих культурно-цивилизационных процессов и тенденций жизнедеятельности, но и на дальнейшую историческую судьбу татарского народа, который сформируется позже. К сожалению, содержание этого нового исторического рубежа в литературе порой описывается упрощённо, сводится к одномоментному акту принятия новой веры достаточно масштабным и «продвинутым» культурно-цивилизационным сообществом. На самом деле речь идёт о сложном, драматически противоречивом и долговременном процессе смены системы ценностей, мировоззренческих установок, философских и этических мотиваций организации жизни во всех её многообразных формах. Ведь ислам не только и не столько свод канонических догматов и предписаний. Это сложная мировоззренческая система и политическая доктрина, целый спектр этических норм и принципов нравственности, особый способ мироощущения, миропонимания и преобразования мира.

Понятно, что любая смена системы ценностей — это мучительный, весьма противоречивый и долгий процесс ревизии и отказа от сформированных и транслированных через века и поколения образов богов, идеалов и идолов; это разрыв ценностных и мировоззренческих тканей в системе мировосприятия, трудная смена убеждений, мотиваций, обрядности и традиций, складывавшихся столетиями. Принятие ислама во многом изменило взгляды людей

---

¹ Гибадуллин Р. М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 121.

на окружающий мир и на отношения между ними. Языческому многобожию ислам противопоставил единобожие. В рамках ислама Аллах един и нет у него никаких «сотоварищей», «сотворцов». Он сам создал мир, небеса и землю, ангелов и демонов, людей, растения, животных. Аллах вечен, никого не родил и не был рождён. Аллах доводил свои мысли о настоящей вере до сознания людей через пророков, последним из которых был Мухаммед (570—632). Кратчайший символ веры ислама гласит: «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха».

До принятия ислама главным регулятором общественных отношений служил *гадэт* (на Кавказе — адат), т. е. неписаное право, базирующееся на обычаях-традициях предков. «Но и с приходом ислама адат не умер. Свернувшись в единый клубок, нормы адата и шариата пережили даже годы советской власти и тяжелейшие драмы в судьбах народов»¹. С данным выводом, сделанным по итогам социально-исследовательского проекта «Северный Кавказ: взгляд изнутри», автор солидарен. Более того, он считает, что нормы-ценности легли в основу волжско-булгарского варианта ислама.

В доисламский период считалось, что булгарин мог попасть в загробный мир, если родственники хоронили его по традиционному обряду погребения. Булгарин-мусульманин, чтобы попасть в рай (*джаннат* — райский сад), должен был своей праведной жизнью подтвердить это право. Для этого он должен был в течение жизни выполнять шесть обязательных правил: платить налог в пользу бедных — *закят*, пять раз в день молиться (читать *намаз*), перед молитвой совершать омовение, ежегодно в месяц Рамадан (Рамазан) держать *уразу* (мусульманский пост), точно выполнять мусульманские законы, проявлять усердие в усвоении истинной веры и хотя бы раз в жизни совершить *хадж* (паломничество в Мекку). До ислама булгарские женщины были равны в правах с мужчинами и даже участвовали в сражениях. Теперь жена обязана была во всём подчиняться мужу и даже пищу употреблять отдельно от мужчин. Брак считался законным при совершении обряда *никах*.

До ислама ребёнка воспитывали не отец и мать, а дед по материнской линии. Ребёнок рос у него до совершеннолетия. После смерти отца сыновья не наследовали имущество родителей. Оно переходило к брату отца, т. е. к дяде². Теперь установился новый порядок. Дети воспитывались у родителей, а наследство отца стало переходить к старшему сыну. За воспитание детей в семье отвечал отец. За нечаянное убийство соплеменника в доисламский период булгарина живьём помещали в деревянный ящик, рядом с ним клали три лепёшки и ставили сосуд с водой, ящик прочно заколачивали и вешали на дерево — преступ-

---

¹ См.: Итоги проекта «Северный Кавказ: взгляд изнутри» // Новая газета. — 2018. — № 32 (28 марта).

² Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на Волгу. — С. 32.

ник был обречён на медленную и верную смерть¹. По Корану за непредумышленное убийство мусульманина убийца должен был уплатить семье убитого штраф.

За прелюбодеяния болгары-язычники наказывали очень строго как мужчин, так и женщин. Виновных привязывали за руки и ноги к четырём столбам и топором рассекали тело от шеи до бёдер. Затем каждую половину тела вешали на дерево, где она висела до полного разложения. По Корану за прелюбодеяние оба виновных карались ста ударами кнутом. Сверх того женщины полагалось пожизненное заключение. За воровство болгары-язычники наказывали виновных так же, как за прелюбодеяние². С принятием ислама за кражу отсекали кисть руки. Но если кражу совершал голодный, чтобы спасти свою жизнь, его не наказывали.

После принятия ислама изменился и погребальный обряд. У болгар-язычников кладбища располагались за какой-либо естественной преградой (река, овраг), что означало ограждение живущих от умерших. Покойников хоронили в ящиках наподобие гробов. Некоторым женщинам связывали ноги, чтобы они не являлись с того света в виде *албасты* (ведьмы). Покойников хоронили в одежде. Рядом клали оружие, пищу (мясо, кашу, напиток из ягод и фруктов). В могилу нередко клали конскую сбрую и часть туловища лошади, т. к. полагали, что умерший сможет въехать в загробный мир верхом на лошади³. Во время похорон у болгар плакали не женщины, а мужчины. Они собирались у дома, где был покойник, и громко рыдали. У дома водружали знамя. Траур у ближайших родственников умершего продолжался два года, потом устраивали поминки и траур заканчивался.

Таким образом, некоторые доисламские языческие обряды и ритуалы были весьма необычными, они не имели аналогов в иных культурах. Так, тела преступников, а также великанов-богатырей и людей с необыкновенным умом не предавали земле. Тело умершего *алта* (великана, воина, богатыря) оставляли на поверхности земли. Тело казнённого преступника вешали на дерево. Если болгары встречали человека с необыкновенным умом и глубокими знаниями, то говорили: «Ему впору служить Богу», после чего внезапно набрасывались на него, надевали на шею верёвку и вешали на дерево. В таком состоянии он «служил Богу» до тех пор, пока тело полностью не разлагалось⁴.

Переход от тенгрианского мировоззрения к исламу, как и любую трансформацию веры, даже при неизменной её устремлённости к прогрессу, правомерно оценивать как разновидность духовной революции, как форму компромисса в ходе противо-

---

¹ Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на Волгу. — С. 33.

² Там же. — С. 34.

³ Там же. — С. 17–18.

⁴ Там же. — С. 33.

борства многих идеологий. Исторический переход был начат задолго до официального принятия ислама¹. Он был давно известен и культивировался представителями коренного населения даже на «низовом» (народном) уровне. По мере усиления миграции приазовских булгарских племён и их освоения в Волго-Камском регионе ислам проникал всё глубже в структуры массового сознания булгарского общества. Можно утверждать, однако, что лишь с момента официального принятия в 922 году, затронувшего слой представителей «политического класса», начался главный этап исламизации государства. «Прощание» со старой и становление новой системы ценностей, будучи сложным процессом формирования иного стиля мышления и образа жизни, протекало долго.

Исторический процесс перехода от проторелигий к развитым формам религий у всех народов мира был длительным. Переходные этапы в контексте осуществления духовных революций всегда представляли собой выбор историко-религиозных альтернатив. Анализ такого рода эпохальных актов даёт основание считать, что выбор альтернатив оптимален лишь тогда, когда осуществляется не на основе насилия или случайности, в режиме стихийно-фатальной обречённости, а выступает как результат длительного этнокультурного синтеза многих совпадающих и взаимообогащающих ценностных компонентов в процессе диалога культур, народов и цивилизаций. Результатом такого естественно-исторического отбора, этнокультурного синтеза является, например, принятие Хазарским каганатом иудаизма, а Древней (Киевской) Русью — православия. Именно таким результатом предстаёт и принятие булгарами ислама в качестве государственной религии. Оно не означало одномоментного искоренения древнетюркских культов, остаточные формы которых, законсервировавшись в сознании людей, перешагнули из Средневековья в современность. На протяжении многих веков мусульманско-языческим синкретизмом отмечены разные сферы образа жизни и культуры волжских булгар.

Вхождение в лоно исламского культурного мира усилило преобразовательную энергию булгар в самом широком смысле. Активизировался поиск модели государственности и культурно-цивилизационной идентичности. Решение этой важнейшей исторической задачи привело к возникновению нового культурного явления — феномена мирового масштаба — исламской ветви тюркской культуры. Поскольку Булгария была тогда северным анклавом исламской цивилизации, то со времени раннего Средневековья до начала XX века Казань в представлении татар воспринималась как «врата Востока», а сами татары считали себя «детьми Востока» (*Г. Ибрагимов*). Ислам на протяжении веков постепенно обретал черты не только религиозной системы

---

¹ Патриарх татарской истории Ш. Марджани отмечал, что идеи и ценности ислама проникали на булгарскую землю в течение почти столетия до момента его официального принятия в 922 году.

философских, этических взглядов, но и становился кодексом регулирования общественной жизни и органичной частью национального самосознания. Он стал важным фактором политической, социальной, этнической консолидации и организации духовной жизни болгар.

Под воздействием арабо-мусульманской культуры постепенно вытесняется руническая письменность, распространяется арабская графика и литература. На новой культурной основе вводятся культовые сооружения — мечети, формируется новая образовательная система, состоявшая из мектебов и медресе. На этой основе формируются и политические институты государства. Речь, таким образом, идёт об уникальном историческом эксперименте ненасильственной, системной и масштабной переориентации религиозной, политической, образовательной, духовной и торгово-экономической сфер на адаптацию, освоение и утверждение в повседневной социальной практике моделей жизнедеятельности народов, которые сформировались в передовых для того времени странах — центрах исламской культуры — Передней и Центральной Азии.

Какой же облик принимает Волжская Булгария в контексте воздействия государственно-строительного опыта исламского мира и такого же опыта её ближайших соседей, особенно Древней (Киевской) Руси? Пограничность «месторазвития» Булгарии ориентировала на необходимость учитывать как общемировые тенденции, так и региональную и национальную специфику. На этом этапе собственно тюркский опыт формирования государственности нуждался в трансформации в соответствии с потребностями эпохи.

Волжская Булгария в конце X — начале XI века представляла собой типичное раннефеодальное государство. Высшая власть принадлежала *эльтеберу*, или *малику* (от араб. «царь»). Позднее главу государства стали именовать *эмиром* (от араб. «повелитель»). При эльтебере-эмире существовали специальные совещательные советы из местной знати. Нельзя не отметить, что политическая иерархия властной элиты была переплетением тюркских традиций с арабскими заимствованиями, формируя особые болгарские цивилизационные модели власти и систему управления. Ибн Фадлан и другие средневековые авторы для характеристики болгарского общества использовали термины «царь», «предводители», «знатные жители», «приближённые», «старейшины», «простой народ», «друзья-дружинники», «рабы», что свидетельствует о системе вассальной зависимости и соподчинения.

На верхних ступенях феодальной пирамиды находились эльтебер-эмир и его жена, ближайшие родственники, ниже располагались князья четырёх болгарских племён и ближайшие члены их семей. На следующей нисходящей ступеньке социальной иерархической лестницы помещались высшие чиновники, назначаемые эмиром. Ещё ниже находились привилегированные представители родоплеменной знати и военные дружинники. Власть

в селениях осуществляли старшины-старейшины. С укреплением ислама заметную общественную роль стало играть мусульманское духовенство — муллы, ходжи, шейхи, постепенно вытеснившие языческих жрецов. Основными законами Волжской Булгарии взамен традиционных родоплеменных, основывавшихся на обычаях предков, становятся законы шариата — свода мусульманских правовых и религиозных норм.

Феодализм в Волжской Булгарии возник и получил начальное развитие в государственной форме. Это означает следующее: до вовлечения крестьян в поземельную зависимость от светских и духовных феодалов практиковалось обложение свободного населения государственными повинностями. Налог государству люди платили лошадьми или вьючными животными. Любой булгарин, организуя свадьбу сына или дочери, был обязан выделить определённую долю своего состояния государству. Купцы должны были отдавать эльтеберу десятую часть привезённых товаров, в т. ч. десятую часть рабов. Кроме того, свободное население страны облагалось различными публично-государственными повинностями. Так, они должны были участвовать в строительстве военных крепостей на важнейших стратегических путях, в возведении больших оборонительных линий в пограничных зонах, в строительстве городов и важнейших поселений государственного значения. На этих работах, как правило, использовался труд военнопленных, но и на долю свободных общинников выпадали подобные повинности.

В Волжской Булгарии, как в любой другой феодальной стране, была и частно-помещичья форма подчинения, хотя прямых указаний на этот счёт в письменных источниках нет. Подавляющую часть населения составляли свободные крестьяне-общинники. С созданием государственности, развитием хозяйства и активизацией транзитной международной торговли растёт число городов и численность городских жителей, особенно за счёт ремесленников и купцов. Рабы попадали в Булгарию либо в качестве пленных, захваченных в военных походах булгар, либо с караванами работоторговцев, транзитом из других стран. В последнем случае каждый десятый невольник должен был остаться в распоряжении хана в качестве таможенной десятины — пошлины от ввозимых товаров. Поэтому общая численность рабов не была существенной, в отличие от рабовладельческих государств, а само рабство не имело столь широкого распространения, чтобы стать основой экономического и политического развития страны.

Основными доходами государственной власти были, во-первых, регулярные ежегодные подати с каждой семьи (скотом и мехами), во-вторых, десятина со всех ввозимых в страну товаров, в-третьих, разовые подати (например, за свадьбу, званый пир и т. д.). По свидетельству арабского путешественника аль-Гарнати (XII век), зависимые от Булгарии соседние племена платили булгарам поземельный налог — *харадж* и подушный налог с немусульман — *джизью*. Повинности булгарских крестьян

поначалу были невелики и носили характер дани, но со временем стали всё больше приобретать феодальный характер.

Особую роль в расцвете хозяйства Волжской Булгарии играли сельское хозяйство, ремесленное производство и торговля. Хозяйственный базис составляло высокопродуктивное сельское хозяйство. Богатые чернозёмные земли требовали глубокой вспашки и использования совершенных орудий труда, и уже в VIII веке на смену мотыге и деревянной сохе, сохранившихся для работ на более лёгких почвах, приходит плуг с железным лемехом — *сабан*. Главными хозяйственными культурами болгар были пшеница, рожь, ячмень, просо, горох, чечевица, а также редкая сегодня чумиза. Собранный урожай хранили в земляных зернохранилищах, стены которых укреплялись толстыми дубовыми досками, а также в больших глиняных корчагах. Зерно использовалось для пропитания, продажи и обмена.

Даже на ранних этапах государственности хлебная торговля была важной статьёй болгарского экспорта. Известно, что немалая часть зерна вывозилась в Северо-Восточную Русь, где для хлебопашества были менее благоприятные условия. Так, по свидетельству русской летописи, в 1024 году, когда на Суздальской земле выдался неурожайный год и разразился голод, «идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша». Русский историк В. Н. Татищев упоминал факт, что в голодном для Руси 1229 году болгарские купцы привозили зерно в русские города по Волге и Оке, а болгарский эмир послал в дар великому князю Юрию Всеволодовичу 30 ладей (речных судов), гружёных хлебом. Традиционно высокая культура скотоводства дополнялась у болгар новыми приёмами пастбищного и стойлового содержания домашнего скота, этому обновлению способствовал торговый обмен с восточными и южными кочевыми соседями.

Немалое хозяйственное значение для волго-уральских аборигенов имели охота, рыболовство, бортничество, совершенствовались их приёмы. Промысловый характер имела охота на пушного зверя — соболя, куницу, белку, бобра, лисицу и зайца. В малых и крупных реках вылавливалось немало рыбы, часть которой шла на продажу. Поскольку сахар ещё не был известен, важное хозяйственное значение имело бортничество — сбор мёда и воска диких пчёл (*бортъ* — дупло дерева), а затем началось разведение пчёл в выдолбленных дуплах деревьев.

Другим важным фактором социально-экономического развития Булгарского государства стало ремесленное производство, вступившее в XII—XIII веках в пору расцвета. Ведущую роль играли металлургия и металлообработка, кузнечное и оружейное дело. Археологические раскопки позволяют восстановить картину налаженного специализированного производства железа и изделий из него: плавку руды производили в сырцутных горнах, сложенных из сырцового кирпича. Полученный металл (крицу) очищали от шлаков путём проковки тяжёлыми молотами

на крупных наковальнях, затем из железных заготовок кузнецы высовывали многочисленные предметы труда и быта. К XIII—XIV векам в болгарских городах было налажено масштабное чугунолитейное производство — одно из самых ранних в Восточной Европе. Археологи обнаружили литейные печи, чугунные котлы, чаши¹. О высоком качестве продукции металлургов и кузнецов свидетельствуют не только изготовленные ими предметы труда (лемехи, топоры, пилы, косы, серпы, молотки, петли, цепи, гвозди), но и инструменты самих мастеров — различные по размеру и форме молотки и наковальни, зубила, щипцы, клещи, пробойники и т. д. Болгарские средневековые мастера использовали практически все известные в тот период приёмы металлообработки и могли изготовить почти все необходимые изделия².

Особых профессионально-ремесленных навыков требовало *изготовление оружия*: мечей, клинков, топоров, булав, копий и дротиков (копий с длинной втулкой для пробивания щитов), стрел различной формы, кольчуг и шлемов, а также мелких рогаток с четырьмя шипами для защиты от конницы³. Обилие найденных археологами сложных бытовых изделий: замков, ключей, ножей и ножниц, весов, чашечек для весов, гири, медных и бронзовых котлов, чаш, кувшинов (кумганов), бронзовых зеркал, пуговиц, застёжек⁴ — свидетельствует не только о производственном потенциале болгар, но и о высокой для того времени культуре быта, богатстве и разнообразии образа жизни.

Особенно впечатляет уровень развития *ювелирного дела*. Кольца, перстни, браслеты, подвески и другие украшения из золота, серебра и драгоценных камней, выполненные в технике литья,ковки,штамповки, тиснения, чеканки, гравировки, пайки, зерни и скани, отличались высоким качеством и пользовались большим спросом на международном рынке, особенно в странах Восточной Европы. Болгарские ювелирные изделия обнаружены при раскопках проведённых в советский период в Смоленской, Киевской и Львовской областях. Один из сохранившихся болгарских бронзовых замков в форме фигурки животного можно датировать точно, поскольку он, помимо орнамента, украшен ещё и надписью: «Работа Абу-Бекра сына Ахмеда. Вечная слава, и мирный успех, и всеобъемлющее счастье, и величие, и благосостояние владельцу сего (замка). В летоисчисление 541 (1146—1147 годы — *Авт.*)»⁵.

---

¹ См.: *Смирнов А. П.* Волжская Булгария // *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. — М., 1981.

² См.: *Руденко К. А.* История археологического изучения Волжской Булгарии. — Казань, 2014.

³ *Измайлов И. Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. — Казань ; Магадан, 1991.

⁴ *Казаков Е. П.* Болгарское село X—XIII вв. низовий Камы. — Казань, 1993.

⁵ *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола, 1975.

Весьма известной в сопредельных странах была *продукция болгарских кожевников*. Развитое животноводство болгар и соседних племён обеспечивало ремесленников качественным сырьём, которое они умели отлично обрабатывать. Самая мягкая и прочная кожа в странах Востока в течение многих веков называлась «булгари». Выделанная кожа шла на изготовление поясов, ремней, конской сбруи, обуви. Из хроник русской летописи известно, что киевский воевода Добрыня во время похода на волжских болгар в X веке сказал князю Владимиру: «Соглядах колодник, и суть вси в сапозех; сим дани нам не платити, поиде-ве искать лапотник».

Гончарное дело, ткачество и прядение, обработка шерсти и резьба по кости в Волжской Булгарии также обеспечили массовое производство различных видов ремесленной продукции. Скотоводство и охота давали возможность изготавливать недорогие бытовые предметы из кости: пуговицы, гребни, наконечники стрел, швейные иглы и шила, различные украшения и талисманы. Булгарские гончарные мастерские XII–XIII веков использовали качественную глину и были оборудованы ручными и ножными гончарными кругами, инструментами для покрытия изделий орнаментом, а главное — горнами (печами для обжига). После обжига болгарская керамика имела красноватый цвет, нередко подвергалась лощению и украшалась орнаментом. Глазурованная посуда имела зелёную поливу¹. Наиболее распространённые археологические находки (глиняные, реже медные или свинцовые пряслица для верётен) свидетельствуют о широком распространении прядения и ткачества. Развитое овцеводство обеспечивало развитие производства шерстяных тканей и изделий из войлока.

С бурным развитием болгарских городов произошла специализация архитектурного и строительного дела, деревообработки, плотницкого и столярного ремёсел. Осваиваясь в новой местности, болгары довольно быстро перешли от привычных для степей юрт и глинобитных домов к строительству бревенчатых изб с печным отоплением. При строительстве использовался также местный камень и кирпич.

Особую роль в процветании Булгарского государства сыграла волжско-камско-каспийская транспортная система, которую ныне называют *Великим Волжским путём*. Будучи продолжением Великого шёлкового пути, он стал соединительным «мостом» между двумя частями Света — Европой и Азией, пространством диалога культур, народов и цивилизаций². Контроль над ним долгое время пытались удержать хазары, затем он стал пред-

---

¹ Васильева И. Н. Гончарство Волжской Булгарии в X–XIV вв. — Екатеринбург, 1993.

² См.: Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. : мат. междуна. симп. — Казань, 1998; Халиуллин Ю. Н. На стыке двух тысячелетий : научная публицистика дипломата. — Казань, 2014.

метом политического интереса владими́ро-сузда́льских князей, а позднее и монгольских ханов. Волжско-каспийский путь шёл параллельно знаменитому пути «из варяг в греки», он открывал дорогу в русские и балтийские земли и в страны Востока. Поэтому в сферу болгарского международного товарообмена попадали не только Хазария, Закавказье, Иран, Средняя Азия на юге и Русь на западе, но также Индия, Китай, Византия, Прибалтика и Скандинавия. Через территорию Волжской Булгарии проходили два караванных пути: один вёл в Хорезм, Среднюю Азию, другой — в Крым, к Чёрному морю. Арабский географ аль-Мукаддаси в работе, написанной в конце X века, подробно перечислил товары, вывозимые из Булгарии в Хорезм и далее в другие восточные страны: меха (собольи, беличьи, горностаевы, куньи, лисьи, бобровые); заячьи, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы зубы (так арабы называли моржовые клыки), бобровая струя (секрет мускусных желёз бобра, используемый в косметике и медицине), янтарь, юфть, мёд, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, берёзовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот¹.

На территории Волжской Булгарии располагались несколько ярмарочных центров — караван-сараев с помещениями для отдыха купцов и складами. Поблизости от крупных торговых центров возникали постоянные колонии-посады русских, арабских, армянских купцов. Все основные торговые пути и караванные дороги пересекались недалеко от столицы государства — Великого Булгара на ярмарке Ага-Базар. Сюда из дальних и ближних стран свозились самые разные товары: золото и серебро, драгоценные камни и монеты (главным образом арабские и среднеазиатские серебряные дирхемы), дамаская сталь и клинки, шелка, парча и другие ткани, одежда, ковры, посуда, пряности, благовония, фрукты и сладости. Ибн Фадлан сообщает, что в 922 году послы подарили болгарскому царю и царице благовония, одежды, халаты и жемчуг. Из русских земель поступали меха, оружие, украшения, из Европы — оружие и ткани, из Прибалтики — янтарь. В болгарских городах и поселениях археологи обнаружили значительное количество предметов восточного, русского и европейского происхождения, характеризующих диалогичность и параллели в образе жизни, экономике и культуре.

Среди восточных товаров выделяются дирхемы, китайские, персидские и даже кыпчакские бронзовые зеркала, тонкая посуда из Средней Азии и Ирана, обработанные и необработанные драгоценные и полудрагоценные камни. Немало археологических находок — изделия, выполненные из закавказского, иранского и византийского стекла и бисера. Русское происхождение имели женские украшения из серебра и золота, оружие. Сохранились западноевропейские монеты, а также франкские мечи, в т. ч.

---

¹ См.: *Дубов И. В.* Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее. — Казань, 2005.

с клеймом мастера-оружейника «ULFBERHT», указывающим на его происхождение¹. В древнем Биляре была обнаружена мастерская по производству янтарных украшений и собрано несколько килограммов необработанного янтаря, месторождения которого, как известно, расположены в Прибалтике. Активная торговля требовала развитой товарно-денежной системы. В её основу была положена арабская монета, но уже в X веке начинается чеканка собственной монеты по типу арабской. Монеты сохранили имена болгарских правителей того времени.

Булгарские монеты вместе с болгарскими купцами и товарами проникали в различные страны. Так, на территории Древней Руси и в Балтии болгарские монеты найдены, как минимум, в сотне мест. В качестве денежного эквивалента нередко использовались шкурки мелких пушных зверей — куницы или белки. Самая мелкая денежная единица, равная копейке, у казанских татар долго именовалась (впрочем, как и сейчас) *тиен* (белка). Шкурка куницы, по свидетельству Ибн Русте, в начале X века приравнивалась к двум с половиной арабским дирхемам (серебряный дирхем весил в это время около трёх граммов). В XI—XII веках у болгар, как и у славян, были в ходу серебряные слитки — гривны или суммы (в современном татарском языке *сум* — рубль), а затем вновь налаживается чеканка собственных монет².

Интересно, что существовала и безденежная торговля, своеобразный заочный бартер с северными и сибирскими угро-финскими племенами *вису* и *йура*, от которых болгары получали меха, шкуры, моржовые клыки. Аль-Гарнати сообщал, что вису жили в одном месяце зимнего пути от болгар, а йуры — ещё дальше. Потомки народности вису (веси, вепсы или чудь) сейчас проживают на юге Карелии, в Ленинградской и Вологодской областях, а йура (югра, угра) — предки современных хантов и манси. Немая торговля с этими народами происходила по установленному ритуалу: сначала болгарские купцы, прибыв в земли северных племён, оставляли свои товары (оружие, украшения) в известном месте и отходили на некоторое расстояние, после этого вису или йуры подходили к болгарским товарам и складывали около понравившихся им вещей какое-то количество шкурок или других предметов торговли и тоже отходили достаточно далеко. Вернувшиеся болгары, если их устраивала цена, «молча» предложенная вису или йурами, забирали товары лесных племён и оставляли им свои. Если не были довольны предложенным для обмена эквивалентом, то забирали свои вещи и отправлялись искать других покупателей.

---

¹ См.: Кирпичников А. Н., Измайлов И. Л. Каролингские мечи из Булгарии // Средневековая Казань: возникновение и развитие. — Казань, 2000. — С. 207–211.

² Валуев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX—XIII вв. — Казань, 1995; Мухамадиев А. Г. Древние монеты Поволжья. — Казань, 1990.

В караванных походах булгары использовали выючных животных, для торговли по водным артериям имелись парусные и весельные речные суда различных размеров (насады, учаны, ладьи). По летним дорогам грузы перевозили на телегах, зимой использовали санный транспорт, а в труднопроходимой местности (например, во время торговых переходов к вису и йурам) булгары применяли лыжи.

Крупным торговым партнёром и одновременно конкурентом Булгарии на востоке Европы была Древняя Русь. О торговых отношениях славян с булгарами сообщает Ибн Русте (начало X века): «Хазаре ведут торг с болгарами, равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них, которые живут по обоим берегам помянутой реки (Итиль — Волга. — *Авт.*), везут к ним товары свои, как то: меха собольи, горностаевые, беличьи и др.». О существовании постоянного торгового пути из Волжской Булгарии в Киевскую Русь знал географ X века аль-Балхи, указывая, что от Булгар до Куябы (Киева) было около двадцати дней пути, и добавляя при этом, что расстояние от хазарского Итиля до Булгара по степям — это около месяца пути. Вверх по течению Волги этот путь занимает около двух месяцев, а водная дорога назад в Итиль, вниз по Волге, требует около двадцати дней. Эти торговые пути были известны также хазарам, арабам, варягам¹.

Поначалу славянские и булгарские земли не имели прямой границы, поскольку чересполосно с ними в бассейнах Волги, Оки, Суры и Ветлуги издревле проживали угро-финские племена — мешёра, меря, мурома, мордва (мокша и эрзя), мари (черемисы). Во времена расцвета Хазарского каганата эти племена упоминались вместе со славянами и булгарами как его данники. В 961 году хазарский каган Иосиф писал кордовскому визирю Хасдаю ибн Шапруту, что ему служат и платят дань буртасы, булгары, савиры, черемисы и арису (эрзя), вятичи, северяне и словены². Западная часть этих племён находилась в зоне влияния русских князей и постепенно была ассимилирована славянами, а восточные племена с укреплением Волжской Булгарии попали под её протекторат. Таким образом, территории двух крупнейших государств Восточной Европы заметно сблизились, поскольку и русские, и булгары стремились распространить своё влияние на весь волжский путь и на всю сферу торговли пушнина с угро-финскими племенами Верхнего Поволжья и Севера.

Хотя длительное время Древняя Русь и Волжская Булгария были заинтересованы в освобождении от хазарской зависимости, они не заключили взаимного союза против общего врага. Более того, во время военного похода 964—965 годов на Хазарию двигавшийся через Оку и Волгу киевский князь Святослав совершил

---

¹ Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар — Киев. Пути — связи — судьбы. — Киев, 1997.

² Артамонов М. И. История хазар. — СПб., 2001.

нападение на волжских болгар и бургасов, разрушил и ограбил их города, а затем спустился вниз по Волге и уничтожил хазарские города. Политическими последствиями похода стал не только разгром Хазарского каганата, но и ликвидация зависимости от него Булгарии, и централизация Булгарского государства. Другим следствием разгрома Хазарии стало усиление конкуренции русских княжеств и Булгарского государства за контроль над волжско-каспийским торговым путём и пушной торговлей с народами северной лесной полосы. В 985 году киевский князь Владимир Святославович при поддержке тюрок-огузов совершил поход на болгарские земли, в результате которого был заключён первый в истории русско-булгарских взаимоотношений договор о мире.

В этот период между Булгаром и Киевом велись интенсивные дипломатические переговоры о выборе веры и, следовательно, о выборе стратегических союзников и цивилизационного пути развития. В 986 году болгары отправили к князю Владимиру мусульманских проповедников с предложением принять ислам. Известно, что накануне официального крещения Древней Руси в 988 году князь Владимир отправлял делегации в разные страны для ознакомления с религиями: православием, католицизмом, исламом. Он говорил своим послам: «Идите первое в Болгары... идите пани в Немцы... и оттуда идите в Греки». По мнению Ш. Марджани, князь Владимир, ознакомившись с прогрессивным содержанием ислама, имел желание принять его сам¹.

В 1006 году мирный договор между Киевской Русью и Волжской Булгарией был возобновлён, и князь Владимир, по сообщению В. Н. Татищева, разрешил булгарским купцам торговать в городах по Волге и Оке «и дал им во все города печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Булгары с торгом ездили без опасения». При этом Владимир, опасаясь, что болгары захотят торговать без посредников, стремился создать протекционистские условия для русского купечества: «А булгарам все их товары продавать во градах купцам и от них купить, что потребно, а по сёлам не ездить, тиуном, вирником, огневтине и смерди не продавать и от них не купить». Тем не менее условия договора гарантировали взаимные интересы сторон и способствовали активизации торговли.

Важной статьёй булгарского экспорта в русские земли стала поставка хлеба, о чём впервые упоминает летопись 1024 года. После образования в XI–XII веках Ростово-Суздальского и Муромо-Рязанского княжеств, немалую часть населения которых составляли угро-финские племена, их земли вплотную подошли к территории бургасов, живших на правобережье Волги и в бассейне рек Суры и Мокши. Активная колонизационная политика северо-восточных русских княжеств вышла к границам Булгарского государства. Столкновение экономических и

---

¹ *Марджани Ш.* Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — 138 б.

политических интересов за волжский торговый путь и за влияние на народы Поволжья и Приуралья принимало форму вооружённой борьбы. Противоборство усиливалось по мере усиления религиозных различий и, соответственно, включения славян в христианско-православную цивилизационную общность, а болгар — в обширный исламский мир. Но граница русских княжеств и Булгарского государства никогда не была зоной религиозных войн. Их столкновения не были сопряжены с лозунгами и призывами к священной войне с иноверцами. Это исторический факт, не оспариваемый ни одним из исследователей.

Историческое развитие Волжской Булгарии и в последующем в значительной степени зависело от характера и уровня развития коммуникативной культуры с соседней христианской Киевской Русью, почти одновременно стартовавшей в качестве самостоятельного субъекта исторического творчества, но выбравшей иной тип системы ценностей. Вообще для всех народов и государств, сформировавшихся и развивавшихся на междивизилационном стыке, философия, идеология и политика культурного соседствования, взаимодействия и взаимовлияния имели стратегическое, а подчас судьбоносное значение, ибо в рамках одного и того же историко-временного и территориального пространства им приходилось одновременно выступать и в качестве партнёров, и в качестве конкурентов. Исторический опыт показывает, как непросто было создавать основы миротворческой традиции, уберечь и развивать культуру соседствования, диалога и взаимодействия между народами на поволжско-уральском междивизилационном перекрёстке.

Географическая и геополитическая особенность волжско-камского ареала — «месторазвития» многих народов Евразии предопределяла предрасположенность культур этих народов к синтезу их различных цивилизационных компонентов. Развитие болгаро-русских культурных контактов обрело естественно-прагматический, целесообразный характер, отвечающий потребностям их исторической эволюции. Совпадение исторических целей развития соседствующих народов снимало барьеры взаимной отчуждённости, нетерпимости, увеличивая ресурс общности, солидарности, взаимной отзывчивости. Эта общность всё больше обнаруживалась в образе мыслей, укладе хозяйства, системе ценностей, духовности. Л. Н. Гумилёв неоднократно отмечал совпадение базовых начал в такой тонкой социальной материи, как культура двух народов. Различие между ними было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим. Отличия были лишь религиозными. «Но религиозно-мусульманский фанатизм ещё не восторжествовал, и вера служила индикатором отличий волжских болгар от славян»¹.

Различие в вероисповедании не могло служить и не стало сдерживающим фактором развития двусторонних отношений.

---

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси к России. — 1992. — С. 56.

Тесные экономические, культурные, политические контакты между Волжской Булгарией и Древней Русью, — отмечает Г. М. Давлетшин, — начали устанавливаться очень рано. Торговля с Русью велась целенаправленно, о чём свидетельствуют торговые договоры. От Булгара до Киева существовал торговый путь, оборудованный двадцатью остановочными пунктами¹. Религиозное различие отнюдь не стало серьёзной помехой для болгаро-древнерусских культурных связей. Философия соседствования проникала и в такие тонкие сферы общественной жизни, как идейно-мировоззренческая практика. Например, считалось в порядке вещей пригласить болгарского мастера в Киевскую Русь для строительства христианской церкви². Было распространено приглашение русских мастеров и зодчих при сооружении мусульманских культурных объектов в Волжской Булгарии.

«Сама данность соседства с древнерусским, а затем русским этносом, — справедливо замечают С. М. Михайлова и О. Н. Коршунова, — определяет значение связей между государствами Восточной Европы в различных сферах для последующего исторического пути народов. Древность традиций заимствования и знакомства с другими культурами увеличивает степень комплиментарности народов и культур»³. Комплиментарность не означала безоблачность отношений, ибо роза не бывает без «шипов». Вслед за торговлей часто вступают в действие войска и наоборот. Нет необходимости идеализировать характер и формы взаимоотношений двух конкурирующих государств, действовавших на одном геополитическом поле, — Волжской Булгарии и Киевской Руси. Важно, что обе стороны сознавали необходимость мира для обеспечения торговли, информационного обмена, культурных связей. «Геополитический паритет, установленный в 985 году на Волге, — отмечает Р. Бухараев, — продержался до XII века благодаря балансу сил и интересов обеих сторон. Каждая сторона при этом стремилась к собственному контролю над Волгой...» Синхронное превращение Казани и Ярославля в военно-торговые форпосты знаменовало продолжение геополитической конкуренции Волжской Булгарии и Киевской Руси⁴.

Таким образом, векторы внешней политики Волжской Булгарии диктовались в первую очередь экономическими и политическими интересами: в X веке — стремлением освободиться из-под влияния Хазарского каганата и обеспечить независимость, в XI–XII веках — желанием нейтрализовать усиление Владимиро-Суздальского княжества, сохранить за собой преимущественное влияние на Волжско-Каспийском торговом пути. Хотя болгарские феодалы, подобно всем правителям той эпохи, считали во-

---

¹ Давлетшин Г. М. Очерки об истории духовной культуры предков татарского народа (истoki, становление и развитие). — Казань, 2004. — С. 306.

² Смирнов А. П. Волжские болгары. — М., 1951. — С. 120.

³ Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. — Казань, 1997. — С. 15.

⁴ Бухараев Р. Р. Сказ о Казани. — СПб., 2005. — С. 35.

енную силу основным средством политики, историческая репутация болгар не запятнана разрушительными походами против соседей, беспричинными жестокостями, коварством по отношению к союзникам. Булгары в большей степени ориентировались на торговую и ремесленную деятельность, укрепление экономики государства, нежели на расширение территорий и получение военной добычи и «военной славы». Речь идёт о преимущественной ориентации на поиск внутренних источников развития, на созидательную деятельность, мир и стабильность. Поэтому конфликты с северо-восточными русскими соседями после обоюдных походов друг против друга, как правило, заканчивались мирными договорами, гарантиями беспрепятственной торговли и, следовательно, усилением хозяйственных и культурных контактов.

Отношения Булгарии с автохтонным населением Приуралья были мирными. Булгары долгое время были посредниками между лесными местными жителями и иностранными купцами. «Через болгар вывозились меха за границу, и болгары же распределяли ввозные предметы моды и роскоши по всему Волго-Камскому краю». После разрушения Булгара войсками Тимура (1361) и ввиду русской колонизации часть болгар переселилась в край, населённый финно-угорским народом *вотяками* и богатый лесными массивами. В месте слияния Чепцы и Вятки возникло болгаро-татарское Каринское княжество, которое татары называли Арским, т. е. Вотским. «Каринские князья отличались хозяйственными наклонностями и не старались навязать вотскому населению ни своей политической власти, ни тяжёлых повинностей. Поэтому отношения между вотяками и Каринским княжеством установились мирные и дружественные, окрепшие в общих торговых связях и промышленных предприятиях»¹.

Важнейшим критерием высокого уровня цивилизационного развития Волжской Булгарии был расцвет городской культуры, что не характерно ни для местного аборигенного населения, ни для тюрков-кочевников. Булгары использовали свой прошлый опыт строительства городов в Приазовье, Предкавказье и на Нижней Волге, а также применяли архитектурные приёмы мастеров Средней Азии, Ирана, арабских стран, Северо-Восточной Руси. Большинство крупных городов Волжской Булгарии развивалось по восточному типу, разрастаясь вокруг резиденции эмира или князя, поэтому немалую долю населения города составляли свита, военная и чиновничья бюрократия, духовенство. Однако основную часть населения составляли свободные горожане, ремесленники и купцы. Волжская Булгария, в отличие от огромных империй Востока и Запада, была относительно небольшим государством, а её столица Великий Булгар не могла существовать за счёт доходов от провинций и дани с подвластных территорий. Чтобы обеспечить благополучие, требовалось поощрять ремесло

---

¹ Худяков М. Г. История Камско-Вятского края. Избранные труды. — Ижевск, 2008. — С. 164.

и торговлю. На территории современного Татарстана, как подсчитали археологи Р. Г. Фахрутдинов и Ф. Ш. Хузин, обнаружено более двух тысяч различных археологических памятников VIII — начала XV века. Среди них 190 городищ, около 900 селищ, более 80 могильников, значительная часть которых относится к периоду расцвета Волжской Булгарии в X—XIII веках. Археологам известны около 100 городищ домонгольского времени. Подавляющее большинство располагается в Закамье, около 15-ти — в Предволжье и только 3—4 — в Закамье. Наибольшая плотность городищ отмечена по берегам малых рек Бездны и Актая.

Некоторые булгарские города располагались на месте древних городищ, на высоких берегах рек, где склоны и овраги выступали естественной защитой от нападения. Другие строились в отдалении от рек, но, как правило, защищались рвами, земляными валами и стенами. Поэтому конфигурация городов различна: квадратная, треугольная, трапециевидная или округлая. Жилые здания в булгарских городах возводились из сосновых брёвен, а городские стены, башни, мосты, колодцы, погреба — из дубовых. Ибн Якут в своём географическом словаре начала XIII века сообщал, что «булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями». Какое-то время сохранялась старая традиция строить глинобитные дома, а летом на пастбищах или в местах остановки торгового каравана часто использовались лёгкие юрты. Все зимние дома имели печное отопление. Печи сооружались по типу прямоугольной кирпичной печки, близкой к современной, или по типу полукруглого среднеазиатского тандыра с купольным перекрытием. Каменные дворцы знати и общественные здания (караван-сарай, бани) обогревались сложной системой подпольного отопления. Деревянные и каменные дома имели двускатные крыши, покрывавшиеся досками, соломой или камышом.

Восточные географы и путешественники часто упоминают Булгар, Биляр и Сувар. С X по XII столетие наиболее крупным городом был Булгар. Общая площадь Булгара этой эпохи, по мнению археологов, составляла около 900 га. Булгар как столица Волжской Булгарии упоминался многими арабскими авторами X—XI веков: аль-Балхи, Ибн Фадланом, аль-Истахри и повторявшим его Ибн Хаукалем. Аль-Балхи сообщал, что Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Основываясь на этих свидетельствах, можно предположить, что поначалу население Булгара насчитывало несколько десятков тысяч человек, а позднее увеличилось. К XII веку относятся известия аль-Гарнати, который написал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а стены — из дуба». Другой арабский путешественник аль-Джавалики (в пересказе дореволюционного татарского историка М. Рамзи) увидел в древней столице Булгарии XII века сходство с городами Византийской империи: «Их (булгар. — *Авт.*) строения похожи на строения Рума (очевидно, Византии. — *Авт.*).

Они большой народ. Их город называется Булгар. Это очень большой город»¹.

Весьма развитым центром и длительное время столицей Булгарского государства был город Биляр. Билярское городище — крупнейшее из булгарских поселений (около 800 га). Биляр отличался не только площадью территории, но и мощной фортификационной системой. Он имел две линии укреплений, защищавшие внешний и внутренний город. Длина внешних укреплений в три ряда валов и рвов достигала более 10 000 метров, а внутренних в два ряда валов и рвов — около 4 800 метров. В цитадели, имевшей мощнейшую бревенчатую стену, обнаружена белокаменная Соборная мечеть, площадь молебных помещений которой составляла не менее 2 500 кв. метров. Поблизости от мечети стояло двухэтажное кирпичное здание, располагались другие деревянные и глинобитные дома и аристократическое кладбище. Внутренний город был занят жилыми и ремесленными кварталами. Здесь жили феодалы и торговцы. Археологами обнаружены жилища и мастерские металлургов, кузнецов, оружейников, медников, ювелиров, стеклодувов, косторезов. Внешний город также имел жилую и ремесленную застройку: здесь жили мелкие торговцы и мастера, у восточных ворот внутреннего города располагалось кирпичное здание — часть одного из караван-сараяв. Среди находок Биляра — монеты, керамика, украшения, металлические изделия булгарского и привозного происхождения, в т. ч. свинцовая печать князя Всеволода Большое Гнездо или его сына Юрия, которая, как предполагают, крепилась к товарам². На территории Биляра выявлено не менее 30 кирпичных построек, обнаружены следы древних улиц и кварталов, площадей, водоёмов, колодцев, кладбищ. Разрушенный монголо-татарами в 1236 году город впоследствии не смог полностью возродиться³.

---

¹ Айдаров С. С. Архитектурные комплексы средневекового Булгара // Архитектурное наследство. — 1976. — № 24. — С. 134–142; Березин И. Н. Булгары на Волге. — Казань, 1853; Смирнов А. П. К вопросу о времени памятников архитектуры городища Великие Булгары // Экспедиция Гос. истор. музея. — М., 1969. — С. 228–235; Смирнов А. П. Волжские Булгары. — М., 1951.

² Янин В. Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. — Казань, 1979. — С. 100–101.

³ Халиков А. Х. Археологическое изучение центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья: Археологическое изучение центра Билярского городища // АН СССР. Казан. филиал. — Казань, 1979. — С. 3–10; Халиков А. Х. Кирпичное здание на XVII раскопе. — С. 11–20; Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Исследование комплекса мечети. — С. 21–45; Айдаров С. С., Хузин Ф. Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели. — С. 62–99; Янин В. Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре. — С. 100–101; Шарифуллин Р. Ф. Колодцы центра Билярского городища. — С. 102–113; Халикова Е. А. IV Билярский некрополь. — С. 114–118; Фаттахов Р. М. Антропологическая характеристика материалов из IV Билярского могильника (по раскопам 1972–1973 гг.). — С. 119–123; Айдаров С. С., Забирова Ф. М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети (в Биляре). — Казань, 1979. — С. 46–61; Петренко А. Г. Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. — С. 124–138 и др.

Крупным городом Волжской Булгарии, возникшим в IX веке в верховьях реки Утки (левого притока Волги), был Сувар (находился недалеко от современной деревни Кузнечихи Спасского района). Сувар имел мощные крепостные стены, земляные валы и рвы. В центре города располагался кирпичный дворец, облицованный зелёными и голубыми изразцами, выстроенный, предположительно, с помощью хорезмийских мастеров. На месте города археологами обнаружены остатки множества деревянных и глинобитных домов торговцев и ремесленников. Расцвет Суvara как центра местного ремесла и торговли пришёлся на домонгольскую эпоху. После нашествия монголо-татар город пришёл в запустение¹. Крупными городами Булгарии, центрами княжеств были Ошель (у села Богдашкино Тетюшского района), разрушенный во время рейда владими́ро-суздальских отрядов по западной части Волжской Булгарии в 1220 году², Джукетау, или Жукотин в русских летописях (на высоком левом берегу Камы у села Данауровка близ Чистополя)³, Кашан (у деревни Шураны на границе Лаишевского и Рыбно-Слободского районов)⁴, Керменчук (на реке Кирменке у деревень Русские и Средние Кирмени Мамадышского района)⁵, Тубулгатау (на берегу реки Шешмы в Новошешминском районе)⁶.

Уже в булгарскую эпоху крупнейшим городом на северо-западе страны стала Казань с её уникальными белокаменными и мощными деревянными стенами. Ныне доказано, что история Казани как города насчитывает не менее тысячи лет. На западе и юго-западе Волжско-Камской Булгарии археологами обнаружены следы древних булгарских городов и феодальных крепостей: Староалейкинское городище в Ульяновской области и Муромский городок в Самарской области, Тигашевское городище в Чувашии и Золотарёвское — в Пензенской области. Из русских летописей известны города Торск, Тух-чин, Нухрат. Булгарские города XII–XIII веков отличались развитым градо-

---

¹ *Смирнов А. П.* Исследования городища Сувар // Советская археология. — 1937. — № 4. — С. 330–332; *Смирнов А. П.* Кузнечихинский район, 1936 г. // Археологические исслед. в РСФСР 1934–1936 гг. — М.; Л., 1941. — С. 106–109. — Раскопки Суvara (Спасский р-н).

² *Хузин Ф. Ш.* Булгарский город в X — начале XIII в. — Казань, 2001.

³ *Набиуллин Н. Г.* Город Джукетау в свете новых археологических исследований // ТГИМ. — Вып. 103. — М., 1999. — С. 113–115.

⁴ *Гарипова Ф. Г.* Кашан шәһәре: [Борынгы Болгар шәһәре тарихы] // Казан утлары. — 1988. — № 5. — 183–184 б. О г. Кашане (Лаишевский р-н); *Пономарёв П. А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьи Горы, произведённых летом 1881 г. // ИОАИЭ. — 1884. — Т. 3. — С. 323–325.

⁵ *Гарипова Ф. Г.* Кирмәнчек: [Борынгы Болгар шәһәре тарихы] // Казан утлары. — 1988. — № 8. — 183–184 б. О г. Керменчук (Мамадышский р-н); *Износков И. А.* О городищах в бассейне р. Кирменки Мамадышского уезда. // ИОАИЭ. — 1885. — Т. 4, Вып. 1. — С. 16–17.

⁶ *Гарипова Ф. Г.* Тубылгытау: [Болгар дәүләте шәһәре] // Казан утлары. — 1988. — № 7. — 186–187 б. О г. Тубулгатау (Новошешминский р-н).

строительством, сложными фортификационными сооружениями, налаженным бытом.

Важнейшей приметой, особенностью и главным достижением Волжской Булгарии являлось её превращение в крупнейший культурный центр, расположенный на стыке Европы и Азии. Образованность, просвещённость населения, интерес к науке как генотипные свойства, сформированные в тюркском обществе ещё во времена хунну, всё больше превращались в условие обеспечения политической, экономической и цивилизационной конкурентоспособности. Новым мощным ресурсом поддержания и усиления потенциала образованности и просвещённости стал ислам. Все его каноны требовали массового и системного характера религиозной просвещённости. Арабский историк X века Ибн Даста по этому поводу писал: «Большая часть их (булгар. — *Авт.*) исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами»¹. Совсем не случайно, что именно после принятия ислама для письма на болгарском языке начинает применяться арабская графика, вытеснившая бытовавшую у булгар ещё в VIII–IX веках руническую письменность. Рунические знаки быстро трансформировались в родовые и семейные знаки — тамги, отмеченные этнографами у татар, чувашей и других народов. Необходимо отметить общекультурную и образовательную потребность, естественность и рациональность смены графики. Переход осуществлялся не административно-декретными методами, а протекал как естественно-исторический процесс «выхода» болгарской культуры на уровень развитой письменной культуры, которая ускорила развитие других сфер общественной жизни: экономики, торговли, права, дипломатии.

По мере внедрения письменной культуры импульс развития получили институты государства и хозяйственной системы. Известно также, что в ходе освоения письменной культуры активизируется дипломатическая деятельность болгарских царей. Начиная с Алмуша, различного рода дипломатические документы, торговые договоры, соглашения оформляются на основе арабской письменности. В качестве письменного материала использовалась привозимая из Средней Азии бумага, деревянные дощечки, покрытые воском, а также имевшаяся в крае в изобилии береста.

Освоение арабской графики вызвало цепную реакцию революционных по меркам того времени изменений в сфере духовности, в культурно-просветительской практике: возникла литература, тексты которой написаны на бумаге, была освоена новая технология полиграфии и издания книг. Известным археологом Е. П. Казаковым найдена целая коллекция книг, имевших металлическую обложку, украшенных орнаментом и инкрустацией. Книги были похожи на шкатулку: они запирались

---

¹ Цит. по кн.: *Урманчеев Ф. И.* Лиро-эпос татар Среднего Поволжья: основные проблемы изучения баитов. — Казань, 2002. — С. 26.

на крючки¹. Наиболее заметным следствием письменной революции стало то, что умение читать и писать стало характерным для широких слоёв болгарского общества.

Письменными надписями украшали свою продукцию ремесленники, ювелиры, оружейники, горшечники. Надписи наносились на различные бытовые предметы, монеты, кувшинчики, зеркала. Надписи-эпитафии на каменных надгробиях болгарского времени также носили массовый характер². Литературный, а тем более религиозный язык заметно обогатился за счёт арабских и в меньшей мере персидских заимствований. Это стало особенно заметно с распространением у болгар мусульманских имён. С принятием ислама волжским булгарам стали доступны культурные достижения огромного арабо-мусульманского мира, простиравшегося в период своего расцвета от Инда и Тянь-Шаня в Азии до стран Магриба и Пиренейских гор в Европе.

Развивавшиеся в эпоху Средневековья в арабском мире научные знания в области математики, астрономии, медицины, географии, тексты, заимствованные из античности и древности, широко осваивались в Волжской Булгарии. Центрами религиозного образования и грамотности становятся медресе и мектебы. В начальных училищах (мектебах) давался набор элементарных знаний и умений: грамота, чтение, основы письма, важнейшие исламские догматы и нормы. В медресе, средних и высших религиозных учебных заведениях преподавались не только богословие, литература, арабский и персидский языки, но и давались сведения по географии, астрономии, математике, истории и медицине. Лучшие шакирды, выпускники медресе, отправлялись для продолжения образования в крупнейшие исламские учебные центры Бухары, Самарканда, Багдада, Нишапура, Газни и других городов и стран, а затем возвращались домой. В свою очередь многие ближневосточные и среднеазиатские богословы и учёные заканчивали известные медресе Волжской Булгарии и распространяли информацию о самой северной исламской стране далеко за её пределами. Выходцы из Булгарии или люди, долго жившие в её городах, обычно добавляли к своему имени приставку аль-Булгари.

По данным Г. М. Давлетшина, не менее двадцати учёных, богословов, писателей, широко известных в средневековом восточном мире, были связаны с Волжско-Камской Булгарией. Арабский путешественник аль-Гарнати аль-Андалуси, родившийся в испанской Гранаде, сообщал, что, будучи в Булгаре, прочитал книгу «История Булгара» (не найденную до настоящего времени), написанную судьёй Якубом ибн Нугманом аль-Булгари, учеником знаменитого на Востоке богослова и философа Абу-

---

¹ Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. — Казань, 1991. — С. 176.

² См.: Әхмәтҗанов М. И. Татар эпитафиясе сәнгате хакында // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. — Казань, 2003.

Маали аль-Джувайни из Нишапура (Северо-Восток Ирана). Учёный Бурхан ад-дин ибн Юсуф аль-Булгари был известен как автор книги о лекарствах, трудов по богословию и риторике. На территории современного юго-восточного Афганистана около города Газни, средневековой столицы государства Газневидов (X—XII века), неподалёку от святого источника «Ходжа Булгари» сохранилась могила знаменитого богослова и лекаря шейха Ахмеда аль-Булгари, почитаемая мусульманскими паломниками из многих стран. Известным поэтом XII века был родившийся в Суваре Сулейман ибн Даут ас-Саксини-Сувары.

Классик тюркской средневековой литературы болгарский поэт начала XIII века Кул Гали создал известное на Востоке «Сказание о Йусуфе» («Кысса-и-Йусуф»), повествующее о судьбе лишь двух персонажей, о любви Йусуфа и Зулейхи. В основу этого произведения положен библейско-коранический сюжет об Иосифе Прекрасном и его жене. Но содержательное богатство книги Кул Гали, автора выдающегося исторического памятника исламской культуры, ещё предстоит раскрыть. Растущий интерес к ней — это форма поворота к историческим корням, признак актуализации темы Востока. Как говорили древние: «С Востока — свет!»¹

К сожалению, до сих пор масштабность фигуры Кул Гали (исторической личности) всесторонне не оценена. В представлении современников нашего времени Кул Гали остаётся полумистической фигурой, по поводу его реального существования бытует немало сомнений и вымыслов. «Что касается прекрасного поэта Кул Гали, — писал историк-источниковед, профессор М. А. Усманов, — то он и ныне продолжает оставаться загадочным... «предком потомка Сократа»². Односторонне оценивается и значимость его творения. А ведь «Кысса-и-Йусуф» — не только поэтическое сочинение, но и философский трактат, посвящённый осмыслению вечных проблем, сопровождающих бытие человека во все времена: любви и предательства, добра и зла, гуманизма и коварства, мира и войны. Автор не обходит вниманием и главный вопрос философии, склоняя читателя к мысли о первичности духа, идей, а не материи. Произведение Кул Гали ещё и широкомасштабный исторический источник, в котором художественным языком характеризуются многие особенности и традиции, наиболее распространённые мифологемы

---

¹ Особый вклад в анализ данной проблематики внесли труды В. Х. Хакова, М. А. Усманова, Х. Ю. Миннегулова, А. Т. Тагирджанова, Э. Р. Тенишева, Ф. И. Урманчеева, Н. Ш. Хисамова. Крупный исследовательский проект был выполнен поэтом Ренатом Харисом. За создание либретто балета «Сказание о Йусуфе» ему была присуждена Государственная премия Российской Федерации. Его же перу принадлежит поэма «клятенная чаша», посвящённая знаменательному событию в средневековой истории — заключению мирного договора между Булгарией и Русью (985 г.).

² Цит. по кн.: *Фахрутдинов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р.* История татарского народа. — Казань, 2015. — С. 97.

и исторические предания болгарского общества. В книге Кул Гали сконцентрирована богатейшая информация об этике взаимоотношения поколений и этике любви, о семье и роли женщины-матери в тюркском сообществе. Это художественный, но достоверный источник для анализа состояния и динамики развития экономики, социальной структуры, дипломатии, внешней политики Болгарского государства. Поэма Кул Гали может быть оценена как этапный исторический продукт не только тюркской культуры болгарской эпохи, но и всего средневекового Востока. Поэт-учёный, философ-мыслитель, кавалер ордена ЮНЕСКО Равиль Бухараев повесть о Йусуфе оценил как «краеугольный камень всей светской художественной культуры... шедевр общетюркской поэзии раннего Средневековья»¹. Ещё при жизни Р. Бухараев успел в одном из престижных лондонских изданий «Global Oriental» выпустить в свет книгу «*The story of Joseph*» («История Юсуфа») на английском языке. «Это означает, — пишет член-корреспондент Международной экономической академии Евразии Юлдуз Халиуллин, — что отныне половина образованной части планеты при желании может познакомиться с этим замечательным произведением мировой культуры»².

Важнейшим приобретением болгарского периода истории тюрко-татарской субцивилизации является оформление из множества культурных элементов, берущих начало из древности, устойчивой традиции проведения национального праздника Сабантуй, впоследствии вошедшего в календарь традиционных праздников татарского народа. Обычно он проводился на стыке весны и лета и обозначал слитность двух самых радостных моментов в жизни болгар — завершение посевных работ и наступление весеннего равноденствия. Сабантуй, исторические истоки которого восходят ко времени возникновения первых, древних «олимпийских игр», пройдя испытание временем, стал интернациональным праздником, формой материализации идей культуры мира, толерантности и межконфессионального согласия, диалога культур, народов и цивилизаций. Неслучайно праздник Сабантуй был предложен к внесению в Список шедевров устного и нематериального исторического наследия человечества, охраняемого ЮНЕСКО. Внесение народного праздника в этот Список стало бы ещё одним признанием вклада татарского народа и всего тюркского сообщества народов в мировую культуру³.

Волжская Болгария как самостоятельное государство просуществовала до 40-х годов XIII века, когда после завоевания

---

¹ См.: Татарский мир. — 2012. — № 6.

² Халиуллин Ю. Н. Везде ничей, без места во Вселенной // Татарский мир. — 2012. — № 6.

³ См. об этом сюжете подробнее: Тагиров Э. Р. Диалог эпох и цивилизаций. — Казань, 2000. — С. 43; Шарафутдинов Д. Р. Традиционная культура татарского народа (XIX — начало XX в.). Юность Древнего Сабантуя. — Казань, 2004. — С. 7; Тагиров Э. Р., Шарафутдинов Д. Р. Сабантуй в локальном и глобальном цивилизационном пространстве. — Казань, 2004. — С. 5.

монголами была включена в состав Золотой Орды. Эти исторические метаморфозы деформировали, но не изменили цивилизационную типологию болгарского общества и его культуры, и в изменившихся условиях болгарское историческое наследие продолжало оказывать воздействие на все стороны жизнедеятельности ордынского общества. Высокоразвитая болгарская культура стала важнейшей основой становления золотоордынской субцивилизации, которая в свою очередь явилась существенным фактором развития Русского государства и мировой цивилизации.

Булгария ордынского времени оставалась признанным центром торговли, культуры и науки. На её земле творило целое интернациональное сообщество мыслителей, просветителей и учёных. Так, во второй половине XIII века в Булгаре и Сарае жил и творил беженец Ирана (Казвина) Абу ар-Режае Мохтар ибн Махмут ал-Казвини ал-Ханяфи — известный теолог и историк, автор книги «Рисалаи Насрия» («Описание победителей»). Эту книгу автор подарил хану Берке. Главой болгарских учёных, вольнодумцев, видным религиозным авторитетом был беженец из Гянджи шейх уль-Ислам хаджи Хасан бин Гумер. За вольнодумство он был приговорён к сбрасыванию с минарета, но благополучно сбежал в Бухару, а затем в Тавриз. Один из педагогов Булгарии написал книгу о воспитании детей, которая оказалась в числе лучших книг по педагогике того времени. Это отмечено в библиографии мусульманских учёных, составленной в Багдаде. Возможно, её автор значился под именем Махмуда ибн Фаттаха ас-Сараи (умер в 1373 году)¹.

Булгарская культура в XIII—XIV веках подпитывалась цивилизационными достижениями стран Востока: Египта и Сирии, Ирака и Ирана, Средней Азии и Индии, Китая. В эти государства ходили караваны болгарских купцов, из этих стран прибывали учёные и поэты².

В целом этноноосфера болгар в XI—XIII веках достигла такого уровня, когда «заимствования из культур других народов (арабов, хорезмийцев, русских) перерабатывались в болгарском духе и входили органической частью в быт и менталитет болгар»³.

Стремление к совершенствованию экономических и политических институтов государства, интенсивный духовный прогресс общества, а также постоянство межкультурного диалога с соседними народами, особенно с русским народом, активная внешнеэкономическая и внешнеполитическая дипломатия способствовали изменениям в общественном сознании и менталитете, в котором

---

¹ См.: *Халиков А. Х.* Монголы, татары, золотая Орда и Булгария. — Казань, 1994. — С. 148—149.

² См. об этом подробнее: *Халиков А. Х.* Монголы, татары, золотая Орда и Булгария. — Казань, 1994; *Червоная С. М.* Искусство Татарии. — М., 1987.

³ *Бариев Р. Х.* Волжские болгары: история и культура. — СПб., 2005. — С. 96.

укреплялось ощущение этнического единства, принадлежность к восточному миру и мировой цивилизации. Булгарская субцивилизация как продолжение и отросток тюркско-материнского цивилизационного Дома, складывалась и развивалась в зоне активного исламо-христианского взаимодействия, испытывая на себе влияние как Запада, так и Востока, а также формирующегося этнокультурного сообщества восточных славян — предтечи русской цивилизации. Видимо, такая особенность геополитического фона в значительной степени предопределило её общемировую значимость, историческое величие.

Так уж устроен аппарат человеческого мировидения, что для понимания подлинной ценности и бесконечного соучастия — влияния исторических феноменов на судьбо-повороты всех последующих поколений, требуются не десятилетия, подчас — века. От воплощения Булгар как провинциальной культурной вспышки на пути эволюции тюрков до принятия его в качестве этапно-осевого времени в процессе формирования татар как народа цивилизации действительно потребовались века.

Булгары имеют множество эпитетных определений: «светоч Востока», «врата в Азию», «бусы Нефертити»... Но название «Великие Булгары» дано ему лишь в начале III тысячелетия. Акт признания значимости вклада Булгарской цивилизации в Большую (всемирную) историю зафиксирован в Сертификате, удостоверяющий включённость Булгар в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

И вновь пересечение колец веков — эпох. Данный Сертификат вручила Президенту Татарстана, потомку татарского народа эпохи Волжской Булгарии Р. Н. Минниханову Генеральный директор ЮНЕСКО (октябрь 2009 — ноябрь 2017) Ирина Бокова (болгарка, имеющая с ним общие исторические корни).

Во время акции вручения Сертификата, наследница общеполитско-тюркского домена Ирина Бокова «освежила» в памяти страницы общеполитской истории, начиная от эпохи хана Кубрата и до образования Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии. Не скрывая своего волнения, она произнесла: «Булгар — символ принятия ислама предками татар, мост толерантности и место, способствующее углублению межкультурных коммуникаций и диалога... Будем помнить: нынешнее событие — лишь начало пути исторического путешествия в будущее, нашего с вами послания будущим поколениям». В этой метафоре бывшего Генерального директора ЮНЕСКО — первая официально-публицистическая оценка прошлого, настоящего и будущего Татарстана. Признание болгарского культурного феномена равным среди других великих цивилизаций. В ней — призыв не частного, а всеобщего характера: беречь духовное наследие предков, знать и гордиться историей — национальной и всеобщей, сохранить «Шар любви» — планету Земля. В ней же актуализация идей и ценностей культуры мира, толерантности, этноконфессионального согласия и диалога цивилизаций.

Наступление момента такого международного признания Булгар ускорила неистово-энергичная работа мысли и действия уникально-талантливой, творческой команды под руководством Первого Президента Республики Татарстан, государственного советника Минтимера Шаймиева, создавшего «фабрику интеллекта», коллайдер ума — Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. В её составе цвет российской исторической науки, «звёзды» культуры, «могикане-фанаты». Ими пройден сложный и долгий путь — от введения дней рождения поэта-мыслителя периода Волжской Булгарии Кул Гали и татарского писателя XIX века Габдуллы Тукая в календарь знаменитых дат ЮНЕСКО до осуществления проекта Великого Волжского Пути. Концептуальное ядро этого коллективно «мыслящего тростника» составляла «соль» нации, янтарное зерно земли татарстанской: Рафаэль Хакимов, Индус Тагиров, Татьяна Ларионова, Рафаэль Валеев, Энгель Тагиров, Гамирзан Давлетшин, Фаяз Хузин, Константин Руденко, Айрат Ситдилов, директор Булгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Ф. В. Мухаметов...

Это далеко не полный свод имён. Движущая сила возжигания огня величия Булгар — энтузиазм огромной армии учёных, практиков, работников сферы культуры. Возрождённый Великий Булгар стал духовным знаменем, общенациональной, всероссийской, всемирной идеей-фикс. Идеей, ставшей культурно-ценностным ориентиром в процессе глобального смещения центра тяжести земной Вселенной от Запада к Востоку. Великая Булгария вновь на пике всеобщего интереса. Создание Международной неправительственной организации «Великий Волжский путь» (2018) — ещё одна форма «ответа» на императив времени. Теперь Великий шёлковый путь и Великий Волжский путь, слитые в одну историческую Реку, они образуют собой фарватер дальнейшей эволюции человечества. «Отцы-основатели» этой структуры профессора Э. Р. Тагиров и М. В. Андреев, создавая её под эгидой Информационного центра ООН в Москве, Российской Ассоциации Содействия ООН, Всемирной Федерации Ассоциаций ООН, стремились расшифровать код Послания булгарских предков, перевести его священный текст в формулу действий, призванных продолжить Путь, предначертанный Провидением.

ЗОЛОТАЯ ОРДА: СВЕТ И ТЕНИ НАД ИМПЕРИЕЙ

...Золотая Орда — явление общемирового порядка, если под этим миром понимать Азию и Европу.

М. Н. Тихомиров

Золотая Орда — не раскрытая, не выявленная до конца возможность.

Е. Н. Трубецкой

Народы мира в 20—30-е годы XIII века явились свидетелями и участниками событий эпохального характера, оказавших влияние на судьбы многих народов Евразии и определивших многие процессы мировой истории. Эти события связаны прежде всего с выходом на историческую арену Монгольской империи, завоевательными походами монголов и образованием нового государства — Улуса Джучи. Наступил момент крутого поворота в судьбах многих народов и государств Европы и Азии, который, бесспорно, определил формы и динамику их цивилизационного развития, видоизменил культурно-цивилизационную специфику, ускорил процессы культурного синтеза и мультикультурации.

Глобальный Проект по созданию самой обширной на земле средневековой империи, простиравшейся от Китая до Западной Европы и включавшей 720 различных народов, имел кардинальные геополитические, геодемографические и геокультурные последствия. Между Востоком и Западом были переброшены новые «мосты».

Чингисхан и его преемники создали «основы цивилизации, на которых зиждутся современные Китай, Россия, Иран, Афганистан, Турция, Сирия, Тибет, развивающиеся страны Центральной Азии, Украина, Венгрия, Польша». Их «завоевания заставили сблизиться главные религиозные конфессии, оказали влияние на искусство, создали новые правила торговли. Их конечные результаты легли краеугольными камнями в основание Евроазиатской истории»¹. Они потрясли Вселенную, изменили мир, продолжая влиять на него и в XXI веке. Глобализация не стирает, а актуализирует в общественном сознании, в исторической памяти образы метаимперий. С соответственной прогрессией растёт интерес и к создателю «модельной» империи Чингисхану — «великому воителю», «стратегическому изменителю мира» (*В. В. Серебрянников*). Совсем не случайно в 1995 году Всемирный информационный центр назвал Чингисхана человеком тысячелетия². Книга об истории империи Чингисхана и его по-

¹ *Мэн Д.* Чингисхан. Жизнь, смерть и воскрешение. — М., 2006. — С. 15.

² В желании войти под зонтик отсвета великих исторических фигур не бывает избытка. Как 35 народов мира считают А. Македонского своим полководцем, так и Чингисхан вошёл в круг международной дискуссии — «Чей это хан?». Есть желающие и «отатарить» его. Не дожидаясь завершения данной полемики, можно утверждать, что Чингисхан — это исторический продукт эволюции тюркского культурного мира.

томков, написанная английским историком Джеком Уэзерфордом «Чингисхан и рождение современного мира», стала мировым бестселлером, выдержала десять переизданий и была продана общим тиражом более 400 тыс. экземпляров. В этом ещё один признак неуголённой жажды познания тайны феномена Чингисхана.

Весь отблеск яркости, масштабности, как и оценочной неоднозначности исторического прорыва Азии навстречу Европе, в ходе которого и возник феномен монголосферы, целиком и полностью отражается на истории Золотой Орды. Её историографическая судьба сложна и прерывиста. В то время, как зарубежная традиция изучения истории Золотой Орды берёт начало с середины XIX века и нарастает во времени по восходящей линии¹, в отечественной историографии золотоордынская тема, если и не была запретной, то находилась под мощнейшим воздействием комплекса политико-идеологических факторов. В результате в российской исторической науке длительное время господствовал подход, согласно которому монгольские, а затем и ордынские походы преподносились как сугубо разрушительное, деструктивное явление, не только задержавшее всеобщий исторический прогресс, но и «опрокинувшее» цивилизованный мир, повернувшее поступательное движение вспять. Их значение в становлении российского суперэтнуса, в развитии российской цивилизации также оценивалось лишь в негативном свете². Подобная позиция обосновывалась концепцией асимметрии взаимоотношений кочевых и оседлых народов в истории человечества. Согласно этой концепции кочевники — это маргиналы цивилизации, которая традиционно ассоциировалась с земледелием, ремеслом, городской культурой. Лишь с распадом Советского государства начинается новый этап в осмыслении культурно-исторического наследия Золотой Орды и её влияния на судьбы народов Евразии.

Размышления о золотоордынском феномене всегда выносят на поверхность мыслительного пространства вопросы, связанные с поиском «секретов», источников-факторов, обеспечивших его пассионарный взлёт, яркость и длительность «горения». Ведь историческая судьба большинства кочевых народов драматична: вспыхнув на историческом небосклоне ярким всполохом, они быстро «перегорали» от высокого энергетического перегрева. Но каждый из них, оставляя свой «след» на просторах степей Евразии, шаг за шагом вносил вклад в осуществление евразийской метаидеи объединения народов в мощное государство — империю. Великая Степь с естественностью рождала великую идею интеграции. Казалось бы, в процессе необузданной социально-

---

¹ См.: *Гатин М. С.* Проблемы истории Улуса Джучи и постордынских тюрко-татарских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX—XX вв. : дисс... канд. ист. наук. — Казань, 2006.

² *Якубовский А. Ю.* Из истории падения Золотой Орды // Вопросы истории. — 1997. — № 2. — С. 30—35; *Султанбеков Б. Ф.* «Идегей», Сталин и наше время // Страницы секретных архивов. — Казань, 1994. — С. 203—235.

преобразовательной стихии набирала мощь центростремительная сила, которая сквозь череду нескончаемых раздоров, междоусобиц, войн и противостояний всё в большей степени становилась определяющей тенденцией исторического развития Евразии. Взлёты и падения, потери и обретения всего сообщества кочевых образований не были отторгнуты, «изъяты» из мирового интегративного процесса, из всемирного потока событий, в конечном итоге направленных к взаимодействию многообразных этносов, культур, цивилизаций. Каждая из них есть звено в цепи опыта поиска идей, форм, моделей и технологий рационального соседствования, коммуникации евразийских этнокультурных единиц. Черета такого рода экспериментов, совершённых кочевниками, есть тот «подготовительный класс», обучение, в котором человечество готовилось к организации более сложных форм жизнедеятельности на последующих фазах истории.

В этом контексте уровень коммуникативной культуры кочевников не может быть оценён в рамках таких сравнительно оппозиционных понятий, как «высокий» — «низкий» или «совершенный» — «примитивный». Он не отвечает и стандартам, применимым к оценке общества европейского покроя. «Аршином» единым её не измерить, у неё особые параметры. Эта культура не низкая и не ущербная, а специфическая, особая, часто несущая элементы универсализма и пионерства во многих сферах общественной жизни и социального прогресса. По многим причинам кочевые народы были изначально запрограммированы на поиск нестандартных решений проблем соразвития, т. е. развития в режиме взаимодействия. Частота «вызовов-угроз», особенно со стороны природы (экологии), у кочевых сообществ была намного интенсивнее, чем у европейских народов.

В древней и средневековой степи неслучайно жили только кочевники, но не земледельцы. Характерно, что до Золотой Орды Великая Степь не была страной городов. Климат степей Евразии плохо приспособлен не только для земледелия, но и для жизни людей¹. Степь предопределяла типологию образа и уклада жизни, ориентиры и приоритеты в системе духовных ценностей, адекватные задачам выживания и развития. Если оседлость, привязка к земле культивировались благодаря труду пахаря, то в степи каждый мужчина прежде всего был воином, что не исключало, а скорее предполагало пионерство, совершение прорывов в технологической, военной, хозяйственной и в иных сферах жизнедеятельности.

Нестандартность «ответов» на «вызовы» времени и природы была присуща и золотоордынской цивилизации. Проблема удержания покорённых народов в составе империи континентального масштаба не могла быть решена исключительно силовыми методами. Империя должна была позаботиться о своём реноме,

---

¹ См.: Мордкович В. Г., Гиляров А. М., Тишков А. А., Баландин С. А. Судьба степей. — Новосибирск, 1997. — С. 129.

имидже, о правопорядке, а также комфортности, свободе и безопасности подданных. Территориальная протяжённость и мобильность кочевой цивилизации, масштабность империи вызвали к жизни функцию посредничества в торговле, информационной, культурно-коммуникативной сферах. Цели выживания и развития в режиме самодостаточности и конкурентоспособности обусловили взлёт экономической мощи, градостроительства, ремесленничества и торговли в Золотой Орде.

В поисках ответов на вопросы об источниках-факторах, способствовавших созданию мировой империи, по своим параметрам не знавшей аналога, исследователи формируют точку зрения об особо важной роли в её становлении и развитии знаний, просвещения, информации. Возникновение кочевых империй (Монгольской империи и Золотой Орды) стало результатом интеллектуального, информационно-технологического рывка. Объединение в рамках единого централизованного государства многих этнокультурных величин и политико-административных единиц означало не только одномоментную резкую активизацию обмена знаниями, генетическим фондом, накопленными дальневосточной, ближневосточной и европейской цивилизациями, но и сохранение, и стабилизацию достигнутого уровня информационного обмена на длительное историческое время. Эффект совершённого интеллектуального прорыва производит впечатление «термоядерного информационного взрыва» (*Э. С. Кульпин*). «Взрыв», который открыл шлюзы для тех направлений исторического творчества, которые в своей совокупности и «слепили», сформировали золотоордынский цивилизационный феномен.

Гипотеза о значимости информационно-технологического обеспечения и информационного обмена как стратегического ресурса развития золотоордынской империи длительное время недооценивалась и даже считалась ошибочной, но на стадии становления информационного общества и его представления о самом себе формула «владеющий информацией владеет миром» приобретает силу исходного методологического принципа для анализа масштабных государственных объединений. Информационный обмен, вызывая к жизни рынок, торговлю как важнейший соединительный «нерв» процесса коммуникации, строительство городов и создание широкой инфраструктурной сети для обустройства осваиваемого пространства, придавали интеграции народов, взаимодействию и синтезу культур объективно-исторический характер. Однако, во-первых, речь вовсе не идёт о стихийном развитии информационного обмена: он является стержневым элементом культуры мирного сосуществования, взаимодействия и соседствания в режиме соразвития. Так что информационный обмен, осуществлявшийся в Золотой Орде, — это мировоззренческая установка, осознанный политический и культурно-цивилизационный ориентир. Во-вторых, процессы информационного обмена между народами и территориями — землями, входившими в состав империи, автоматически не обе-

спечивали одинаково окультуривающий эффект. «Наибольшие дивиденды имели те социальные группы, этносы, которые были подготовлены к принятию нового предыдущим развитием. Не готовые к восприятию новых технологий, ценностей, представлений о мире и о себе остались в стороне — на обочине, прежде всего, духовного, а затем уже материального богатства жизни, или даже за обочиной»¹.

Информационно-технологический «взрыв» дал возможность Золотой Орде воспользоваться преимуществом своего географического и геополитического положения, ролью посредника между Западом и Востоком. «Кочевники в силу своего подвижного образа жизни объективно играли важную подвижническую роль в перемещении различных культурных достижений и идей на большие, порой громадные расстояния, распространяя их как среди оседлых, так и кочевых народов, которые в силу большой отдалённости часто и не знали даже о существовании друг друга»². Одной из форм выполнения кочевниками возложенной на них исторической миссии было участие, в той или иной форме, в торговле между народами и странами. Межконтинентальному посреднику было выгодно развитие торговли в самом широком смысле слова, т. е. подчинение её интересам организации всей жизнедеятельности государства. Только этим стремлением можно объяснить государственный уровень, характер создания и постоянного совершенствования системы обслуживания торговых путей с предоставлением большого набора услуг. Существовали так называемые ямы, караван-сарай и почтовые службы. В качестве инструмента интенсификации торговли и торговых связей был введен режим наибольшего благоприятствования для иноземцев, занимающихся торговлей и производством, а золотоордынским купцам государство предоставляло льготы и ссуды. До этого времени подобный режим имел место лишь в торговых республиках Италии, во всех же остальных государствах Центральной Европы торговцы облагались многочисленными пошлинами, а дороги, по которым пролегал их путь, никогда не были безопасными³.

Характеризуя степень культивирования и патронажа торгового дела со стороны государства, известный татарский историк Г. Газиз (Г. С. Губайдуллин) определяет такую политику как чётко выраженный, осознанный идеал: порядок во имя торговли. Ибо всё, что делалось для развития торговли, «работало» на

---

¹ *Кульпин Э. С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. — М., 2006. — С. 21.

² *Арутюнов С. А., Козлов С. Я.* Жить — это кочевать // Независимая газета. Приложение «Этнология». — 2006. — 28 июня. — С. 14.

³ См.: *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973; *Крамаровский М. Г.* Северное Причерноморье, Лигурия и Латинская Романия в XIII—XV вв. К вопросу о латинском компоненте в культуре Золотой Орды // *Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в Средневековье.* — Донецк, 1992; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... — М., 1996.

усиление экономической мощи, повышение уровня жизни и безопасности государства¹.

Торговля определяла социокультурный облик Золотой Орды как связующего моста между полюсами внутри самой империи, а также между культурно-историческими системами Европы и Азии. Она влияла на особенности традиций и менталитета народов, входивших в состав Улуса Джучи. Во многом благодаря торговле Улус был самым богатым государством в Европе. Торговля являлась также важнейшим фактором консолидации целого спектра этноконфессиональных сообществ империи, превращения их в культурно-цивилизационную общность.

С развитием торгово-коммерческой сферы связано главное цивилизационное достижение Золотой Орды — рождение и расцвет городской культуры. «Традиционно считалось, что монгольское нашествие, в результате которого многие города были сожжены и разграблены, а их население было частично уничтожено, частично угнано в рабство, привело к запустению и упадку городских центров в оседлых районах чуть ли не на столетия. Эта точка зрения основывается на данных исторических источников, многие из которых рисуют поистине апокалиптические картины. Тем не менее археологические исследования во многом опровергают эти устоявшиеся представления. Так, например, столица Волжской Булгарии — город Биляр — приходит в упадок, зато возвышается и становится столичным центром Булгар. В золотоордынский период Булгар достигает такого расцвета, который был невозможен ранее»².

В золотоордынских городах действовали водопровод, системы городских бассейнов и фонтанов для снабжения населения водой. Были проложены канализационные стоки из деревянных труб, отводящих нечистоты из всех районов города³. Активно функционировали общественные бани, начало традиции которых относится к хуннской эпохе. В Волжской Булгарии общественные бани являлись местом проведения дискуссий, «презентаций» философских трактатов, обмена информацией. В золотоордынских городах бани выполняли ещё и функцию центра делового общения: там встречались купцы и дипломаты, путешественники и политики, художники, богословы и учёные, т. е. бани были аналогами современных клубов по интересам.

Высокий уровень городской культуры отвечал задаче повышения комфортности, привлекательности и стабильной численности населения. Места дислокации каждого нового города определялись важнейшей функцией — обслуживанием земледельческой периферии, торговли и торгово-караванных путей. Поселения

---

¹ Гобәйдуллин Г. С. Тарихи сәхифәләр ачылганда. — Казан, 1989. — 35–42 б.

² Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории : колл. моногр. — Казань, 2016. — С. 634.

³ Егоров В. Л. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... // Родина. — 1997. — № 3–4. — С. 72–76.

городского типа возникали прежде всего на направлениях двух главных транспортных путей Евразии: вдоль сухопутного широтного Великого шёлкового пути и меридианального речного Великого Волжско-Каспийского пути.

Однако, снизив патетический накал оценок по поводу превращения кочевой империи в «страну городов» — «Гардарику», являющейся взыскательным критерием цивилизационного рывка в будущее, автор отмечает, что город слишком резко и быстро оторвался от земли, сельско-земледельческого образа жизни, психологии и сознания. «Город — это скорее состояние сознания, сосредоточение традиций» (*Р. Парк*). Но развитие технологий города не было обеспечено собственно-городской традицией, которая по своей сути оставалась кочевой. В кочевой степи «пышно распускается совершенно чуждая кочевникам яркая городская культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, мусульманской духовной учёности, толкователей Корана и математиков-алгебраистов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии». Эта культура не опиралась на традиции кочевья. В степных городах были начала космополитизма, столь естественного для современного, но только не средневекового мира, и было необычное, не свойственное тому времени состояние сознания¹. Города Золотой Орды — интеллектуальное, экономическое и духовное чудо, не известное для того времени. Но как пишет доктор философских наук Э. Кульпин, «с точки зрения исторического развития это был слишком дальний рейд в будущее, не подкреплённый реалиями того времени»². В разрыве уровней развития горожан и земледельцев одна из фундаментальных причин слишком короткого срока яркости чуда — степного города.

Модель политической системы и государственного устройства Золотой Орды также отличалась своеобразием. Впитывая в себя культурно-политические ценности, традиции различных стран и этносов, соединяя монгольский, болгарский и тюркский этнические субстраты с китайским, арабо-персидским и славяно-византийским культурно-историческими кодами, она отличалась как универсализмом, так и спецификой государственного строя и общественной жизни империи. В целом это был продвинутый тип государственности, который также не успел дойти до вершины недостижимой геополитической крепости. Социальная структура золотоордынского общества отражала пестроту национального и классового состава населения, поэтому в Орде не существовало чёткой сословной организации, присущей Западной Европе. В немалой мере это было связано с отсутствием системы феодальной собственности на землю.

Верхнюю ступень в феодальной иерархии Орды занимали потомки Чингисхана и его старшего сына Джучи — Чингизиды-

---

¹ *Кульпин Э. С.* Золотая Орда: известные и неизвестные страницы истории // Татарский мир. — 2003. — № 14 (авг.).

² Там же.

Джучиды. Этому роду принадлежали земля государства, государственная казна, дворцы, стада, сады и другие богатства. Джучиды имели преимущественные права занимать высшие государственные посты и военные должности. В течение столетий Чингизиды сохраняли привилегированное положение в постордынских ханствах, а затем в государствах Средней Азии и Казахстана. Модель ханской власти в немалой степени копировала восточные деспотии: кроме того, что хан был верховным собственником, он был также верховным главнокомандующим, от его имени осуществлялась внешняя политика (заключался мир и объявлялась война), он был главой исполнительной власти, назначая и сменяя высших должностных лиц. Хан определял и законы. Для решения и утверждения вопросов престолонаследия, войны и мира, других важных общегосударственных дел в Орде сохранился и аристократический представительный коллегиальный орган — курултай, в котором участвовали представители правящей династии, эмиры, нойоны, темники, высшее духовенство.

Нойоны (беки) размещались на следующей после Чингизидов иерархической ступени. Они вели свою родословную от сподвижников Чингисхана и их потомков. Обычно они назначались ханами на государственные и военные должности даругачи, темников, тысячников и баскаков. За службу получали от ханов тарханные грамоты, которые давали специальные привилегии. Иерархия феодалов в ордынских ханствах выглядела следующим образом: «улуг бек, тубэн бек, улус бек (удельный князь), иль бек (князь), тархан (соответствует европейским рыцарям)»¹.

Самым многочисленным привилегированным военно-феодальным слоем были нукеры — дружинники крупных феодалов, которые в отрядах часто занимали средние и низшие военно-административные должности (сотники, десятники и т. д.). Часть нукеров имела тарханов от хана или других высших должностных лиц. Практиковалась особая форма пожалования феодалам — суюргал, распространявшаяся на кочевое и оседлое население. Заметную роль во властной иерархии Золотой Орды играли представители духовенства, исламские священнослужители — шейхи, муллы и др., а также действовавшие легально священнослужители православия, буддизма, католицизма и язычества. Этническая неоднородность государственных образований Орды привела к тому, что в состав правящей элиты попадали выходцы из местной знати — племенные и родовые старейшины, вожди племён, местные феодалы и князья. Особенно это было характерно для имевших традиции государственности районов Средней Азии, Кавказа, Крыма, Поволжья.

Основную часть населения в степных районах Орды составляли кочевники-скотоводы — карачу, подчинявшиеся племенным вождям и родовым старейшинам. Лично свободные, они были тесно связаны с родовой общиной и государством, несли по-

---

¹ Гобәйдуллин Г. С. Тарихи сәхифәләр ачылганда. — Казан, 1989. — 67 б.

винности и принимали участие в ополчении. Земледельческое население оседлых районов Орды жило сельскими общинами, обрабатывая помимо своей земли поля феодалов и выполняя различные повинности. Уртакчи (издольщики) обрабатывали землю феодала или государства за долю в урожае. Городское население составляли купцы, ремесленники, феодалы и их слуги.

В Золотой Орде существовала и специфическая форма рабства. Рабами обычно становились пленные и жители завоеванных стран, они использовались в строительстве и ремесленном производстве, часто выполняли функции слуг. Итальянец Плано Карпини упоминал, например, о русском художнике, золотых дел мастере Кузьме, который работал в 1240-х годах при дворе великого хана Гуюка, о русском зодчем (имя не было указано), о парижском «золотаре» по имени Гийом при дворе Менгу-хана¹. Однако в большинстве случаев рабы инкорпорировались в местную социальную среду и постепенно становились или феодально-зависимыми, или получали свободу.

Административно-управленческая система Орды восприняла немало черт восточных деспотических государств — в частности, Китая, среднеазиатских стран, Ирана и Арабского халифата. К концу XIII века были созданы диваны (центральные канцелярии) по отраслям управления. Делопроизводством заправляли секретари и переписчики (битакчи). Высшее должностное лицо — визирь ведал казной, налогами и государственным управлением в целом. Он назначал баскаков, битакчи и других чиновников, курировал составление общеордынского дафтара — перечня поступлений в казну. Высшая военная власть сосредоточивалась в руках беклербека (беклерибека), старшего из четырёх улусных эмиров, руководившего военными высшего звена — эмирами, темниками и тысячниками. Кроме него, при дворе находились два эмира, выполнявшие важные поручения хана и визиря, а также высший чиновник букаул (заместитель по тылу), ведавший снабжением и вооружением армии, учётом и распределением трофеев.

Интересен принцип разделения вертикалей власти в Золотой Орде, связанный с многоукладным характером этого государства. Как отмечает В. В. Трепавлов, «условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчинённых ему трёх карачи-беков; невоенными делами (прежде всего финансовыми) ведали везир и подчинявшаяся ему канцелярия — диван. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклербека, а оседлые — везира»².

---

¹ *Червонная С. М.* Искусство Татарии. — М., 1987. — С. 123.

² *Трепавлов В. В.* Государственный строй Золотой Орды // История татар с древнейших времён. В 7 т. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. — Казань, 2009. — С. 183.

Огромными полномочиями на местах обладали наместники — эмиры улусов. Как правило, они были членами ханской династии, знатными и влиятельными нойонами. В XIV веке власть областных наместников ещё более расширилась, а их ленные владения стали наследственными. В их подчинении были гарнизоны, военные отряды и множество чиновников. О разнообразии спектра общества свидетельствуют исторические источники. Так, в армии хана Тимур-Кутлуга служили уланы правого и левого крыла, тысяцкие, сотские, десятские, беки, даругачи селений, кадии, муфтии, шейхи, суфии, писцы палат, таможенники, сборщики податей, букаулы, заставщики, ямщики, кормовщики, сокольничие, бареничи, лодочники и мостовщики¹. В ярлыках перечислялись многочисленные представители исламского духовенства, ведавшие делами религии и судопроизводством.

В Золотой Орде была развита система права и судопроизводства, отражавшая цивилизационное многообразие культурных традиций народов, составивших ордынский суперэтнос. Это монгольское право — Великая Яса Чингисхана 1206 года, содержащая 33 фрагмента и 13 изречений самого хана; монгольское и тюркское обычное право; исламское право — шариат, действовавшее ещё в доордынский период в Волжской Булгарии и странах Центральной Азии; в русских землях это — Русская правда.

Р. Фахретдин приводит весьма ценные пояснения должностей и званий, характеризующих особенность иерархической структуры ордынского общества: *отлак* — звание, состоящее из 4 степеней: темник, тысячник, сотник, десятник; *бек* — 2 степени: «улу» (большой), «кичи» (малый). *Кисекчи* и *куручи* составляли гвардию хана; лицами духовного звания были *кадии* (судья), *муфтий* (знаток шариата, принимающий решения по спорным вопросам), *мударрис* (учитель). Чиновные должности и профессии: *алтаут* (вельможа), *даругачи*, *баскак* (наблюдатель за сбором дани), *туменбаши* (темник), *илчи* (посол), *диван битикчи* (писец палаты), *тамгачи* (таможенник), *тартынакчи* (весовщик), *шусунчи* (интендант), *юртчи* (архитектор), *юл арачи* (смотритель дорог), *туктаул* (караульный), *перчи* (строитель мостов), *кимэчи* (лодочник), *ямчи* (почтальон), *аучи* (охотник) и др.²

Золотая Орда была высокоорганизованным, поликонфессиональным и полиэтническим конфедеративным государством, субъекты которого пользовались широкой политической, экономической и культурной автономией. «В нём не только не подавлялось разнообразие культур и конфессий, но защищалось право личности на духовное инакомыслие, чем это государство разительно отличалось от других. В период расцвета уровень по-

¹ Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 149.

² *Фахретдин Р.* Алтын Урда ханнары = Ханы Золотой Орды. — Казань, 1995. — 126 б.

литической и духовной свободы в этом государстве намного превосходил таковые на Ближнем Востоке и в Западной Европе»¹. Неизвестно, насколько чётко осознавалась в обществе (на низовом уровне) и правящей аристократией (на верхнем уровне) роль этнического фактора и стабильности межэтнических (межконфессиональных) отношений. Можно лишь по итогам модернизации всей кочевнической системы (имеется в виду вся совокупность реформ — военная, хозяйственная, судебно-правовая, политико-административная, налоговая и др.) констатировать, что формирование и функционирование Золотой Орды, безусловно, происходило на основе осознания значимости учёта и сохранения этнокультурных, конфессиональных, мировоззренческих и иных особенностей включённых в империю народов. Об этом свидетельствует и практика определения границ основных административных единиц государства — улусов.

Властным центром, ядром степной империи были земли Дешт-и-Кыпчак. В состав государства были включены территории традиционно оседлых областей с древними ремёслами, торговлей и культурой: это левобережный Хорезм, Волжская Булгария, мордовские земли, Северный Кавказ, Крым и Молдавия. Северовосточные и частично южные русские земли территориально не входили в Орду, но находились от неё в вассальной зависимости и платили дань. Земли к западу от Хорезма, где правили потомки Батыея, составили Белую Орду (Ак Орда), а низовья Сырдарьи и восточная часть Улуса, где правили потомки Орды-Ичена (брата Батыея), именовались Синей Ордой (Кок Орда). Основой такого деления являлся учёт этнокультурных особенностей кыпчакского и огузского союзов племён.

Система государственного управления представляла собой «кальку» управленческого опыта Чингисхана. Следуя чингизидскому образцу и копируя его, население Золотой Орды также было поделено на два типа в соответствии с их традиционным менталитетом, образом и укладом жизни.

Первый тип — население степных кочевнических районов. Оно управлялось через систему улусов. Улус — это объединение разнородных людей, отколовшихся от своих родов и ведущих кочевой образ жизни под властью какого-либо хана. Улусы — наиболее федерированные структуры империи, обладавшие реальной автономией. Кочевое население улусов платило два вида натуральных налогов — общеимперские и местные. Улусы являлись составной частью империи до конца 50-х годов XIII века. В 60-е годы XIII века они превращаются в самостоятельные государства, что также подтверждает мысль об эффективности этнотерриториальной модели государственного устройства и функционирования Золотой Орды.

---

¹ *Кульпин Э. С.* Социально-экономические кризисы Восточной Европы в судьбе Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. — Казань, 2000. — С. 281.

Второй тип — это население оседло-земледельческих районов и городов. На этом уровне была создана централизованная общеимперская система управления. Города с прилегающими к ним территориями являлись собственностью не улусных правителей, а великого хана. Великий хан управлял городами и населением земледельческих районов с помощью специального чиновничьего аппарата: даругачи (правители, назначаемые ханом), тамгачи (сборщики налогов и податей), баскаков (воеводы специальных охранных отрядов).

Величина налогов для обоих типов населения была одинаковой и составляла одну десятую часть имущества податного населения. Такая практика мотивировалась стремлением учесть особенности сочетания двух образов жизни — кочевого и оседлого, что придавало империи большую степень устойчивости.

Золотая Орда, таким образом, являла собой конгломерат улусов, представляющих два культурно-хозяйственных мира: мир кочевников (воинов и скотоводов) и мир оседлых земледельцев и горожан (ремесленников и торговцев). Спектр народов, населявших Орду, составляли волжские булгары, бургасы, мордва, чуваша, марийцы, башкиры, ясы, черкесы, русские, персы, азербайджанцы, армяне, грузины, греки. Однако основную массу населения Золотой Орды, особенно степной её части, составляли покорённые монголами кыпчакские (половецкие) племена. С. А. Плетнёва поясняет обстоятельства усиления половецкого компонента в булгарских землях Золотой Орды так: «Большое число половецких воинов, лишённых собственных половецких предводителей, перешли в войска монгольских военачальников... Очень много половецких сотен участвовало в завоевании Волжской Булгарии. По окончании этого похода и полного подавления сопротивления булгар, видимо, много половцев осталось в этой богатой стране на землях, частично освободившихся от местного населения, перебитого завоевателями или бежавшего на соседние территории. Половецкий (кыпчакский) язык стал языком населения в Волжской Булгарии в золотоордынское время и сохранился там и по сей день»¹.

Относительно небольшой монгольский этнический компонент составлял, согласно источникам, около четырёх тыс. человек и состоял главным образом из монгольской имперской элиты и военно-политической аристократии². Арабский историк первой половины XIV века аль-Омари, описывая Золотую Орду и её население, указывал, что в древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары (монголы. — *Авт.*), кыпчаки стали их подданными. Потом они (монголы) смешались и подружились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монгол), и все они стали точно кыпчаки оттого, что монголы поселились на земле

¹ Плетнёва С. А. Половцы. — М., 1990. — С. 184.

² См.: Татары и Татарстан. — Казань, 1993. — С. 41.

кыпчаков, вступали с ними в брак и оставались жить на землях их (кыпчаков)¹.

Уже в XIV веке господствующим литературным языком в Золотой Орде стал не монгольский, а тюркский, включавший в себя немало половецких и огузских элементов с заметной долей арабских и персидских заимствований. Тюркский язык ордынского периода отличался от древнетюркского языка тем, что в нём постепенно нивелировались различные диалекты и усиливалась кыпчакская составляющая. Результаты такой эволюции языка отражены в латино-половецком словаре (*Codex Cumanicus*)², составленном в начале XIV века для европейских купцов, торговавших с Золотой Ордой; в официальных грамотах ханов (например, ярлыки Тохтамышша 1382 и 1393 годов), в литературных памятниках («Мухаббат-наме» и «Гулистан») и эпиграфических памятниках³.

Формирующийся ныне широкий формат взгляда на историю периода Золотой Орды позволяет объективно и всесторонне оценить её цивилизационное значение и с точки зрения накопления интегративного опыта. При всём неприятии насильственных методов создания империи необходимо признать, что был осуществлён эксперимент по апробации эффективных форм интеграции сложносоставленного, полифонического (в этническом, конфессиональном и культурно-цивилизационном плане) человеческого сообщества в евразийском континентальном масштабе. Многие аналитики и исследователи отмечают феномен наступления политической стабильности, нормализации общественных отношений и усиления объединительных тенденций не только на территории Золотой Орды, но и во многих государствах Евразии от Западной и Восточной Европы (в т. ч. Руси) до Китая⁴.

Успех этого исторического эксперимента в решающей мере определялся владением наукой и искусством обеспечения мирного сосуществования и продуктивного взаимодействия разных культурно-цивилизационных миров. На громадной исторической

---

¹ См.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1887. — Т. 1. — С. 235.

² *Мәхмүдов Х. Ш.* Борынғылар әйткән сүзләр (VIII–XVII йөз төркітатар ядкәрләрендә афоризмнар). — Казан, 2002.

³ *Потте Н. Н.* Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. — Т. 2. — 1941. — С. 81–134; *Самойлович А. И.* Среднеазиатско-турецкие подписи на глиняном кувшине из Сарайчика // Записки отделения императорского Русского археологического. 1911–1912. — СПб., 1913. — Т. 21. — С. 38–47; *Фёдоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С.* О подписи и рисунке на кости из нового Сарая // Советская археология. — 1963. — № 3. — С. 245–246; *Усманов М. А.* О языковых особенностях надписи из нового Сарая // Советская археология. — 1963. — № 3. — С. 246–248; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. — Казань, 1979.

⁴ См.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Соч. — Т. 2. — С. 41–42; *Кульпин Э. С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. — М., 2006. — С. 16–20; *Ле Гофф Ж.* Цивилизации средневекового запада. — М., 1992. — С. 20–21.

арене столкнулись несколько культурных миров: кочевников-скотоводов и оседлых жителей лесостепи и лесной зоны, земледельцев и охотников, мир сельский и городской. Вступили во взаимодействие десятки народов и племён как минимум четырёх-пяти языковых групп — собственно монгольская, тюркско-кыпчакская, славянская, иранская, кавказская и др. Они принадлежали культурному миру ислама, буддизма, православия и католицизма, а также языческих традиционных верований. Вошли в более тесное взаимодействие древнейшие цивилизационные архетипы культур: восточный (китайский, среднеазиатский, арабо-персидский, индийский) и западный (греко-византийский, романо-германский). Особенно заметно этот процесс повлиял на развитие двух этноцивилизационных общностей, территория которых оказалась границей и местом встречи миров Востока и Запада, а затем и двух религий — ислама и православия.

Эти субцивилизации в результате достаточно длительного сотрудничества и соперничества в главных сферах общественной жизни приобрели качественно новые характеристики. Данный вывод представляется более важным, нежели бесконечная констатация в литературе жестокостей и разрушений, сопровождавших монгольско-ордынские рейды по городам и странам Азии, Восточной и Центральной Европы. Ордынский кочевой мир преследовал цель не столько разрушения, а тем более уничтожения оседлых цивилизаций, сколько расширения ареала своего влияния. Кочевники стремились в первую очередь включить в состав своей империи степные территории, необходимые для выпаса скота и разведения новых табунов коней, необходимых для поддержания мощной конницы. Объектом их интереса становились земли и народы, прилегающие к стратегически важным торговым, культурным, информационно-коммуникативным путям. Прагматичный подход диктовал целесообразность не разрушительной, а развивающей эти территории политики.

Земледельческие территории, ремесленно-торговые поселения и города были для кочевников источниками регулярного поступления дани — хлеба, товаров, денег. При условии признания верховенства ханской власти и регулярной уплаты налогов монголы, а затем ордынцы предоставляли местной власти значительную долю самостоятельности; более того, они не стремились уничтожить основы локальных культур, монголизировать или трансформировать этносы или изменить их менталитет. Сами победители-монголы, оказавшись в среде побеждённых народов, носителей более древних и развитых культур, довольно быстро ассимилировались в новой среде, перенимали язык, традиции, верования, образ жизни покорённых этносов. Потомки Чингисхана, положившие начало многим монархическим династиям Востока, и представители высшей монгольской элиты, составлявшие их ближайшее окружение, быстро инкорпорировались в новую для них культурно-цивилизационную среду в различных регионах огромной Монгольской империи.

За одно-два поколения дети и внуки Чингисхана, возглавившие крупные государства, в значительной мере восприняли их культурно-цивилизационные традиции, адаптировали к ним элементы и компоненты монгольской культуры. Так, внук Чингисхана Хубилай-хан, завоевав Китай и оставаясь великим монгольским ханом, провозгласил себя китайским императором, основал династию Юань, просуществовавшую почти столетие. Потомки сына Чингисхана Джагатая (Чагатая) джагатаиды (чагатаиды), правившие в Восточном Туркестане, Мавераннахре и Семиречье, восприняли традиции среднеазиатских (главным образом тюркско-мусульманских) цивилизаций раннего Средневековья. После завоевания Ирана, Афганистана, Туркмении, Ирака и восточной части малой Азии внук Чингисхана Хулагу-хан основал династию Хулагуидов, или Ильханов, которая адаптировала культурные элементы четырёх цивилизаций — монгольской, тюркской, арабской и персидской. Монгольские этнические корни прослеживаются в среднеазиатской династии Тимуридов, основанной Тимуром, и династии Великих Монголов в Индии, основанной их потомком Бабуром¹.

Те же процессы культурной конвергенции и ассимиляции наблюдались в Золотой Орде — западной империи, возникшей после распада Великой монгольской империи и управлявшейся Джучидами. Монгольский язык в новом государстве уже с конца XIII века был вытеснен тюркским, а ислам вскоре превратился в государственную религию. Именно поэтому стало возможным органичное сплетение и «переплавление» нескольких культурно-цивилизационных потоков: собственно монгольского, тюркско-булгарского и тюркско-кыпчакского, арабо-персидского и в какой-то степени славянского.

Начало наиболее тесных русско-ордынских взаимоотношений в науке обычно связывают с упоминаемым в Лаврентьевской летописи приезда в 1243 году великого князя Ярослава Всеволодовича в ставку хана Батыя, где он получил ярлык на княжение². Батый, таким образом, поставил себя в равнозначное положение с монгольскими ханами Каракорума, хотя лишь спустя почти четверть века при хане Менгу-Тимуре Золотая Орда стала самостоятельной. Вслед за Ярославом Всеволодовичем ярлыки получили князья Владимир Константинович, Борис Васильевич, Василий Всеволодович и армянский царевич Сумбат.

До строительства собственной столицы Батый имел свою ставку в «Булгарских землях, в городе Брягове» (Великом Булгаре), как именует его «Казанский летописец»³. Своим ярлыком Батый утвердил Ярослава Всеволодовича великим князем всей земли

---

¹ См. подробнее: *Безертинов Р. Н.* Татары, тюрки — потрясатели вселенной (история великих империй). — Казань, 2005.

² *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. — С. 296.

³ Казанская история. — М., 1955. — С. 46—49.

Русской, в т. ч. и киевской земли. Через год ханские ярлыки на княжение получили все русские князья. Так начался процесс консолидации русских земель, преодоления феодально-территориальной раздробленности. Л. Н. Гумилёв увидел в этих процессах продолжение традиции соподчинения власти у русских князей: «Преемники Батыя — ханы-немусульмане, а затем и ханы-мусульмане (например, Берке) заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений. Ранее на Руси считалось, что в мире существует лишь один царь — василевс, находившийся в Константинополе. На русской земле правили князья — самостоятельные властители, но вторые лица в иерархии государственности. После взятия крестоносцами Константинополя (1204) и крушения власти византийских императоров титулом «царь» на Руси стали величать ханов Золотой Орды. Их так и называли: «добрый царь» Джанибек или «суровый царь» Узбек»¹.

В процессе длительного взаимодействия Золотой Орды с русскими княжествами между ними установилась определённая система отношений. Российская имперская церковно-дворянская историография, создавшая концепцию «татаро-монгольского ига» («татарского ига»), трактовала эти отношения односторонне, исключительно негативистски, оценивая ордынский фактор как первопричину исторической отсталости и всех проблем последующей истории России. Советская историография, особенно сталинского периода, не только не пересмотрела миф о татаро-монгольском иге, но и усугубила его пороки классово-политическими аргументами. Только в последние десятилетия обозначилась смена подходов к оценке места и роли Золотой Орды как в общемировой, так и в национальных историях народов.

Да, русско-ордынские отношения никогда не были однозначными. Ныне всё больше оснований утверждать, что они строились на основе продуманной схемы «центр — провинции» и отвечали императивам конкретного исторического времени. Потому Золотая Орда вошла в мировую историю как образец прорыва и на этом направлении исторического прогресса. Золотая Орда никогда не была колонизатором, и «Русь в её состав вошла добровольно-принудительно, а не была покорена, как о том трубили на всех перекрёстках. Русь была нужна этой империи не как колония, а как союзная держава»². Итак, особый характер отношений Золотой Орды с Русью очевиден. Формально этим отношениям во многом присущи черты вассалитета, они отмечены веротерпимостью и привилегиями русской церкви, сохранением военных формирований и права ведения русскими княжествами внешних дел, в т. ч. права объявлять войны и заключать мир. Союзнический характер русско-ордынских отно-

---

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси к России. — М., 1992. — С. 135.

² Марченко В. Т. К истории великодержавного духа в России. — М., 1995. — С. 11.

шений диктовался и соображениями геополитического характера. Совсем не случайно, что в армии Батые, насчитывавшей почти 600 тыс. человек, 75 % составляли христиане¹. Именно такая мощь и сдерживала Западную Европу от желания осуществить крестовый поход против татар и «окатоличить» Русь.

Автор согласен с аргументированным мнением Э. С. Кульпина, который считает необходимым ввести в научный оборот термин «славяно-тюркский суперэтнос». В силу того, что Золотая Орда была поликонфессиональным и полиэтническим конфедеративным государством, где все земли (улусы) пользовались широкой политической, экономической и культурной автономией, период так называемого «татаро-монгольского ига» стал временем, возможно, максимальной независимости личности у славян Восточной Европы. Действительно, непредвзятый анализ взаимоотношений Орды и Руси показывает, что Золотой Орде удалось создать систему управления, при которой традиционная власть русских князей над своими подданными даже усилилась, опираясь на военную мощь ордынского «хана-царя». При этом «ордынский фактор» умерял амбициозность удельных князей, толкавших русские земли к кровопролитным и разорительным усобицам. При этом толерантная природа Золотой Орды давала возможность усилить влияние церкви на развитие центростремительных процессов на Руси.

Православная церковь в Средние века являлась одним из государствообразующих начал. Её возможности возрастали по мере обретения в рамках Золотой Орды возможностей, которых она не могла получить от своей духовной праматери — византийской церкви. Речь идёт о дефиците жизненного пространства, что задерживало процесс трансформации основы русской духовной культуры — церкви, и превращения её из локально-региональной системы ценностей в универсалистскую. Известно, что одним из факторов гибели Византии было внутреннее противоречие между универсалистской интенцией христианства и нарастающим локализмом сжимающегося пространства, сведённого в конечном счёте до сингулярной точки — Константинополя. «Само географическое положение Константинополя (Стамбула) как будто специально промыслено для демонстрации византийской уникальности, а потому и обречённости: христианский универсализм, не имеющий себе адекватной формы и потому оказавшийся в локальной скорлупе, по сути, низводится до локализма азиатских цивилизаций».

«Парадоксально, — отмечают Ю. Пивоваров и А. Фурсов, — но факт: именно монголо-ордынцы обеспечили русской церкви жизненное пространство, создали условия для её трансформации. Они не были лишь обычными степными завоевателями, очередным выбросом «социальной радиации» из кочевой зоны.

---

¹ *Марченко В. Т.* К истории великодержавного духа в России. — М., 1995. — С. 11.

Гигантский масштаб и мировой размах монголо-ордынских завоеваний (...) были обусловлены и тем, что завоевания опирались на все основные азиатские оседлые общества, на их военные, социально-организационные и культурные достижения. В этом смысле, если Великая монгольская империя, став Великостепным подведением итогов азиатского цивилизованного мира Прибрежного Пояса, достигнутым им к XII веку, создала возможность трансформации русской церковной системы, то Золотая Орда «проделала для православной церкви ту работу, которую последняя не была в состоянии выполнить самостоятельно». Она сломала «за неё и для неё исходный фактический локализм, придала ей универсалистскую интенцию»¹.

Профессор А. Г. Мухамадиев справедливо отмечал, что «характерный для хазар и булгар индифферентизм, т. е. терпимость в отношении языка, вероисповедания и культуры покорённых народов, был присущ и Золотой Орде»². Если для хазар и булгар, исповедовавших монотеистические религии, была характерна религиозная веротерпимость, то первые монгольские ханы-язычники чтили местных богов и покровительствовали жрецам, полагая, что этим обеспечивают милость новых богов и лояльность местного населения. Ислам принял брат и наследник Батыея Берке-хан, а «Узбек, самый могущественный хан Орды (1312–1342), превратил ислам в государственную религию»³. С принятием ислама в качестве государственной религии практика веротерпимости не пресеклась, особенно в отношении православных. Ещё в 1261 году митрополит Кирилл с согласия и при поддержке ханской власти учредил в Сарае православную епархию, имевшую до 20 приходов, поставив во главе её епископа Митрофана⁴. Русские православные митрополиты, епископы, настоятели монастырей получали от ханов ярлыки, обеспечивавшие личную неприкосновенность православных служителей культа и привилегии духовенства, охрану церковного имущества и собственности. Единственным условием ханской власти было вознесение молитв за здоровье великого хана. За это обеспечивались всяческая поддержка православной церкви, сохранение её духовно-идеологической роли в русском обществе и увеличение её богатств и доходов⁵.

При оценке характера и последствий русско-ордынских отношений важно подчеркнуть, что на протяжении столетий

---

¹ Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Русская система // Рубежи. — 1995. — № 3. — С. 47, 55–56.

² Мухамадиев А. Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 147.

³ См.: Татары и Татарстан. — Казань, 1993. — С. 43.

⁴ Султанбеков Б. Ф. От конфронтации к взаимопониманию (из истории христианско-русских взаимоотношений в России) // Культура мира: от утопии к реальности. — Казань, 1999. — С. 165–166.

⁵ Фёдоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. — М., 1968; *Его же*. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы. — М., 1998. — С. 28–39.

взаимной ассимиляции, особенно в элитных слоях общества, происходило взаимопроникновение весьма важных черт государственности и менталитета. Один из столпов евразийства князь Н. С. Трубецкой утверждал, что «громадная русская держава» возникла «во многом благодаря прививке тюркских черт». В результате пребывания под властью татарских ханов создалось «неладно скроенное», но «крепко сшитое» Московское государство. Правы Ю. Пивоваров и А. Фурсов, утверждая, что «Русь заимствовала у Орды технологию власти, фискальные формы, централизованные структуры». А ведь технология власти, централизованное правление страной, толерантная природа ордынской цивилизации влияли и на выбор направления развития русской государственности, русского языка, национального менталитета. «Ордынский излом русской истории, — писали они, — один из самых богатых, если не самый богатый по обилию пород».

К положительным последствиям золотоордынского владычества для Руси, замалчиваемым в отечественной науке, можно отнести то обстоятельство, что свобода, царившая в духовной сфере общества, привела к созданию высоких художественных образцов во всех областях русской культуры. Она способствовала и развитию религиозного искусства: иконописи, церковной музыки, религиозной литературы. Олицетворением этих достижений можно считать творчество художника-иконописца Андрея Рублёва. Чувство национального унижения сменилось в народе благородным чувством преданности национальному идеалу. Религиозно-национальный подъём стал мощным фактором национального самосознания и культуры, чему в немалой степени объективно способствовала веротерпимость ордынской элиты. По мнению российских историков-создателей теории евразийства П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, а также Л. Н. Гумилёва¹, русские были спасены от физического истребления и культурной ассимиляции Запада, лишь благодаря включённости в Монгольский улус. Кстати, исследования последних лет показали, что население Руси за время так называемого ига удвоилось.

По мнению П. Н. Савицкого, ордынцы — нейтральная культура, среда, принимавшая «всяческих богов», в отличие от католической Европы. Русь стала платить дань сарайским ханам, одновременно ей было позволено иметь торговый флот на Волге, религиозную резиденцию в Сарае. Русская православная церковь была освобождена от всех видов налогов. Русь имела в лице метрополии, каковой была для неё Золотая Орда, духовную и военную поддержку в многочисленных войнах со своими северо-западными соседями, такими как Шведское Королевство и немецкий Тевтонский орден, Польша и Великое княжество Литовское, Венгерское Королевство, Галицкая Русь, Волынь, Черниговское и другие княжества, бывшие вне покровительства

---

¹ Евразийство: за и против // Панорама-форум. — 1997. — № 1.

Золотой Орды и ставшие жертвой католической Европы, объявившей крестовый поход против Руси и ордынцев.

Полиэтничная, толерантная природа Золотой Орды выгодно отличала её от колонизаторской политики западных европейских соседей Руси, от агрессивных немецких и шведских феодалов-крестоносцев. В XIII веке Русь встала перед выбором: на кого опереться в борьбе за сохранение национальной идентичности — на католическую Европу в борьбе против Золотой Орды или на Золотую Орду в противостоянии крестовому походу из Европы. Европа условием союза видела обращение Руси в католицизм или как минимум признание верховенства папы Римского, т. е. унию православия и католицизма под своей властью. Пример западнорусских земель показал, что вслед за таким союзом может последовать иноземное феодально-религиозное вмешательство в светскую и духовную жизнь: земельная колонизация, обращение населения в католичество, строительство замков и костёлов, т. е. усиление европейского культурно-цивилизационного давления. Союз с Ордой представлялся для русских князей и церковных иерархов меньшей опасностью.

Одним из первых выбор в пользу союза с Ордой сделал Александр Невский, разбивший в 1242 году на Чудском озере войска крестоносцев. Став великим князем, он договорился с ханом Берке об уплате дани в обмен на военную помощь в борьбе с западными агрессорами. Жестоко подавив сопротивление части новгородцев, не пожелавших стать ордынскими данниками, Александр Невский сохранил фактическую независимость Новгородской Руси. Такой союз с Ордой во второй половине XIII века, как подчёркивал Л. Н. Гумилёв, «принёс Северо-Восточной Руси вожделенный покой и твёрдый порядок»¹.

Исторический выбор князя Александра Невского, победителя шведов и тевтонцев, в пользу симбиоза с Золотой Ордой был, видимо, сделан из соображений, основанных на выборе «наименьшего зла». Это было проявлением дальновидности и мудрости. Выбор получил одобрение народа и был освящён русской православной церковью. Причисление Александра Невского к лику святых — наглядное тому подтверждение. Союз с Ордой обеспечил русским князьям прочный тыл и после смерти Александра Невского. В 1268—1269 годах огромный отряд рыцарей перешёл реку Нарва и стал приближаться к Новгороду, но одно появление в Новгороде ордынского отряда численностью в 500 человек заставило литовцев, даже не знавших численности отряда, заключить мир и повернуть обратно. Союз с Ордой позволил в конце XIII века остановить процесс присоединения Смоленской земли к Литве. В 1274 году смоляне «предложили своему князю добровольно подчиниться Орде и, поскольку Смоленск стал находиться под защитой татар, литовцы не рискнули его штурмовать»².

---

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси к России. — М., 1992. — С. 134.

² Там же.

Характеризуя цивилизационно-политическую модель взаимодействия русских княжеств с Ордой, Л. Н. Гумилёв справедливо полагал, что «русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили свою идеологическую независимость и политическую самостоятельность... Русь была не провинцией Монгольского улуса, а страной, союзной великому хану...»¹ Русско-ордынская модель взаимодействия обеспечивала не только внутригосударственную автономность и независимость от внешнего мира. Золотоордынское влияние имело широкий и многогранный характер. Оно «осело» в глубинных нишах исторической памяти русского народа, сохранилось в его культурных традициях, фольклоре, литературе. Оно запечатлелось и в современном русском языке, где пятая-шестая часть его словарного запаса имеет тюркское происхождение.

Перечень элементов ордынского наследия в значимых для русской государственности, культуры и цивилизации величинах широк и объёмен. Он не ограничивается дворянскими родами татарского происхождения (500 русских фамилий²), гербами Российской империи (в нём три короны символизируют Казанское, Астраханское и Сибирское ханства), языковыми и культурно-бытовыми заимствованиями, опытом создания сложносоставленного в этноконфессиональном, хозяйственном и культурно-цивилизационном плане централизованного государства и формирования нового этноса.

Уходя от искушения войти в дискуссионное поле проблемы русско-ордынского взаимодействия, автор попытается сформулировать резюме. Если русский фактор способствовал расцвету цивилизационного могущества Золотой Орды и длительности её воздействия на ход мирового развития, то Золотая Орда, в свою очередь, была фактором «собирания» русских земель и создания централизованного Русского государства. При этом нельзя не отметить, что путь к единению русских земель начался с Москвы — региона, где складывались наиболее тесные плодотворные двусторонние (русско-ордынские) связи и где ход истории предопределил минимальный для русских княжеств уровень ксенофобии — неприязни к чужеземному, в т. ч. и прежде всего к ордынскому началу. Культурный слой ордынской толерантности в наибольшей степени концентрировался, оседал и укреплялся на московской «точке» русского цивилизационного роста.

Есть смысл подчеркнуть, что на золотоордынском этапе эволюции тюркско-славянских взаимоотношений произошло качественно значимое изменение. Восприятие золотоордынским мусульманским обществом православных русских княжеств стало более толерантным. «Если в глазах Волжской Булгарии они представляли собой чуждый Исламу «Дар аль-Харб» (террито-

---

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси к России. — М., 1992. — С. 134.

² Халиков А. Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. — Казань, 1992.

рия войны), то, будучи и в фискальном, и в военно-мобилизационном отношениях составной частью единого имперского государства, связанной с мусульманскими правителями взаимными сеньориально-вассальными обязательствами, основанными на принципе подчинения-покровительства, они являлись «Миром Договора» («Дар аль-Агд»), т. е. не контролируемой мусульманами автономией в составе исламского государства и, соответственно, должны были восприниматься более нейтрально, чем во времена Волжской Булгарии»¹. Качественное изменение в характере двусторонних взаимоотношений подтверждается и таким явлением, как массовый переход позднердынской кочевой знати на службу к московским князьям.

Золотоордынская модель цивилизации представляет собой уникальный феномен Средневековья, интегрировавший ключевые характеристики многих культурных миров: восточного (исламского), европейского (русского), тюркского (булгарского). Взаимовлияние и синтез культурных и суперкультурных черт проходило во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, бытовой. Торговый характер тюркско-булгарской субцивилизации в сопряжении с кочевым миром Дешт-и-Кыпчак, исламским и славянским мирами, структурированный имперским началом Улуса Джучи, способствовали бурному росту цивилизационных показателей Золотой Орды, интенсивности и масштабности взаимодействий и влияния на внешний мир. Евразийский контекст золотоордынской модели цивилизации, предопределённый геополитической и географической спецификой, был усилен мощнейшей этнокультурной и религиозно-конфессиональной «атакой» множества цивилизационных миров.

Многофакторный анализ истории Золотой Орды, её места и роли в развитии тюркской, русской и мировой цивилизаций позволяет считать осуществлённый ею евразийский интеграционный Проект попыткой цивилизационного прорыва. В какой мере её наследники, соседствовавшие с ней народы и государства усвоили этот опыт и вынесли из него поучительные уроки? Это — вопрос, относящийся к поколениям народов постордынского исторического времени.

Для татарского народа золотоордынский этап истории имел особое значение. В описываемый период существовало несколько альтернатив дальнейшей исторической судьбы, окончательного определения его культурно-исторической идентичности. Выбор конкретной модели развития определялся прежде всего имперским масштабом и характером нового мусульманского государства, осознавшего себя уже не отдалённой «провинцией» исламского мира, как это имело место в случае с Волжской Булгарией,

---

¹ Гибадуллин Р. М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 122.

а самодостаточной единицей. Новому самоощущению способствовали особенности исторического момента. Среди них — рост экономического, культурного и цивилизационного потенциала мусульманской Золотой Орды, смыкание его политических границ с остальным мусульманским миром. Немаловажным являлось и то, что именно тогда окончательно завершился эволюционный качественный сдвиг в глобальной структуре «Дар аль-Ислам». Она перешла от стремительной концепции халифата, ориентировавшей на жёсткую централизационную вертикаль, к концепции султанатской конфедерации. В контексте таких изменений, внутренних и внешних, Золотая Орда, получив официальный статус султаната, обрела самостоятельность в своей внешней политике и становилась в ряд равноправных субъектов в системе султанатов. Совершенно прав Р. М. Гибадуллин, отмечая, что одной из причин обращения Джучидов к исламу как государственной религии было желание освободиться от сковывавшей творческую самостоятельность традиции общемонгольской государственности и выйти на общеисламское культурное и геополитическое поле в качестве суверенной величины. Весьма важное значение в обретении Золотой Ордой искомого статуса имело и создание нового института «сейидов» — особого духовного сословия, ведущего своё происхождение от пророка Мухаммеда. Для возвышения Казани, а затем и в превращении Казанского ханства в центр исламской культуры данный институт сейидства сыграл значительную роль.

Таким образом, на золотоордынском этапе свершился исторический выбор модели самоопределения, вектора развития татарского народа. В конечном итоге это был выбор между двумя цивилизационными системами ценностей. Если болгарская модель культурно-исторического самосознания ориентировала на возможность и достаточность развития государства в качестве части мира ислама, то ордынская модель задавала обществу мобилизующую потребность самоутверждения в пределах «татарского» мира как равноценной составляющей исламского мира. Речь идёт о двух противоположных посылах-ориентирах для последующего исторического развития татарского народа: консервативно-традиционалистской («болгарской») и инновационно-модернизаторской («татарской»)¹. Эти сигналы-ориентиры шли из разных эпох. Для болгарского мусульманского общества был жизненно необходим устойчивый идеал в виртуально-идеализированном, канонизированном образе ислама, который предписывал жёстко отстаивать исламские интересы перед лицом внешних угроз, и это превращало болгар, по словам Рубрука, в «злейших сарацин, крепче держащихся законов Магометова, чем

---

¹ *Гибадуллин Р. М.* Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 122.

кто-нибудь другой»¹. Золотоордынское время, напротив, делало мусульманское общество самостоятельным и раскованным в своём духовно-идеологическом творчестве. Культура Золотой Орды получила обозначение высокой культуры потому, что обрела способность выходить за рамки официального канонического ислама и создавать этико-нравственные и философско-мировоззренческие учения как светского, так и суфийского характера. Она утверждала в обществе дух исторического оптимизма, культивировала образ активной деятельной личности, способствовала развитию в обществе критического настроения и социальной конструктивности².

Но выбор, совершённый между двумя этапными ценностными системами, несколько не означает торжества победы одной над другой, исключения возможности «перетока» идей, норм и принципов, присущих болгарской цивилизации, в открытую золотоордынскую историко-культурную систему. Более того, их переплетение и взаимодополнение обеспечило завершение длительного процесса становления многокорневого исторического древа татарского народа. Именно поэтому в период Золотой Орды «татары вошли в мировую историю»³.

Золотая Орда явила миру уникальную инновационную модель развития. Создав империю, по масштабам равную империи Чингизидов, включив под своё цивилизационное крыло разнообразные народы, культуры, религии и сохранив при этом автономию их бытия, она сумела не только укрепить алтайско-евразийский корень татарского общества, но и продвинуть его по пути социального прогресса. Но специфика золотоордынского этапа состояла в том, что, синтезировав болгарскую ориентацию на традиционалистский консерватизм, она задала тем самым такой вектор эволюции своей исторической наследнице — Казанскому ханству, который и подвёл его к трагическому финалу. Историю не обманешь: эпоха Средневековья уже лежала в руинах, Запад с громом политических и промышленных революций, ворвавшись в стадию капитализма, «вырвался вперёд»⁴. Взяв в свои руки факел исторического лидерства, он на протяжении пяти веков оставался цивилизационным модельером мира. Восток, устав от бремени гегемонства, в это время впал в летаргический сон. Казани — исторической наследнице великой Орды — не суждено было удержать великодержавный стяг. Ставшая заложницей «сражений» двух эпох, уходящей и рождающейся, она закрыла за собой дверь под названием «Великая Татария».

---

¹ *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. — Казань, 2002. — С. 76.

² См.: *Очерки истории татарской общественной мысли.* — С. 67.

³ *Шаймиев М. Ш.* Татарстан — прогресс через стабильность. — Казань, 2002. — С. 457.

⁴ *Моррис И.* Почему властвует Запад... по крайней мере, пока ещё. — М., 2016. — С. 89.

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО: РАСЦВЕТ И ЗАКАТ

Казань некоторым образом главное место, средоточение губерний, прилегающих к ней с юга и востока: они получают через неё просвещение, обычаи, моды. Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное... Казань — главный караван-сарай на пути европейских идей в Азию и характера азиатского в Европе.

А. И. Герцен

Сей город, бесспорно, первый в России после Москвы... во всём видно, что Казань — столица большого царства.

Екатерина II

Возникновение, расцвет и упадок любой империи всегда обусловлены особенностями исторического времени. Так, появление Монгольской империи и Золотой Орды приходится на момент вызовов раннего Средневековья, когда происходит не только оформление основных цивилизационных регионов — европейского, арабо-мусульманского, индусского, китайского, но и обостряется конкуренция между ними. При этом страны Востока в экономическом плане продолжали закреплять свой приоритет. Запад в культурном и экономическом измерениях после распада Римской империи отставал. В период Средневековья в мире насчитывался 31 крупный город, из них 25 находились в Азии¹. В соответствии с экономическим развитием и демографическим ростом цивилизационные перемены на Востоке происходили быстрее. Расцвет Золотой Орды был одним из проявлений приоритетного развития Азии.

На этапе позднего Средневековья Золотая Орда выбывает из большой игры мировых цивилизационных сил. Но конкурентная борьба на территории бывшей ордынской империи не только продолжается. Именно здесь фокусируются амбициозные проекты. Евразийская арена конкуренции двух культурно-исторических систем — Европы и Азии — становится главной. Волго-Уралье превращается в сердцевинную точку конкуренции. Цивилизационный феномен Казанского ханства является естественным и закономерным историческим продуктом конкуренции и диалога традиционных и новых центров силы. Но появление казанской цивилизационной величины связано не только с перипетиями-метаморфозами, происходившими в эпицентре срединного пояса Евразии. Генезис и развитие Казанского государства необходимо поместить в более широкий, мировой контекст.

XV — начало XVI века — это эпоха всеобщих и локально-цивилизационных, военно-политических и этногосударственных

---

¹ Иванов Н. А. Всеобщая история. — М., 2005. — С. 194.

сдвигов в Европе и Азии, невиданных ранее масштабов цивилизационной экспансии, межконтинентальной колонизации афроазиатской периферии Старого, а затем и Нового Света — Южной, а позднее и Северной Америки. Это время складывания новой конфигурации отношений между этносами, религиями, культурами, народами и государствами на Востоке Европы, время диалога, осложнённого противостоянием цивилизаций и субцивилизаций, создания новых типов государственности и интенсификации процессов этнической консолидации.

Наследник Золотой Орды Казанское ханство было не только втянуто в процессы и тенденции эпохи позднего Средневековья, но и стало её важнейшим историческим субъектом на евразийском пространстве. Ханство не было производным явлением игры внешних сил, а имело собственно-корневые, этноконфессиональные и регионально-цивилизационные основы. Если одной из таких корневых основ являлась Золотая Орда, то другой, не менее существенной, материнской составляющей выступает Волжская Булгария. «Не приходится сомневаться в том, — как отмечает И. Р. Тагиров, — что, с одной стороны, оно (Казанское ханство) являлось осколком Золотой Орды и во многом было её продолжением, а с другой стороны — продолжением Булгарского государства»¹. Преемственную связь этих начал можно видеть в том, что основателями Казанского ханства являются ордынские ханы. «Возникновение Казанского царства можно почесть восстановлением самой Золотой Орды», — так отметил особенность оформления Казанского ханства профессор Н. Фирсов. Но существовала и более тесная связь двух праматеринских цивилизационных начал. Имеется в виду то, что общей была «сцена» жизнедеятельности Волжской Булгарии и Золотой Орды; татарский этнокультурный элемент доминировал в обоих государствах, общей духовной скрепляющей этих двух начал был ислам.

Вот почему историческая перспектива Казанского ханства, типология его государственности, культуры и духовности определялись исходом взаимодействия, синтезом двух корневых духовно-ценностных систем — болгарской и золотоордынской. С одной стороны, имелась мощная исходная историческая основа: многовековой опыт и традиции государственности, экономического, культурного строительства, организации эффективного взаимодействия между разными этноконфессиональными, цивилизационными величинами, а также опыт ведения результативной внешней политики и дипломатической деятельности. С другой — наблюдалась необходимость перерастания этой основы в новое качество и превращение Казанского ханства (в соответствии и в русле европейских государственностроительных тенденций) в современный тип централизованного национального государства. Всё это открывало возможность переплетения двух противо-

---

¹ Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. — Казань, 2008. — С. 108.

положных историко-культурных предпосылок. Речь идёт, как уже отмечалось, о важности для Казани умения сочетать в государственно-строительной практике оба подхода — консервативно-традиционалистского («тюркско-булгарский») и инновационно-модернизаторский («ордынско-татарский»). От умения решить эту историческую задачу зависела внутренняя мощь государства и его внешняя безопасность, обеспечение которой в условиях перемещения оси геополитической конкуренции в координатах «Европа — Азия» в Поволжский регион также превращалось в сложную проблему.

Суть задачи сводилась к подведению к единому знаменателю булгарского самосознания, ядром которого являлась региональность (провинциальность), автохтонность, противостоявшая интегрирующей логике централизованного государства и золотоордынской способности осознать свою культурно-историческую самооткровенность и самодостаточность. По образному выражению Р. М. Гибадуллина, «золотоордынский («татарский») дух собственного величия и исторического дерзания должен был получить прописку на «священной» булгарской земле и вступить с ней в официальный, законный союз с тем, чтобы во имя её будущего родить духовный уклад новой общности»¹.

На казанском историческом «майदानе» впервые была предпринята попытка осуществления проекта «переплавки» многокорневого этнокультурного общества в единый народ и (через «собрание» частей распавшейся Золотой Орды) попытка создания централизованного национального государства, адекватного вызовам времени. Задача сходного характера не раз вставала перед народами и государствами на последующих этапах евразийской истории («собрание» русских земель и формирование российского централизованного государства, создание СССР, рождение новой, федеративной России, становление СНГ). Результаты этих экспериментов были разными.

В какой степени удалось решить эту задачу Казанскому ханству? Создание ханства в литературе связывают с именами золотоордынского хана Улу-Мухаммеда (1438—1439) и его сына Махмута (1445)². Ордынские ханы, захватив Казань и свергнув местную булгаро-казанскую династию, положили начало её будущему величию. После распада Золотой Орды основную территорию Казанского ханства составляли северные и западные земли бывшего Булгарского государства, на западе границы доходили до реки Суры, а на востоке — до Белой. Населяли государство тюркские и угро-финские народы — предки казан-

---

¹ Гибадуллин Р. М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 123.

² Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.). — М., 1996. — С. 498, 503, 543.

ских татар, башкир, чувашей, черемисов (марийцев), вотяков (удмуртов), мордвы.

Казанское государство к середине XV века превратилось в политический, экономический и культурный центр, к которому тяготел почти весь тюркский массив востока Европы. В процессе его развития более чётко очертились контуры казанско-татарской цивилизации — преемницы булгарской субцивилизации как преимущественно городской, торговой и ремесленно-сельской (земледельческой и скотоводческой). С приходом в Казань ордынской династии и военно-феодальной знати обозначилось и постордынское цивилизационное влияние, коснувшееся главным образом военно-государственной сферы.

Династические, политические и дипломатические связи Казанского ханства с Астраханским, Касимовским, Крымским, Сибирским ханствами, степными ордами и тюркскими ханствами Средней Азии способствовали культурно-цивилизационным контактам и консолидации татарских государств восточной Европы. Многогранность и полицентризм казанско-татарской культуры подпитывались самобытностью местных княжеств — Булгарского, Жукотинского, Шонгутского, Елабужского (Чёртово) и Чаллынского.

После включения булгарских земель в состав Орды Казань меньше других пострадала от междоусобных разорений и быстро восстановила ведущую роль в транзитной международной волго-каспийской торговле. Это стимулировало развитие ремёсел и рост городов. По численности населения и богатству Казань стала третьим городом на востоке Европы после Москвы и Новгорода, а также крупнейшим торговым центром региона. События середины XV века способствовали восстановлению в Казанском Поволжье утраченной в XIII веке независимости. Это был противоречивый процесс усиления регионализации бывшего ордынского военно-политического пространства. Политическая борьба велась в нескольких направлениях: против владычества постордынских авантюристов, с одной стороны, и против великорусского колониационного давления, нередко принимавшего форму грабительских набегов волжских пиратов-ушкуйников, — с другой. Конкуренция за господство на Волго-Каспийском водном торговом пути и торговых сухопутных путях из Поволжья в Среднюю Азию и Крым определяла геополитическую обстановку, противостояние экономических и политических интересов не только Москвы и Казани, но также косвенное участие в этих конфликтах Крыма в союзе с Турцией и Литвы в союзе с Польшей.

Возвышению Казанского ханства способствовали внутрисистемные резервы и ресурсы, новая геополитическая и геоэкономическая ситуация, благоприятные внешнеполитические реалии. Важным фактором роста стало то, что Казань сумела установить мирные взаимовыгодные отношения с соседями на достаточно долгий для той эпохи период — с 1487 по 1521 год

(за исключением 1505—1506 годов)¹. Это явилось стимулом перераспределения влияния и выдвижения Казани на роль доминирующего экономического и политического центра, особенно в связи с активным освоением казанцами северных частей бывшего Булгарского государства. Возникают и растут города Арск и Лайшев, Алатырь, Елабуга, Тетюши, Малмыж и др. К отхлынувшему в Заказанье ещё в период монгольского завоевания булгарскому населению добавляются новые переселенческие волны внутренней миграции. Всё активнее взаимодействуют в экономике, культуре и хозяйстве тюркские и угро-финские народы. Политическая верхушка черемисов и вотяков заметно инкорпорируется в состав феодальной элиты ханства. Правящая элита прирастает пришедшими вместе с ханом Махмутяком (Махмудом) ордынскими феодалами, а впоследствии — выходцами из Крымского, Астраханского, Сибирского ханств. Всё шире распространяется идентификационный символ — этноним «татары». Д. М. Исхаков считает, что все «этнические общности, формировавшиеся в рамках татарских государств XV — середины XVI века, можно рассматривать как субэтноты татарского народа»².

Государственный строй Казанского ханства, по мнению М. Г. Худякова, сложился из двух составляющих: старой булгарской основы и татарского элемента³. Татарским ханствам была присуща специфичная система управления и феодальное устройство, унаследовавшие ордынскую традицию. Ведущую роль в политической жизни Казанского, Касимовского и Крымского ханств играли *карачи* — представители родов-кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак. Позднее таким родом стал Мангыт, а также Седжеут и Мансур⁴. Карачи составляли диван (совет) при хане, власть которого особенно возрастала при малолетних ханах. Особым феодальным институтом власти в ханстве был курултай — собрание с законодательными и учредительными функциями. В курултае участвовали представители духовенства, представители военного сословия, атханы, князья и мурзы. Курултай можно считать формой представительного собрания, состоявшего из трёх сословий: духовенства, войска и земледельцев, которые решали важные вопросы войны и мира, дипломатических отношений, престолонаследия и провозглашения нового хана. В периоды безвластия вся полнота верховной власти принадлежала курултаю.

С одной стороны, форму государственного правления в Казанском ханстве можно рассматривать как неограниченную

---

¹ См.: Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV—XVI вв. — Казань, 1995.

² Исхаков Д. М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. — Казань, 1997. — С. 245.

³ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 174.

⁴ Там же. — С. 199.

монархию в стиле восточной традиции ханского всевластия. С другой стороны, частая смена ханов, приглашение их извне, частые свержения, конфликты, возникавшие между ханами и карачи-князьями (в 1496 году, например, между ханом Мухаммед-Эмином и князем Ураком, а в 1531 году — между ханом Сафа-Гиреем и князем Булатом), особая роль высшей аристократии, наследование высших административных чинов государства ограничивали власть хана. Хотя номинально ханство являлось неограниченной монархией, но, как и в современных ему постордынских государствах, абсолютной ханская власть была лишь на землях его домена. На остальной территории система его власти обеспечивалась традиционным правлением местной знати и влиянием полководцев-темников.

Весьма широкой и обстоятельной была бюрократическая система управления государством. М. Г. Худяков обратил внимание на преемственность казанской и ордынской систем управления, показав, что «золотоордынские ярлыки ясно рисуют всю эту систему, унаследованную тюрко-татарами от монгольского государства, впитавшего в себя традиции китайской письменности и административного дела»¹. Немалая часть ордынских традиций государственности и управления оформилась под влиянием развитого управленческого опыта Булгарского государства. В ханской администрации и в дворцовом управлении заметную роль играли хранители казны, печати, ключей, ханского двора, ловчие и оружейники. Делопроизводство осуществляла канцелярия, состоявшая из бахши (дьяков). В отдельных областях управления были заняты хакиды и кадии, знатоки мусульманского законодательства, а также таможенники, стражники, сборщики налогов и другие чиновники.

Местный государственный аппарат действовал в соответствии с традициями и канонами восточного права. Согласно одному из сохранившихся ярлыков хана Сахиб-Гирея только на одной административной территории (даруге) он состоял из более чем полутора десятка чиновников.

Земельные отношения в стране определяла своеобразная система вассально-ленной зависимости, отличавшаяся от феодальных порядков в сопредельных регионах, например, Русского государства и степных орд. Хан был верховным собственником земли, и крестьяне платили ему ясак. Основную массу ханских вассалов составляли феодалы, имевшие суюргал, т. е. пожалованные земли с крестьянами за военную службу и другие заслуги. Владелец суюргала был полновластным властителем земли и крестьян, собирая с них налоги и неся за это военную службу. Военно-служилый аспект этих порядков предполагал обязательную явку по первому зову суюргальных феодалов с вооружёнными отрядами для участия в походах хана или его

---

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— М., 1991. — С. 207.

военачальников. Сохранялись также традиционные для восточного мира тарханские отношения, дававшие феодалу — обладателю тарханной грамоты — ряд привилегий и прав: судебный иммунитет, освобождение от налогов, права доступа к хану и присутствия в ханском собрании. Массовую часть феодалов составляли мелкопоместные служилые мари-аланы и казаки, получавшие во временное пользование за свою военную службу земельные наделы.

Верхушку казанской феодальной знати составляли князья, эмиры и беки. Большая часть феодалов была представлена мурзами (аналог русского дворянства), аланами (сравнимыми по статусу с детьми боярскими) и казаками (ратниками-дружинниками). К ним примыкала инородческая и местная знать. М. Г. Худяков отмечает, что «число чувашских, черемисских и вятских князей было очень значительно, а самыми значительными из них были князья арские, владевшие уделом в вятской земле, по верховьям реки Казанки»¹.

Как и в других мусульманских странах Востока, все стороны не только религиозной, но и гражданской жизни Казанского ханства регулировались шариатом — развитой для феодальной эпохи системой судопроизводства. В регулировании общественных и частных отношений значительным авторитетом пользовались судьи, знатоки мусульманского права (кадии). Унаследовало ханство и восточную традицию социальной стратификации. Зависимым от светских и духовных феодалов был простой люд — халыпс (народ), коллар (дворовые слуги). Сельское население обычно жило общиной. Существовала торговля пленными или привезёнными из других земель рабами, но работорговля и использование рабского труда было несопоставимо меньше, чем в большинстве стран Востока. Чуралар (пленные) нередко «сажались» на землю и, получив свободу, превращались в крестьян.

Как в любом феодальном государстве, ведущую роль в Казанском ханстве играло военное сословие. Более того, под влиянием первых ханов военная структура государства копировала ордынское военно-политическое устройство. Ядро ханского войска состояло из отрядов ополчения ханского домена и ханской гвардии, включавших в себя ички-казаров. Основную часть армии должны были приводить феодалы, это были их ополченские отряды. Исторически случилось так, что за всё время существования ханства ополчение собиралось лишь против одного военного противника — московских царей и воевод. Период обострения военного противостояния Москвы и Казани был связан с устранением московского ставленника на Казанском престоле Шах-Али и приходом к власти новой династии — крымских Гиреев².

---

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 200.

² Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV—XVI вв. — Казань, 1995. — С. 60–62.

Казанское ханство — это тип государства, в котором сохранялись исходно-матричные тюркские начала, но, пройдя историческую «селекцию» в монголо-ордынскую эпоху, они обрели более цивилизованную природу. Кочевническо-захватническо-имперские импульсы в нём уже не преобладали, а скорее находились в стадии «затухания». Казань не ожидала судьба очередного «потрясателя вселенной». Она готовила себя к иной исторической роли — через суммирование и материализацию достигнутого многими поколениями тюрко-татарского народа наследия стать конкурентоспособной, культурно-цивилизационной величиной. Факторами успешного выполнения роли выступили как накопленный опыт исторической мудрости, степень цивилизационной зрелости, так и геополитическая роль посредника, медиатора-примирителя двух контрастных культурно-исторических систем Запада и Востока. Отсюда вытекала философия ориентации на мир, развитие торговли, образования, науки, культуры и добрососедское эффективное взаимодействие с внешним миром.

Компетентный специалист, историк Казани М. Худяков в своих вышедших в свет в 1932 году «Очерках по истории Казанского ханства» приводил такие цифры: из 13 войн между Москвой и Казанью в 7 случаях инициатива войны исходила от русских (1467, 1478, 1487, 1530, 1545, 1549, 1550) и в 6 случаях со стороны казанцев (1439, 1445, 1505, 1521, 1523, 1536). Таким образом, обвинять Казанское ханство в завоевательных замыслах против Московского государства нельзя. Москва была не менее, чем Казань, повинна в тех войнах, которые возникли в Поволжье. Данный вывод подтверждён и автором книги «Татары и Русь», специалистом по истории международных отношений В. В. Похлёбкиным¹.

Но историческое предназначение народа (государства) никогда не было тождественно варианту исторической судьбы, линии-повороты которой можно просчитать. «Будущее, — по выражению французского философа XIX века Пьера Буаста, — это канва, по которой вышивает ум, но рисунок его никогда не бывает верным». Историческая ситуация, характеризовавшаяся ростом напряжённости между двумя соседями, историческая конкуренция между ними всё более приобретали военно-политический характер.

Военная ситуация ослабляла внутреннюю животворную потенцию татарского народа. Она же вызывала бифуркацию татарского этноса, сказывалась на миграции татарских и тюркских этнических групп восточной Европы. С 1530-х годов к Казани стали стягиваться военные группы ногайцев, образовавшие большую дугу траекторией своих поселений на запад от Казани, где потомки переселенцев и поныне проживают, составляя часть казанско-татарского этноса. С военными событиями второй чет-

---

¹ Похлёбкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений. 1238—1598. — М., 2005.

верти XVI века связан новый пласт укоренившихся в Казанском Поволжье восточных цивилизационных и политических традиций, а также вхождение в казанско-татарскую политическую элиту крымцев (мурза Багадур, князь Челбак и др.), касимовцев (Шах-Али, мурза Нур-Али Городецкий), татар-сибиряков (Раст с сыновьями, Кебек) и др.¹

На судьбы «иммигрантов» влияло перманентное противоборство прокрымской и промосковской группировок феодальной знати ханства: и та и другая при своём возвышении уничтожали наиболее опасных противников, всячески вытесняя чуждых. Оставшиеся в живых сторонники крымской ориентации обычно «отъезжали» в Ногаи² и Крым, а промосковски настроенные князья, мурзы и атланы уходили в пределы Московского государства, в т.ч. в Касимовское ханство и прилежащие уезды, пополняя многочисленную татарскую по происхождению часть российского боярства и дворянства. Были и возвратные миграции, поощряемые Москвой для усиления своего влияния на Казанское ханство. Подобные миграции расширяли диапазон междивизиационных связей и продолжали формировать особую цивилизационную общность в Поволжско-Уральском регионе.

Однако спорадические перемещения немалой части казанской элиты в «ближнее зарубежье» имели и негативные последствия: усиление внутренней конфликтности общества (внутреннего раскола), обескровливание военно-служилой части казанского населения, что ещё более дестабилизировало экономическую и политическую ситуацию, ослабляло военную мощь ханства. В годы, предшествующие походам Ивана IV на Казань, этот фактор предопределил, наряду с другими причинами, сначала потерю динамичного политического влияния в регионе, а затем утрату национального суверенитета и политической независимости. Но и после событий 1551–1552 годов у казанской аристократии и основной массы населения было достаточно сил и пассионарной энергии для противоборства с московской колониальной мессианско-миссионерской политикой, а также для дальнейшей цивилизационной консолидации этноса, сохранения его культуры. Именно это и обеспечило «этноэкологию» татарской диаспоры в евразийском пространстве, способствуя сохранению в ней межэтнических толерантных установок и настроения, стремления и умения сохранять и развивать традиционные черты тюрко-татарской цивилизационной общности.

В XVI веке культурно-цивилизационные «сцепления» на евразийском пространстве выходят на новый виток. Военное противоборство на Востоке Европы представляет собой лишь один из аспектов этнокультурного цивилизационного диалога. Очевидно, что его вековыми традициями объясняются многие

---

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 199.

² Малые ногаи Приазовья входили в состав Крымского ханства.

сходные черты государственно-политических институтов и стиля государственного управления Казанского ханства и Московского царства, которые в свою очередь перекликаются с цивилизационными традициями восточных государств. Историки уже обращали внимание на «тождество состава первых земских соборов и курултая» (М. Г. Худяков). Многие видят сходство ханского совета (дивана) с Боярской думой при великих князьях и царях (В. В. Вельяминов-Зернов). Известно, что регулярные переписи населения и налоговая система Руси испытали влияние монголо-татар, а потом тюрко-татар Золотой Орды. Целесообразно согласиться с исследователями истории российской дипломатии в том, что дипломатическое искусство Московского двора совершенствовалось в ходе политического диалога с Казанью и усваивало восточную дипломатическую традицию через казанский дипломатический опыт.

Тюрко-татарское цивилизационное влияние просматривается и в русской народно-обрядовой культуре: в обычае «бить челом», в выборе царской невесты посредством смотрин, в коронационном ритуале осыпания монетами, в одежде (кушак, башлык, бешмет, башмак и т. д.), в пище (кумыс, каймак, балык и др.). М. Г. Худяков одним из первых привёл в своём историческом исследовании значительный список русских заимствований из татарского языка: в торговле — это алтын, амбар, базар, бакалея, балаган, балчуг, барыш, батман, деньга, караван, кощей, лабаз, майдан, маклак, магарыч; в военном деле — булат, атаман, есаул, казак, улан, богатырь, кремль, бахтерец, кинжал, кобура; в ювелирном деле — алмаз, бирюза, жемчуг; в скотоводстве — аргамак, аркан, буланый, караковый, кошара, отара. Он отмечал, что в области общественной жизни татары познакомили русских с некоторыми должностными лицами (баскак), пошлинами (тамга), государственными учреждениями (казна, таможня), полицейской охраной (караул), писаными указами (ярлык), государственной почтой (ям, ямщик)¹.

Динамика синхронных этноэкономических и этнокультурных процессов на западе и востоке Европы, в т. ч. в цивилизационном ареале Казанского ханства, определялась не только контактами с сопредельными этносами. Первостепенную роль играло наличие здесь крупных евразийских торгово-ремесленных, хозяйственных и культурно-цивилизационных систем. Для татарских ханов Казани, Астрахани и Крыма системообразующим фактором в отношениях с Востоком и Западом был Великий шёлковый путь, северо-западная и западная части которого пролегли в тюрко-татарских, а центральная — в центральноазиатских и казахстанских пределах. Стабильные прямые и транзитные торговые связи функционировали между Казанью и Крымом, Кавказом, Турцией, Астраханью, Средней Азией, Казахстаном.

---

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 241.

Гостиный остров на Волге вблизи Казани был местом проведения крупнейшей на востоке Европы ярмарки. Английский путешественник Антоний Дженкинсон, посетивший Казань спустя шесть лет после взятия города войсками Ивана Грозного, в 1558 году, свидетельствовал, что «Купеческий остров» был «местом, где все купцы — русские, казанцы, ногайцы и крымцы — съезжались и производили торг, покупки и продавали, но теперь торг оставлен и нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря»¹.

Торговля в Казанском ханстве была основой процветания государства. Тем самым Казань унаследовала многовековую геополитическую и экономическую традицию связующего «моста» между народами и государствами двух крупнейших цивилизационных величин — Европы и Азии — обеспечивать транзитную торговлю и диалог между ними. Другими крупными центрами транзитной торговли в разные исторические эпохи были также города Итиль, Сарай-Бату, Сарай-Берке, Астрахань, входившие в систему Великого Волжского торгового пути. Созданная в начале XVI века русскими царями в качестве противовеса Казанской ярмарке Макарьевская ярмарка не могла серьёзно конкурировать с ней.

Диапазон международного товарообмена, проходившего через Казанскую ярмарку, был весьма обширен — от Фландрии и Ганзейских городов до Персии, Китая и Индии. Постоянными торговыми партнёрами казанских купцов были и русские купцы, которых, например, в 1505 году собралось «больше 15 тыс., из многих городов и товару бесчисленно»². Об этом свидетельствовало широкое распространение в ханстве в конце XV — начале XVI века русских денег. Размах торговых связей подтверждают клады русских монет. На Казанскую ярмарку поступала основная часть мехового экспорта угро-финских народов Севера и Урала, а также немалые объёмы поволжского зерна. Неслучайно венецианский дипломат и купец середины XV века Иосафато Барбаро писал о Казани: «Это торговый город, оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Пруссию и во Фландрию»³.

Выбор товаров на Казанской ярмарке был весьма богатым: из Китая, Средней Азии и Ближнего Востока ввозились шёлковые и золототканые ткани, пряности, оружие, серебряные монеты, ювелирные изделия и мн. др. Русь поставляла на ярмарку льняные ткани, а через Казань в Москву поступали восточные драгоценные камни, жемчуг, золотошвейные изделия. Традиционно на ярмарке торговали знаменитыми казанскими кожами юфтью

---

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. — М., 1938. — С. 169.

² История Татарской АССР. — Казань, 1973. — С. 31.

³ Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С. 63.

и сафьяном, известными на Востоке как «булгари», а также коженными изделиями — конской упряжью, ремнями, обувью. Из продуктов, предлагаемых местными торговцами, славились рыба, икра, мёд, а также воск. Многочисленные табуны лошадей и другой породистый скот поставлялись на Казанскую ярмарку из башкирских и ногайских степей.

Достижения искусства сложились на основе болгарского и золотоордынского художественного наследия. Одновременно произошёл скачок, связанный с расцветом культуры правящей верхушки. Нарастали тенденции к пышности и богатству стиля, парадного величия и образности произведений. Мусульманские традиции, характерные для архитектуры и искусства, эволюционируют в духе светского направления. Казань становится центром мусульманской культуры Поволжья, пережив в XV—XVI веках период наивысшего расцвета¹.

Тюрко-татарскую культуру ханства отличал высокий уровень развития ремёсел. Приоритетными считались те отрасли производства, которые были связаны с военным делом и культурной жизнью. Казанские оружейники не только стремились заимствовать совершенные военные технологии, но и сами выработывали оригинальные и высококачественные металлоизделия. Археологами зафиксированы многочисленные литейные и кузнечные мастерские, позволяющие судить о развитой металлообработке². Весьма искусными были казанские ювелиры, камнерезчики, переписчики книг. В ювелирном деле применяли различные технические приёмы, соединяя достижения различных национальных культур — это гравировка, червление, филигрань, зернь, бугорчатая скань, инкрустация. Предметы украшения, как сообщают источники, находили достойных ценителей. А созданные ими произведения искусства свидетельствовали об утончённости и изысканности вкусов не только производителей, но и потребителей.

Прославленное творчество казанских ювелиров отразилось в литературных источниках. Так, Мухаммедьяр в поэме «Тухфаи мардан» («Дар мужей») многократно упоминает казанских ювелиров, умелых «мастеров-знатоков». Русский источник «Казанский летописец» сообщает об изысканных ювелирных украшениях казанских ханов и вельмож: «И подела себе царь венцы драгия и сосуды и блюда сребряныя и златыя, и царьский наряд драгий устрой»³. Весьма небольшая часть увезённых в Москву в 1551 и 1552 годах ювелирных изделий находится в российских музеях⁴. Легенды утверждают, что другая часть казанских сокровищ была

---

¹ Ванеева-Сулейманова Г. Ф. Искусство Казанского ханства: раритеты и методика их изучения // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. — Казань, 2002. — С. 269.

² Древняя Казань глазами современников и историков. — С. 344.

³ Фахрутдинов Р. Г., Фахрутдинов Р. Р. История татарского народа. — Казань, 2015. — С. 127.

⁴ Там же.

захоронена на дне озера Кабан, где до сих пор продолжают поиски этой «казанской казны»¹.

Ценнейшим образцом ювелирного искусства из достояния казанских ханов является знаменитая «Казанская шапка» — ханская корона, сделанная из золота в изысканной ювелирной технике скани, отороченная собором и украшенная драгоценными камнями. Искусствовед Г. Ф. Валеева-Сулейманова доказала татарское происхождение знаменитой «Шапки Мономаха», по времени восходящей к золотоордынской эпохе². Казанские ювелиры блестяще использовали все известные в XV—XVI веках способы и технические приёмы, за исключением эмали. Ювелирная продукция казанских мастеров характеризуется изысканной красочностью, яркой праздничностью, насыщенностью декора, пышностью и богатством растительных орнаментов. Для татарского искусства было характерно сочетание ювелирно обработанного металла, драгоценных камней, выделанной кожи, богатой ткани и редких мехов. Коллекция татарских золотых застёжек, поясных украшений, инкрустированных дорогими самоцветами, хранится в Оружейной палате Московского Кремля. В Государственном музее Татарстана хранятся предметы, характеризующие быт, образ жизни жителей Казани: стальной шлем с кольчугой, латунный щит, орнаментированный шлем, медный кувшин.

Надо признать, что ювелирное производство было ориентировано не только на изготовление уникальных высокохудожественных изделий для элиты, но и на небогатого массового потребителя. Это — перстни, кольца, женские украшения, серьги, наконечники, пряжки и т. д.

Массовым и повсеместным было традиционное для татар гончарное производство — не только бытовой, но и художественной керамики, в которой сочетались характерные приёмы булгарского и золотоордынского гончарного дела. Прослеживается взаимовлияние татарских орнаментов и цветовой гаммы в различных формах народного творчества, отражавшееся в национальном костюме, вышивке, росписи и узорах архитектурных элементов, в графике рукописной книги и шамайлей. Художественное ткачество отличалось узорчатой нарядностью, как и искусство кожаной комбинированной орнаменталистики, сохранившейся в традиционном виде вплоть до наших дней. Изделия татарских ремесленников находили сбыт и на периферии ханства, где преобладало натуральное хозяйство.

Одежда казанских татар, красивая и практичная, сочетала в себе восточные мусульманские мотивы и местные традиции. Рисунок знаменитого путешественника середины XVI века

---

¹ Писатель Р. Мустафин во многих своих публикациях подробно описывал деятельность таких поисковых экспедиций.

² Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple faces of the Russian Empire. Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. — М., 1997. — С. 46—47.

Сигизмунда Герберштейна сохранил для нас основные компоненты мужского национального костюма: высокую отороченную мехом шапку, вероятно, одевавшуюся поверх более лёгкого головного убора, длинный камзол с рядом металлических застёжек, над узконосыми кожаными сапогами выступали узорные концы декоративных наколенников. По его рисункам можно судить о кожаном деле у татар, получить представление об обуви, кончаках, ремнях и т.д.¹ В период ханства тюрко-татары демонстрируют высокие способности к культурному развитию. Искусство становится элементом культурного воспитания и этнической консолидации. Искусствоведы признают, что оригинальная татарская культура эпохи Казанского ханства продолжала болгарские цивилизационные традиции². По выражению искусствоведа С. М. Червонной, культура ханского периода «отличалась развитым синкретизмом, гармоничным взаимодействием и одновременным расцветом разных форм практической деятельности», развиваясь «в лоне ислама, так же как синхронное ему искусство восточно- и западноевропейских стран при всё более возрастающем значении в нём светского, реалистического и человеческого»³. Эти тенденции отразились в литературе Казанского ханства, где творило целое созвездие поэтов.

В период правления хана Мухаммед-Эмина политика государственного покровительства искусству, поэзии и культуре достигает пика. Под крышей хана-поэта собирались музыканты, учёные, умельцы — мастера художественного искусства. В это же время расширяется сеть учебных заведений — медресе. Наиболее известное из них — медресе Кул Шарифа, который был не только казанским сейидом, но и поэтом, философом-энциклопедистом. Наверное, во многом благодаря образовательной системе «грамотность даже среди простого народа была достаточно высокой»⁴. Вершиной поэтического творчества казанского времени является наследие Мухаммедьяра. Сохранившиеся в поздних списках поэмы Мухаммедьяра «Тухфаи мардан» и «Нури Содур» («Свет сердец»), произведения других татарских поэтов и мыслителей воплощали идеалы нравственности и добродетели, гуманизма, мечты о свободе и мире. Они свидетельствовали о нарастании в литературе, искусстве, в этическом сознании, в общественной мысли новых веяний, созвучных восточному возрождению и западному Ренессансу, а также новациям русской культуры и западной литературы позднего Средневековья.

Казанская поэзия конца XV — начала XVI века вливалась в русло изысканной восточной средневековой поэзии, знатоками и

¹ Червонная С. М. Искусство Татарии. — М., 1987. — С. 155.

² Вадеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола, 1975. С. 193.

³ Червонная С. М. Указ. соч. — С. 137.

⁴ Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. — Казань, 2002. — С. 80.

ценителями которой были образованные булгары, элита Золотой Орды и Казанского ханства. Ощущая себя частью восточной мусульманской цивилизации, казанцы знали и почитали творения Фирдоуси, Рудаки, Омара Хайяма, Низами, Саади и других классиков восточной литературы. В числе эпических произведений в эпоху ханства получил популярность дастан «Идегей», эпосы «Алпамыш», «Урал-батыр», «Жумжума-султан» и др. Во всех слоях общества была распространена вокальная и инструментальная музыка пентатонического строя, сближающего татарскую мелодику с восточной музыкальной традицией. Развивалась народная фольклорная традиция песенного и танцевального творчества, находившая отражение в народных праздниках — Сабантуе и джиенах.

Расцвет казанской культуры совпал по времени и перекликался по формам и содержанию с культурными процессами, протекавшими на Востоке и Западе, и в целом был органичной частью феномена эпохи — общецивилизационной духовной революции. Её характерными признаками были взлёт человеческого духа, отход от средневековой схоластики, осознание внутреннего права человека на самостоятельное восприятие мира в форме научного озарения, философской мистики, позднего исламского суфизма, развивавшегося синхронно с западноевропейской протестантской реформацией и православными ересями. Восток и Запад эпохи сближали гуманистическое начало культуры, критерии красоты реального мира, ощущение прелести бытия и стремление эстетически соотнести порыв к счастью с поиском «человеческой меры вещей» во всём, что создано человеческим сообществом, в т. ч. и в эстетике божественного мироотражения. Нельзя не отметить, что «человеческая мера вещей» проявляла себя во всех сферах творчества — в литературе, музыке, архитектурных творениях и в декоре «прикладного» творчества, во всём великолепии многообразия форм искусства.

Формой национального самовыражения выступало зодчество Казанского ханства. Облик татарских городов и сёл с неизменными минаретами создавал особый культурно-цивилизационный пейзаж края. Свидетельства этому можно найти в записках русского князя Андрея Курбского, участника Казанского похода 1552 года. Выражая своё восприятие казанской культуры, он писал: «И вот подошли мы к городу Казани, который расположен на неприступном месте: восточнее его течёт река Казань, а западнее — речка Булак... А со стороны реки Казани гора так высока, что трудно охватить её взглядом. На ней-то и находятся крепость и царский дворец и высокие каменные мечети... Помнится мне, что числом их пять»¹. Восточная архитектура Казани сквозила в великолепии ханского двухэтажного дворца с аркадой-галереей по периметру, поддерживаемой колоннадой.

---

¹ Древняя Казань глазами современников и историков. — С. 122.

Здесь просматривалось сходство с дворцовыми сооружениями Крымского ханства и Османской империи.

Высочайшего уровня достигло искусство возведения мечетей, минаретов с яркими элементами национальной болгаро-татарской архитектуры фасадов, в т. ч. системой и формой колоннады между окнами со скосами в верхней части. Разрушенная Казанская соборная мечеть с восемью (или шестью) минаретами фактически не имела аналогов и перекликалась с двумя позднейшими сооружениями в разных частях евразийского континента — с восемью башнями храма Василия Блаженного в Москве (XVI век) и с девятикупольной мечетью в Северной Индии в Кантонугуре (XVIII век)¹.

В строениях столицы ханства воплощались высокие достижения архитектуры в сооружении зданий светского и конфессионального, мемориального и фортификационного назначения, а также характерных для Востока торгово-гражданских и религиозных комплексов — караван-сараев. И в культовых, и в торгово-промышленных сооружениях отчётливо проявляется облик Казани как самого северного мусульманского города и одного из крупных транзитных центров в координатах «Европа — Азия». «Историческая миссия «великого караван-сарая между Европой и Азией» (*А. Герцен*), — отмечают С. М. Михайлова и О. Н. Коршунова, — воплощалась в художественных стилях строений с их синтезом национальных типов. В прессе и литературе Казань уже в Новое время уподоблялась «Красе Востока», «Вратам Азии», «Татарскому Иерусалиму» и т. п. «Фивами севера» называл родной город Г. Державин»².

В образной характеристике Казани мы привыкли к её «герценовской» оценке как места «свидания» культурных миров. Но в силу каких причин-обстоятельств Казань стала одним из мировых эпицентров соприкосновения-взаимодействия социокультурных миров? Только ли в силу географических, геополитических, геостратегических факторов? Ведь в мире немало других «контактных» зон. Многие из них превратились в «горячие точки»... Основную предпосылку того, что Казань была и остаётся моделью толерантности, видимо, надо искать в единстве объективных и субъективных факторов. Культура мира и цивилизованного взаимодействия являлась результатом осознанного выбора между противоположными альтернативами-приоритетами в системе ценностей, политике и повседневной жизни общества. Культура мира, опираясь на тюркско-булгарское историческое наследие, имея глубоко прагматические социальные, экономические, торговые мотивы, получив статус сакральной значимости и высшей духовной ценности, становилась устойчивой чертой образа жиз-

---

¹ *Червонная С. М.* Искусство Татарии. — М., 1987. — С. 135.

² *Михайлова С. М., Коршунова О. Н.* Казань в системе этнокультурного взаимодействия народов России // Народы на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — Казань, 2005. — С. 9.

ни и мышления казанского этнокультурного сообщества. При этом важно подчеркнуть, что рост потенциала культуры мира и цивилизованного взаимодействия с представителями других этноконфессиональных систем, способность положительного восприятия многообразия культур, религий, традиций становились одним из генераторов развития.

Совсем не случайно казанская колыбель толерантности становилась «фабрикой» производства исторических личностей, знаковых фигур. Профессор истории Казанского университета Д. А. Корсаков, выступая на заседании Общества археологии, истории и этнографии, констатировал: «В числе правителей нашего края — наместников царства Казанского, затем губернаторов — было довольно много людей весьма замечательных... в общей истории России»¹. Это князь Голицын, Н. А. Кудрявцев, граф П. Апраксин, П. Салтыков, А. П. Волконский, граф П. И. Мусин-Пушкин и др. Специалист по истории русской культуры С. А. Золотарёв назвал Поволжье «питомником» общероссийской даровитости. Поволжье, по его подсчётам, дало 45,36 % общего числа выдающихся людей из русских, в то время его доля в населении страны в 1890-е годы составляла 27,6 %. Среди благоприятствующих факторов казанско-поволжского феномена он называет скрещение этнографических коллективов, древность заселения, сохранность памятников старины и др.², т. е. высокий уровень общей культуры и особенно её составляющей — культуры мира, толерантности и диалога.

Традиции цивилизационного диалога и евразийский характер Казани наглядно отражались и в постоянном присутствии в городе крупных колоний иностранных купцов: армян — на бывшей горе и у Суконной слободы, русских — у Фёдоровского бугра на Казанке и у Адмиралтейской слободы, бухарцев — за Тезицким мостом. Они имели свои дома, хозяйственные дворы и постройки. Известно, что в Армянской слободе на месте будущей Георгиевской церкви в период Казанского ханства существовал армянский христианский храм, сохранились могильные плиты с надписями на армянском языке. Весьма заметным было архитектурно-культурное влияние Крыма, Средней Азии, Закавказья, Руси. Заказчиками культурно-культовых строений выступали купцы, духовные деятели и религиозные объединения.

Наряду с каменным зодчеством казанцы великолепно владели навыками деревянного строительства и архитектуры. Дерево было наиболее распространённым строительным материалом в городских посадах, поместьях знати и крестьянских постройках.

---

¹ Цит. по кн.: Михайлова С. М., Коришкова О. Н. Казань в системе этнокультурного взаимодействия народов // Народы на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — С. 9.

² Золотарёв С. А. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Каме и Белой. — Л., 1926. — С. 193, 197.

Весьма характерным для казанской цивилизационной субкультуры стала выработанная в период ханства самобытная архитектурно-художественная модель деревянной мечети с минаретом, исходящим из середины двухскатной крыши. Искусствовед и этнограф Ф. Х. Валеев убедительно утверждает, что именно в период ханства сложились основные национальные подходы к планировке татарских дворов и домов, приёмы декора фронтонов и цветовые гаммы окраски. Как указывал М. Г. Худяков, «цвет — основная стихия татарского искусства, и в этом применении декоративной раскраски в архитектуре сильнее всего сказывается родство татар с востоком, создавшим величайшее торжество декоративной раскраски в изразцовом и мозаичном убранстве знаменитых самаркандских и других восточных мечетей... Главная отличительная черта татарской раскраски — полихромия... Чистые, несмешанные цвета возбуждают удивление смелостью сочетаний, которые известны у русских под названием «татарского вкуса» (жёлтое с зелёным, зелёное с красным, жёлтое с голубым)»¹.

К архитектурному творчеству примыкало камнерезное искусство, сохранившееся главным образом в некрополях на могильных плитах. Эти эпитафические источники дают возможность судить не только о высоком искусстве резчика, технике обработки камня, но и об особенностях языка, литературы, социальных отношениях, философско-мировоззренческих и нравственных ценностях общества. Исследователи обращают внимание на безукоризненное графическое совершенство оформления текстов эпитафий, на виртуозность исполнения, свойственную казанской камнерезной школе, ориентировавшуюся на образованность, и дар воплощения мастером своего художественного чувства декоративности в сочетании с поэтическим смыслом надписи.

Влияние татарской архитектурной традиции на русскую архитектуру присутствует в постройке Московского Кремля, где каменный дворец и палаты, возведённые итальянцами в начале XVI века, впитали в себя особенности восточной татарской архитектуры. Это «сложный состав зданий, составленных из целой системы отдельных клеток, палат и отсутствие единого плана в системе построек, отсутствие фасада, сооружение дома внутри дома»². К числу заимствований следует отнести и луковичные церковные купола, застеклённые терема, переходы, шатровые колокольни. Перешла в русское зодчество и татарская полихромия, татарская цветовая гамма. Безусловным символом адаптации татарской архитектурной традиции и полихромии следует назвать знаменитый Московский собор Василия Блаженного, являющийся сегодня в представлениях всего мира символом русской архитектуры.

---

¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 293–294.

² Там же. — С. 296.

Замечательную страницу в истории татарской культуры эпохи Казанского ханства занимают рукописная книга и искусство каллиграфии. Немногочисленные письменные памятники, сохранившиеся в подлинниках, позволяют резюмировать, что местное искусство каллиграфии имело первостепенное значение и играло особую роль в духовной и материальной культуре казанской средневековой субкультуры. Опираясь на поэтические свидетельства Мухаммедьяра и легенды о ханском книгохранилище периода царицы Сююмбике, можно говорить о существовании в Казани в XVI веке местной разновидности широко распространённой на Востоке «китабхане, одновременно библиотеки и мастерской книжного искусства, где работали каллиграфы-переписчики, учёные и поэты»¹. О развитости книжного дела, распространённости традиции книжного чтения и наличии богатой Казанской книжной библиотеки с восхищением писал Ш. Марджани.

Татарское рукописное книжное дело при всей своей оригинальности было составной частью общей художественной культуры мусульманского мира. В отличие от ирано-азербайджанской и индийской школ мусульманского книжного искусства, казанская школа не была связана с изобразительной книжной миниатюрой, поэтому отличалась особой эстетикой каллиграфии, включавшей в себя графическую выразительность почерка, продуманную конструкцию и архитектонику книги или документа. Её отличают полихромное цветовое решение, сложное композиционное построение строк с паузами-пропусками, сочетание различных систем и стилей письма². Каллиграфия как одна из своеобразных областей художественного творчества татарского народа, тесно связанная с духовной культурой, во всём своём великолепии предстаёт в форме декоративного оформления рукописных книг и настенных панно — шамаилей. «Коронным» вариантом шамаилей считается мечеть Марджани³. Исключительно интересны своеобразные орнаментально-каллиграфические миниатюры-печати (кишаны), отличавшие казанские грамоты-ярлыки и не имевшие аналогов ни в Иране, ни в арабском мире. Их можно рассматривать как древнейший вид гравюры и первичную форму книгопечатания.

Бумагу, предназначенную для рукописей, казанские переписчики так же, как и мастера Средней Азии и Крыма, специально ложили и глянцева. Писали калямом, тростником или птичьим пером, обычно чёрными чернилами. Как показал исследователь татарских рукописей профессор М. А. Усманов, в ханских канцеляриях пользовались также мягкими тонкими кистями для написания золотом заглавных букв и вступительных молитвенных

---

¹ *Червоная С. М.* Искусство Татарии. — М., 1987. — С. 157.

² Там же. — С. 158.

³ См.: Декоративно-прикладное искусство казанских татар. — М., 1990.

фраз¹. Для хранения и пересылки рукописей и ярлыков, как правило, использовались специально изготовленные и украшенные сафьяном футляры. Коран и другие религиозные книги помещались в дорогие серебряные футляры. Драматические перипетии истории привели к исчезновению многих образцов культуры и искусства Казанского ханства.

Как справедливо отмечает С. М. Червонная, «творения, вызывавшие восторженное изумление самых просвещённых европейцев, которых нелегко было чем-либо поразить в эту эпоху расцвета ренессансной культуры на Западе и русского искусства в Московском государстве, произведения, воплощавшие в себе талант, мастерство, высочайший духовный взлёт народа, ощутившего своё национальное единение, оказались бесследно исчезнувшими с татарской земли...»²

В художественной культуре Казанского ханства проявились черты взаимодействия с равновеликими сопредельными цивилизациями Запада и классического Востока, включая яркие очаги позднемусульманской культуры, которые сложились в эту же эпоху в Османской Турции и Крымском ханстве. По аналогии со знаковыми понятиями «восточный», «тимуридский» и «арамейский» Ренессанс, искусство ханской Казани логично определить как «Казанский ренессанс», хотя использование термина «ренессанс» по отношению к восточным культурам часть востоковедов ставит под сомнение. Культурно-цивилизационный взлёт Казанского ханства свидетельствует об общенациональном подъёме и нараставшем прогрессе во всех сферах искусства, памятники которого поныне восхищают всех, кто с ними соприкасается.

Автор попытается подвести некоторые итоги казанского периода как продолжения и развития тюрко-татарской нити истории, которая берёт своё начало с хуннской эпохи, т. е. с момента, относящегося к протоистории человечества. Казанское ханство появляется как новое феодальное государство в результате децентрализации и распада Золотой Орды. В политико-административном устройстве казанские ханы воспроизводят ордынскую государственную модель в уменьшенном масштабе. Динамичнее, чем в ордынский период, развивается хозяйство. Растёт роль Казани как центра ремесла и активной внутренней и международной торговли. Казанское ханство становится одновременно и субъектом, и объектом геополитической конкуренции за гегемонию на востоке Европы, в которой активно проявляют себя три политические силы: Русское государство, Османская империя (чаще всего действовавшая через посредство вассального Крымского ханства), а также Великое княжество Литовское. Усиливается классовая дифференциация населения Казанского ханства, растут численность и влияние городских

---

¹ Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XV–XVI вв. — Казань, 1979. — С. 93.

² Червонная С. М. Искусство Татарии. — М., 1987. — С. 133.

ремесленно-торговых слоёв, развиваются образование и культура. Увеличивается население Казанского ханства, происходит этническое оформление и консолидация поволжских татар. Определяются основные элементы тюрко-татарской (казанской) цивилизации: неограниченная власть монарха, безусловный авторитет государственной власти и её носителей, сословная и территориальная корпоративность, общинность и авторитет старейшин, коллективизм и личная свобода, исламское мировосприятие и религиозная веротерпимость.

В России в этот период завершается образование централизованного феодального государства, происходит его территориальное расширение — пока что за счёт присоединения ранее самостоятельных русских княжеств к Москве. Централизация выражается в укреплении монархической власти, однако развиваются и политические институты сословно-представительной монархии (боярская дума, земские соборы). Складывается централизованный аппарат управления (приказы, система местного «кормления» на местах). Усиливается крепостная зависимость крестьян. Складываются и развиваются традиционные основы российского типа цивилизации: неограниченная власть монарха, особая роль государства, сословный строй, помещичья система землевладения и крепостное право, общинность крестьянского мира, своеобразие русского православного мировоззрения и духовной жизни.

В Западной Европе в XV—XVI веках развиваются капиталистические отношения, оформляются сословно-представительные монархии и абсолютизм. Важным общественным явлением становится движение Реформации. В Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке устанавливается гегемония Османской империи, которая в середине XVI века достигла пика влияния на внешний мир. С момента основания Османское государство было военно-феодальным, типологически сходным с военно-феодальными империями Востока. Военно-ленная система земледелия предусматривала передачу государственных земель феодалам-воинам при условии несения ими службы. Османский феодализм, базируясь на военно-феодальной системе, мог существовать лишь при условии военной экспансии. Но, в отличие от феодального строя европейского типа, османский строй не порождал в процессе своего разложения новых, более прогрессивных экономических форм.

Расширение связей Казанского ханства, находившегося на исламско-христианском пограничье, на пересечении евро-азиатских торговых путей, в зоне столкновения интересов крупных восточноевропейских стран, делает его активным участником межцивилизационных коммуникаций. Ханство оказало заметное цивилизационное влияние на жизнь народов Поволжья, Приуралья, Сибири, России, Крыма, Литвы, Средней Азии. В этот период активизируются русское, европейское влияние (в большинстве случаев при посредстве российского) и восточ-

ное цивилизационное влияние (через Османскую империю — в основном при посредстве Крымского ханства).

Важнейшим итогом истории Казанского ханства является завершение процесса формирования основных отличительных черт казанско-татарского этноса и его национальной культуры. В понятии «татары» сливаются как самоназвание — этноним народа, так и характеристика этой крупной евразийской цивилизационной величины. Кроме того, Казань в это время превращается в один из ведущих центров культурной, экономической, торговой жизни, в «организатора» диалога народов и цивилизаций в широком диапазоне «Европа — Азия». По выражению Ш. Марджани, Казань стала «цветущим садом культуры», «древом науки и знания». И, в-третьих, с этого исторического рубежа Казань становится не просто частью исламского культурного мира, но ислам теперь «оказывал определяющее влияние на жизнь татарского народа, составляя порой главный компонент татарской духовной культуры»¹. Рост влияния Казани и татарского фактора в мировом цивилизационном пространстве во многом предопределялся принадлежностью к исламской цивилизации, благодаря которой «в Европе началось Возрождение»².

Так средневековая Казань в самом широком смысле слова стала вершиной цивилизационного взлёта татарского общества. Но ей не удалось в полной мере решить этапную историческую задачу превращения ханства в качественно новый тип государства европейского образца, в централизованное национальное государство. Причин «схода» с арены истории некогда процветавшего Казанского государства много. Запоздание с решением модернизационных задач всегда сказывается на жизнестойкости, безопасности и конкурентоспособности, на способности осуществления очередного рывка из одного исторического времени в другое. Поэтому можно утверждать, что главным внутренним тормозом цивилизационного развития Казанского ханства явилась негибкая, устаревшая политическая система, унаследованная от Золотой Орды. В её сохранении оказались заинтересованы местная аристократия и олигархическая верхушка, а также правители Турции, Крыма и Москвы, пытавшиеся включить Казань в зону своего политического влияния.

Средневековая консервативная система, пригодная для успешного управления военной кочевой империей, всё более входила в противоречие с объективными потребностями развития экономики, хозяйства и культуры тюрко-татарской цивилизации, что в значительной мере предопределило слабость государственной власти, череду дворцовых переворотов и драматизм проти-

---

¹ *Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н.* Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. — Казань, 2002. — С. 73.

² *Корецкий В. А.* Цивилизационное развитие в системе глобальных координат // Глобализация и образование. Болонский процесс : материалы круглого стола. — Вып. 2. — М., 2004. — С. 75.

востояния относительно небольшого Казанского государства и крупного централизованного и экспансионистского Московского царства.

Богатый исторический опыт строительства уникальных форм государственности и цивилизаций, начиная от древнетюркских до империй раннефеодального типа, выгодное срединное геополитическое положение предоставляли Казанскому ханству шанс превратиться в европейский тип развитого централизованного национального государства. Но воспользоваться этим шансом не удалось. Реализовав вариант строительства и развития самодостаточной, ориентированной на внутренние ресурсы экономики и «высокой культуры», продемонстрировав в отношениях с соседями на международной арене классические формы торговли и дипломатии, обогатив человечество историческим опытом и традициями миростроительства и миротворчества, Казанское ханство, наследник и продолжатель хуннско-тюрко-татарской цивилизации, в силу сложения комплекса внутренних и внешних причин, объективных и субъективных обстоятельств через два столетия сошло с исторической арены. Но до этого рубежа Казань успела выполнить своё главное историческое предназначение: продолжая движение по однажды выбранной прототюркской цивилизационной «трассе», стала значительным этапом в процессе эволюции общетюркской цивилизации, сумела на базе достигнутого многими поколениями создать такую модель рационально устроенного человеческого общежития, многие нормы, принципы и идеи которого продолжают сохранять силу примера-образца.

КАЗАНСКО-ТАТАРСКАЯ «СТРОКА» В ИСТОРИИ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Одним из отличительных признаков
великого народа служит его способность
подниматься на ноги после падения.

В. О. Ключевский

Кто раздувает пламя ссоры и ворочает
головни, тот не должен жаловаться, если
искры попадают ему в лицо.

Бенджамин Франклин

Начало нового исторического рубежа народа, потерявшего государственность и отодвинутого на край исторической пропасти, часто определяют через понятия скорбно-жертвенного порядка — «реквием», «трагедия», «эпитафия»... Большинство источников, описывающих послеханское время, также окрашено скорбью, горечью, духовно-психологическим смятением. Чем ближе по времени был источник (историк, философ, поэт, мыслитель, да и просто современник «окаянной» поры), тем горестнее и глубже воспринимал он историческую катастрофу. Требовалось некое время (время — лучший лекарь) для перехода от чисто эмоционального восприятия социально-политического катаклизма к более взвешенному анализу произошедшего и выработке идей-ориентиров, ведущих к историческому возрождению народа. Нужна была временная дистанция для преодоления духовного смятения. Время обозначило и направления (подчас альтернативные), и возрожденческие скрепы, и национальных реформаторов.

Но историческая травма была столь глубокой, что и сегодня продолжают делить общество на «правых» и «неправых», «патриотов» и «предателей», «своих» и «чужих». Действительно, как спустя века воспринимать судьбоизменивший 1552 год? Как повторение решения Римского сената, повелевшего сжечь пунический Карфаген, распахать место, на котором он стоял, и засыпать солью, чтобы стереть из памяти человечества этот город и его цивилизацию? Или как закономерную формулу расплаты за задержку с модернизацией системы, за неадекватность правителей ханства, междоусобицу и раздор политической элиты и вытекающий из неё раскол общества? А может, Колокол истории своевременно отзвонил по отживающей эпохе и системам, олицетворявшим её? Вспоминается афоризм Джона Донна: «Не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

Наверное, у каждого поколения будут свои подходы к оценке подобного рода исторических надломов. Но в условиях нынешнего исторического разлома и трансформации человечества вряд ли уместно и своевременно оценивать падение Казани в рамках старых по меркам узких клише «зло» — «добро», «справедливо» — «несправедливо». Прав профессор Б. Ф. Султанбеков,

говоря, что для татар это и трагедия, и урок, для русского народа — взлёт его великодержавного духа, начало имперской страсти его истории.

На момент перехода «казанского Рубикона» необходимо взглянуть с высоты общемировых процессов и тенденций, характерных для эпохи. Тогда казанская трагедия может быть воспринята как одно из проявлений всеобщего цивилизационного кризиса, сложности и противоречивости перехода человечества в новое политическое и историческое время.

Позднее Средневековье в истории мировой цивилизации было связано с усилением своеобразных исторических тенденций, заметно разделивших западный и восточный типы цивилизационного развития: Ренессанс, Реформация и религиозные войны, оформление европейских государств, Великие географические открытия стали важнейшими явлениями новой западноевропейской цивилизации, повлекли за собой открытие в 1492 году Америки, освоение нового континента, положили начало европейской колонизации Нового Света и складывание новой атлантической цивилизационной оси. Проведённое в конце XV века условное разделение новых территорий между Испанией и Португалией, по которому Испании достался Запад, а Португалии Восток, оказалось недолговечным. К колониальному разделу мира приступили и другие западноевропейские страны: англичане и французы основали свои переселенческие колонии в Северной Америке. В торговле с восточными странами конкурировали между собой Англия, Голландия, Португалия, Испания и Франция.

Идеи итальянского Возрождения, развивавшиеся поначалу в богатых независимых городах Северной Италии, проникли во Францию, а затем довольно быстро распространились по всей Западной Европе. Центрами науки и техники стали города Северной Европы, Голландия, Германия и Англия. Росло влияние нового торгово-промышленного сословия, которое ускоряло распад системы феодализма. Нарастала конкуренция европейских держав в колониях. Реформация и религиозные войны завершились к XVII веку в Западной Европе новым балансом политических сил, закреплением экономического влияния буржуазии и компромиссом католицизма и протестантизма, утверждением веротерпимости. Таким образом, Европа, совершив на основе Ренессанса (Возрождения) рывок в различных областях политической, экономической и культурной жизни, встала на путь мировой гегемонии. Пионерство Востока, выраженное в марксовой метафоре «Компас — изобретение, предвавшее развитие Европы», сменялось отставанием. «Восток архаичен, дряхл» (*Г. Гегель*).

На замедлении темпов развития Востока сказывалось дробление некогда единого исламского мира и его внутренний кризис, политической канвой которого стал закат Арабского халифата и перманентное противостояние двух исламских держав — Турции и Персии — и, соответственно, двух ведущих ветвей ислама — суннизма и шиизма.

Империя османов в середине XVI века, при султани Сулеймане I, являлась крупнейшей державой мира. Её владения занимали около 8 млн квадратных километров, население составляло до 25 млн человек. На западе Турция господствовала на Балканах и теснила империю Габсбургов, на востоке и юге фактически унаследовала и расширила территорию Арабского халифата, выйдя на границу с Персией. В основе империи лежала абсолютная власть султана и мощь армии, особенно профессионального янычарского корпуса. Османская империя взяла на себя роль лидера мусульманского мира в противостоянии с христианской Европой, но вынуждена была считаться с существованием в составе государства значительного неисламского населения.

В XVI–XVII веках Османская империя при помощи своей северо-восточной периферии (Крым, Причерноморье, Кавказ) успешно конкурировала с Российским централизованным государством. Культура Османской империи активно впитывала в себя элементы различных национальных традиций. Так, заметным было влияние арабо-персидского фактора на литературу, византийского фактора — на архитектуру (своеобразный турецкий тип мечети). Одновременно прослеживается и обратное турецкое влияние на культуру и быт крымских татар, балканских славян, албанцев, азербайджанцев.

Другой мусульманской империей в XVI веке была Индия Великих Моголов, основанная Тимуридом Захир ад-дин Мухаммед Бабуrom. Империя Великих Моголов — уникальный сплав исламо-индуистской цивилизации, в её правящей элите были представители ирано-афганских и тюркских династий, в архитектуре сочетались черты мусульманской строгости и индусской декоративности (Тадж-Махал), в живописи получили развитие миниатюры и фрески, литература испытала немалое влияние арабо-персидского и арабо-тюркского компонентов. Правитель-реформатор Акбар в конце XVI века предпринял попытку основать новую религию дин-и-иллахи, включавшую в себя догматы самых разных вероучений: ислама, буддизма, христианства и других культов¹.

Таковы контуры внешнего фона казанского излома. Казанский цивилизационный феномен — явление международного масштаба, а Казань — перекрёсток миров, культур, религий и цивилизаций. Поэтому логичнее поиск причин как возвышения, расцвета, так и падения Казанского ханства не ограничивать региональным масштабом, а поместить их в общемировой контекст.

Для народов Евразии в целом и поволжского региона в частности XVI век стал переломным. Стержнем перемен в этнокультурном развитии и политическом статусе явилось противостояние Москвы и Казани. Оно развивалось на фоне контраста размеренной ритмики жизни ханства и экономико-торговой и полити-

---

¹ *Безертинов Р. Н.* Татары, тюрки — потрясатели Вселенной (История Великих империй). — Казань, 2005. — С. 508–543.

ческой экспансии Руси и постепенного изменения соотношения сил между двумя соседями-конкурентами в пользу усиления потенциала Московского государства. При этом следует отметить, что если в качественном плане между Москвой и Казанью сохранялось равенство, то сравнение количественных параметров было явно не в пользу последней. Казанское ханство имело ограниченные природные, экономические и людские ресурсы и было в этническом и политическом отношении менее гомогенным, чем Московское государство, превратившееся в первой половине XVI века в крупнейшую по европейским меркам державу.

В течение всего периода существования ханство занимало постоянную территорию пространством около 300 тыс. кв. вёрст. По этому параметру оно равнялось Испании и чуть превосходило Францию и Османскую империю. При этом татарское население занимало лишь 1/5 территории ханства.

В XVI веке Казанское ханство уже в 5 раз уступало по площади объединённому Русскому государству. Население его не превышало 2,5 млн человек, коренное татарское — не более 1 млн, в то время как на Руси проживало не менее 7–8 млн¹.

Россия вступает в полосу завершения централизационных процессов и превращения страны в великую евразийскую империю на основе реализации испытанной Европой политики колонизации. В этих целях Московские великие князья ведут войны с соседними государствами (Литва, Казанское и Крымское ханства), а также с ранее независимыми русскими княжествами. Русь вновь выдвигается на международную арену, хотя и в новом качестве. После войн Ивана III с Литвой в состав Русского государства входят западные русские области. При этом меняется статус главы государства. Великий князь Московский и Владимирский превращается в «государя всея Руси» — самодержца. Слово «самодержец» поначалу употреблялось для подчёркивания внешней независимости власти от какого-либо другого государства, со временем оно стало символом неограниченности, безраздельности власти монарха внутри страны.

На типологию российской государственности значительное влияние оказал византийский фактор. Идеология византизма входила в качестве структурного элемента не только в систему государственности, но и в духовную сферу — в церковную жизнь, культуру, язык, искусство, в массовое сознание. Тенденция «византизации» российского общества особенно усиливается при Иване III, когда после женитьбы на племяннице последнего византийского императора Константина XI Софье Палеолог московский князь для укрепления своего авторитета заимствовал у Византии имперскую символику, титулование и церемониал. Гербом России стал двуглавый орёл, а новый титул обозначался «Божьей милостью государь всея Руси» с перечислением наибо-

---

¹ Хамидуллин Б. Л. Народы Казанского ханства. — Казань, 2001. — С. 63.

лее значимых завоёванных княжеств и земель. Торжественные церемонии, а также парадная одежда монарха копировали византийские образцы. Византийские архитекторы строили кремлёвские соборы и палаты, а мастера руководили литьём пушек, чеканкой монет. Византизм наложил отпечаток и на характер внешней политики государства.

Логическим завершением этих политических и социально-экономических процессов в России стала система правления, созданная Иваном Грозным. Его реформы (принятие Судебника 1550 года, отмена системы кормления, создание стрелецкого войска, издание уложения о службе и др.) и особенно опричнина подорвали господство феодальной аристократии и привели к укреплению социальных позиций служилого дворянства. Иван IV первым принимает титул царя и венчается на царство в Успенском соборе Кремля. Складывается система авторитарной власти, в незначительной степени ограниченной Боярской Думой и Земскими Соборами. Резко укрепляется самодержавие, усиливается крепостная зависимость крестьян. Подавление самостоятельности городов, имевших вечевую традицию, превращение их в феодальные посады ослабили роль торгового и ремесленного сословия. Церковная власть в традициях восточного христианства сближается с государственной. Этот процесс был также связан с утверждением самостоятельности автокефальной Московской патриархии (1589). Экономической основой подданнических отношений явилось преобладание государственной собственности на землю и система передачи земель с крестьянами дворянам за государеву службу в наследственное владение. Таким образом, в государственности Московского царства обозначается преобладание отличных от Запада элементов восточной евразийско-византийской цивилизации.

Внешняя политика Ивана IV развивалась в трёх направлениях. На западе велась борьба против Ливонии, Швеции и Польши за Балтику и воссоединение с западнорусскими землями, на юге — против Крымского ханства и Турции за обеспечение колонизации южнорусских степей, на востоке и юго-востоке — против Казанского, Астраханского и Сибирского ханств за установление контроля над Волжско-Каспийском путём и за колонизацию Поволжья и Западной Сибири. Поскольку первые два направления не дали успеха, основное военно-колонизационное движение устремилось на восток.

Территория страны к концу правления Ивана IV существенно расширилась по сравнению с унаследованной от Ивана III. Усилился и пространственный фактор хозяйствования: значительные территории предстояло осваивать, другие находились в зоне рискованного земледелия. Усилилась многонациональность населения России, которая с присоединением Казанского ханства сделала заметный шаг к превращению в многонациональную евразийскую империю. Всё чётче обозначались характерные особенности российской цивилизации. Самодержавие, централизм

и крепостничество явились способами решения задач развития государства и колонизации обширных пространств.

Со второй половины XVI века стартует политика по установлению авторитарного господства во всех сферах общественной жизни и трансформации инонациональных субцивилизаций и этносов, как татар, так и других народов Поволжья и Приуралья. В рамках политики колонизации Казани, по замыслу правительства, отводится миссия отработки подходов к решению задач освоения, управления и христианизации Востока страны. Реализация установки предполагала внесение изменений во многие сферы бытования, создание новых управленческих институтов, этнокультурных и конфессиональных структур.

Колониальная политика Московского государства не была и не могла быть одномерной, неизменной. Так, вначале политика Москвы преследовала агрессивные цели, сформулированные до 1552 года эпигонами идеи «крестового похода» против «безбожных агарян», клятвопреступных, «проклятых безбожников — казанских татар» митрополитом Макарием и протопопом Сильвестром. Этому этапу колониальной политики соответствовала степень сопротивления татар, которая приняла черты национально-освободительной борьбы. «Казанская война», то усиливаясь, то ослабевая, продолжалась вплоть до 1557—1558 годов. С этого момента в политике Москвы появляются элементы более мягкого и гибкого подхода в виде формулы нового архиепископа Гурия — «крестить татар, но без принуждения».

Изначально выбранный приоритетно-репрессивный вариант колонизации смягчился не без воздействия фактора восстаний татар и других нерусских народов. Между тем лояльность нерусских народов была условием решения как внутренних задач государства, так и активизации внешней политики России и обеспечения её безопасности. «Прагматическая направленность в русской политике, — считает А. Каппелер, — оставалась доминирующей до конца XVII века, так же как засвидетельственная в документах, почти постоянно повторявшаяся формула в московских наказах местным воеводам к нерусским «держать ласку, и привет, и береженье»¹.

Менялись методы и формы колонизации, но принципиально не менялась её суть по отношению к нерусским народам. В ходе колониальной кампании «первой волны» (1552—1558) решалась не только задача освоения территории Казанского ханства («собирания золотоордынских земель»). Её важнейшей политической целью оставалось стремление изменить традиционные формы самобытности тюрко-татарской субцивилизации. Во-первых, была предпринята попытка ликвидации ханской династии и местной системы управления. Во-вторых, разрушалась традиционная социально-экономическая система, уничтожалось или вытесня-

---

¹ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. — М., 1996. — С. 31.

лось как сословие татарское дворянство, гонения испытывали городские сословия (купечество и ремесленники), притеснениям подвергалось крестьянство. В-третьих, началась христианизация и обрусение народов края.

Иван IV, опасаясь отпадения казанцев, сделал всё, чтобы разрушить существовавшие с булгарских времён традиции государственности татарского народа. Ханская администрация ликвидируется, ханская династия прерывается. Марионеточный Шах-Али умер в Касимове в 1567 году. Царица Сююмбике и её сын, наследник престола Утямыш-Гирей, были насильно увезены в Россию, где после взятия Казани 7-летнего ребёнка разлучили с матерью и крестили в Чудовом монастыре под именем Александр. В 1566 году в возрасте около 20 лет он умер при неясных обстоятельствах. Сююмбике тоже умерла вдали от Казани. Хан Едигер, взятый в плен, был крещён и умер в Москве спустя 13 лет после взятия Казани. Крещёные ханы при жизни формально пользовались свободой и почётным положением лиц царских кровей, а после смерти были захоронены в почётных местах: Утямыш-Гирей — в Архангельском соборе Московского Кремля рядом с могилами московских великих князей и царей, а Едигер — в Благовещенской церкви Чудова монастыря.

По присоединении Казани устраняются от власти представители аристократических родов ханства, большинство их было поставлено перед выбором: либо принять православие и сохранить дворянский статус, земли и крестьян, либо сохранить национальную идентичность и религию, но потерять привилегированное положение, земли, собственность, крестьян. В то же время нельзя не отметить, что традиция перехода феодалов на службу от одного сюзерена к другому в средневековой Москве и Казани была столь же привычна, как и, например, в Вильно или в Аугсбурге. Важно, что после присоединения Казанского ханства к русскому централизованному государству демонтажу подверглась вся система политического управления.

Первоначально территория ханства была разделена на два отдельных воеводства — Свияжское и Казанское. В Свияжское воеводство вошли Горные районы (Правобережье), населённые в основном чувашами, марийцами, мордвой, частично татарами. Свияжская сторона была присоединена раньше и, возможно, поначалу рассматривалась властями как более лояльная. Ядро населения Казанского воеводства, расположенного в основном на левом (Луговом) берегу Волги, составляли татары, а также марийцы, башкиры, удмурты и другие народы края.

Устанавливалась русская военно-колониальная система управления. Поначалу управление носило военно-оккупационный характер, поскольку стало ясно, что на мирное присоединение других частей ханства вслед за взятием Казани рассчитывать не приходится. Власть в крае сосредоточилась в руках воеводы, который был одновременно и командующим местными отрядами, и хозяйственно-административным руководителем. Воеводы на-

деляли поместьями (верстали) служилых людей, контролировали их службу и вершили суд. Исполнение ими полномочий почти не контролировалось, и они в какой-то степени напоминали европейских вице-королей заморских колоний. Вместе с воеводами в крае появились чиновники-дьяки, подьячие, толмачи-переводчики, приказчики. Военной опорой власти были отряды стрельцов. Военный гарнизон Казани в 1565–1568 годах состоял из 626 стрельцов, 21 пушкаря и 23 солдат «литовской выучки». Боярских детей, большинство из которых несли военную службу, насчитывалось до 150 человек¹. Более 400 стрельцов насчитывал Свияжский гарнизон.

С рубежа 1560–1570-х годов для управления краем (официальное название Царство Казанское) в Москве был создан новый центральный орган — Приказ Казанского дворца. Он стал своеобразным министерством по делам национальностей и регионов Востока России, осуществляя административное, военное, судебное, финансовое управление народами Поволжья и Приуралья, а до 1637 года и народов Сибири. Приказ отвечал за сбор ясака на территории края, его Разрядный и Поместный столы ведали вооружёнными силами и служилыми людьми, а Денежный стол финансировал местные расходы и учреждения. Приказ выполнял и внешнеполитические функции, поскольку «Казанское царство» граничило с ногайскими, киргиз-кайсацкими и сибирскими землями. Важно отметить, что к XVII веку Приказ Казанского дворца контролировал огромную многонациональную территорию, заметно превышавшую территорию Казанского ханства. Так, на западе границы доходили до Касимова и Пензы, на востоке — до Уфы, а на юге — до Царицына. Это было своего рода признанием культурно-цивилизационного единства обширных территорий и диктовалось особенностями и традициями организации жизни и управления.

Элементом военно-колониационного освоения Казанского края стало строительство во второй половине XVI века десятков крепостей: Чебоксары (1555), Тетюши (1558), Алатырь, Курмыш (1565), Лаишев (1576), Царевококшайск, Козмодемьянск (1586), Уфа (1587), Малмыж, Царицын, Саратов, Цивильск (1590), Яранск, Ядрин (1597). Крепостью командовал воевода, подчинённый Приказу Казанского дворца. В крепостях строились остроги и тюрьмы как элементы системы сыска и репрессий. Таким образом, во второй половине XVI — XVII веке тюрко-татарская субцивилизация развивалась в условиях репрессий и насилия, что затрудняло органическое развитие межнационального диалога, тормозило развитие национальных субкультур.

Колонизация Поволжья сопровождалась изгнанием татар из привычных, удобных мест проживания. По подсчётам М. Г. Худякова, спустя два года после взятия Казани (в 1554 году) из 30–40 тыс. её жителей осталось лишь 6 тыс. татар, к которым

---

¹ Материалы по истории Татарской АССР. — Л., 1932. — С. 79.

прибавилось 7 тыс. русских. Город потерял не менее 4/5 своих жителей¹. В Казани уцелевшим после штурма татарам разрешалось проживать только за озером Кабан, в низменной болотистой местности — Старо-Татарской слободе. Как и другим нерусским народам, татарам было запрещено входить в Кремль без разрешения воеводы. Были конфискованы ханские земли и владения выступавших против царя казанских феодалов. Татар отселили с берегов Волги и Камы на расстояние 30 километров, изгнали из деревень, расположенных вдоль крупных дорог. Власть при этом руководствовалась не только желанием получить прибрежные чернозёмные земли, но и стремлением свести на нет опасность новых протестных выступлений, поскольку повстанцы, как правило, перемещались вдоль речных стратегических коммуникаций. В результате за 15 лет после присоединения края больше трети бывших татарских деревень были заселены русскими поселенцами.

Значительная часть татар бежала в северные и северо-восточные районы, а также на Урал и в Сибирь, осваивая новые земли и создавая новые поселения. Последствия исчезновения татарских городов и переселенческой политики царизма в целом, как подчёркивает И. А. Гилязов, «фактически привели к полному исчезновению городского татарского населения, к перемещению в деревню всей татарской духовной и материальной культуры... В итоге подобная практика привела к определённой односторонности в развитии татарского народа в целом; отсутствие городской прослойки отрицательно сказалось на социально-экономической и культурной жизни татарского населения...»²

Мощнейшим фактором духовно-идеологического воздействия на основы тюрко-татарской культуры явилась правительственная программа насильственной христианизации. Особая роль в осуществлении курса принадлежала митрополиту Макарию. В торжественной речи по возвращении Ивана IV из Казанского похода митрополит сравнил его деятельность с деятельностью киевского великого князя Владимира, «просветившего русскую землю святым крещением»³. Взяв Казань, царь приказал разрушить мечети и ханские мавзолеи, взамен их строить новый Кремль с церквями и палатами.

В 1555 году в Казани учреждается Казанская епархия. Активными проводниками православия становятся монастыри. В распоряжение архиепископа попали богатые бортные угодья на территории от Казани до Камского Устья, обширные земли получили Преображенский и Зилантов монастыри в Казани, Богородицкий монастырь в Свияжске. К концу XVII века на территории современного Татарстана функционирова-

---

¹ См.: На стыке континентов и цивилизаций. — С. 648.

² См.: Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 244.

³ См.: На стыке континентов и цивилизаций. — С. 649.

ло до 20 монастырей, среди которых наряду с упомянутыми были богатейшие Кизический, Раифский, Семиозёрский и др. Процесс христианизации народов Поволжья прошёл ряд этапов. Антимусульманская политика задумывалась как широкая и скоростная кампания. Однако, как отмечает А. И. Ногманов, «не добившись зримых результатов в христианизации широких слоёв татарского общества, центральная власть делает ставку на обращение в православие представителей татарской феодальной верхушки»¹. Для власти крещение татарской элиты представлялось свидетельством политической лояльности верхушки татарского общества.

Крестившимся татарским феодалам были обещаны различные льготы, включая право владения русскими крестьянами и возможность совершать акты купли-продажи земли наряду с русскими землевладельцами. Казанский архиепископ получил от Макария наказ: «Новокрещённых к себе приручить, кормить, поить, жаловать и беречь во всём, дабы прочие неверные, видя такое бережение и жалование, поревновали бы к христианскому праведному закону и просветились бы святым крещением»². Гермоген, реализуя наказ, проводит курс по насаждению православия с применением принудительных мер: крестившихся переводили в особые слободы, изолировали от неправославных. Контролировалось строгое соблюдение ими всех обрядов и посещение церкви.

Царь Фёдор Иванович приказал разрушить все мечети, а ставить новые запретил, «новокрещённых всех в христианскую веру привести крепко и утвердить». Непокорных надлежало бить батогами, заковывать в кандалы и сажать в тюрьмы. Применялись и экономические меры: крещёным помещикам предписывалось крестить подопечных мусульман и язычников, а тех, кто «не пожелает, они б поотпускали или распродали». Тем же указом христианам запрещалось «жить и служить добровольно и в деньгах у татар»³. Таким образом, в конце XVI века политический, социальный, религиозный диктат в Казанском крае всё более принимал этноконфессиональную окраску. Следствием курса стало заметное усиление числа и масштабов выступлений народов Поволжья и Приуралья на рубеже XVI и XVII столетий.

В течение всего «бунташного века» в разных формах и в ходе общероссийских восстаний Ивана Болотникова, Степана Разина татары продолжали активно сопротивляться силовым попыткам деструкции социально-экономических и духовно-нравственных основ своей традиционной культуры. В этом и последующих веках под давлением силы этот народ консолидируется и обретает новые черты, постепенно вписываясь в контекст российской

---

¹ Ногманов А. И. Самодержавие и татары. — Казань, 2005. — С. 36.

² Соловьёв С. М. История России. — Т. 11. — С. 410; Цит. по кн.: Настыке континентов и цивилизаций. — С. 651.

³ История Татарской АССР. — Т. 1. — Казань, 1955. — С. 157.

многонациональной жизни и превращаясь в одну из определяющих этнонациональных доминант России.

Накануне Нового времени в жизни татарского общества возникло новое явление — расширение межнациональных и межконфессиональных контактов с другими этнокультурными сообществами. Оно было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, в связи с переселенческой политикой правительства и ростом миграционных волн новое измерение обрела многонациональность населения Поволжья и Приуралья. Во-вторых, несмотря на провоцируемую правительством политику, провоцирующую межнациональную рознь и вражду, подспудно подпитывались связи и контакты между народами. Опасения властей вызывали факты, когда бывшие русские пленники, оставшиеся в пределах Казанского края, жили «в татарских и в чувашских сёлах и деревнях... и с татарою, и с чувашею вместе» пахали свои пашни «не в разделе с татарскими пашнями»¹. Расширились этнолингвистические и хозяйственно-культурные обмены между русским и нерусскими народами. Историк начала XX века Н.А.Спаский насчитал в удмуртском языке до 600 слов татарского происхождения, относящихся к сфере власти, торговли, имущества, семейной жизни, религии, домашней обстановки и быта².

Контакты, собственно, были продолжением укоренённых в веках цивилизационных взаимодействий народов края. В практику входило владение несколькими языками. Мирно-мягкий характер складывавшейся традиции интернационального содружества народов, вошедших в лоно Российского государства, в немалой степени определялся миротворческой потенцией, толерантным типом характера татар, сформированного в рамках древне-тюркской цивилизации. Другим новым перспективным явлением в жизни татар стало постепенное возрождение городской национальной культуры. В Казани её носителем была Старо-Татарская слобода, где наряду со служилыми татарами селятся купцы, ремесленники, духовенство. Служилые татары составляли немалую часть жителей городов и крепостей Казанского края. С присоединением Казанского и Астраханского ханств через Казань устремляется мощный поток русской торговли в направлении Кавказа и Средней Азии, стимулируя оживление рынка. Восстанавливается транзитная и ярмарочная торговля. Формируются зачатки новых классов — купцов и ремесленников. Меняется образ жизни, хозяйственно-экономический и культурно-цивилизационный уклад жизнебытия «сердцевинной» точки Московского государства — Казанского края. Татары в этом истинно историческом процессе стали незаменимой силой, высту-

---

¹ Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда (1565–1567 гг.). — С. 106; Очерки истории СССР. Период феодализма. — М., 1955. — С. 672.

² *Спаский Н. А.* Очерки по родиноведению. Казанская губерния. — Казань, 1910. — С. 36.

пая в роли градостроителей, ремесленников, купцов, а также переводчиков-толмачей и посредников. Для них это было продолжением традиций тюркских предков.

Таким образом, середина XVI века — поворотный судьбоносный момент истории, как русского, так и татарского народов. С падением Казанского ханства и включением его в состав русского государства открывается новая полоса развития. Россия, решая принципиальные задачи колонизационного характера — расширение территории, умиротворение покорённых народов (прежде всего татар), хозяйственное освоение и обустройство новых земель, превращается в государство имперского типа. Необходимо иметь в виду, что у зарождающегося Российского государства не было ни опыта колонизации, ни апробированной стратегии и тактики организации жизни колонизируемого народа. Надо заметить, что впоследствии опыт организации взаимоотношений с татарами был использован в процессе строительства многонациональной, многоконфессиональной империи. Конечно, французские и английские модели колонизации были известны и в России. Но это были типы заморских внешних колонизаций со специфической идеологией, программой и методикой обращения с подвластными народами. В случае России предстояло включение в состав государства народа, имевшего уникальную историю, богатый опыт строительства государственности, национальную идею, развитую материальную и духовную культуру, отвечающую вековым устремлениям, духу и национальному характеру религии. Предстояло создать новую — российскую модель колонизации.

Казань в процессе формирования российской модели не только была точкой отсчёта и наиболее крепким «орешком», но и живой лабораторией по выработке восточной политики во внутрироссийском и внешнеполитическом измерениях. Восточная «предназначенность» Казани превращала её в объект вложения культурных, интеллектуальных и финансовых инвестиций. Инвестиционная активность возрастала по мере роста сложности и масштаба задач освоения Востока и решения национального вопроса. Так, в последующем в Казани возникли духовная и учительская семинарии, переводческая комиссия имени Гурия, университет, этнографический музей. Казань явилась родиной провинциальной периодической печати¹. Все подобные инициативы и шаги способствовали росту грамотности населения. Хотя официальное назначение Казани — воспитание народов в духе православной покорности, наряду с этим город стал очагом «цивилизованности, культурного подъёма, развития гуманности»², —

---

¹ Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Казань в системе этнокультурного взаимодействия народов России // Народы на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — Казань, 2005. — С. 11.

² Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. — Йошкар-Ола, 1993. — С. 126–127.

признаёт венгерский учёный П. Домокош. Одновременно Казань становится «месторазвитием» идей свободолюбия, национального самосознания и национальной эмансипации. Для татар превращение Казани в «точку» роста в условиях нарастающей колонизации имело терапевтическое, психологическое, мобилизующее значение. Казань в представлении татар оставалась колыбелью их цивилизации и символом надежды на возрождение.

Перед татарским народом после падения Казанского ханства впервые за многовековую историю встала задача организации жизнедеятельности в статусе покорённой страны. Суть исторической драмы состояла в потере независимости, собственного государства, своей религии. Если раньше сохранение национального образа жизни, культурно-цивилизационных ценностей, интеллектуального капитала являлось прерогативой и обязанностью государства, то теперь эти задачи возлагались на народ. Колонизация не предполагала, а скорее затрудняла выполнение этой миссии. В практику внедрялась система таких мер, как выселение из обжитых мест обитания, запрет на свободное вероисповедание и насильственная христианизация, гонения на культуру, которые в совокупности вели к смене уклада и образа жизни, способов экономической, культурной и интеллектуальной жизнедеятельности татарского народа.

Разрушение государственности, деформация традиционных социальных связей, смена уклада повседневной жизни не подорвали, не опрокинули вектор и направленность цивилизационного развития татар. Оказались сдвинутыми временные и пространственные параметры исторически обусловленных нациообразующих процессов. Наметившееся в период ханства зарождение новой культурно-исторической «национальной» идентичности «было отодвинуто в более отдалённую перспективу, перенесено в более сложное социально-историческое пространство Российской империи»¹. Если культурно-цивилизационное возвышение Казани, исторической родины татар, являлось одной из предпосылок сохранения их способности «подниматься на ноги после падения» (*В. О. Ключевский*), то другой была духовная стойкость и её источник — ислам.

Ислам стал опорой и нишей сохранения духовности, несокрушимости воли и исторического оптимизма татарского народа. Именно поэтому продолжалось не только функционирование системообразующих элементов татарской культуры. Продолжалась её конкуренция с господствующей ценностно-нормативной институциональной системой. Это была конкуренция двух образов жизни, двух типов хозяйственного уклада, двух способов организации культурной жизни. Наличие внутренних

---

¹ *Гибадуллин Р. М.* Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 124.

источников социальной и культурно-цивилизационной динамики в татарском обществе, сохранение её принадлежности к исламской цивилизации в качестве анклава северного исламского мира обеспечили способность не только к выживанию, но и к исторической продуктивности, к созданию новых форм жизнедеятельности, к инновационности в ключевых сферах общественного бытия. Более полно эта способность обозначалась и включалась в общероссийские модернизационные процессы, которые отвечали характеру и духу мировых цивилизационных перемен.

Особенно ярко это стало заметно в XVIII веке, когда Россия вслед за Европой входит в полосу модернизации своей цивилизации. Она, как известно, связана с реформами Петра I, имевшими всеохватный, системный характер. Реформы придали новый вектор и политике колонизации, которой предстояло превратиться в отличительную характеристику российской империи на фоне цивилизационного «скачка» Европы. Первый император, будучи стратегом высокого класса, предвосхитил значимость татарского фактора в планах имперского взлёта России. Казанско-поволжская «площадка» на этапе исторического старта империи вновь становилась экспериментальной. Полиэтничность России нарастала, и в процессе эволюции в имперском направлении приходилось апробировать самые разные методики и технологии усмирения этносов и включения их в русско-православное культурное поле. Москва, начавшись как имперское государство с Казани, всегда придавала серьёзное значение исходу начатой здесь работы по апробации «новейших» форм колонизации. Татарский фактор и после завоевания Казани не терял своей исторической роли. Об этом свидетельствует и тот факт, что в целях организации жизни татарского общества в русле русификации приняты 220 законодательных актов (указов)¹.

Однако в пылу эйфории от удачного старта в новое историческое время воодушевлённое «петровским» стратегическим порывом превращения России в классическую империю европейского образца Российское государство, к сожалению, отказалось от былых московских методов прагматичной гибкости колониальной политики, взяв курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства. Воспринятые из Западной Европы цель и установка на превращение России в абсолютистское, регулируемое, систематизированное и нивелированное государство не оставляли пространства для прав и традиций нерусского населения, с которыми до сих пор всё-таки считались. В имперской политике появилась жёсткая религиозно-христианизаторская доминанта. Пётр I, выступавший за модернизацию и европеизацию России, издал в 1713 и 1715 годах указы о «крещении инородцев», согласно которым некрещёным землевладельцам, имевшим крепостных православного вероисповедания, предлагалось в течение полугода креститься под угрозой потери земли и кре-

---

¹ Ногманов А. И. Самодержавие и татары. — Казань, 2005. — С. 63.

стьян. Решение было направлено в первую очередь на изменение социального статуса, существовавшего в XVI—XVII веках, сословия «служилых татар». Если до 1713 года татарских помещиков насчитывалось до двух тысяч¹, то в последующем их численность резко сокращается. Часть вынуждена была принять православие, другие записались в купеческое сословие, часть пополнила сословие податное и была приравнена к ясачным крестьянам.

Татарская цивилизационная культура в процессе модернизации российского общества обретала новые черты. Немаловажное значение в этом имело превращение Казани в крупнейший административный, экономический и культурный центр империи. При этом Казань продолжала выполнять обозначенную государством историческую миссию, связанную с включением восточного фактора в модернизационные процессы, эмансипации и консолидации нерусских народов вокруг идеи великодержавности.

Возрастание роли Казани в историческом обновлении России было связано с целым рядом причин — внутренних и международных. Все поколения правителей страны видели в Казани её геостратегическую (геополитическую, геокультурную, геодемографическую, геоинтеллектуальную) предназначенность. В ней оседала, концентрировалась многовековая имиджевая привлекательность, она была и оставалась опознавательным маркером — брендом России. Сам Пётр I не раз сравнивал Казань с вечным Римом. Но молодость императора, совпавшая с имперской молодостью России, затрудняла умственно-аналитический выход за пределы унитаризма, скрещенного православным типом крепостничества. Первый император так и не смог окончательно освободиться от этой многоузловой удавки — наследия «тёмного» Средневековья. И только через огромное напряжение воли он буквально вырывал из средневековых «цепей» решения, вектор которых был обращён к капитализму.

Капитализация России, по представлению императора, могла эффективнее и удачнее начаться с Казани. Дело не в том, любил он или не любил казанцев, татар и инородцев. Просто без Казани как средоточия пассионарно-энергетического запаса, необходимого для оседлания нарождавшегося капитализма, империи было не обойтись. Неслучайно его первые признаки «искры» возгорелись именно здесь. Через мануфактуру пролегал путь к модернизации страны, и Казань была пусковым мотором. Именно здесь апробировалась политика стимулирования отечественной мануфактурной промышленности и торговли.

Первые крупные мануфактурные предприятия были ориентированы на обеспечение армии и флота. Ещё в 1714 году в городе появилась казённая суконная мануфактура, выпускавшая сукно для армии. Вскоре она перешла в частные руки и заметно увеличила производственную мощь. Сложившееся вокруг неё поселение получило название Суконной слободы.

---

¹ История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С. 130.

В 1718 году в Казани было организовано адмиралтейство, где построено более 300 судов, составивших ядро Каспийского русского флота. В Заречье, где вплоть до конца 1820-х годов размещалось адмиралтейство, располагалась казённая кожевенная мануфактура («помповый» завод), вырабатывавшая прочные кожи для судовых насосов (помп). В районах месторождения меди, особенно в восточной части губернии, государство, нуждавшееся в металле, поощряло создание медеплавильных заводов. Небольшие, но многочисленные мыловаренные и свечные мануфактуры обеспечивали выпуск качественного казанского мыла и свечей. Работали винокуренные заводы, обувные, скорняжные и кузнечные мастерские, появлялись мануфактуры, особенно текстильного профиля, принадлежавшие татарским купцам. Получают развитие кожевенные предприятия, созданные татарскими предпринимателями. К концу XVIII века насчитывалось около 200 предприятий, из них 34 «козловых» и «юфтяных» завода, принадлежавших известным предпринимательским династиям — Акчуриным, Юсуповым, Азимовым, Исхаковым¹. Изделия этих частных мануфактурных предприятий вывозились далеко за рубеж, вплоть до Китая.

Татары первыми в поволжском регионе стали варить мыло. Как заметили авторы «Топографического описания по Казанскому наместничеству, вообще и каждого города и уезда» от 1785 года, казанские татары «большую имеют склонность к торговлям». Вообще татарские купцы в Казани давали русским значительную фору².

Подъём местного производства стимулировал развитие торговли. Казань быстро восстанавливает роль крупного торгового центра на восточном направлении. Заметно возросла роль татарского купечества. В 1796 году только в Казани насчитывалось 676 русских и 595 татарских купцов, а капиталы некоторых из них достигали 100 тыс. рублей³. Многие служилые татары переходили в купеческое сословие. Складывался слой богатых татарских купцов, которые брали в свои руки торговлю с Казахстаном и Средней Азией, Северо-Западным Китаем и Персией, куда путь русским купцам-христианам был закрыт. Например, купцы Ишмуратовы, Маматовы, Даутовы, установившие тесные связи с закрытой для русских и европейцев Бухарой, получили название «Бухар юртючи» (ходящие в Бухару)⁴.

---

¹ Историей татарского предпринимательства весьма успешно занимается профессор Н. И. Таиров. Среди его трудов: Татарская буржуазия Поволжья и Приуралья: социальная деятельность, благотворительность и меценатство (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). — Казань, 2011; Купцы и фабриканты Акчурины: благотворительность и меценатство // Вестник КазГУКИ. — 2017. — № 4. — С. 34—37.

² Девятовых Л. И. Из истории казанского купечества. — Казань, 2005. — С. 8.

³ Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. — Казань, 1955. — С. 72.

⁴ История Казани. — Кн. 1. — Казань, 1988. — С. 127.

В Оренбурге, ставшем центром губернии с пограничной таможней, Меновым и Гостиным двором, караван-сараям, сложилась многочисленная и богатая татарская Сеитовская слобода. Для систематической торговли России с Азией первый губернатор Оренбурга Неплюев «организовал в 1750-х годах русско-татарское акционерное общество с капиталом в 20 тыс. рублей, ведущую роль в нём занимали татарские предприниматели»¹. В середине XVIII века почти вся розничная торговля не только Поволжья (в среде марийцев, чувашей и удмуртов), но и в Северном и Центральном Казахстане контролировалась татарами. Ключевую роль в оптовой торговле играла Казань, через которую проходили основные потоки российских, европейских и восточных товаров. Центрами торговли были Гостиный двор у Кремля, торговые ряды на Булаке, Сенной рынок в Старо-Татарской слободе, Рыбные ряды в современном центре Казани. Во второй половине XVIII века Казань становится крупным центром хлебной торговли: губерния производила до пяти млн пудов хлеба в год². Через неё вывозились лес, водка, уксус, мыло, свечи, мёд, воск, сукно, кожа, пушнина, ткани.

Петровские начинания требовали привлечения к массовым работам сотен тысяч людей. К мануфактурам и заводам приписывались посессионные крестьяне; только на строительство Петербурга из Казанской губернии было отправлено не менее пяти тыс. человек. Возле Петропавловской крепости Петербурга возникла целая татарская слобода, населённая строителями. Пять тыс. татар отправил Пётр на строительство крепости на реке Куре³. Число крестьян, приписанных к Казанскому адмиралтейству, превышало к концу XVIII века, по свидетельству историка Н. Ф. Калинина, 100 тыс. человек⁴. Особо важную задачу выполняли специализированные в деле кораблестроительства лашманы, по преимуществу нерусские крестьяне, большинство которых составляли татары. Исследователь А. И. Ногманов отмечает устойчивую тенденцию «отатаривания» «обязанного сословия» лесорубов-лашманов. Их отправляли ежегодно с октября по апрель со своими лошадьми и инструментом на заготовку корабельного леса. В то время как масса лашманов гибла от холода и болезней, калечилась во время валки леса, их хозяйства, с которых надо было платить подушную подать, приходили в упадок. Создание российского флота стоило тысячи жизней, обернулось вырубкой прекрасных боров, разрухой и запустением многих хозяйств. Такова была оборотная сторона успехов внешней политики и превращения России в великую морскую державу.

---

¹ Газиз Г. История татар. — М., 1994. — С. 148.

² История Казани. — Кн. 1. — С. 128.

³ Синицына К. Р. История Татарстана и татарского народа. Ч. 2. — Казань, 1995. — С. 84.

⁴ Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. — Казань, 1955. — С. 69.

Трансформировалась социальная система татарского общества, сложившаяся во второй половине XVI—XVII веке. Она явилась по сути цивилизационным компромиссом, позволившим сохранить характерные особенности экономико-хозяйственного уклада и определённую культурно-политическую самостоятельность. Так, ясачные татары, включённые в податное сословие, стали облагаться вместо прежней подворной подати подушной, размер которой увеличивался. Помимо подушной подати татары должны были нести целый ряд тяжёлых повинностей и платить всевозможные сборы — военный, земский, ямской, стрелецкий, лесной, перевозный, с кузниц, мельниц, с рыбной ловли и т. п. Рост имперской армии и бесконечные войны привели к ужесточению рекрутской повинности, которая рассчитывалась из соотношения один рекрут от 200—300 дворов, а в годы войны от 50—100 дворов.

Постпетровская Россия, продолжая политику «кнута и пряника», пытаясь удержать инородные народы, особенно татар как наиболее продвинутую часть в самодержавно-крепостнических уездах, часто ударялась в крайности. Ярким свидетельством этого является период правления императрицы Анны Иоанновны. В 1731 году была создана специальная «Комиссия для крещения» инородцев, в 1740 году преобразованная в «Контору новокрещенских дел». Задача конторы состояла в принудительно-ускоренном крещении народов Поволжья. Крестившимся обещали деньги, одежду, кресты, иконы и льготы, в т. ч. освобождение от рекрутчины. Особой жестокостью отличался возглавивший в 1742 году контору архиепископ Лука Конашевич, прозванный в народе «Аксак Каратун» (хромой черноризец), который отправлял в татарские деревни военные отряды, сгонял жителей к реке и организовывал под угрозой оружия «святое крещение». При нём миссионеры при помощи солдат похищали татарских детей, насильно их крестили и помещали в монастыри на перевоспитание. По его распоряжениям в Татарской слободе Казани устраивались крестные ходы, крушились мечети и преследовались мусульманские священнослужители. В 1742 году церковники обвинили в случившемся в Казани пожаре татар и просили императрицу Елизавету Петровну наказать иноверцев. В ответ императорский указ запрещал строить новые мечети и разрешал слом построенных после 1552 года мечетей. Только по Казанскому уезду было разрушено 418 мечетей из 536, т. е. 78 % всех мечетей¹. На отказавшихся креститься мусульман были развёрстаны подушные подати крестившихся, татарам было запрещено жить в черте города (за исключением слобод), входить в Кремль.

Больших «успехов» достигли миссионеры в среде нерусских народов, исповедовавших язычество. К середине модернового

---

¹ *Ибнеева Г. В.* Путешествие Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. — Казань, 2006. — С. 113.

времени большая часть чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов (хотя формально числившихся православными) ответила чередой восстаний, ставших ответом на национальные и религиозные притеснения. Они буквально парализовали управление обширными областями Закамья и Приуралья. Самое грозное из них, организованное татарским муллой Батыршой, произошло в 1755 году¹. Татары и другие народы Поволжья принимали массовое участие в Пугачёвской крестьянской войне. Объявивший себя императором Петром III, Емельян Пугачёв призывал нерусское население края примкнуть к восстанию, обещая ликвидацию русской администрации, освобождение от помещичьей эксплуатации, рекрутских наборов и подушной подати, а также отмену всяких ограничений в религиозно-национальной жизни. В манифесте Пугачёва, написанном в Каргалинской Сеитовой слободе Оренбурга 1 октября 1773 года, он жаловал татар, башкир и калмыков «землями, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим»². Поэтому по пути с Яика в пугачёвские отряды вливались не только русские казаки и крестьяне, но и чувашаи, башкиры, татары, мордва. Летом 1774 года на подходе к Казанской губернии Пугачёв именным указом приказал своему полковнику Бахтияру Канкаеву собрать русских, татар, башкир в одну большую армию.

Примечательно, что документация и переписка восставших велась на русском и татарском языках. В июле 1774 года отряды Пугачёва взяли Казань. Часть правительственных войск укрепились в Кремле в ожидании помощи из Уфы. После этого Пугачёв переправился через Волгу и, двигаясь к югу, захватил Алатырь, Саранск, Пензу, Саратов, но потерпел поражение при взятии Царицына. Выданный богатыми казаками властям Пугачёв был казнён. По подсчётам С. Х. Алишева, в движении в Казанской губернии участвовало до 50 тыс. татар, в Уфимской — около 35 тыс. Историк составил список из 361 населённого пункта Казанской провинции, где формировались отряды восставших³. Жесточайшим наказаниям (казнены или сосланы на каторгу) подвергнуты соратники Пугачёва: Валит Торнов, Абурашит Бикеев, Абдуш Уразаев, Масгут Гумеров и Салават Юлаев. Виселицы стояли на Арском поле, в Суконной и Татарской слободе, однако некоторые избежали расправы. Пугачёвец Губайдулла Амиров через Казахстан и Среднюю Азию добрался до Индии, а после возвращения на родину служил в Оренбургской пограничной комиссии.

Таким образом, в первой половине XVIII века репрессивное начало в политике по отношению к нерусским народам возобладало. Татары понесли наибольшие потери. Присходило

---

¹ См.: *Ислаев Ф. Г.* Восстание Батырши. Год 1755. — Казань, 2004.

² *Алишев С. Х.* Татары Среднего Поволжья в пугачёвском восстании. — Казань, 1973. — С. 71.

³ Там же. — С. 192–206.

деклассирование, лишение социального статуса и включение их в сословный порядок России. Но главные потери ощущались в духовной, морально-психологической сфере. Насильственная христианизация, экономическое, политическое и культурное преследование — всё это вносило смятение в национальное самознание, снижало потенциал цивилизованности. Искусственное задавливание татарского фактора, ослабление его потенциала, тормозило обретение Россией державного величия.

Смена политики по отношению к нерусским народам, к татарам прежде всего, приостановление наступления на ислам и снятие большинства дискриминационных мер связано с именем Екатерины II. Здесь автор считает необходимым отметить следующее. Екатерина II — «дочь» культуры Европы, «переболевшая» философией Просвещения, прекрасно понимавшая революционную роль национально-конфессионального фактора в европейском модернизационном «скачке», знакомая с итогами просвещённого монаршества на европейской почве (прусский король Фридрих II, австрийский император Иосиф II), твёрдо вознамерилась развернуть курс истории русской монархии в направлении либерализации. Отличие Екатерины Великой от своего предшественника Петра Великого в данном вопросе, представляющем собой ментальный нерв российской цивилизационной матрицы, состояло в том, что экология её природы (души) естественно, внутренне тяготела к толерантности (*по Вольтеру*). Поэтому, став императрицей, она искренне пыталась либерализовать национально-конфессиональную политику. То, что ей не всё удалось, вопрос другой. В отличие от неё, Пётр I европеизацию понял и осуществил в узко-инструментальном варианте. Его внутренняя экология, имунно-психологический нерв был задавлен глыбой архаического самодержавного крепостничества.

Под воздействием идей просвещённого абсолютизма императрица вернулась к практике сотрудничества с татарской элитой. Для мусульманской аристократии снова открылся путь вступления в русское дворянство, татарские купцы получили торговые привилегии, а мусульманское духовенство получило новую организационную форму в виде магометанского духовного собрания. Можно определённо утверждать, что к концу XVIII века положение татар существенно изменилось. Теперь они были органически интегрированы в сословную систему России. В экономической сфере оформлялась основа для возникновения класса татарской буржуазии. Расширились политические права. Оживлялась культурная жизнь татар. По выражению Андреаса Каппелера, «казанские татары готовились использовать открывшиеся перед ними возможности и свободные лакуны для своего экономического и культурного возрождения».

Каковы причины, обусловившие либерализацию национальной политики, возникновение Екатерининского феномена веротерпимости? Что это — случайный зигзаг в неизменном направлении в отношении к нерусским народам или же это «рус-

ская» форма ответа на вызовы эпохи Просвещения? И, наконец, какова роль казанского (татарского) фактора в трансформации российской этнонациональной политики?

Изменения в этноконфессиональной политике и формирование этнокультурной терпимости необходимо рассматривать в контексте как общеевропейских цивилизационных сдвигов, так и новых исторических задач, вставших перед Российским государством. Екатерине II в этом плане было суждено разработать и внедрить в жизнь программу преобразования государства в просвещённую монархию на основе незыблемого принципа самодержавия и соответственно этой задаче правильно организованного сословного строя и демократизации этноконфессиональной политики. Императрица поставила задачу создания просвещённой монархии, не только по форме, но и по духу схожей с западноевропейскими моделями государств.

Перед тем как приняться за выработку программы реформ, Екатерине II было необходимо самоутвердиться на российском престоле, «принять» и «покорить» империю, прежде чем даровать подданным новые законы. Именно эти причины-мотивы предопределили суть и предназначение её поездки по Волге. «Сознательно выбранный «казанский» код путешествия по Волге, — отмечает Г. В. Ибнеева, — был весьма прозрачен: осуществляя поход в Казань, Екатерина символично «покоряла» подвластные ей земли. Но, в отличие от Ивана Грозного, покоряла не огнём и мечом, а своим личным обаянием и распространением благотворных идей просвещения»¹. В 1767 году, посетив Казань и оставшись весьма довольной городом, окрестностями и радушным приёмом, она писала Вольтеру: «Теперь я в Азии. В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно несходны между собою. Надобно, однако ж, дать им такое платье, которое годилось бы для всех. Можно очень найти общие начала, но подробности... и какие подробности! Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!»² В письме императрицы А. В. Олсуфьеву, написанном в Казани, читаем: «Сей город, бесспорно, первый в России после Москвы, а Тверь — лучший после Петербурга; во всём видно, что Казань — столица большого царства. По всей дороге приём мне был весьма ласковый и одинаковый, только здесь ещё кажется градусом повыше...»³

В Казани Екатерина официально принимала представителей мусульманской конфессии — абызов, которые в то время не имели официального статуса указных мулл и соответственно не были признаны властями. Сама эта встреча стала формой признания российской императрицей реального статуса неофициаль-

---

¹ Ибнеева Г. В. Путешествие Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. — Казань, 2006. — С. 81.

² Знаменитые люди о Казанском крае. — Казань, 1987. — С. 38.

³ Там же.

ного мусульманского духовенства. Немаловажно и то, что она разрешила строить каменные мечети. Эти акты были не просто формой проявления милосердия — они были мотивированы сугубо прагматическими соображениями. Среди них особое значение имело убеждение, что без организации «национального диалога» и мира между конфессиями и культурами в России просвещённая монархия невозможна.

Материализацией этих взглядов императрицы стал указ «О терпимости всех вероисповеданий» (1773). Конечно, восточные геостратегические «мотивы» также присутствовали в настойчивой попытке либерализации этноконфессиональной политики. Казань в представлении Екатерины была и оставалась «воротами Востока».

Татары — «дети» Великой Степи. Приращение России «Сибирью-Алтаем» без включения их энергетики явно было невозможно. И не только в арифметическом измерении. Татары действительно народ плодovitый, за счёт них для России открывалась хорошая демографическая перспектива. К тому же этот народ трудолюбив. Трудоспособность, мастеровитость, смыслённость и выносливость превращали его в потенциально активную «тягловую силу» для продолжения курса колониального освоения азиатского пространства. Но «поворот на Восток» ни тогда, ни позже и тем более сейчас, никогда не был самоцелью. В тактическом плане использование татарского фактора на восточном направлении, конечно, диктовалось необходимостью заземления интенсивности реформ стратегией пространственного развития. Но в уме держалась более высокая, щекочущая нервы, возбуждающая психику, воображение и умонастрой утопическая мысль — стать империей «от моря до моря». Для её осуществления татары — подарок Всевышнего. Опыт транзитного народа, синергетичность мышления, тяга к «нелинейной умственной геометрии» (*А. Неклесса*) и запредельность мышления, свойственная татарам, для России, возникшей и оставшейся на распутье — перекрёстке исторических дорог, имели поистине судьбоносное значение. Татары в таком прочтении — универсальный фактор: «путепроводчики», «чертатели дорожных карт», «двигатели границ цивилизаций», «толмачи-коммуникаторы». Вряд ли Екатерина II полно и концептуально осознавала значимость татарского фактора в преодолении Россией пространства Евразии. Но она, бесспорно, сумела распознать особость характера, ментальности и возможности татар в решении в целом модернизационного возвышения и успешного «броска» на Восток.

Екатерина предметно занималась Казанью. Именно она направила архитектора В. И. Кафтырева для перепланировки и превращения города из бревенчатого в каменносложенный. С её именем связано развитие сети духовных школ-медресе, открытие первой в стране провинциальной Казанской гимназии. В ней вскоре после визита Екатерины (1769) появился класс для желающих изучать татарский язык, преподавателем которого был

назначен губернский переводчик Сагит Хальфин. Его перу принадлежали изданная в 1778 году «Азбука» татарского языка и двухтомный словарь татарского языка.

Достаточно высокий уровень образованности татар отмечали в своих официальных документах чиновники, представители православной конфессии. Так, известный православный миссионер Я. Д. Коблов писал: «В России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у казанских татар»¹.

Культурная жизнь татарского общества постепенно оживляется. Во многом развитие художественной культуры этого времени было связано с именем талантливого поэта Г. П. Каменева и именем «отца русской поэзии» Г. Р. Державина. Г. Р. Державин родился в деревне Сокуры недалеко от Казани, учился в Казанской гимназии, изучал исторические памятники Булгар. Любопытен факт: свой род Державины возводили к ордынскому мурзе Багриму, который перешёл в XV веке на службу великому князю Василию Тёмному и принял крещение. Татарский язык Г. Державин знал и уважал. Казань отнесена им к числу особых для него городов. В самом известном стихотворении «Арфа» он пишет: «Звучи, о арфа! Ты всё о Казани мне! / ...Мила нам добра весть о нашей стороне: / Отечества и дым нам сладок и приятен»².

Важным явлением культурной жизни татарского общества стало рождение профессионального театра. Его созданию предшествовала практика проведения театральных представлений в самых разных формах и на разных уровнях. Так, во время посещения Казани Екатериной II в загородном губернаторском доме состоялся праздник с приглашением «тамошних знатных обоего пола» (татары, чуваша, мордва, черемисы, вотяки), они показывали свои наряды, песни, танцы³. Драматургические начинания на уровне частных салонов, представления в гимназии и университете заложили традицию публичного театрального «действия». В 1791 году в Казани возник первый постоянный театр. На его основе в начале XX века рождается татарское профессиональное театральное искусство⁴.

По многим причинам Казань вдохновляет Екатерину II на масштабную программу преобразования полиэтнического, многоконфессионального государства. Её решительные действия, направленные на либерализацию этноконфессиональной политики, были высоко оценены татарским народом. В исторической памяти татар Екатерина запечатлена как «эби-патша» (бабушка-ца-

---

¹ Коблов Я. Д. Конфессиональные школы казанских татар. — Казань, 1916. — С. 3.

² Знаменитые люди о Казанском крае. — С. 35.

³ Гарзавина А. В. Екатерина II в Казани: правда, вымыслы и загадки. — Казань. — 2005. — № 2. — С. 82.

⁴ Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Казань в системе этнокультурного взаимодействия народов России // Народы на переломе эпох (XX — начало XXI в.). — Казань, 2005. — С. 14.

рица). Согласно указу о веротерпимости была объявлена свобода вероисповедания, отменено насильственное крещение, мусульманам разрешено строить мечети и открывать при них школы. В 1788 году было открыто Оренбургское духовное собрание мусульман. Как указывал профессор, путешественник второй половины XVIII века И. Георги, «казанские татары... не только приучают детей к прилежанию, бережливости и другим прародительским обыкновениям, но пекутся ещё и о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере»¹. Во второй половине XVIII века наряду с мусульманскими начальными школами возникают крупные медресе — Апанаевское, Ахундовское и Амирхановское. Получает развитие татарская религиозно-философская мысль, в которой обозначаются прогрессивно-реформаторские тенденции. Развиваются татарская литература и книжное (рукописное) дело.

Одним из первых прогрессивных мыслителей стал А. Курсави. Более 50 произведений принадлежали перу Г. Утыз-Имяни. Научную и педагогическую работу вели представители династии Хальфиных, их труды способствовали изучению и распространению татарского языка в русской среде и наоборот. Важным событием для развития татарского общества стало решение об образовании Татарской ратуши, куда избирались бургомистры и ратманы из среды богатых татарских купцов. Фактически они ведали торговыми и промышленными делами татарских слобод. При ратуше существовал местный суд. В 1797 году в обществе состояло 262 семейства (2 290 душ). Тогда в Казани насчитывалось около 5 тыс. татар² при общем населении города 25–26 тыс., а со слободами — до 40 тыс. человек³.

Высшему татарскому духовенству и мурзам были предоставлены права дворянства. На основе Жалованной грамоты городам (1785) было создано общегородское самоуправление, во главе которого встала городская «шестиглавая» (из шести человек) дума, избираемая сроком на три года. В это же время наиболее влиятельные татарские купцы получили право записываться в гильдейское купечество. Складывается торгово-промышленная национальная элита. В 1797 году вышел «новый указ о том, что все мусульмане, показавшие себя преданными империи и имеющие благородное происхождение, могли быть приравнены в правительственных привилегиях к русскому дворянству»⁴.

Таким образом, восемнадцатое столетие стало эпохой поиска нового облика стремительно расширяющейся Российской империи. Важнейшими явлениями жизни края были появление новых отраслей экономики, развитие мануфактурной промышленности, внешней и внутренней торговли, модернизация системы управ-

---

¹ Цит. по кн.: Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. — Казань, 1997. — С. 38.

² Население татарских слобод менялось в зависимости от сезона: летом уменьшалось из-за миграции в сёла, зимой кратно увеличивалось.

³ История Казани. — Кн. 1. — Казань, 1988. — С. 120–121.

⁴ Газиз Г. История татар. — М., 1994. — С. 175.

ления государством и культурной жизни. Во многом все эти процессы подпитывались и усиливались включением татарского фактора. Правительственная национально-религиозная политика совершила поворот на 180 градусов: от попыток религиозной унификации и силового решения мусульманского вопроса в России при Петре I и его преемниках до первых шагов по признанию религиозной самобытности мусульман и утверждению принципов веротерпимости. Поворот происходит и в социальных структурах мусульманского общества: фактически ликвидируются сословия служилых и ясачных татар, одновременно растёт число татарских купцов, мещан и мулл. Тюрко-татарская субцивилизация вновь начинает выполнять функции посреднического моста между Россией и Средней Азией, и шире — традиционно между Европой и Азией. Она и сама приобретает новый вид, становясь более открытой рыночным отношениям и адекватным для того времени ценностным системам.

Тенденции политики просвещённого абсолютизма получили развитие на новом рубеже эпох (в конце XIX — начале XX века). Отношение властей к татарам становится довольно лояльным. Хотя православное духовенство было весьма озабочено ослаблением своего влияния в Поволжье, оно уже не предпринимало масштабных действий в духе «силовой» христианизации. Татарская культура не только сосуществует в рамках Российской многонациональной империи, но и органично вписывается в контекст российского цивилизационного развития, усиливая и украшая своим национальным колоритом российскую культуру. Важнейшие события и явления общественной и социально-экономической жизни России воспринимаются и переживаются татарами как гражданами страны, не разделённой национальными, языковыми, религиозными и иными барьерами.

Так, в связи с началом Отечественной войны 1812 года в Казани отмечался высокий патриотический подъём. Поэт и участник войны С. Глинка писал: «Не только стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, верой и образом жизни, народы кочующие, и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую»¹. В Казани формировалось ополчение, куда вступали крестьяне из русских, татарских и чувашских деревень. Государственные крестьяне-татары сформировали особый конный батальон. Общая численность казанского ополчения приблизилась к пяти тысячам человек. Отряды приняли активное участие в боевых действиях, совершив победный освободительный поход в Западную Европу, участвовали в боях за Дрезден, Мерзебург и Гамбург. Французский генерал де Марбо признал высокие боевые качества татаро-башкирской конницы: «Они носились вокруг наших войск точно рой ос, прокрадывались всюду, достигнуть их было

---

¹ История Татарской АССР. — Казань, 1955. — С. 249.

трудно»¹. На армию работали казанские предприятия — суконная мануфактура, пороховой завод, кожевенные мастерские, а также созданный в Кремле при арсенале пушечный завод, существовавший до 1815 года. При Казанской городской думе и татарской ратуше собирались средства в помощь армии и беженцам. Широкую известность приобрела жительница Елабуги легендарная кавалерист-девица Н. А. Дурова, командовавшая эскадронном, а затем ставшая ординарцем М. И. Кутузова.

Победа в войне 1812 года породила огромный общественный подъём и надежды на преобразования и реформы. Но внутренняя политика Александра I «эволюционировала» в сторону усиления реакции и отказа от обещанной либерализации. В связи со смертью Александра I в декабре 1825 года произошло выступление дворян-революционеров, часть которых связана с Казанской губернией. В 1824 году в Лаишевской усадьбе помещика Завалишина действовал кружок, основанный декабристами Д. И. Завалишиным и В. П. Ивашевым. Установлено, что по делу декабристов проходили татарские офицеры Бурнашев, Гадеев, Галямин, Булатов и др., а также десятки нижних чинов².

Важнейшим событием в истории Казани и народов Восточной части Российской империи стало открытие в 1804 году Казанского университета. Тем самым завершается решающая фаза создания университетской системы России, призванной готовить просвещённую бюрократию, способную осуществить политические, культурные и социальные преобразования на основе европейского опыта. «Объективные потребности социально-экономического и культурно-политического развития России с её запаздывающими волнами модернизации и европеизации, длительным доминированием традиционных пластов культуры, культом слова обусловили повышенное значение просветительских и социально-адаптированных функций университетов. Выражению *alma mater* в русской интерпретации соответствовал эквивалент «кормилица»: в университетах юношество получало духовную пищу»³. Казанский университет, укрепив фундамент российской университетской системы, стал «зародышем будущего духовного развития» (Н. Булич), средоточием отечественного просвещения, генератором развития «отечественного слова, отечественной истории и отечественного законоведения» (И. М. Соловьёв). В его стенах формировался «специфический код университетской культуры», её неповторимый дух ощущали все последующие студенческие поколения. В университетской «колыбели» шёл эффективный процесс воспитания «нравственных устоев — представлений о доброте, отсутствия «дурных» наклонностей,

¹ История Татарской АССР. — Казань, 1955. — С. 251.

² Михайлова С. М. Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX в.). — Казань, 1979. — С. 123—125.

³ Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Миссия университетов в России: век XIX // Учёные записки Казанского университета. — Т. 148. Серия гуманитарные науки. Кв. 4. — Казань, 2006. — С. 77.

любви к Отечеству, благочестия и приверженности к религии»¹. Казанский университет, ориентированный на подготовку кадров для Востока России, стал общероссийским культурным светочем. Его интеллектуальное сообщество играло роль флага в определении вектора и маршрутов культурного прогресса страны.

Отмечая многофункциональную миссию университета, «первый студент» Казанского университета, будущий писатель С. Т. Аксаков позднее писал: «Я за всё, что сохранилось во мне доброго, считаю себя обязанным гимназии, университету, общественному учению и тому живому началу, которое вынес я отсюда»². Культурная жизнь города вышла на новый уровень: для преподавания были приглашены иностранные учёные, организованы лаборатории, библиотеки, музеи, научные и культурные общества, ботанический сад и обсерватория. Ректором университета почти двадцать лет был великий математик Н. И. Лобачевский.

Особое внимание уделялось преподаванию восточных языков: существовали кафедры арабского, армянского, персидского и турецкого языков, санскрита. Именно в университете были открыты первая в России кафедра китайского языка и первая в Европе кафедра монгольского языка. Профессорами восточной словесности были академик Х. Д. Френ, О. М. Ковалевский, А. К. Казембек, И. Н. Березин³. Среди учёных и педагогов университета появились татары: И. Хальфин, знаток татарского языка и литературы, составивший «Краткую грамматику татарского языка», каллиграф М. Махмудов. Хотя восточный факультет в 1855 году и был переведён в Петербургский университет, однако дух и традиции востоковедения в Казани не пресеклись. Казанский Университет был и остаётся «доменом» российского востоковедения.

Значимой фигурой, символизировавшей диалог европейской, русской и татарской культур, стал медик и биолог профессор Казанского университета К. Ф. Фукс. Он увлёкся историей народов края, написал книги «Краткая история Казани» и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении». Пользовался уважением татар как медик, его часто приглашали в Старо-Татарскую слободу. Был организатором литературного кружка, а в 1833 году во время путешествия А. С. Пушкина принимал великого поэта в своём доме.

---

¹ Вишленкова Е. А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. — Казань, 2003. — С. 5–7, 52.

² Цит. по кн.: Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. — Казань, 1955. — С. 94.

³ Изучению деятельности плеяды колоритных фигур российского востоковедения в Казани посвятил целые тома научных трудов профессор Р. М. Валеев. Среди них: Казанское востоковедение. — Казань, 1998; Эпистолярное наследие российских востоковедов: письмо А. К. Казембека академику Х. Д. Френу. — Казань, 2015; Эпистолярное наследие Н. Ф. Кагаева. — Казань, 2016.

Несмотря на предвзятость и казённые препоны в отношении иноверцев, в Казанский университет поступали представители нерусских народов Волго-Уралья и других регионов Российской империи. В 1840–1895 годах в списке студентов-мусульман из татар, башкир и казахов насчитывалось 73 фамилии¹. В университете эти студенты знакомились с достижениями российской и зарубежной науки и общественной мысли, нередко включались в общественное движение вместе со студентами из польских, литовско-белорусских или кавказских губерний. Фактически Казанский университет и многие гимназии края готовили европейски образованную татарскую национальную элиту — вначале немногочисленную, но достаточно влиятельную и авторитетную в татарской общественной среде. Татарские педагоги, врачи, учёные и чиновники, получавшие светское образование наряду со многими религиозными деятелями и образованными предпринимателями, составляли образованный, интеллигентный слой динамично развивавшегося татарского общества.

Важнейшую роль в развитии татарского книжного дела сыграла Азиатская типография (открыта в 1800 году), влившаяся позже в состав университетской типографии. Заметный шаг в условиях модернизации российского общества делает татарская литература. Одним из видных её представителей выступает Г. Кандалы, автор эпических поэм. Крупнейшим татарским мыслителем, впервые обратившимся к проблеме взаимовлияния культур Запада и Востока, был Ш. Марджани. Его труды, насчитывающие в общей сложности более 30 томов, положили начало татарской исторической науке. Среди работ, опирающихся на древнейшие, частично утерянные к сегодняшнему дню источники, особое место занимает фундаментальный свод материалов по истории татарского народа — «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Сведения, привлечённые для истории Казани и Булгара»). Работа, состоящая из двух томов и содержащая сведения по истории булгар, хазар, татар и других тюркских народов, была издана в Казани в 1885–1890-е годы, сегодня она переиздана не только в Татарстане, но и в Турции.

В книге «Китаб назурат аль хакк фи фардият аль-аша ва инлям ягиб аш-шафак» («Взгляд на истину, о необходимости вечерней молитвы, независимо от наступления сумерёк») Шигабутдин Марджани развивал религиозно-обновленческие идеи А. Курсави, других авторов и заложил основы татарской просветительской идеологии. Ш. Марджани с 1850 года был имамом первой Соборной мечети — старейшей каменной мечети Казани, построенной по личному разрешению Екатерины II ещё во второй половине XVIII века. В 1867 году он стал и мухтасибом Казани (мухтасиб контролировал соблюдение мусульманских норм шариата и морали первоначально в торговых отношениях,

---

¹ Михайлова С. М. Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX в.). — Казань, 1991. — С. 336–337, 341–343.

а позднее и в различных сферах жизни и быта). Ш. Марджани вёл активную светскую и общественную деятельность, преподавал в Казанской татарской учительской школе и был одним из первых мусульман-членов известного в России и за рубежом «Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете. Он имел высокий авторитет в научном мире, с ним консультировались, его работы цитировали многие крупные исследователи восточных языков и истории. Имя Ш. Марджани сохранилось в благодарной памяти потомков: после его смерти первая Соборная мечеть города на берегу озера Кабан в Старо-Татарской слободе названа в его честь.

В исторической науке в становлении татарской нации выделяются три этапа: первый — этап развития «мусульманской» нации (XVIII — середина XIX века), второй — этап формирования «этнической» (этнокультурной) нации (пореформенный период — начало XX века), третий этап — складывание «политической» нации (первые два с половиной десятилетия XX века)¹.

В целом, в пореформенный период татарская культура наполняется новым содержанием. Отмена крепостного права в России изменила политико-правовую и социально-экономическую ситуацию и в регионах проживания татарской диаспоры. Складываются всероссийский и региональный рынки, растёт фабрично-заводская промышленность, усиливается внутренняя и внешняя торговля, оформляется буржуазная банковско-финансовая система. Крестьянская реформа 1861 года открыла комплекс либерально-буржуазных реформ, радикально изменивших жизнь подавляющего большинства населения: вводилось земское и городское самоуправление, судебная власть отделялась от исполнительной и законодательной, судьи стали независимыми и несменяемыми, а судебный процесс становился гласным, состязательным, с участием адвокатов и присяжных. Университетская реформа, облегчившая возможности получения высшего образования, реформа армии на основе всеобщей воинской повинности, школьная реформа, приблизившая школу к жизни и открывшая в неё доступ выходцам из менее обеспеченных слоёв, а также цензурная реформа, несколько смягчившая контроль за печатью, — эти реформаторские преобразования при всех недостатках и ограниченности создавали новые, более свободные и демократичные правила и перспективы функционирования общества, его отдельных групп и индивидуумов.

Реформы послужили мощным толчком к развитию буржуазных отношений и в татарском обществе. Татарское купечество и промышленники ещё активнее включаются в систему рыночных отношений. На основе татарского предпринимательства, сложившегося в XVIII веке в ходе развития татарского торгового сословия, весьма серьёзно проявляют себя татарские предприятия:

---

¹ См.: *Исхаков Д. М.* От нации мусульманской к нации татарской // Татарстан. — 1995. — № 9–10. — С. 77–83.

кумачные и суконные мануфактуры, мыловаренные заводы, железоделательные и кузнечные производства. Складывается татарский рабочий класс, продолжающий традиции ремесленного сословия. В пореформенный период расширяется география татарского промышленного капитала и несколько меняется его производственный профиль.

Центром татарского предпринимательства остаётся Казанское Поволжье, где концентрируется торговый капитал, сосредоточивается мыловаренное, кожевенное, меховое производство. Казань в этот период входит в десятку крупнейших промышленных центров империи, уступая в Центральном районе лишь Москве, Владимиру и Нижнему Новгороду¹. Накануне реформ (1859) в городе проживало более 60 тыс. жителей, в т. ч. мещан и цеховых почти 47 %, крестьян — 21 %. Татарское население города насчитывало до 20 % и было сосредоточено в основном за Булаком и Кабаном, в Старой и Новой Татарских слободах. Слободы отличались от других районов города особым национальным культурным колоритом, своеобразным укладом жизни и быта, здесь размещались магазины и лавки татарских купцов, мастерские национальных ремесленников, центрами духовной культуры были мечети, медресе и мектебы, библиотеки. В закабанной и забулачной частях Казани размещалось немало промышленных предприятий: заводы и фабрики братьев Крестовниковых, Либиха, Азимова, Утямышева, Арсланова. Татарский рабочий люд селился в промышленном Заречье — в Ягодной, Пороховой, Игумновой, Козьей и Адмиралтейской слободах.

Важным фактором возникновения новой культурно-цивилизационной ситуации в татарском мире явилось расширение границ татарской диаспоры, насчитывавшей, согласно переписи 1897 года, 2 230 тыс. человек. К концу XIX века татары, составляя относительное большинство населения в регионах традиционного проживания (Волго-Уралье), активно мигрируют в двух основных направлениях — в промышленные районы Европейской части Российской империи и Кавказа, а также на восток в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Во второй половине XIX века в Сибири появилось более 40 тыс. переселенцев из Волго-Уралья, в Европейской России и на Северном Кавказе около 30 тыс.² Наиболее крупные группы татарского населения проживали в Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской, Симбирской и Оренбургской губерниях. По мере развития капиталистических отношений увеличивалось число татар-горожан. Основная масса татарского городского населения сосредоточивалась в Казани, Уфе, Оренбурге, Астрахани, быстро увеличивалось татарское

---

¹ История Казани. — Кн. 1. — Казань, 1988. — С. 156.

² *Исхаков Д. М.* Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XIV — начале XV в. // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 286.

население и других городов, особенно столиц — Петербурга и Москвы.

Значительной силой становилась татарская буржуазия, выросшая из торгово-купеческого сословия XVI—XVIII веков. В пореформенный период татарская буржуазия активно пополнялась выходцами из крестьян. Таких предпринимателей оказалось особенно много в местах концентрации кустарно-ремесленного и фабрично-заводского производства — в Казанской, Уфимской, Оренбургской и Симбирской губерниях. На рубеже столетий наиболее крупными представителями национальной буржуазии были Арсланов, Утямышев, Азимов, Сайдашев, Субаев, Каримов, имевшие в Казани и губернии крупные производства. Известны были крахмально-паточный завод М. Азимова, хлопчатобумажная фабрика М. Утямышева, мыловаренный завод и глицериновое производство И. Арсланова, стекольный завод А. Сайдашева. На рубеже веков закрепилась региональная специализация татарского промышленного предпринимательства: в Казанской губернии в руках татарской буржуазии концентрировались традиционные для татарского капитала фабрики и заводы — ткацкие, мыловаренные, кожевенные и меховые, в Симбирской и Саратовской губерниях сосредоточивались суконные производства. В Вятской губернии — хлопчатобумажные, на южном Урале действовали салотопенные заводы. Купцы Акчурины¹ владели суконными фабриками в Симбирской губернии, Рамеевым принадлежали золотые прииски в Орске и Верхнеуральске, Хусаиновым — салотопенные заводы в Оренбургской губернии, а Яушевым — мыловаренные и кожевенные заводы в Троицке. В Казахстане и Средней Азии татарские предприниматели занимались не только производством, но и имели прочные позиции в оптовой и транзитной торговле. В Верном (ныне Алматы, Алма-Ата) были хорошо известны татарские купцы-миллионеры Абдулвалиевы и Халитовы, в Семипалатинске — Мусины и Рафиковы, в Симбирске — Алиевы, Акчурины и Абишевы, на Урале — Агафуровы, Хусаиновы, Яушевы, Рамеевы и Ахметзяновы, в Астрахани — Ягудины, Мухамедовы, Абдуллины².

К концу XIX века развитие капиталистических отношений в среде татар приводит к укрупнению промышленных предприятий и образованию промышленных объединений в форме торговых домов. В 1892 году татарам принадлежало 10 торговых домов, денежный капитал которых составил 838 тыс. рублей³. В частности,

---

¹ Из рода купцов и фабрикантов Акчуриных вышли общественные деятели, учёные, литераторы, художники, археологи, инженеры. Дочь Асфандияра Акчурина Зухра стала женой И. Гаспринского, помогала ему в издании газеты «Терджиман» («Переводчик»).

² См.: *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — Казань, 1999. — С. 20.

³ *Хасанов Х. Х.* Формирование татарской буржуазной нации. — М., 1965. — С. 115.

крупными объединениями были «Торгово-промышленное товарищество А. Сайдашева и Б. Субаева» и товарищество «Дебердеев с братьями». Темпы слияния татарского торгового с промышленным капиталом и образования торговых домов исключительно высокими были в канун 1914 года. Их число выросло в 15 раз и достигло 154 с капиталом в 4 925 тыс. рублей. Татарский торговый и промышленный капитал проникал в Туркестан, Казахстан, на Дальний Восток и в Китай. К 1914 году татарские капиталисты имели 141 промышленное предприятие, в т. ч. 90 — в Поволжско-Уральском регионе, 19 — в Средней Азии, 18 — в Казахстане, 8 — в Средней Азии и 6 — на Кавказе, которые ежегодно производили товаров на 10 млн рублей¹.

Другим признаком активного складывания татарской нации в условиях утверждения индустриальной цивилизации необходимо считать формирование татарского национального пролетариата, который, по данным Всероссийской переписи 1897 года, насчитывал 89 тыс. человек, а к 1914 году — примерно 150 тыс., в т. ч. 90 тыс. в Донском угольном бассейне, до 15 тыс. на нефтепромыслах Баку, 8—10 тыс. на предприятиях Казанской губернии, 5 тыс. на текстильных производствах Орехово-Зуева, более 4 тыс. на заводах Урала, а также около тысячи — на Ленских золотых приисках и т. д.² Татарский пролетариат по численности занимал в Российской империи четвертое место, уступая лишь русскому, украинскому и латышскому отрядам рабочего класса. Усиливалась прослойка потомственных рабочих-татар, формировался слой квалифицированных рабочих из татар в различных отраслях производства (мыловарение, меховое и ткацкое дело, обработка кожи и т. д.).

Пореформенные годы характеризуются ускоренным включением в рыночные процессы и крестьян — класса земледельцев. К началу 1880-х годов зажиточные крестьяне составляли уже 5,3 % татарского крестьянства в Казанской губернии, разорявшиеся земледельцы вынуждены были идти в наемные сельскохозяйственные рабочие или пополнять ряды промышленного пролетариата. Часть малоземельных крестьян отправлялась на сезонные приработки.

Таким образом, во второй половине XIX века социальная структура татарского общества активно трансформируется, всё более приобретая характеристики, присущие буржуазной эпохе и индустриальному обществу.

Модернизация как признак Нового времени и индустриальной эпохи оказывала преобразовательное воздействие на все стороны общественной жизни. Духовная сфера также не оставалась вне её

---

¹ См.: *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — Казань, 1999. — С. 22–23.

² *Амирханов Р. У.* Образование татарской нации. Культурное сближение и слияние различных групп татар // *Материалы по истории татарского народа.* — Казань, 1995. — С. 300–301.

влияния. Зарождение и развитие капиталистических отношений диктовали необходимость приспособления всей духовной жизни татарского общества, в т. ч. и её основы — ислама, к новой социокультурной ситуации. Модернизация вызвала к жизни такие феномены, которые не только значительно ускорили цивилизационное развитие татарского общества, но и стали своего рода «брендом» новой эпохи.

Модернизационные процессы в татарском обществе, отражая общие закономерности, присущие мусульманской модернизации в целом, на каждом из этапов обновления обретали соответствующие специфике их задач свои вполне законченные формы. Общепринятой в литературе становится следующая периодизация мусульманской модернизации в России: религиозное реформаторство, просветительство, джадидизм. Причём джадидизм, «как правило, воспринимается в качестве развитой фазы предыдущих этапов и стадий перехода к политической модернизации»¹.

Религиозное реформаторство не только открывает полосу модернизации, но и пронизывает все последующие этапы и формы вплоть до начала XX века. Такая особенность вытекает из особой роли ислама как универсальной системы, определяющей и контролирующей практически все стороны жизни мусульманского общества². Отличительная черта начального этапа татарского религиозного реформаторства заключалась в критике традиционализма, обращении к первоисточкам ислама и концепции «открытия дверей иджитихада». Иджитихад — это право на возможность по-новому, в свете реальной действительности, трактовать религиозные каноны. «Главной характерной чертой, доминантой из перечисленных его особенностей была борьба с традиционализмом, представители которого препятствовали проникновению любого нового веяния в жизнь мусульман. Развивающееся в условиях наступления Нового времени татарское общество требовало не отказа от религии, а её большей открытости в соответствии со сложившейся реальностью...»³

Идейными столпами раннего периода реформаторства были виднейшие учёные-мыслители своего времени, духовные лидеры татарской нации А. Утыз-Имяни и А. Курсави. Их многогранная подвижническая и новаторская деятельность прокладывала дорогу для реформ во многих других сферах общественной жизни. Татарское религиозное реформаторство и развивавшаяся на его волне татарская религиозная философия сыграли «огромную роль в поднятии уровня элиты татарского общества, подготавливая его умы для принятия нового образа мышления в связи

---

¹ Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX — начало XX в.). — С. 164.

² См. подробнее: Мухаметшин Р. М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. — Казань, 2005.

³ Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. — Казань, 2002. — С. 97.

с наступлением эпохи Нового времени»¹. Вслед за поколением первых реформаторов пришла новая генерация интеллектуалов. Они, развивая традиции религиозного реформаторства, развернули многогранную просветительскую и общественно-политическую деятельность.

Наиболее важным результатом последующего развития татарской религиозно-реформаторской практики и общественно-философской мысли является становление татарской светской философской мысли и просветительского движения. «Мотором» этого движения стал новый слой татарского общества — учёные и богословы, философы и педагоги, предприниматели и общественные деятели, осознававшие себя представителями нации и стремившиеся поднять культуру своего народа на европейский уровень.

Идейными вдохновителями татарского просветительского движения выступили Х. Фаизханов, Ш. Марджани, К. Насыри. В центре их внимания находились насущные проблемы общественного бытия. В их трудах, в отличие от представителей ранних этапов просветительства, сочетаются и взаимодополняют друг друга религиозный и светский пласты мировоззрения. В них заметно влияние не только общетюркской и арабо-мусульманской, но и русской философской мысли. Через «русское окно» на татарскую культурную почву проникали идеи западноевропейского Просвещения. Татарское просветительство по силе и мощи воздействия на умонастроения татарского общества вышло за рамки общекультурного явления, связанного с проблемами распространения знаний, расширения системы народного образования и воспитания новых молодых поколений. Оно, по мнению исследователя А. Юзеева, сопоставимо типологически с классическими моделями просветительской идеологии.

Джадидизм как более высокий этап просветительства стал принципиально новым явлением в татарской общественной жизни². Он явился формой ответа на вызовы эпохи модернизма, когда просветительское движение обретает роль локомотива модернизации тюркского традиционного сообщества России, всё более обретая силу и роль национальной идеи. Наряду с европейским вектором его социальной и культурной эволюции, корифеи джадидизма Марджани и Гаспринский разворачивают татарский народ к своим историческим корням, тонко и эффективно адаптируя его к политическим реалиям России и общемировым тенденциям. Важно и то, что философия джадидизма трансформировала вхождение татар в мир исламских ценностей, где идеи капитализма давно уже вошли в жизненную практику мусуль-

---

¹ Там же. — С. 120.

² Важный вклад в анализ феномена джадидизма внесли труды Р. И. Нафигова, Я. Г. Абдуллина, С. М. Михайловой, Д. М. Исхакова, Т. К. Ибрагима, Ф. М. Султанова, А. Н. Юзеева, Р. М. Мухаметшина, Р. С. Хакимова, Р. Р. Шангараева.

ман. На российской почве они стали «заявкой на изменение всего уклада жизни татар на капиталистический лад»¹. Соединение усилий джадидов и национально-ориентированной татарской буржуазии подготовило исторический прорыв татар в XX век.

Известный венгерский учёный, востоковед А. Вамбери так оценил значение этого прорыва: «Вы, татары, в этом отношении проявили достаточно много стараний, за несколько лет продвинулись далеко, оставив в удивлении весь мир, и, если вы будете продолжать тот же путь, продвинетесь ещё дальше. Уверен, за короткое время вы обгоните все тюркские народы, ...и тогда достигнете статуса общего предводителя, общего наставника»².

Таким образом, татарский народ, будучи включённым в русско-православный цивилизационный мир, на протяжении почти четырёх веков, адаптируясь к вызовам времени и не прекращая борьбу за сохранение историко-цивилизационной идентичности, самобытности и способности оставаться конкурентоспособной этнокультурной величиной, совершил интеллектуальный, духовный, нравственный и психоментальный Подвиг. Подвиг исторический, ставший для народов, конфессий и всего мира моделью-образцом.

XX век вместил в себя множество феноменов самого разного, часто контрастно-полярного характера. Его исторический облик определялся революциями и войнами, индустриально-технологическими скачками и модернизационными прорывами, духовными исканиями и культурными «взрывами», политико-идеологическими экспериментами и возрастающей ролью национального фактора. Перед Российской империей в начале прошлого века одновременно встали три задачи. Европа столкнулась с ними значительно раньше и обрела к тому времени опыт их решения. Первая задача была связана с модернизацией страны и переводом её в фазу буржуазно-демократического развития. В качестве второй выступал национальный вопрос — эмансипация нерусских народов. Третья задача определялась перспективой осуществления социалистической революции и строительства нового цивилизационного мира.

Совпадение этих трёх императивов в одной временной точке привело к кульминации — «взрыву» копившихся в недрах общества политических, социальных и экономических конфликтов. Детонатором этого «взрыва» в наибольшей степени являлся национальный фактор. В многонациональной империи нерешённость национального вопроса, продолжение национального гнёта, политическое и культурное неравноправие вырабатывали нарастающую по силе протестную энергетику, которая, канализируясь по многим направлениям, ускоряла развитие центробежных тен-

---

¹ Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — Казань, 1999. — С. 23.

² Валеев Р.К., Гатин А. А. Арминий Вамбери как историк казанских татар. — Т. 148. — Кн. 4. — Казань, 2004. — С. 59.

денций и потенциал напряжённости в обществе. «Инородческий вопрос» придавал «особенную остроту проблемам поддержания целостности империи»¹.

Первая революция в России (1905—1907) неслучайно называется «весной народов». Она вызвала к жизни волну пробуждения и надежду на включение национальных «ручейков» в процессы революционных перемен. Октябрьская революция, на которую история возложила миссию демократического решения национального вопроса, стала объективно необходимой, неизбежной. К сожалению, этот редкий в истории шанс на мирную трансформацию России был упущен.

Здесь, на этой странице автор предлагает вкратце обратиться к проблеме роли социальных революций в плане их возможностей решения национального вопроса. Революции подобного формата, на его взгляд, имеют иное предназначение. Первичны для них вопросы власти, политического и экономического устройства. Но и они не всегда решаются полно, глубоко. Плуг революции, пытаясь вспахать всю почву системы сразу и широким охватом, неизбежно оставляет нетронутыми многие структуры надстроечного порядка. Обычно среди них оказывается национальный вопрос — мировоззренческий стержень общественного бытия. Он всегда на знамёнах всех революций — таков тактический умысел. Но потом он «забалтывается», сходит с горячей повестки. Правда, лишь до очередного вскипания этнокотла.

Возникает множество вопросов. Почему национальный вопрос, будучи искрой революции, чаще остаётся в залежи вспаханной ею пашни? И вообще, существует ли он в обществе в чистом, очищенном виде, без прилипших к нему, а порой и задавивших его проблем? Если не существует, что же тогда постоянно и неизбежно сохраняет народ-страну в революционно-анархическом взводе: «кровь и почва», религиозная закваска? А может, вообще нациократер укротить раз и навсегда окончательно не удастся?

Если вести поиск ответов на эти вопросы в диапазоне рассуждений в духе от аскезного смысла французской «Марсельезы» до российско-революционного набата «Вихри враждебные веют над нами...», то это завораживает воображение. Понимаешь одно: мы всё ещё во власти ало-красных, кровавых мифов-угроз, исходящих от «искры» революции, и метафизика феномена нациовопроса нам до сих пор недоступна. Налицо неразгаданность тайны его природы, нераспознанность сути самого явления, отсюда — недооценённость национального фактора — этой божественной секреции, без которой человек может остаться тем, кем был, — животным. Закономерность состоит в том, что пренебрежение и его вывод за скобки сущего-определяющего, подводит человечество к череде драм. В чреве и нынешнего разлома Истории вновь опасно проклевывается головка «этнобеса». К сожалению,

---

¹ Кэмпбелл Е. И. Мусульманский вопрос в России: история обсуждения проблемы // Исторические записки. — 2001. — № 4. — С. 132.

современный мир, занятый решением действительно важных, глобальных проблем, но не связывая их с нациофактором, не ощущает того, что на самом деле занимается репетицией спектакля — драмы под названием «Третье тысячелетие: Армагеддон».

Размышления, которые автор представил на полях этой книги, вызваны далеко не только метаморфозами одной татарской национальной судьбы. Она действительно, драматична, часто трагична, но полноводна, поучительна и интернациональна. В ней частичка рока каждого и любого этноса всех времён. Явное или контекстное (скрытое) отражение чаяний, грёз, мечт-утопий всех жильцов интернационального Дома — «Земля». Для татар интернациональность — привычный уклад жизни, образ мышления и действия. Им легче быть, в этом смысле, неким всеобщим лекалом. Но и труднее нести груз исторического пионерства. «Татарскость» в таком контексте на протяжении всей имперской российской истории являлась своего рода «огнивом» — примером, согревавшим надежду и освещавшем путь к равенству и культурно-цивилизационному расцвету собратства народов страны. Именно энергия собратства лежала в основе «умственного труда» и «нравственного подвига» русского народа», — не раз отмечал патриарх отечественной истории В. О. Ключевский. «Народ воспитывается историей», историей развития отношений солидарности в «людском общежитии». «Татарскость» не как сугубо национальное (ибо татары сами многокорневой народ), а как явление интернациональное по сути и характеру органично вписывается в концепцию В. О. Ключевского, впервые осмыслившего и оценившего весь «путь русских» — от этапа восточного славянства до великодержавной эпохи Александра II — как путь соразвития народов.

Входя во всеобщий поток Октября, как всегда, подавая пример решения национального вопроса не как второстепенного, а как первичного, влияющего на исход исторического эксперимента, татары выбрали верный, по-ленински — «правильный путь для победы Октября». Революция не всегда, но часто «пожирает своих детей». Татар огонь революции, длившейся десятилетия, не «сожрал», но обжёг, как и многих других её национальных акторов. Надо ли на это обижаться? На революцию как очистительную бурю, без которой человечеству не обойтись, не обижаются. Она, ускоряя ход движения локомотива истории, всё же выводит на новую ступень прозрения, формулирует новые «домашние задания», решая которые, человечество продолжает пробираться через её буреломы. При этом стремление погасить, задуть раскалённые национальные угли революции чревато тем, что искры могут обжечь лицо. В обоснование важности такого мыслехода автор призывает на «помощь» авторитет историка с мировым именем А. Каппелера, который национальный фактор-вопрос ввёл в контекст базисных проблем общества. «...Национальные конфликты, — отмечает он, — разыгрываются не в пустом пространстве и всегда состыкованы с социальными,

политическими и экономическими противоречиями. Тем не менее национальные движения развивают свою собственную динамику, которую нельзя недооценивать. Как велика взрывная сила этнически окрашенных конфликтов, включающих столкновение социальных, политических и экономических интересов, вновь продемонстрировало развитие Советского Союза с 1988 года, во многом напоминающее события 1905 и 1917 годов»¹.

Кем и чем предстояло стать татарскому народу, в числе первых вошедших во «врата» Октября? Мог ли он влиять на прорыв революции в направлении демократического решения векового для России национального вопроса? Народ, имеющий стаж бытия, исчисляющийся тысячелетиями, пережив испытания, сравнимые почти с теми, которые описаны Гомером в «Одиссее», в библейских сюжетах о всемирном потопе, в мифологиях времён «войны богов» и в средневековых манускриптах, окрашенных цветом крови «войны всех против всех», конечно, имел право, основание и готовность стать агентом федералистского устройства страны, каковыми по своей типологии являлись тюрко-татарские цивилизации. Образный фон в данном случае дан не для сгущения красок исторической судьбы татар, вошедших во всемирную историю на заре становления первых очагов человеческой цивилизации, а для подчёркивания того факта, что их Прометеев огонь житнетворения не погас и под российско-имперской гранитной плитой, а тлея ждал и жаждал наступления революционных перемен. Пассионарного духа, ума и таланта татар хватило не только для собственного самосохранения, но и для участия в возжжении очага жизни в ново-российском цивилизационном Доме и усиления запаса витальной энергии всего человечества.

На каждом круге истории у татарского народа были свои задачи-проблемы. Одни на хуннско-тюркском, другие на золотоордынско-булгарском, третьи — в рамках имперской России. И решались они не в отрыве, а в едином общечеловеческом общении, не в одиночку, горя или радуясь собственным успехам, а вместе со своими ближними и дальними соседями, испивая полную чашу одной общей исторической судьбы.

В двадцатое столетие татарский народ вошёл не сломленный духом, не с перебитым или сторбленным хребтом, а сохранив свою гордую стать, светлое и чистое, совестливое лицо. С достаточно богатым багажом культурных, научных, интеллектуальных, технологических достижений. На его духовном небосклоне целая галерея имён светил, вошедших в мировую энциклопедию литературы, музыки, искусства. За его плечами три крупных волны культурно-духовных Ренессансов. Татарский народ в рамках почти четырёхвековой полосы сумел не только самосохраниться, не потеряв идентификационной сущности, но стать исторической

---

¹ Каннелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. — М., 1996. — С. 270.

силой, способствовавшей успешной трансформации феодально-крепостнической Московской Руси в мировую державу. Он один из двух основных (русские и татары) государствообразующих народов. Для них обоих катаклизмы имперской эпохи остались позади. Впереди их поджидали новые мегапроблемы, подъёмы, взлёты и поражения в ходе осуществления самого масштабного и уникального по характеру исторического эксперимента — строительства цивилизационного Дома нового типа — социализма. И опять общего, единого, интернационального.

Сколь бы ни был сложным и энергозатратным процесс воздвижения нового Дома, его защита как цитадели и гаранта мира на Земле оказалась задачей несравненно более трудной. Священные строки Гимна СССР «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь...» образно, но точно передают ключ к расшифровке кода целостности и величия советской цивилизации. И опять татары неслучайно оказались на передовой в 30-е, когда страна обретала индустриальную мощь. И в огненно-сороковые, «работая» на Победу над фашизмом. В составе поколения «шестидесятников»-первооткрывателей целины степной — зерновой и нефтяной, сотворителей научно-технического прорыва на Земле и в космосе татарская компонента была также весомой. «Восьмидесятники» (последнее советское поколение как в страновом, так и в татарстанском формате) явились базисом формирования образа и сути постсоветской России. Каждый из них посвящал себя одному — убережению и укреплению совместно сотворённого сакрального общего «Дома». Татарский народ воспринимал это как свою историческую миссию, как миротворческий вклад в Большую историю человечества.

СОВЕТСКИЙ ТАТАРСТАН: PRO И CONTRA

Нет ничего хуже так называемых уроков истории, если их плохо понимают и делают неправильные выводы.

Поль Валери

Каждая эпоха — «остановка времени».

Жан Бодрийяр

В цитатном начале данного раздела — «рой» горячих мыслей-вопросов: правильно ли был выбран маршрут дальнейшего развития империи, случайно доставшейся большевикам. Были ли другие альтернативы? Какова роль В. Ленина и его «железной» гвардии в создании концепции строительства социализма? А может быть, её и вовсе не было и страна стихийно соскользнула с рельсов, прокладываясь веками? Намеренно ликвидировала систему, идеологию и философию управления нацией-империей, отказалась от всего культурно-цивилизационного, накопленного ради осуществления идеи фикс? Вопросов подобного рода много. Поэтому автор предлагает обратиться к тому, как всё начиналось, что пытались сделать в ходе эксперимента и чего достигли.

Начало исторической драмы под названием «Октябрь-1917», длившейся 74 года, как и запев любой революции, было овеяно романтикой, верой в то, что светлое будущее страны лежит через «крушение до основания» «обветшало» Дома — цивилизации с тысячелетним стажем. На знамени рождающейся новой России красно-алым цветом пламенели её символы: «Мир» — «Земля» — «Национализация накопленного богатства». В какой мере были выполнены эти клятвы-обещания большевиков известно. Но национальный вопрос ни тогда в экстазе революции, ни позже, даже на этапе «развитого социализма», не стал ключевой в жизнедеятельности государства. Большая империя, сотканная из мозаично-национальных лоскутков, вошла в новое революционно-советское летоисчисление, без выяснения главного вопроса: какой должна быть новая Россия — унитаристской или федералистской, союзом равноправных или лестнично-иерархического выстроенного ряда народов. Нациопроблема, ограниченная бисером заторных формул «интернационализм», «дружба народов», «право наций на самоопределение», так и не была решена в варианте адекватным характеру вызовов времени. Превратившись в мину замедленного действия, во многом именно она, подточив изнутри, взорвала империю СССР. Такая империя, как и первая, монархическая, должна была умереть¹. От хронического недостатка «кислорода» свободы в крови, доставляющего к сердцу системы национальными единицами.

---

¹ См.: *Зыгарь М. В.* Империя должна умереть. — М., 2018.

Как восприняли татары идеи-лозунги Октября? Каковы были вариации их судьбы в ходе реализации социалистического мегапроекта? И даже по истечению десятилетий на них нет однозначных ответов.

Итак, раздался выстрел пушки из крейсера «Авроры». Дальше всё шло по расписанию, составленному стихией большевиков. Новая власть, стремясь привлечь на свою сторону народы России, применила приём прямого обращения к трудящимся. Уже на II Всероссийском съезде Советов, провозгласившем победу революции, была принята «Декларация прав народов России», объявлявшая отмену всех национальных привилегий, равенство и суверенность народов России, их право на свободу самоопределения вплоть до отделения. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявлялось, что советская власть предлагает народам свободно и беспрепятственно устраивать свою национальную самобытную жизнь.

В ноябре 1917 года в составе Совета Народных Комиссаров создаётся Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) во главе с И. Сталиным. Руководителем мусульманского комиссариата Наркомнаца стал Г. Ибрагимов. В феврале-марте мусульманские комитеты были созданы в составе Казанского губернского Совета и в некоторых уездных Советах. Передача мусульманским народам национальных культурных ценностей и архитектурных памятников (башни Сююмбике в Казани и Караван-Сарая в Оренбурге) должна была повысить авторитет новой власти и символизировать уважение национальных интересов.

Параллельно с укреплением советской власти произошли два важнейших события. Во-первых, завершились выборы в Учредительное собрание, которое 5 января 1918 года открылось в Петрограде. Оно отказалось обсуждать большевистскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и уже на следующий день было распущено. Во время краткого заседания Собрания один из лидеров мусульманской фракции выступил за признание за всеми населяющими Россию народами права на территориальное и национальное культурное самоопределение¹. С роспуском Учредительного собрания был потерян шанс на демократическое и легитимное реформирование национально-государственного устройства России, обозначилась реальная угроза развязывания гражданской войны. Для мусульманских народов важным стало открытие работы 22 ноября 1917 года в Уфе Национального собрания (Миллет Меджлисе), на который из 110 депутатов прибыли 96. Председателем был избран авторитетный политик, депутат II и III Дум С. Н. Максудов, заместителем стал бывший депутат IV Думы И. А. Ахтямов.

---

¹ Всероссийское Учредительное собрание. Стенографический отчёт. — Одесса, 1918. — С. 51.

Национальное собрание заседало в течение почти двух месяцев, образовав комиссии: мандатную, законодательных предположений, финансовую, просвещения и религиозную. 29 ноября 1917 года принято решение о создании территориальной автономии татар, башкир и других народов в форме Урало-Волжского штата («Идел-Урал штаты»). Обсуждалось несколько вариантов территориальной автономии. Вскоре после роспуска Учредительного собрания опубликовано постановление Миллет Меджлисе об Урало-Волжском штате и его взаимоотношениях с другими областями Соединённых республик России: «1. Создание Урало-Волжского штата должно быть обеспечено. 2. В состав штата входят Казанская, Уфимская, Оренбургская губернии полностью, те части Симбирской губернии, где проживают марийцы и чуваша. Все народы равноправны. 3. Форма управления — республиканская, эта республика вместе с другими должна составлять Соединённые республики России. 4. Почта, телеграф, железные дороги, водные пути, мера весов, денежная система должны находиться в распоряжении центрального правительства»¹.

Проект Г. Шарафа, помимо Казанской и Уфимской губерний, предполагал включить в состав Урало-Волжского штата территории с татаро-башкирским населением Оренбургской, Пермской, Вятской, Самарской и Симбирской губерний. Население автономий в таком случае составило бы 7 млн человек, из них 3,7 млн татаро-башкир, 2,7 млн русских, более полу-миллиона чувашей, марийцев и удмуртов. Парламент (Меджлис) получал право широкого законодательного регулирования внутренней жизни штата. Можно согласиться с современными исследователями, которые рассматривают данный проект как программу создания территориально-областной автономии с элементами культурно-национальной автономии.

Меджлис сформировал Коллегию по созданию штата, которая должна была выехать в Казань и урегулировать вопрос с Казанским Советом. При реализации идеи Урало-Волжского штата предполагалось опереться на II Всероссийский мусульманский военный съезд, открывшийся в Казани 8 января 1918 года. После острый полемики съезд решил «признать необходимым образование Волжско-Уральской Советской республики в составе Российской Федеративной Советской Республики»². Провозгласить республику «Идель-Урал» намечалось в Казани 1 марта 1918 года. Но Казанский Совет попытался помешать плану. Он отправил телеграмму, предписывавшую задержать направлявшиеся в Казань мусульманские части и арестовать руководителей Харби шура (Военного совета).

В то же время в Казани 21–22 февраля 1918 года открылся областной съезд Советов Поволжья и Приуралья. На нём было

¹ Татары и Татарстан. — Казань, 1993. — С. 51.

² *Султанбеков Б. Ф., Харисова Л. А., Галлямова А. Г.* История Татарстана. XX в. 1917–1995 гг. — Ч. 4. — Казань, 1998. — С. 47.

решено образовать Урало-Волжскую Советскую республику в составе РСФСР, акцентируя при этом право национального пролетариата и беднейшего крестьянства на полное «культурно-национальное самоопределение».

После попыток силового давления на сторонников провозглашения республики «Идель-Урал» и убийства в конце февраля 1918 года лидера движения Г. Вайсова обстановка в Казани ещё больше накалилась. Казанский Совет и руководство Мусульманского съезда пошли на компромисс: Совет освободил лидеров Харби шуро в обмен на обещание отказаться от провозглашения республики «Идель-Урал». После этого деятели национального движения перенесли работу за Булак (протока в Казани), где провозгласили так называемую «Забулачную республику». Сложилось своеобразное двоевластие.

22 марта 1918 года появляется третий проект — декрет и положение о Татаро-Башкирской Советской республике, который, по мнению историков И. Р. Тагирова и Р. К. Валеева, преследовал как минимум две цели: «Первая — выбить инициативу создания национальной государственности из рук лидеров национального движения. Вторая цель заключалась в том, чтобы не создавать её»¹. Однако первоначально, по свежим следам, этот замысел ещё не был ясен. Весной и летом 1918 года проходят совещания и заседания представителей народов Поволжья и Приуралья, представителей Советов, обсуждающих проекты создания Татаро-Башкирской Советской республики. В этих условиях в конце марта 1918 года возглавляемые большевиками отряды, почти не встречая сопротивления, вошли в «Забулачную республику», прекратив её существование.

Важным явлением, существенно повлиявшим на процессы реализации проекта «Идель-Урал» и Татаро-Башкирской республики, явилась деятельность «Башкирского шуро» и Башкирского правительства, провозглашённых по инициативе А.-З. Валидова в конце 1917 года в Оренбурге на Башкирском Учредительном собрании (Курултае). В январе 1918 года с вступлением в Оренбург регулярных частей Красной Армии члены этого правительства были арестованы, а в апреле 1918 года освобождены отрядом атамана Дутова. Башкирское правительство А. Валидова возобновило свою деятельность.

Все эти события предшествовали гражданской войне, начатой майским выступлением частей чехословацкого корпуса, но фактически они были не только фоном, на котором война зрела в Поволжье и Приуралье. Они являлись латентным её проявлением. В июне 1918 года, после взятия чехословацкими отрядами Самары, действовавший там Комитет членов Учредительного собрания объявил себя временной властью с исполнительными, законодательными, судебными и военными функциями. С конца августа 1918 года роль правительства взял на себя «Совет

---

¹ Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 414.

управляющих ведомствами». В июне-августе 1918 года власть Комуча распространилась на Самарскую, часть Саратовской, Симбирскую, Казанскую и Уфимскую губернии. Комуч отменил Декреты советской власти и намеревался вернуть власть всенародно избранному Учредительному собранию.

В составе Самарского Комуча активно работали члены мусульманской социалистической фракции Учредительного собрания И. Алкин, Г. Терегулов, Ф. Туктаров. Мусульманские деятели Комуча в августе 1918 года разработали проект «основных положений о национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири», предполагавший Миллет Меджлисе в качестве законодательного парламента тюрко-татарской автономии. В то же время власть Комуча в Казани оказалась крайне непродолжительной: взятый ими под контроль 6 августа 1918 года город 10 сентября перешёл в руки Красной армии. Переход города из рук в руки сопровождался политическими репрессиями и расстрелами. После падения Самары в сентябре 1918 года деятели Комуча провели Уфимское государственное совещание, в котором наряду с делегациями Комуча, Сибирского и Уральского временных правительств, казачьих войск востока России, Сибирской областной Думы, общероссийских партий и общественных союзов участвовали национальные делегации Туркестанского автономного правительства (Кокандская автономия), Казахского правительства («Алаш-Орда»), башкирского правительства Валидова и правительства тюрко-татар внутренней России. Совещание провозгласило власть «Временного Всероссийского правительства» («Уфимской директории»), которое в свою очередь было заменено в ноябре 1918 года «Омским правительством». Верховным правителем Российского государства стал адмирал Колчак, выступавший под лозунгом «единой и неделимой России».

А. В. Колчак занял жёсткую позицию в отношении башкирской автономии, ранее признанной Комучем и Временным Сибирским правительством, ликвидировал башкирское правительство и передал командование башкирскими военными частями казачьему атаману А. И. Дутову. Политическая ситуация подтолкнула башкирского лидера А.-З. Валидова на компромисс с советской властью. В марте 1919 года было подписано «Соглашение Российского рабоче-крестьянского правительства с башкирским правительством о Советской автономии Башкирии». Так образовалась Советская Башкирия в составе РСФСР, а в декабре 1919 года заседание ЦК РКП (б) отменило положение об образовании Татаро-Башкирской Советской республики. Впрочем, территория БАССР поначалу ограничивалась так называемой «Малой Башкирией», в составе которой оказалась часть территорий Уфимской, Оренбургской, Екатеринбургской и Самарской губерний со столицей в Стерлитамаке.

Таким образом, несмотря на наличие различных вариантов и проектов создания культурно-национальной автономии,

идея возрождения татарстанской государственности тогда из-за сложнейшей политической обстановки не была реализована. Бескомпромиссное противостояние политических и классовых сил в ходе гражданской войны не только развело крупных татарских политических деятелей по разные стороны баррикад, но и привело к трагической гибели многих авторитетных общественных лидеров национального движения, таких как М. Вахитов и Г. Вайсов.

Особенности исторического развития Советской России во внешнеполитическом и внутреннем её измерении, недостаточная степень консолидации татарского народа и отсутствие объединительной национальной идеи, адекватной задачам выхода на более высокий политико-статусный уровень, обусловили решение татарского вопроса в форме Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

В литературе этот момент в судьбе татар оценивается неоднозначно. Разброс оценок варьируется в рамках полярных полюсов: от оптимистически-патриотической оценки его (как «великой исторической победы татарского народа») до пессимистической (как его исторического поражения). Автор в этом принципиальном вопросе привержен умеренно-позитивной оценке образования ТАССР. Оно может быть определено и как поворотный момент в развитии татарского культурно-исторического самосознания и как его этапно-политический итог. Несмотря на то что Татарская республика в составе советского государства во многом носила декларативный характер и несла на себе «печать» компромисса, не приходится сомневаться в том, что это был акт национального самоопределения.

Во-первых, потому что создание республики, не являясь результатом прямого волеизъявления татарского народа, всё же было объективным следствием его борьбы за своё национальное и социальное освобождение в колониальный период. Во-вторых, создание ТАССР означало «легитимирование» в политико-правовом пространстве России территориально-государственной особости татарского народа, причём в форме, вполне адекватно отразившей его сущностные стороны: «булгарскую» (территория) и «татарскую» (самоназвание). «Так или иначе, восприятие Татарской Республики именно как национального завоевания легитимировало её в татарском общественном самоназвании — понятием «Татарстан», имевшим не столько политико-правовой, сколько культурно-исторический смысл и превращавшим ТАССР в символ продолжения прерванной в XVI веке истории государственности татарского народа»¹.

Часто национал-ожидания колонизированного народа в моменты пассионарных «толчков» бывают завышенными ввиду их

---

¹ Гибадуллин Р. М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 127.

несоотнесённости с реальной исторической ситуацией, несоответствия возможностям конкретного времени. К тому же, как показывает опыт, ещё не готовый исторический «пирог» под названием «суверенитет» становится предметом спора, торга и разногласий различно-ориентированных политических сил.

Образование Татарской республики — один из примеров подобного рода рубежных событий. В условиях советской политической системы республика не имела возможности состояться и утвердиться как самостоятельное государство. Она оставалась декоративным государственным образованием с формальными атрибутами суверенности, но не субъектом политики Советского государства. «Однако, — как отмечает Р. М. Гибадуллин, — хотя эта политика в основном шла вразрез с интересами развития татарского общества и даже в какой-то мере продолжала колониальную традицию его национально-культурного подавления, тем не менее она объективно имела для Татарской республики некоторые позитивные последствия, ибо формировала важные предпосылки развития её самостоятельности в дальнейшем: индустриальную экономику и характерную для неё социальную структуру, включавшую в себя новую национальную элиту»¹.

Позитивные последствия образования Татарской республики этим, конечно, не ограничиваются. В республике можно найти компромиссный итог целой полосы развития татарско-русских (казанско-московских) почти четырёхсотлетних отношений, включавшей сочетание мирных и военных, культурно-цивилизационных и политико-идеологических и многих других форм. Но это был не финальный итог, дававший основание для торжества и самодовольной успокоенности, а лишь результат, который ориентировал на эволюцию взаимодействия. «Какими бы мизерными ни были права Татарской республики, — считает И. Р. Тагиров, — он стал той базой, опираясь на которую, в последующие годы развернулась борьба за создание суверенной государственности». «Создание пусть даже куцей автономии, — продолжает профессор, — имело большое историческое значение»².

Весь ход событий, развернувшихся вокруг идеи создания Татарской республики, подтверждает сложность и противоречивость самой революционной эпохи и высокий накал конфронтации участников революционного процесса. Лишь после длительной дискуссии на завершающей фазе гражданской войны в январе 1920 года Политбюро большевистской партии санкционировало образование Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 27 мая 1920 года республика была создана, а 25 июня Казанский губисполком

---

¹ Гибадуллин Р. М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Socio-Версия. — Казань ; Набережные Челны, 2005. — Вып. 2. Либеральные и тоталитарные образы истории. — С. 127.

² Тагиров И. Р. Татарстан: вехи истории. XX — начало XXI в. — Казань, 2016. — С. 157.

передал полномочия власти Временному революционному комитету ТАССР, председателем которого стал С.-Г. Саид-Галиев.

На I Учредительном съезде Советов в сентябре 1920 года избран Центральный Исполнительный Комитет, который образовал Совет Народных Комиссаров — первое правительство республики во главе с С.-Г. Саид-Галиевым. Сложилась политическая система республики, ведущую роль в которой играла большевистская партия, возглавляемая Татарским обкомом РКП (б).

Одним из важнейших вопросов возрождения государственности татарского народа был вопрос о границах автономии. Первоначально в её состав были включены 12 уездов Казанской губернии (большая её часть), а также несколько уездов Симбирской, Вятской, Самарской и Уфимской губерний. В Декрете ВЦИКа об образовании ТАССР указывалось, что вопрос о включении в её состав Белебеевского и Бирского уездов Уфимской губернии с преимущественно татарским населением надо «оставить открытым впредь до волеизъявления трудящегося населения этих уездов». Однако «в последующем, вопреки воле трудящихся, стремившихся к воссоединению с Татарской республикой, было сделано всё для того, чтобы не дать возможности для передачи указанных уездов в состав Татарской республики»¹. Спустя два года, в 1922 году ВЦИК в указном порядке расширил территорию Башкирии за счёт Уфимского, Бирского и Белебеевского уездов Уфимской губернии.

Таким образом, уже в годы гражданской войны формируется жёсткая властная вертикаль, определившая политические контуры новой советской цивилизационной общественной модели и национально-государственного устройства. Декларированные ранее большевиками идеи самоопределения наций вплоть до отделения, а также создания федеративного объединения национальных государств шли вразрез с основополагающим советским тезисом о гегемонии пролетариата и его партии. В этом контексте выстраивается логика советского национально-государственного строительства начала 1920-х годов: вынужденность и фрагментарность реализации национального самоопределения, подчинение решения национального вопроса императивам политической борьбы. Декларируемые формы советского национально-государственного устройства наполнились классово-политическим содержанием и были обусловлены партийной централистской «демократией», жёстким подчинением партийному центру и партийным лидерам.

Эти установки легли в основу нового советского политического объединения — Союза Советских Социалистических Республик. При обсуждении вопроса об объединении советских суверенных республик, включая Украину, Белоруссию и Закавказье (в действительности уже находившихся в довольно жёстких договор-

---

¹ Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — Казань, 1999. — С. 169.

ных отношениях с РСФСР), встал вопрос не только о принципах нового объединения, но и о статусе входящих в Российскую Федерацию автономий. Сталинская идея «автономизации», т. е. вхождения республик-учредителей в состав России на правах автономии, фактического уравнивания национальных республик и организации вертикальной одноуровневой системы государственного соподчинения, была отвергнута. «Ленинский проект» предполагал создание нового этажа — «федерации равноправных республик» с широкими, почти конфедеративными правами, в т. ч. возможностью выхода из Союза и расторжения союзного договора. Предложения представителей Татарии и других автономий о повышении статуса республики до уровня союзной были отвергнуты.

В результате сложилась многоуровневая модель советского национально-государственного устройства: союзные республики, автономные республики, автономные области и округа. Активно выступавший за равноправие народов и республик, критиковавший сталинскую национальную политику член коллегии Наркомнаца М. Султан-Галиев был арестован, объявлен врагом¹. В 1923 году по инициативе И. Сталина состоялось секретное совещание ЦК РКП (б) с руководителями национальных республик, осудившее «антипартийную и антисоветскую работу Султан-Галиева» и так называемый «уклон к национализму»². «Дело Султан-Галиева» должно было в условиях надвигающейся сталинской диктатуры показать национальным лидерам рамки их политической самостоятельности и пределы национального суверенитета республик.

И всё же республики и автономии, сохранившие формальный статус самостоятельности, вошли в состав СССР. Так завершились сложно-драматические процессы национально-государственного строительства в советско-большевистском варианте. Теперь на повестку дня выдвигалась реализация сформулированной X съездом партии задачи ликвидации экономической и культурной отсталости угнетённых при царизме народов и достижения ими фактического равенства с помощью русского народа. Эту линию в апреле 1923 года продолжал XII съезд РКП (б), сфокусировав внимание на борьбе против уклона в сторону великодержавного шовинизма, представлявшего в то время главную опасность, а также в сторону местного национализма³.

В стремлении обеспечить максимальное развитие экономики и культуры экономически отсталых окраин коммунистическая

---

¹ См. подробнее: О трагической судьбе великого сына татарского народа «красного пророка» — М. Султан-Галиева в книге профессора Султанбекова Б. Ф. «Красный пророк. Воскрешение» (Казань, 2015).

² Тайны национальной политики ЦК РКП. IV совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве. 9—12 июня 1923 года. Стенографический отчёт. — М., 1992. — С. 280.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Т. 2. — 8-е изд. — М., 1970. — С. 433.

партия руководствовалась ленинским предупреждением: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создаёт то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говоря на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможно»¹.

Надо признать, что советская национально-государственная политика первой половины 20-х годов XX века стала мощным катализатором прогресса национальной жизни, реализовав многие принципиальные цели национально-освободительного движения той эпохи. В этом контексте образование ТАССР при всех недостатках было актом ликвидации правового неравенства татарского народа, восстановления национальной государственности спустя более трёх с половиной столетий. Нельзя не признать быстрого и достаточно сильного индустриального и культурного развития республики. Создание ТАССР давало татарскому народу надежду на возможность обрести в последующем самостоятельность и равенство с другими народами России.

Новый этап культурно-цивилизационного развития татарского народа наступил с началом грандиозного социально-политического эксперимента — строительства в СССР социализма. Если на заре советской власти большевистская стратегия перехода к социализму исходила из задачи удержания власти и осуществления мировой пролетарской революции, то глубокий социально-экономический кризис в конце гражданской войны заставил выработать новую экономическую политику (НЭП). НЭП подразумевал сочетание однопартийной политической системы и смешанной экономической модели для восстановления страны в условиях «враждебного капиталистического окружения» и отложенной на неопределённое время мировой революции. Нэповская хозяйственная модель представляла собой вариант смешанной экономики, важнейшими компонентами которой стали государственная собственность на крупную и среднюю промышленность, транспорт, связь, торговлю, ресурсы, использование элементов хозрасчёта на предприятиях, высокая степень централизации государственной промышленности и управления при ограниченной свободе торговли, предпринимательства и использования наёмной рабочей силы.

В социально-политическом плане НЭП был ориентирован на то, чтобы привлечь на сторону советской власти многомиллионное крестьянское большинство страны, в т. ч. в Татарстане. Подавляющее большинство населения республики составляли крестьяне, значительная часть которых в начале 1921 года испытывала неудовлетворение советской политикой и приняла участие

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 240.

в вооружённых крестьянских выступлениях, направленных против проводившейся в годы гражданской войны продразвёрстки¹.

Однако начало новой экономической политики, провозглашённой в марте 1921 года, отказ от продразвёрстки и замена её продналогом совпали в Поволжье и Татарии с тяжелейшей засухой и неурожаем. Историки Р. К. Валеев и Р. В. Шайдуллин полагают, что первопричинами неурожая 1921 года (урожайность тогда упала с 63,8 млн до 6,4 млн пудов зерна), наряду с засухой, явились несвоевременный посев и плохое качество посевного зерна². Голод и болезни привели к ужасающим масштабам смертности: за полгода с середины 1921 года в девяти кантонах республики она составила почти 40 тыс. человек³. Последствия голода удалось окончательно преодолеть лишь по прошествии нескольких лет. Благодаря НЭПу в 1925–1926 годах республика приблизилась к довоенным показателям: посевная площадь составила 102 %, валовой сбор хлеба — 79 %, валовая продукция крупной промышленности — 90 % от уровня 1913 года⁴.

Однако в рядах большевистских лидеров начавшееся укрепление рыночного сектора экономики вызвало опасение о возможном ослаблении роли РКП (б), провозгласившей целью строительство социализма. Поэтому был избран путь форсированного, насильственного строительства социализма.

Основой социалистической модернизации страны было ускоренное развитие тяжёлой индустрии. Первый этап индустриализации в Татарстане пришёлся на 1926–1928 годы, когда прошло техническое перевооружение многих предприятий (льнокомбинат в Казани, химзавод имени М. Вахитова, завод «Серп и молот», Бондюжский химзавод) и началось строительство меховой фабрики, городского холодильника в Казани, фанерного завода в Зеленодольске. Новый этап индустриализации в республике был связан с реализацией первого пятилетнего плана. Надо сказать, что идея пятилетки была привлекательной. Ведь стране предстояло ликвидировать технико-экономическую отсталость, превратиться в индустриальную державу с высокой обороноспособностью, преобразовать индивидуальные аграрные хозяйства в высокопродуктивные коллективные и совершить рывок от безграмотности к статусу самой читающей страны. Идея была тем более привлекательной, что проходила под знаком отказа от эксплуатации человека человеком.

Для народов России это означало перспективу цивилизационных изменений сразу в нескольких отношениях: общество должно было перейти от традиционного аграрного к модернизированному индустриальному; с ликвидацией частной собственности

---

¹ Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — С. 93–105.

² Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 425.

³ Султанбеков Б. Ф., Харисова Л. А., Галлямова А. Г. История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. — Ч. 4. — С. 89.

⁴ История Татарской АССР. — С. 144.

предполагалось радикально перестроить социальные отношения. С вовлечением всех народов в процесс социалистического переустройства предполагалось преодолеть вековое национальное неравенство, сформировать классовую интернациональную общность советских людей.

Для татар, кроме того, феномен индустриализации имел особое значение. Народ-романтик воспринял его как возможность продолжения выполнения крупных мегапроектов. Давала о себе знать пробудившаяся мечта о совершении крупных исторических прорывов. Автор предлагает вспомнить: путь, пройденный народом от хуннского «колышка» до казанского разлома истории, сопровождался оттачиванием философии и искусства проективного мышления и действия. Идея индустриализации давала шанс на продолжение своей миссии — быть в числе перводвигателей исторического прогресса. Индустриализация, в представлении татар, становилась моментом возвращения к выполнению своей национальной идеи — обретения своей государственности. Национальная идея, облечённая в форму-суть индустриального модерна, сыграла роль «шаровой молнии» в их сознании. Красиво, даже талантливо оформленная «комиссарами в пыльных шлемах» идеология индустриального взлёта не могла не воспламенить пассионарно-заряженные нервы, сохранившиеся в запасниках татарской психо-натуры. Вот с чем связано возгорание патриотического огня в 30-е годы и превращение татарского народа в непосредственную социальную силу промышленной революции.

Именно в таком контексте можно объяснить массовый трудовой энтузиазм внутри республики и выезд на ударные стройки первых пятилеток. После «отлива» талантливого слоя татарского народа в период дореволюционной индустриализации и революционных бурь это была вторая волна массовой миграции за пределы своей цивилизационной колыбели. И не всегда мотивом смены места обитания была безысходность. В основе массовости и в повторяемости таких «толчков-всплесков» патриотизма необходимо видеть генетические свойства народа, проявление его пионерно-цивилизационных традиций на новой исторической площадке. Но массовый отток наиболее активной и созидательной части нации имел и негативные последствия для самоидентификации и консолидации татар. Речь идёт о том, что частый «сброс» интеллектуальных сил ослаблял воспроизводящую и развивающую способность цивилизационного эмбриона. Этот негатив усиливался по мере ужесточения и ускорения процесса индустриализации.

Уже первые шаги по пути индустриализации обострили проблему источников финансирования. В отсутствии притока капитала извне создание современной промышленности требовало перераспределения национального дохода, сокращения в нём доли потребления и увеличения доли накопления. Если первые варианты пятилетнего плана были довольно реалистичны, то принятые затем повышенные «оптимальные» задания без кар-

динального перераспределения всех ресурсов и структурной социальной ломки выполнить было невозможно. Поэтому основным финансово-экономическим резервом индустриализации Советской России стали сельское хозяйство, его материальные и трудовые ресурсы деревни. Автор напоминает, что в соответствии с пятилетним планом в Татарстане предполагалось создать 26 новых промышленных объектов (машиностроительные предприятия, завод «Пишмаш», валяльно-фетровая фабрика, предприятия лёгкой и пищевой промышленности, теплоэлектроцентраль), увеличить валовую продукцию хозяйства почти втрое, резко поднять удельный вес промышленности в экономике.

Первоначальный план коллективизации предполагал в течение 1928—1933 годов объединить в колхозы приблизительно четверть крестьянских хозяйств. Однако в 1929—1930 годах был взят курс на её решительное ускорение¹. По мысли сторонников форсированной коллективизации, она должна была дать дополнительные средства для индустриализации, сконцентрировать в руках государства управление сельским хозяйством, централизовать ресурсы. Одновременно предполагалось покончить с последними носителями капиталистического уклада — зажиточными крестьянами (кулаками). Первый шаг по насильственному раскулачиванию и применению чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок был сделан в 1928 году, когда И. Сталин дал указание применять методы репрессии к зажиточным крестьянам, отказывавшимся сдавать хлеб.

Репрессии коснулись и кулаков Татарии: только в Мензелинском кантоне были привлечены к ответственности 60 крестьян². Сплошная насильственная коллективизация была в основном осуществлена в 1929—1930 годах. В декабре 1929 года партийные и советские органы ТАССР объявили республику районом сплошной коллективизации и поставили цель завершить социалистическую перестройку сельского хозяйства уже к концу 1930 года³. На основании постановления ЦК ВКП (б) «О ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» у крестьян конфисковали средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, семенные запасы. Эти меры применялись не только по отношению к зажиточным крестьянам, использовавшим наёмный труд, аренду земли и имели предприятия по обработке сельхозпродукции, но и к отказавшимся вступить в колхозы середнякам и даже беднякам.

Только за январь 1930 года было организовано 500 колхозов. К 10 марта были коллективизированы 423 777 хозяйств, т. е. 83,3 % крестьянских хозяйств, объединившихся в 3 375 колхо-

---

¹ См. подробнее: *Шайдуллин Р. В.* Крестьянство Татарстана. Экономический и общественно-политический аспекты (1920—1928 гг.). — Казань, 2004.

² *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — С. 242.

³ История Татарской АССР. — С. 442.

зов, при этом 14 658 хозяйств оказались в числе раскулаченных¹. По темпам коллективизации ТАССР вышла на третье место среди республик и областей СССР. Немалая часть зажиточных крестьян Татарстана, не дожидаясь репрессий, начала так называемое «самораскулачивание» — срочно продавала, сдавала в колхоз, а нередко бросала на произвол судьбы собственность и хозяйство и устремлялась прочь из родных мест. Многие из покидавших деревни Татарстана находили работу на новостройках — промышленных объектах республики, металлургических заводах Магнитки, шахтах Донбасса, Бакинских нефтепромыслах, заводах Москвы. Значительно увеличилось число татарских переселенцев в Среднюю Азию и Казахстан. В результате оттока, например, в селе Шонгут Алексеевского района из 3 250 человек осталось 500 жителей². Последствия насильственной коллективизации не преминули отразиться на экономической сфере. Резко сократилось поголовье скота и птицы. В Татарстане к концу 1932 года поголовье лошадей сократилось на 39 %, крупного рогатого скота — на 38 %, овец и коз — на 65 %³. Сократилась хозяйственная продуктивность объединённых в колхозы земель, ухудшилось снабжение городов сельхозпродуктами, многие крестьяне жили впроголодь.

Однако последствия форсированного строительства «хеопсовых пирамид» (колхозов), и особенно раскулачивания имели и более глубокий характер. Вызвав к жизни третью волну татарской миграции XX века, эти процессы усилили распыление и социальную диффузию нации, обескровили её, затруднили процесс консолидации и культурно-цивилизационной эволюции.

Ошибки «красноармейской атаки» на сельское хозяйство вынудили центральную власть избрать более прагматичную политику кооперации, отказаться от упрощённых подходов к переустройству сельской жизни на коллективных началах, оказывать материальную и техническую помощь колхозам. В марте 1930 года в Нурлат-Октябрьском (ныне Нурлат) появилась первая в республике машинно-тракторная станция (МТС), к 1932 году число МТС достигло 40. Использование машин и техники повысило культуру земледелия и объёмы валовой продукции сельского хозяйства.

К концу 1931 года 3 933 колхоза объединяли 322 320 хозяйств (62,4 %). Сельхозартелям принадлежало 45 % всех посевных площадей и более половины поголовья скота и стоимости валовой продукции сельского хозяйства республики. Татарских хозяйств в колхозах насчитывалось 55 %, русских — 37,5 %, других национальностей — 7,5 %⁴.

---

¹ *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX в.). — С. 259.

² Там же. — С. 272.

³ *Султанбеков Б. Ф., Харисова Л. А., Галлямова А. Г.* История Татарстана. XX в. 1917–1995 гг. — Ч. 4. — С. 143.

⁴ История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С. 449.

К середине 1930-х годов положение в сельском хозяйстве начало нормализоваться, при общем сокращении жителей села выросла производительность труда, улучшились питание и материальный уровень жизни крестьян. Безусловно, именно коллективизация создала условия для ускоренного индустриального рывка. «Темпы роста тяжёлой промышленности СССР (в натуральном выражении) за годы первых пятилеток оказались в 2–3 раза выше, чем за 13 лет развития России до начала Первой мировой войны»¹. Эти тенденции характерны и для индустриального развития Татарстана. Удельный вес валовой промышленной продукции за 1928–1932 годы здесь почти удвоился (с 33,1 % до 60 %)². Особенностью первой пятилетки в республике было преимущественное развитие лёгкой и пищевой промышленности. Набирали темпы текстильная, кожевенная, валяльно-обувная, меховая, пищевкусовая и деревообрабатывающая отрасли. В 1932 году доля лёгкой промышленности в общем объёме выпуска составляла 73,2 %, пищевой — 14 %³.

Вторая пятилетка (1933–1937) стала для ТАССР временем форсированного создания тяжёлой индустрии — машиностроения, металлообрабатывающей и химической промышленности. В промышленность было вложено вдвое больше средств, чем в первой пятилетке. Основные фонды увеличились более чем в 2,5 раза. Начинается строительство машиностроительного комбината, второй очереди ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2, фабрики киноплёнки и завода СК (синтетического каучука), фотожелатинового завода, завода «Искож». Крупнейшими объектами в масштабах не только республики, но и страны должны были стать Казанский авиастроительный и моторостроительный заводы, Зеленодольский судостроительный завод. Десятки предприятий республики прошли коренную реконструкцию (механический завод «Серп и молот», завод пишущих машин, льнокомбинат, комбинат имени М. Вахитова, химкомбинат имени Ленина, Бондюжский химзавод и др.). К концу второй пятилетки новые и реконструированные предприятия выпускали 9/10 всей промышленной продукции республики. Темпы роста промышленности Татарстана и Казани заметно превосходили средние темпы роста по стране. Особенно это заметно по показателям двух отраслей: если химическая промышленность выросла в СССР в 15 раз, то в Татарии в 24 раза; текстильная промышленность увеличилась по стране в 3,2 раза, а в Татарстане — в 11 раз⁴. Крупнейшей промышленной зоной стала промышленная агломерация в северной части Казани: это современные Авиастроительный, Московский и Ново-Савиновский районы — бывший Ленинский

---

¹ Горинев М. М., Данилов А. А., Дмитренко В. П. История России. — Ч. 3. XX век: выбор моделей общественного развития. — М., 1994. — С. 83.

² История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С. 451.

³ Там же.

⁴ Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. — Казань, 1955. — С. 289.

район, ставший в 1940 году самым большим районом столицы республики.

В 1930-е годы изменился облик многих населённых пунктов, появились посёлки городского типа. Промышленные предприятия построены или реконструированы в Зеленодольске, Чистополе, Бугульме, Юдино, Васильево, Бондюге. Зеленодольск, основанный в 1932 году, вскоре стал вторым после Казани промышленным центром республики довоенного периода. В сельских районах очагами промышленного роста были предприятия пищевой промышленности, элеваторы (к 1937 году их число составило 91)¹, машинно-тракторные станции. Облик республики изменили новые энергетические объекты и транспортные системы. Увеличивался товарный поток речного транспорта по Волге и Каме, появились новые железнодорожные ветки и станционные узлы, дороги и мосты, соединившие отдалённые районы и сёла с крупными центрами. С появлением гражданской авиации уже в довоенный период организованы первые регулярные рейсы.

С точки зрения единого российского экономического и культурно-цивилизационного пространства большое значение имело транзитно-узловое положение городов республики, расположенных на пересечении водных путей, автомобильных и железных дорог, связывавших европейские регионы страны с территориями Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Предприятия Татарии занимали заметное место в общесоюзном разделении труда: республика давала 43 % всех пишущих машин, 50 % меховых изделий, 32 % валяной обуви. В канун Великой Отечественной войны промышленность республики производила 50 % киноплёнки, 40 % меховой продукции, 27 % валяной обуви и 32 % фетровых изделий, выпускавшихся в СССР². Основные средства производства в промышленности возросли к концу второй пятилетки по сравнению с 1927—1928 годами почти в 7 раз, валовой объём продукции за пятилетие возрос вдвое, а по сравнению с 1913 годом — более чем в 8,2 раза³. Республика за две пятилетки стала мощным индустриальным центром страны, получила новый мощный импульс промышленного развития.

Бурные индустриализационные процессы и социальное переустройство общества радикально повлияли на динамику социокультурного развития Татарстана. Феномен «культурной революции» затронул и татарское общество, вызвав в нём неоднозначные процессы и явления. Одним из важных результатов революции является формирование праздничной культуры. «Первое советское десятилетие сотворило уникальную гибридную праздничную культуру, — отмечает профессор С. Ю. Малышева, — вобравшую в себя не только революцион-

---

¹ Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР: 1927—1937 гг. — Казань, 1968. — С. 301.

² История Татарской АССР. — Казань, 1973. — С. 149.

³ История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С. 470.

ный интернационалистский пафос и романтику, но и — подчас независимо от воли и осознания её творцов — опирающуюся на опыт, традиции, формы вековой российской праздничности. Эта гибридная праздничная культура, несколько видоизменяясь и дополняясь в последующие советские десятилетия, пережила сотворившую её политическую систему и вступила в новое столетие»¹.

Частью культурной революции было движение за ликвидацию неграмотности. Борьба с неграмотностью началась после издания соответствующего декрета (1919) и приобрела всеобщие масштабы после гражданской войны. С 1920 по 1924 год грамотность татар поднялась с 18 до 46 %, причём грамотность на родном языке была заметно выше. Некоторые исследователи полагают, что она была не ниже 80 % (грамотность на русском в 1905 году составляла лишь 3–5 %). К концу 1924 года неграмотность взрослого населения республики была фактически ликвидирована². По мнению специалистов, противоречивые последствия имела смена графики татарского языка. До 1917 года татары пользовались арабской графикой, с 1928 года татарский язык переведён на латинскую основу — яналиф, а с 1939–1940 годов — на кириллицу. В числе отрицательных последствий этих перемен называют недоступность для значительной части татарского населения, обучавшегося на русском алфавите, литературы на «яналифе» и особенно на арабской графике, что подрывало культурную преемственность истории татарского народа.

Динамично расширялась сеть татарских школ. В 1925 году их число достигло 1 048. В 1920–1930-е годы введено обязательное начальное образование для детей, начался переход к обязательному семилетнему образованию. В 1941 году в школах республики обучалось свыше полумиллиона детей, причём более половины составляли дети татар. С отделением церкви от государства создаётся система всеобщего светского школьного образования. Постулат о необходимости коммунистического воспитания масс предопределил такие шаги «культурной революции», как создание партийно-политических органов печати, перевод на татарский язык работ «классиков марксизма-ленинизма», партийных документов, развёртывание массовой партийно-пропагандистской системы и организация атеистического перевоспитания населения.

Ускоренная модернизация требовала перестройки и расширения системы высшего образования. Если в дореволюционной Казани специалистов высшей квалификации готовил только университет, ветеринарный институт и высшие женские курсы, то уже в годы гражданской войны появляются новые учебные заведения. Особенно активно этот процесс развернулся в 1920 —

---

¹ См.: *Малышева С. Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). — Казань, 2005. — С. 26.

² История Татарской АССР. — Казань, 1973. — С. 162.

начале 1930-х годов. В 1918 году образован педагогический институт (Высший институт народного образования). В 1922 году, слившись с Восточной академией и факультетом общественных наук Казанского университета, он получил название Восточный педагогический институт, а в 1934 году вновь стал именоваться Казанским педагогическим институтом.

В 1917–1920 годах по инициативе казанских учёных подготовку научных работников осуществлял Северо-Восточный археологический и этнографический институт. В 1919 году был организован Казанский политехнический институт. С 1925 года он назывался индустриальным техникумом повышенного типа, существовал до 1930 года. В 1922 году возник Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, позднее превратившийся в Казанский сельскохозяйственный институт, в 1930-е годы действовал Казанский энергетический институт. В 1922 году подготовку партийных работников начал Татарский коммунистический университет, в 1928–1936 годах — Казанский институт советского строительства, готовивший работников советских органов управления. С 1931 года в связи с ликвидацией юридического факультета Казанского университета был создан Казанский институт советского права (в 1936–1952 годах назывался Казанским юридическим институтом). Уже в 1924/1925 учебном году казанские вузы выпустили около 600 специалистов.

Мощным импульсом развития системы вузовского образования явилась первая пятилетка. Именно в первые годы 1930-х оформилась значительная часть современных казанских вузов как ответ на необходимость обеспечить народное хозяйство, науку, образование и культуру высококвалифицированными специалистами. Важно отметить, что вузовский бум был во многом подготовлен многогранной помощью новым учебным заведениям, оказанной Казанским государственным университетом.

На базе медицинского факультета Казанского университета в 1930 году был организован Казанский государственный медицинский институт, в 1936–1950 годах действовал Казанский медицинский стоматологический институт. В 1930 году создаётся Казанский химико-технологический институт. Ведущую роль в его организации играли химический факультет университета и химическое отделение Казанского политехнического института. В 1930 году на базе Казанского политехнического института и Казанского индустриального техникума организован Казанский институт инженеров коммунального строительства (действовал до 1941 года). Он восстановлен в 1946 году как Казанский институт инженеров гражданского строительства (с 1952 года — Казанский институт инженеров-строителей нефтяной промышленности).

1931 год стал годом основания Казанского финансово-экономического института, а 1932 год — организации Казанского авиационного института. К 1940/1941 учебному году в Татарии

было уже 14 высших учебных заведений, в которых обучалось более 12 тыс. студентов¹. Исключительно важно, что значительную часть студентов составляли национальные кадры, неуклонно росло число преподавателей и учёных из татар. Республика становится одним из крупных научных и вузовских центров СССР.

Особую роль в историческом развитии татарского общества имело культурно-национальное строительство, развитие национальной культуры, литературы и гуманитарных наук². Ещё в 1922 году при Восточной академии в Казани было образовано «Общество востоковедения», которое через год было преобразовано в научное «Общество татароведения» при Академическом центре Наркомпроса ТАССР. В 1928–1930 годах при Наркомпросе ТАССР для координации деятельности исследовательских учреждений и обществ, занимавшихся вопросами развития культуры, был образован Дом татарской культуры. В те же годы плодотворно работало «Общество изучения Татарстана», исследовавшее природу, население, историю, быт, производительные силы республики.

В 1930 году организован Татарский научно-исследовательский экономический институт, переименованный в 1931 году в Татарский филиал института промышленно-экономических исследований, в котором велось изучение ресурсов, природы, экономики и сельского хозяйства ТАССР, а также культуры и быта населения. На его базе проводилось повышение квалификации специалистов и популяризировались научные знания среди населения. Так складывалось новое культурное пространство республики, заметно росло влияние научных знаний, общецивилизационной и национальной культуры на общество.

Знаковыми для гуманитарной науки и образования были два события 1939 года. Это, во-первых, создание Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совнаркомe ТАССР, развернувшего планомерную работу по изучению истории Татарстана, татарского языка, литературы и культуры. Вторым важным событием явилось воссоздание в Казанском государственном университете историко-филологического факультета с целью подготовки гуманитарных кадров и развития научных, гуманитарных, исторических и филологических школ.

1920–1930-е годы стали в целом периодом активного культурно-цивилизационного развития татарского этноса. В связи с тем, что татарскому языку впервые после событий XVI века возвращается статус государственного языка, происходит его ренессанс, совпадающий в значительной мере с социокультурными преобразованиями, происходившими в стране. Одним из

---

¹ История Татарской АССР. — Казань, 1973. — С. 164.

² Эта тема получила достаточно широкое освещение в историографии, что дало автору основание для выделения в данном случае лишь этапно-крупных достижений.

первых законов ЦИК и СНК ТАССР стал декрет «О введении татарского языка в делопроизводство советских учреждений республики» (1921), способствовавший развитию татарского языка и восстановлению его официальной роли. Развитию языка и формированию национальных кадров способствовал и курс на «коренизацию» госаппарата и создание национального пролетариата и интеллигенции. Активно развивалась печать, в т.ч. татарская, имевшая богатую традицию ещё с дореволюционных времён. В 1920—1930-е годы издавалось около 500 газет, более 100 различных журналов на русском, татарском и других языках¹.

В период первых пятилеток активно развивается татарская литература. Продолжал работать классик литературы Ф. Амирхан, новаторскую роль в поэзии сыграл ведущий татарский поэт 1920-х годов Х. Такташ, социальное реалистическое направление представлял крупный учёный и литератор Г. Ибрагимов. К числу ведущих литераторов, начавших творческую деятельность ещё до 1917 года, можно отнести также Г. Камала, М. Гафури, Ш. Камала, Ф. Бурнаша и др. В предвоенные годы в литературу вошли М. Джалиль, Х. Туфан, Ф. Карим, Т. Гиззат, А. Алиш, К. Наджми, Ш. Маннур, А. Кутуй и мн. др.

Новый этап развития переживало татарское театральное искусство. Возникают многочисленные театральные коллективы и студии, «несущей опорой» которых был организованный в 1920 году Татарский драматический театр имени Г. Камала. Он первым из национальных театров страны получил в 1926 году статус академического театра. На его сцене играли З. Султанов, Г. Болгарская, Н. Сакаев, Т. Гиззат, Г. Камская².

Важным обретением стало развитие профессиональной татарской музыки, оперы и балета. Основателями этого направления являются С. Сайдашев, Д. Файзи, М. Музафаров, Ф. Яруллин, А. Ключарёв, Н. Жиганов, В. Виноградов. «Звёздным часом» взлёта стала первая татарская опера «Сания» (1925), авторами которой были В. Виноградов, С. Габяши и Г. Альмухаметов. Большую роль в подготовке музыкальных кадров республики и повышении музыкальной культуры народа сыграла татарская государственная оперная студия, созданная в 1934 году при Московской консерватории. На её «подмостках» в 1939 году возникает целое явление в культуре — Татарский государственный оперный театр.

Новым направлением в культурном мире является возникновение художественной киностудии. Первой попыткой создания татарского художественного фильма стало реформатирование спектакля «Булат-Батыр» в кинопродукцию. В основе фильма — участие народов Поволжья в крестьянской войне Емельяна Пугачёва. Данная инициатива, к сожалению, угасла, не успев

---

¹ Татары и Татарстан : справочник. — Казань, 1993. — С. 142.

² См. подробнее: *Хайруллина Г. М.* Татарская национальная драматургия: трудный путь роста. — Казань, 2018.

развернуться. Кино — одна из самых высоких форм искусства — требовало не только энтузиазма, желания и творческого горения. «Бой» за кино начался без «артподготовки» — без создания материальной, технологической, кадровой основы. Нужна была большая дистанция во времени, чтобы на государственном уровне начать создание национально-профессиональной киноиндустрии, кинематографии. Прошло почти 100 лет с того рубежа, когда была первая апробация татарского национального кинематографа, а татары до сих пор лишь на подступах к осуществлению этой исторической мечты.

Возникновение и развитие вышеназванных и ряда других направлений в духовной сфере позволило создать мощную культурно-просветительскую сеть. В 1941 году в Татарии функционировало 13 музеев, 3 тыс. клубов, 2 251 библиотека, 337 киноустановок, 60 тыс. радиоточек, выходило 155 газет и журналов, в т. ч. 75 на татарском языке¹.

Происшедшие в годы первых пятилеток социокультурные изменения отразились в качественных и количественных показателях переписи 1939 года. Население республики составило 2 914 тыс. человек, из них 614 тыс. (21 %) были городскими жителями, а почти 2 300 тыс. (79 %) представляли селян. Крупнейшим городом была Казань, где проживало 398 тыс. человек. Второе, третье и четвёртое места делили Чистополь — 32 тыс., Зеленодольск — 30,2 тыс., Бугульма — 25,9 тыс. жителей. К 1939 году радикально изменился социальный состав населения: его структура приближалась к показателю индустриального общества. Рабочие, по данным предвоенной переписи, составляли 22,6 %, служащие — 14 %, колхозники — 59,8 %, а крестьяне-единоличники и некооперированные кустари — 3,6 %. Уже к концу 1920-х годов исчезла безработица. Доля занятых в промышленности неуклонно росла, а число жителей села постепенно сокращалось.

Процессы индустриализации и урбанизации отразились на составе татарского населения СССР, которое выросло с 1926 по 1939 год с 3 369 тыс. до 4 314 тыс. человек. Если в 1926 году доля городского населения среди татар в СССР составляла 11,9 %, то в 1939 году она поднялась до 26 %². Выросла и доля татарского населения в самой Татарии, где татары в 1939 году составили 48,7 % (28,4 % горожан), а русские — 43 % (66,9 % городского населения). При этом значительная часть татар, главным образом крестьян, уезжает на воздвижение промышленных строек пятилетки (Урал, Донбасс, Баку, Москва и т. д.). Оформляются новые «точки» татарской диаспоры во многих регионах страны, где татары в рамках новых территорий предстают не как дешёвая рабочая сила и не как мигранты, вынужденные «искать место под солнцем», или китайские сообщества в виде поселений по

---

¹ Татария за 50 лет. Статистический сборник. — Казань, 1967. — С. 9—10.

² Татары и Татарстан : справочник. — Казань, 1993. — С. 16, 22.

типу «чайна-таун», а как принципиально новое явление — культурно-цивилизационные автономные сообщества. Мирно вращаясь в местную, новую для них историческую почву, они придавали ей не только специфическое этнографическое обрамление, но и активно участвовали в формировании новых «точек роста» на карте страны. Цивилизующее значение татарского фактора никогда не замыкалось лишь в границах национально-материнского лона, он имел и имеет интернационально-гуманистический характер.

Постоянно возрастающая роль татар как культурно-цивилизационной, мироустановительно-гуманитарной силы была особенно важной в момент запуска проекта строительства фундамента социализма. За ними — опыт и традиции строительства государств-цивилизаций, возведённых в статус классических. Эта сила «разливалась» как в центре, так и на окраинах. Её благотворное влияние ощущали народы многих регионов РСФСР и СССР — республик и областей Поволжья, Приуралья, Восточного Закавказья, Казахстана, Средней Азии. Для многих мусульманских и тюркских народов бывшей Российской империи лидирующая цивилизационная роль татар была также признанным историческим фактом. В условиях индустриальных и культурных преобразований, создания там основ своей национальной государственности роль татарской интеллигенции, специалистов и служащих, политических и военных деятелей объективно оценивалась высоко. Надо учесть при этом, что в этих регионах увеличился удельный вес татар. Так, например, татарское население Казахстана и Средней Азии к 1926 году превышало 118 тыс., а к 1939 году оно увеличилось до 129 тыс. человек.

Ослаблялся ли этнокультурный корень татарского народа в ходе постоянного отлива его представителей из своего цивилизационного очага в осваиваемые территории страны? Конечно, да. Снижение количества татар в своём историческом домене не могло не повлиять на характер и масштабность влияния татарского фактора, как в стране, так и в общемировом масштабе. Но «разлив» татар вовне не превращал их в гастарбайтеров, ибо призыву на новостройки страны подлежала лишь качественная часть нации — специалисты. Не менее важно подчеркнуть: они были романтиками и патриотами.

Проблема истории участия татар в строительстве основ национальной государственности как составной части фундамента социализма в СССР не просто сложна. Она запутана как по объективным, так и «рукотворным» причинам¹. Дело в том, что это было время не только лириков, но и бескомпромиссной «войны» идеологий, концепций, стратегий, мимикрировавших и изменявшихся по форме и сути. А такого рода «войны» обычно

---

¹ Об этом свидетельствуют итоги капитальных исследовательских проектов, выполненных «великой тройкой» из ряда «последних могикан», профессорами А. Л. Литвиным, Б. Ф. Султанбековым, И. Р. Тагировым.

протекают в режиме «лес рубят — щепки летят». Коса обвинений в национализме, туранизме, фрондёрстве, трайбализме, «большевистском перерожденчестве». При этом гибли не только многие низовые инициативы — вслед за ними летели и головы их творителей. У каждого народа существует свой скорбный памятник-мартиролог. У татарского народа число пострадавших также неисчислимо.

Раскручивавшийся маховик репрессий раздавил не «гидру» контрреволюционеров, «антипартийных», «антисоветских» и т. п. подпольных организаций, а цвет нации, молодую генерацию, её «плоть и кровь». Волны «чистки» партийного, социального, идеологического, этнического порядка, следовавшие одна за другой, накатываясь друг на друга, методично перемалывали элитный слой общества. Репрессивная машина не щадила никого: ни бывших дворян, купцов, офицеров, чиновников, ни журналистов, адвокатов и даже священнослужителей. Так, известно, что было организовано множество крупных политических дел, по которым осуждены десятки православных священников, мулл, служители других конфессий — лютеранские пасторы, католические ксёндзы, иудейские раввины. В конце 1930 года органы полномочного представительства ОГПУ в Татарии доложили об успешной ликвидации так называемой «контрреволюционной церковно-монархической организации», по которой были осуждены более 30 человек, включая бывших профессоров Казанской духовной академии В. И. Несмелова, Н. В. Петрова, М. Н. Васильевского, И. М. Покровского, Е. Я. Полянского, а также священника, бывшего профессора Томского университета Я. Я. Галахова, епископа Чистопольского И. Удалова и епископа Яранского Н. Трезвинского. Не только религиозные структуры крупнейших конфессий, но и авторитетные служители представлялись властям наиболее крупной идеологической помехой в деле распространения материалистической идеологии¹.

Даже из этого краткого вкрапления в историю репрессий, в материалы о буйстве эмоций в ходе попытки реализации первого в истории глобального проекта по возведению здания цивилизации нового типа — советской — можно сделать бесспорный вывод. Во-первых, вклад татар в осуществление этого эксперимента мог бы быть более весомым. Во-вторых, в ходе неистовой борьбы за «светлое и правое дело» татарский народ ослаб интеллектуально, морально, психологически, демографически. Но он не согнулся под прессом времён кавалерийского наскока. «Тростник» его духа не сломался, а лишь укрепился.

Развязанная фашистской Германией в июне 1941 года война закрыла фазу мирного строительства, поставила под вопрос

---

¹ См. об этом подробнее: *Султанбеков Б. Ф.* Сталин и «татарский след». — Казань, 1995. — С. 108–109; *Его же.* XX век. События, личности, тайны. — Казань, 2014.

само существование Советского Союза, советской цивилизации и составляющих её национально-региональных субкультур. Человеконенавистнические планы фашистов были определены одним из главных фашистских преступников — шефом гестапо и министром внутренних дел Германии Г. Гиммлером так: «Против нас стоит стовосьмидесятимиллионный народ — смесь рас, имена которых невозможно выговорить и внешность которых такова, что их надо убивать без всякого милосердия и пощады»¹. По Плану «Ост», утверждённому Гитлером ещё до начала войны, все народы мира (кроме немецкого) были объявлены «неполноценными», «второстепенными», исходя из этого Германии довелось «право» их истреблять. В нём же содержались «квоты» и разнарядки по ликвидации или радикальному сокращению народов СССР. «Нам не нужны эти люди, нам нужны их земли». Так откровенно выразился главный нацистский идеолог А. Розенберг. Согласно этому же плану («Ост») делалась ставка на разжигание межэтнических конфликтов и сепаратизма среди советских народов. А на месте уничтоженной страны предполагалось создать множество слабых национальных автономий, которые будут враждовать между собой под присмотром рейха².

Такая целеустановка политического руководства гитлеровской Германии, бескомпромиссный в политическом, идеологическом и мировоззренческом плане характер войны предопределили консолидацию народов СССР вокруг общенациональной идеи сохранения целостности, независимости и величия страны, вызвали к жизни феномен массового героизма, самопожертвования, патриотизма и солидарности. Война была воспринята народами СССР как общее несчастье. Мобилизация была всеобщей, и комплектация воинских частей производилась на многонациональной основе. С 1943 года особое внимание уделялось подготовке командиров из лиц нерусских национальностей. Сыны и дочери татарского народа, как и других народов, показали образцы великого подвига на фронтах. Свыше 200 из них удостоены звания Героя Советского Союза.

Бесстрашный лётчик Н. Г. Столяров стал дважды Героем Советского Союза. Среди первых, кто встретил фашистов на границе, был руководитель обороны Брестской крепости майор П. М. Гаврилов, получивший уже после возвращения из плена и после реабилитации Золотую Звезду Героя. Среди Героев Советского Союза были также отважная лётчица М. Х. Сыртланова, танкист В. А. Григорьев, Г. Г. Гафиатуллин, повторивший подвиг Александра Матросова. Беспримерный

---

¹ Мельников Д., Чёрная Л. Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945 гг. — М., 1987. — С. 144.

² См.: Рыбаков В. С. К полемике о характере Великой Отечественной войны // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. — 2011. — № 1; Звягинцев А. Г. Что нацисты готовили России // Российская газета. — 2018. — 24 апр.

подвиг совершил наш земляк — лётчик М. П. Девятаев, организовавший побег из фашистского плена на вражеском самолёте. Среди советских военнослужащих разных национальностей, удостоенных звания Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, татары занимают четвёртое место. Маршал Советского Союза Г. Я. Малиновский дал высокую оценку мужеству и героизму воинов-татар: «Я как старый солдат много видел на фронте бойцов и командиров татар и всегда восхищался их непреклонным упорством, железной волей в бою»¹. Среди крупных полководцев Великой Отечественной войны были генералы А. О. Ахманов, Ф. Г. Булатов, В. Н. Гордов, З. Ю. Кутлин, Г. Б. Сафиуллин, Я. Д. Чанышев.

Героическую страницу вписали уроженцы Татарстана в историю партизанского движения и движения Сопротивления. По неполным данным, только на Смоленщине в борьбе участвовали более 200 наших земляков², в т. ч. А. Ш. Бикбаев, Х. Ф. Садров, Г. С. Амиров, Н. А. Бирюков, Б. Х. Кадырметов, возглавлявшие партизанские отряды. Участниками Крымского подполья были К. Галлямов, Т. Гайнанов, Н. Барышев. В белорусских партизанских отрядах воевали С. Аминов, Ш. Бадретдинов, Р. Загирова, Т. Муратов, Б. Пахомов, Г. Уленгов, С. Халиулов, С. Хафизов, И. Зайкин, З. Нури. Уроженец Казани, командир оперативной группы подпольщиков в Минске И. К. Кабушкин в 1943 году погиб в застенках гестапо. Уроженцы республики участвовали в партизанском движении на территории областей Украины, Белоруссии, России, а также Литвы.

Героически проявили себя наши земляки в движении Сопротивления. Основную часть его участников составили военнослужащие Красной Армии, которым удалось вырваться из фашистского плена и попасть к местным партизанам или начать подпольную работу. В годы войны фашисты попытались создать для борьбы против СССР и его союзников специальное воинское формирование из пленных татар, башкир и других народов Поволжья — легион «Идель-Урал» (Волжско-татарский легион). Попытка заставить пленных повернуть оружие против Родины фактически оказалась безрезультатной: из 7 батальонов ни один так и не был отправлен на Восточный фронт. Батальон, отправленный бороться с белорусскими партизанами, почти полностью перешёл в состав советских партизанских бригад Захарова и Бирюлина, другой батальон перешёл к французским партизанам, половина ещё двух батальонов, которые должны были воевать с партизанской армией С. Ковпака на Украине, перешла к ковпаковцам, а другая из-за ненадёжности была переброшена в Бельгию, Голландию и Францию. Три других батальона также

---

¹ Книга героев: о героизме татарского народа в Великой Отечественной войне. — Казань, 1946. — С. 25.

² *Султанбеков Б. Ф., Харисова Л. А., Галлямова А. Г.* История Татарстана. XX век. 1917–1995 гг. — Ч. 4. — С. 222.

рассматривались фашистами как ненадёжные, многие из легионеров этих подразделений бежали или готовились к побегу¹.

Неудача попытки использовать легион «Идель-Урал» в значительной степени связана с деятельностью антифашистской подпольной группы, созданной в конце 1942 года попавшим в плен видным татарским поэтом М. Джалилем. Группа, в которую входило более 20 человек (А. Алиш, А. Батталов, А. Атнашев, А. Симаев, Г. Курмашев, Г. Шабаев, З. Хасанов, С. Бухаров, Ф. Булатов, Ф. Сайфульмулюков и др.), создала подпольные боевые группы в германских концлагерях, вела антифашистскую агитацию среди военнопленных и легионеров, подготовила переход частей легиона к партизанам. В начале 1944 года гестапо арестовало многих членов группы, большинство из них были приговорены к смертной казни.

Поэт М. Джалиль был казнён в августе 1944 года. Находясь в тюрьме в ожидании приговора, он написал цикл стихотворений «Моабитские тетради», которые по счастливой случайности удалось сохранить бельгийским участникам Сопротивления и уже после войны переправить на Родину. М. Джалиль посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза, восстановлены были также и героические имена его соратников по борьбе. Активными участниками Сопротивления в Западной Европе были А. Г. Утяшев, З. К. Камалов и мн. др. Множество форм и примеров героизма: более чем 200 Героев Советского Союза, более 50 полных кавалеров орденов Славы, более 200 тыс. человек награждены орденами и медалями. Но и цена победы была велика: более 350 тыс. из 560 тыс. призванных в армию не вернулись с полей военных битв, десятки тыс. стали инвалидами².

Акты героизма, феномен массового патриотизма татар в целом объясняются, кроме свойственного всему советскому народу стремления отстоять независимость страны и покончить с фашизмом, мотивом сохранения своей этнокультурной и цивилизационной идентичности. Доля национальной составляющей в феномене советского патриотизма достаточно высока. Подсчитано, что в годы войны татар погибло около 8 % от общих военных потерь, а с учётом военнослужащих из других регионов с мусульманским населением их погибло более 580 тыс. человек, т. е. около 10 % всех погибших на фронтах Второй мировой войны граждан СССР³. Применение коэффициентов пропорциональности потерь по национально-конфессиональному признаку убеждает в том, что мусульманский мир и татары в частности понесли самые

---

¹ Гилязов И. А. На другой стороне // Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. — Казань, 1998. — С. 102–118.

² См. подробнее: Тагиров И. Р. Татарстан: вехи истории. XX — начало XXI в. — Казань, 2016.

³ Медведко Л. И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? — М., 2003. — С. 17.

большие людские потери, что сказалось на количественном и качественном воспроизводстве нации в будущем.

Победа над фашизмом ковалась не только на линии фронта, её слагаемым являлся военизированный тыл. Там ковалось оружие сокрушения, оттуда перекачивалась энергетика духа, «почвы», «намоленного» хлеба. Тыл Татарстана именно в таком расширенном варианте был готов к выполнению своей миссии. Республика, пройдя «естественный отбор» в ходе индустриализации, коллективизации и культурной революции, вошла в число развитых регионов и к началу войны превратилась в крупный индустриально-цивилизационный центр страны.

В таком качественном измерении она «работала» на вызовы не только военного времени, но и на далёкую — лидерную перспективу. Со стороны «Центра» (Москвы) это был точный шаг, предвосхищающий её информационно-технологическое, цифровое будущее. Советская эра при всех её минусах была «эрой системы»: системного мышления, планирования, управления. Преимущество системности над стихийностью позволило преодолеть шок, наступивший в начале войны, быстро перестроиться и перевести уклад жизни, в т. ч. и экономику на решение задач военного времени. Татарстан стал одним из крупных арсеналов Победы над фашизмом¹.

Уже в первый год войны республика дала фронту свыше 600 видов вооружения и снаряжения. Авиационный завод имени Горбунова был единственным поставщиком бомбардировщиков Пе-2 и Пе-3, кетгутный завод был единственным предприятием, обеспечивавшим госпитали кетгутными нитями для операций². Машиностроительные и химические предприятия переходили на выпуск боевой техники, оружия, боеприпасов. Лёгкая и пищевая промышленность обеспечивала фронт одеждой (в т. ч. меховой), обувью, продовольствием.

Эвакуированные предприятия (более 70 промышленных единиц)³ сливались с местными или разворачивались как самостоятельные производства: это Казанский авиационный завод, льнокомбинат, фабрика киноплёнки, а также Казанский оптико-механический завод, часовой завод в Чистополе.

Формат работы, и не только на этих предприятиях, по характеру был ударно-стахановским, самоотверженным. Во всех сферах общественной жизни (в сельском хозяйстве, в системах образования, культуры, здравоохранения) наиболее яркой формой массовой самоотверженности являлось движение безвозмездной помощи фронту. На личные пожертвования были построены тан-

---

¹ См.: Татарстан — один из арсеналов победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Казань, 2004; *Закиров Д. Г.* На защите Отечества. — Казань, 2010.

² *Тагиров И. Р.* Татарстан: вехи истории: XX век — начало XXI века. — Казань, 2016. — С. 171.

³ *Кабирова А. Ш.* Татары в годы Великой Отечественной войны // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С. 445.

ковые колонны «Колхозник Татарии» и «Советская Татария», авиаэскадрилья «Совет Татарстаны», бронепоезды «Кызыл Татарстан», «Чапаев», «Куйбышев» и др. Только на строительство танковых колонн и авиаэскадрильи было собрано более 26 млн рублей¹. В фонд подарков для воинов пожертвовано около 40 млн рублей, а в результате реализации военных займов и лотерей на нужды обороны отправлено ещё 1 236 млн рублей². Татария в 1941–1945 годах развернула широкую сеть военно-лечебных учреждений, более чем в 50 госпиталях республики прошли курс лечения более полумиллиона раненых и больных солдат и офицеров. На всех направлениях движения «Тыл — фронту» мощной, опорной силой была молодость республики. От дошкольных и до вузовских учреждений октябрятско-пионерско-комсомольская страта общества превратилась в непосредственную производительную силу³.

Научно-академический «цех» столицы республики также превратился в передовой край военного времени. Летом и осенью 1941 года сюда были эвакуированы 33 академических института, 39 академиков и 44 члена-корреспондента СССР, 1 884 научных сотрудника (из 4 тыс. научных сотрудников Академии наук СССР); в целом в Казани разместились третья часть научных сил АН СССР. В Казань были эвакуированы многие учреждения Академии наук, а с августа 1941 года здесь работал Президиум АН СССР во главе с вице-президентами академиками О. Ю. Шмидтом и Е. А. Чудаковым. В городе в разное время жили и работали академики С. С. Наметкин, Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, Г. М. Кржижановский, С. И. Вавилов, А. Н. Несмеянов, С. Л. Соболев и др., конструкторы В. П. Глушко, С. П. Королёв, А. Н. Туполев, писатели и поэты — М. Алигер, Д. Бедный, Я. Галан, Я. Купала, В. Лебедев-Кумач, Б. Пастернак, С. Маршак, К. Паустовский и др.

Весной 1942 года начала работать научная комиссия по мобилизации интеллектуальных ресурсов Среднего Поволжья и Приуралья на нужды обороны. Оборонные научные задачи решали казанские учёные А. Е. Арбузов, Б. А. Арбузов, Н. Г. Чеботарёв, Г. Х. Камай, Х. М. Муштари, Л. М. Миропольский, В. И. Баранов, Н. А. Ливанов и мн. др. В апреле 1945 года был открыт Казанский филиал Академии наук СССР.

В период Великой Отечественной войны более динамичный характер и яркие контуры обрела татарская культура. Усилилось её взаимодействие с культурами народов страны. В экстремальных условиях Великой Отечественной войны, ставшей испыта-

---

¹ История Татарской АССР. — Казань, 1973. — С. 180.

² Там же.

³ См.: История комсомола Татарстана в документах центрального госархива историко-политической документации Республики Татарстан. — Казань, 2014; Тагиров Э. Р. Энергия молодости. Молодёжь в зеркале истории. — Казань, 2009; Профсоюзы и молодёжь: вместе творим историю. — Казань, 2015.

нием физических и духовных сил народа, усилилась патриотическая и гуманистическая направленность искусства. Многие деятели татарской культуры сражались в действующей армии — это М. Джалиль, Ф. Карим, Н. Баян, С. Хаким, А. Исхак. В 1942 году группа литераторов была специально командирована для работы во фронтовые татарские газеты. В редакции фронтовой газеты «Отвага» на Волховском фронте работал поэт М. Джалиль. Из 53 членов Союза писателей Татарии уже в первый год войны ушли на фронт 25 человек, всего за победу с оружием в руках воевали 36 писателей республики, 30 из них погибли.

Татарская поэзия и проза военной эпохи развивались в таких жанрах, как боевая публицистика, очерк, рассказ, корреспонденция, стихотворное произведение. Армейские героические боевые будни и самоотверженный труд в тылу получили творческое отражение в произведениях К. Наджи, М. Амира, Г. Баширова, А. Абсалямова, А. Шамова, И. Гази, Ф. Каримова, А. Кутуя, М. Джалиля. Новым веским словом о фронтовиках-писателях и деятелях культуры Татарстана явились историко-источниковедческие исследования молодого учёного, внушки писателя-классика А. Абсалямова — Альбины Абсалямовой¹. Цикл её трудов — не только историографическая прибавка к теме «горячих сороковых», но новое направление в ней, формируемое наследниками победителей. Это весьма перспективное русло в науке, позволяющее нашим современникам, молодым и «седеющим», познать горечь «соли» феномена войны. Произведения в жанре «Дети войны» также имеют высокий нравственно-патриотический заряд².

В татарской военной историографии немало прорывных достижений. Не вдаваясь в подробности (это особая, к тому же комплексная тема), надо отметить лишь, что военная история татар и Татарстана пока анализируется автономно — по отсекам: подвиг на фронтах, на колхозных полях, в науке, культуре, литературе, искусстве... И даже внутри них превалирует эпизодичность, но не системность. Примеры героизма, подвига и жертвенности, причём далеко не полные, рассыпанные в разных источниках-книгах, не осмыслены во всей своей универсальной связке как цельное социальное явление, как уникальный феномен, который со всеми другими национальными ручейками сакрально-патриотического порядка во многом повлиял на победный исход трагически-героической эпохи. Мы пока застряли на изучении военно-героической проблематики на основе методов-клише советских времён: по годам, по битвам, по направлениям — общественным сферам.

Практика такого «раздельного» изучения уводит от философского, концептуально-универсалистского, космологического

---

¹ Абсалямова А. Б. Никогда не угаснет. — Казань, 2012; Вечные люди. Фронтовики — деятели культуры Татарстана: портреты и судьбы / [авт.-сост. А. Б. Абсалямова]. — Казань, 2015.

² См.: Фатхуллина Р. М. Дети войны. — Лениногорск, 2015.

понимания роли татарского фактора в поединке трёх глобальных геополитических проектов (фашистской, западной, советской), трёх типов идеологий (политических систем, культур и цивилизаций), в сопряжении разнотипных характеров народов. Татары прошли ещё одну историческую проверку на прочность, верность принципам интернационализма, братства с русским и со всеми другими народами Советского Союза. А ведь Германия в своих гегемонистских планах весьма серьёзно воспринимала роль национального фактора и делала ставку на разброд и шатание в стране Советов¹. При этом особое внимание она уделяла роли этноконфессионального сегмента социума. Немецкие историки, философы, филологи, социологи предметно изучали и разбирались в сложных перипетиях татарской истории, начиная от её китайско-хуннско-гуннского «начала» до советского «рубежа». Совсем не случайно пропагандистско-идеологический аппарат третьего рейха задолго до начала войны заранее заготовил тонны листовок, материалов, обращений к разным народам СССР, в т.ч. и к татарам. Вот короткие строки текста лишь одной листовки, имеющей конкретно-татарский адресат:

«Эй, тюрки-татары!» Москва и большевики отняли у вас самые богатые земли. Веками вас грабили, угнетали. И вот сейчас германская армия разгромила силы этой Москвы и большевиков. Конец Москвы и большевиков означает свободу для татар, башкир и других тюрко-татар. Для вас наступают часы истинной свободы. Для того, чтобы эта свобода пришла быстрее, действуйте с германской армией, несущей вам волю!

Тюрко-татары! Конец Москвы и большевизма освободит вас и в культурном отношении. Вместе с падением Москвы и большевиков у вас будут созданы на вашем родном языке печать, школы, университеты и другие учреждения. Вы будете жить и работать, совершенно не скрывая своих национальных обычаев. На этом пути Германия несёт вам истинную свободу»².

Проблема полновесной роли татарского фактора в истории Великой Отечественной войны и Второй мировой ещё только начинает разрабатываться. Его влияние на эпоху войны носит многогранный, фундаментальный характер. Татарский народ (в целом Татарстан) развивался в контексте вызовов и военных потребностей страны. Закрепляя общие черты, он в то же время обретал и проявлял всё более заметные на этом фоне самобытные и самостоятельные экономико-социальные, этнодемографические, политико-ментальные и духовные характеристики.

---

¹ См.: Яковлев Е. Н., Пучков Д. Ю. Война на уничтожение. Что готовил третий Рейх для России. — М., 2017.

² См.: Тагиров И. Р. Татарстан: вехи истории. XX — начало XXI в. — С. 171.

Ощутимое оживление жизни в республике, духовно-психологический подъём татарского народа в послевоенные годы происходили на исключительно сложном, драматическом фоне. Сказывалась невосполнимость прямых военных потерь — более 350 тыс. жителей Татарии не вернулись с фронта. Как уже отмечалось, число погибших татар составило около 8 % всех советских военных потерь. Теперь уже известно, что статистика о «невозвратимых потерях» крайне далека от реальной военной правды. До сих пор нет, например, полных данных о такой категории воинов, как «без вести пропавшие»¹. Для татарской нации, численность которой до войны составляла менее 3 млн, это была наиболее масштабная потеря и в количественном, и в качественном смысле. Погибшие на войне когорты (это самый плодородный слой — «гумус») представляли собой «аттическую соль» татарстанской земли, татарского народа.

К числу великих подвигов, совершённых татарстанцами на мирной земле, относится открытие нефтяной «целины» и превращение республики в крупнейший нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий центр Советского Союза. Если первая промышленная нефть на земле республики была получена ещё в ходе войны — в сентябре 1943 года, то через 15 лет Татарстан получил статус «Второго Баку». Баку тогда был мировым символом — образцом «нефтерасцвета», а для татар — Первоучителем (Мугаллимом) по предмету «нефтеискусство». Благодарный «ученик», как и предписывают педагогические каноны, шагнул дальше и выше: уже в 60-е годы появилось понятие «татарская школа», что означало всеобщее признание достижений нефтяников², а нефтяная промышленность республики, обойдя Бакинские показатели, вышла на первое место в СССР. Нефтяная отрасль, став ведущей в системе экономических ориентиров, изменила цивилизационные характеристики последующего развития не только республики. Она стала приоритетным направлением в формировании страновой стратегии — внутренней и геополитической. Добытые три миллиарда татарстанской нефти подвигли к метаидее, «мечте» — превратить СССР-Россию в энергетическую державу.

Опытom татарских нефтяников заинтересовался энергетический мир (США, Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла, Ирак), а американцы даже приобрели лицензию на татарстанские турбобуры³. Кстати, американская «тень» на татарстанской нефти появилась ещё в довоенное время, когда американский промышлен-

---

¹ Своего отца, командира роты, старшего лейтенанта Р. Ш. Тагирова автор этой книги вместе со своим братом И. Р. Тагировым «разыскали» на латвийской земле спустя почти сорок лет. Останки защитника страны и латвийского народа были найдены и перезахоронены на одном из многих братских кладбищ под Ригой.

² *Галлямова А. Г.* История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.). — Казань, 2010. — С. 85.

³ Там же. — С. 84.

ник Шандор, заметив нефтяное пятно на реке Шешма (вблизи районного центра Шугурово, ныне Лениногорский район), принялся всерьёз изучать нефтяную перспективу местности. В ходе экспериментов заложил шурф в горной толще и неожиданно открыл залежи нефтебитума. Шугуровский битумный завод в течение 100 лет обеспечивал республику и страну этим стратегически важным нефтепродуктом.

Татарский нефтяной фактор, через его прибавку к сибирской нефтегазовой мощи¹, способствовал индустриально-технологическому сдвигу местоположения страны в мировых цивилизационных координатах, придал импульс выходу человечества к третьему — нефтетехнологическому укладу. Забегая вперёд, автор хочет отметить, что татарский (татарстанский) нефтефактор и в ХХI веке продолжает влиять на исход глобальной конкуренции между энергетическими супердержавами, что во многом предопределяет культурно-цивилизационную типологию человечества в III тысячелетии.

Феномен поствоенного татарско-татарстанского возрождения многогранен, он не ограничивается лишь нефтяными качалками. Хотя, надо признать, что отблеск нефтяных факелов (в натуральном и образном выражении) лежит на всём ландшафте индустриально-технологических и аграрно-промышленных достижений. Нефтяной фактор породил принципиально новые символы-знаки цивилизационной продвинутости. Одним из них является бренд КамАЗа. Для Татарстана, где десятилетиями от одной нефтяной скважины до другой (как и от одной деревни до другой) добирались на тракторах, санях, лыжах, а часто пешком, появление отечественной машины-вездехода, выпускаемого на КамАЗе, стало спасительным якорем, драйвером смены образа жизни, типологии мышления и действия целого поколения — поколения «семидесятников».

От первых 25 красных КамАЗов, выстроенных в линейку на Красной площади в честь 25 съезда КПСС (подобно «красным обозам» с флагами, гружённым первым хлебом, тянувшимся в 1930-е годы от полей до Казани), до «КамАЗ-мастера» (16-кратного победителя трансконтинентального ралли-марафона «Дакар») и опытной, беспилотной сказочной машины-робота — вот путь взлёта «камазовского дракона». И опять, забегая вперёд, автор радостно отмечает: красным «камазовским» пунктиром расчерчена вся карта мира — от Токио, Пекина до Рима, Парижа и Лондона, пунктиром, с удивительной точностью совпадающим с траекторией Великого шёлкового пути и Великого Волжского пути.

Советская пора была временем не менее тяжёлого, а в каком-то смысле и более трудного испытания на крепость духа татар,

---

¹ Среди западносибирских нефтяников, как утверждает неистовый исследователь-источниковед А. Г. Галлямова, даже появилась поговорка: «Самотлорскую нефть освоили при помощи трёх «Т»: тракторов, «татр» (чехословацкие самосвалы) и татар».

чем то, что они перенесли после падения Казанского ханства. Речь идёт о ситуации в духовной сфере. Так, например, тотальная атеизация ослабляла позиции ислама — главной опоры, укрытия, способствовавшего сохранению татарского народа под сенью своих духовно-нравственных ценностей и вековых традиций. Всеобщая советизация связана с наступлением на позиции самобытности всех народов и унификацией национальных культур. Такое утверждение не «плач Ярославны» и тем более не тризна по культуре татарского народа, которая, как тонкая нить, беспрерывно вытягиваясь через «игольное ушко» идеологических препятствий, не только сохранялась, но и развивалась.

Советская эпоха в целом была испытанием на прочность всех её народов. Каждый это испытание прошёл по-разному. Распад СССР даёт основание для множественности выводов. Но бесспорно то, что под наибольшим прессингом (идеологическим, политическим, психологическим) оказались этнические структуры, особенно нерусских народов. Строительство советского общежития народов являлась экспериментом по интернационализации всего национального многообразия. Это была попытка выведения этнокультурных «родимых пятен» с облика народов. Советский «плавильный котёл» не сумел переварить всё богатство этнокультур, национальных образов жизни, традиций, духа, самоощущения. Нации не возникают и не исчезают по чьей-то воле, в т. ч. партийной. Нация — продукт эволюции цивилизации. «Нация есть душа, духовный принцип» (*Э. Ренан*).

В условиях советской политической системы Татарская республика не имела возможности состояться и утвердиться в статусе самостоятельного государства, как это декларировалось в Конституции страны. Да, это так. Формально считаясь государством и имея важнейшие государственные атрибуты (конституция, органы высшей законодательной и исполнительной власти), она фактически находилась на положении территориальной автономии. Однако политика советизации, часто шедшая вразрез с национальными интересами татарского общества и даже в какой-то мере продолжавшая колониальную традицию национально-культурного подавления, объективно имела для татарского народа и позитивные результаты. Особенно это относится к формированию экономических, социальных, интеллектуальных, духовно-моральных предпосылок для перехода к новому этапу самоопределения. Автор ещё раз подчёркивает: создание Татарской автономии в составе РСФСР являлось поворотным моментом в развитии татарского культурно-исторического самосознания, национального самоопределения в целом. Воссоздание татарской государственности в форме республики явилось этапным результатом борьбы татар за своё национальное, политическое и социальное освобождение, имело символическое значение как продолжение прерванной в XVI веке государственности татарского народа.

«В этот период, — как справедливо отмечает А. Г. Галлямова, — татарский народ после многовекового перерыва вновь обрёл форму государственности... Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, представляя часть коммунистической империи, отражала общие процессы социодинамики, характерные в целом для Советского Союза»¹. Принципиально важно, что советская эпоха дала кристаллизованный опыт не только способа выживания, но и роста-развития. Многогранный опыт, положительный и отрицательный, — именно такая историческая спрессованность делала его продуктивным, давала возможность (и не только татарам) познания и сравнения преимуществ и недостатков социалистической и капиталистической систем ценностей, раздельно-противопоставленного и конвергентного сосуществования народов, диалога и конфронтации культур, религий и цивилизаций. Тема советизма, а стало быть, социализма, советского человека (*homo soveticus*) и советского народа вряд ли сойдёт с актуальной повестки. Она останется предметом теоретического и практического интереса. Опыт тех — советских десятилетий — наиболее ценный и востребованный ресурс для нашего времени, времени «сражающихся эпох».

Татарский народ, цивилизационное ядро которого сформировалось и укреплялось в полифоническом алтайско-евразийском «плавильном котле», не только сумел сохранить себя как нацию, но и подготовиться к новым испытаниям в условиях глобализации. Этим объясняется его пионерская роль и на очередном этапе переустройства России на началах федерализма. Но для её перевода с унитаристского пути на федералистский нужно было совершить ментальную революцию, «толчком» к которой стал распад СССР. С этой исторической точки открывается первая страница феномена нового татарского культурно-национального возрождения. Время возрождения предоставило возможность решать фундаментальные задачи цивилизационного развития народа. И этот исторический шанс он попытался использовать.

---

¹ Галлямова А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.). — Казань, 2010.

ТАТАРСТАН — «ДУХОВНЫЙ ГРИНВИЧ» МИРА

Если хотите увидеть Казань, смешайте виды замка Эдинбурга с его центром города на холме, старый и новый город с кафедральным собором Барселоны, добавьте сдержанной доброжелательности, бросьте в прохладный Мельбурн, даже в Брисбен, на берег и пропустите всё через русский блендер. Затем добавьте исламское великолепие, щепотку православного христианского очарования и сверните всё с изысканностью традиций древнего татарина. Если всё сделаете правильно, то и получите Казань.

*Кевин Эйрс,
обозреватель FourFourTwo (Австралия)*

Крушение СССР — мощнейшей империи, скроенной по образцово-модельным чингизидо-ордынским лекалам, изменило ход всемирной истории, вызвало геополитическое потрясение в клубе великих держав, как в случае с восточным факиром, вызволившим джина из закупоренного сосуда, развернуло «ноев ковчег» человечества в альтернативном направлении.

Было ли это крушение неожиданностью, случаем заговора, подготовленного за мировыми (а возможно, и внутренними) кулисами? А может быть, этот «смертельный выстрел» был приговором-действием закономерности по схеме концепции А. Тойнби «рождение — расцвет — падение», которой подвержены все империи?

Каждой закономерностью движет необходимость. Под трансформацию советской империи была заложена та же «мина» — объективный императив. Исполнилось искомое планетарного масштаба желание — завершилась «холодная война». Все «сёстры» — союзные республики, из которых был сшит советский «френч», получили по «серьгам» — свободу, суверенитет.

А каково было самочувствие и как восприняли акт расторжения «брака» между союзными единицами татары, чья лепта неизмерима и бесспорна в формировании самой матрицы российской, а затем и советской цивилизации? В сонме их противоречивых эмоций, в разнообразии воль и мнений (что естественно и объяснимо: сказывалось многовековое состояние притупленных свеч мечты о культурно-цивилизационном ренессансе) прорвалась энергия надежды на подъём, развитие, расцвет.

Татары никогда не занимались проклятием времён, даже будь то «тёмные» или «удушливые» века. Они просто продолжали заниматься обустройством своей духовно-экологической ниши, выполнением своей сознательной, традиционно-миротворческой миссии в общем, российско-советском цивилизационном Доме. Вместе со всеми другими народами они вошли в новую эру, когда открылось редкое «окно в Париж», обозначились «очень далёкие перспективы и ретроспективы, а также динамика крупных планов, открывающая устойчивые векторы самопознания

российского мира и его внутриисторическую координацию». Это образное, но точное определение всеобщего эмоционально-психологического, подъёмно-исторического состояния общества 90-х годов XX века, данное талантливо-мудрой парой профессоров-культурологов В. П. Океанским и Ж. Л. Океанской.

Исторические разломы в судьбах народов, стран и цивилизаций происходят не только в результате планетарных катастроф или «сшибок» мировых систем-гигантов, «тяжеловесов», но и в результате разрывов («взрывов») от перенапряжения и сверхдавления в системе «центр — регионы». Разность мощности взаимных толчков внутри этого двуединого феномена нарушает равновесие, и часто на «теле» государственности образуются гипертрофированные «флюсы» — великодержавный шовинизм и радикальный сепаратизм. Примирительно-соединительной формой «стяжки» этих «флюсов» является федерализм (конфедерализм). Но и внутри федерации нет вечного мира. Ибо федерализм — не конечная цель, а процесс поиска формулы *modus vivendi* (с лат. «образ жизни») между двумя разнозаряженными потоками энергии, сложность и противоречивость которых постоянно возрастает. При этом достижение консенсуса даёт возможность сохранить «мир под оливами», а конфронтация — привести к расколу. Рост числа субъектов мировой политики за счёт дробления федераций и государств-империй — явление не исключительное, а естественное. «Свобода лучше, чем несвобода» — философия мышления народов, заряженных прорывной волей к свободе, тягой к самоопределению — силой, возбуждающей их энергию. В этом смысле вся история человечества есть постоянно повторяющийся процесс «разбрасывания и собирания камней».

Кто же виноват в бесконечности «войн» на поле взаимодействия потоков воли, энергии и эмоций людских сообществ в рамках системы «центр — регионы»? С одной стороны, можно с уверенностью утверждать, что во всём виновен «центр» с его политикой отставания от запросов динамично меняющегося мира, а стало быть, и от растущих потребностей развития регионов. Попытка сохранить архаику, *status quo* или, что ещё хуже, «пережить» авторитарную педаль управления рано или поздно приводит к демонтажу сложившейся политической конструкции. С другой стороны, в энергоусиливающих действиях регионов также можно усмотреть причину разбалансированности машины государственности. Но эти действия идут от «корней травы», от первоисточков и направлены на вывод этой «машины» на скоростную дорожку эволюции.

Конечно, в ситуации «смены вех», переналадки системы могут проснуться дремавшие ранее силы распада, возродиться центробежные начала. Но из «бутылки с джином» выплещивается не только негативная, но и замурованная в ней энергия прогресса. От боязни разгула центробежных амбиций пытаются плотнее закрыть её пробку не только тщетно, но и опасно, ибо может взорваться вся «бутылка» целиком. Вот почему так востребована

идея федерализма и вытекающая из неё умная региональная политика как часть стратегии модернизации стран мира¹. К тому же ренессанс регионов, активизация локальных сообществ, регионализация современного мира — это уже глобальный тренд.

В чём причины этого явления? Почему регионы заряжены на активизацию процессов перемен? С чем связано возвышение их роли, особенно в моменты разломов истории? Поиск ответов на эти вопросы наводит на мысль о том, что именно периферия с её селениями, аулами, хуторами, деревнями была отправной точкой, «колыбелью» будущих городов-агломераций, крупных государственных образований, империй. Она и сегодня остаётся незатухающим, жизнеутверждающим, нравственно-очистительным источником их развития. Периферия раньше улавливает сигналы сбоя в системе «центр — регионы», именно там пробуждается неизбывная энергия исторического действия. Именно оттуда берут начало и «глас народа», и его естественное право на политическое, экономическое, культурное жизнеустройство по собственному усмотрению. Периферия — место рождения и бастион сохранения *avtonomia* (закона и условия самосохранения, самоуправления, саморазвития территорий). По совокупности духовно-воспитующих, социокультурных и интеллектуальных функций она остаётся смыслозадающим, векторно-определяющим феноменом.

Таким образом, характер взаимоотношений двух разнозначных начал системы «центр — регионы» во многом предопределяет политическую погоду не только внутри отдельного социума, но и в мире в целом. По мере нарастания давления глобализации, покушающейся на самобытность, уникальность и автономность народов, особенно периферийного пояса, проблема отношений по линии «центр — регионы» предельно обостряется, обретая фундаментальный характер.

В этом контексте обращение к опыту взаимодействия между татарским и русским народами, Россией и Татарстаном имеет неоценимое значение. В копилке этого опыта — уроки международной значимости. Опустив подробное изложение истории их взаимоотношений в эпоху древности и Средневековья (к тому же сюжеты из истории тюрко-татарского и русско-российских взаимоотношений были уже освещены в книге), автор ограничится

---

¹ Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б. Н. Топорнин. — М., 2001; *Фарушкин М. Х.* Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. — М., 2004; *Фарушкин М. Х., Фарушкин А. М.* Субъекты федераций: сравнительное исследование. — Казань, 2009; *Палчаев А. Н.* О перспективах федерализма в России // Свободная мысль. — 2013. — № 1; *Хакимов Р. С.* Российский федерализм: теория и практика : учеб. пособие. — Казань, 2011; *Распопов Н. П., Царьков А. С.* Региональное развитие России: проблемы, стратегии и перспективы // Россия и современный мир. — 2013. — № 2; *Волкогонова О. Д., Белоусов С. О.* Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса России // Россия и современный мир. — 2009. — № 1.

лишь кратким обобщением. Взаимоотношения носили типичный для того времени характер, свойственный государствам-соседям, государствам-конкурентам. Войны уступали место перемириям, конфронтация сменялась партнёрством, торговлей и обоюдным цивилизационным обогащением. На стыке цивилизаций в «контактной зоне», между Волгой и Уралом, в горниле буйства разноразряженных эмоций, интересов, характеров, менталитетов прорисовывались контуры будущей классической модели взаимодействия народов, культур, религий и цивилизаций. Культура войны и смерти в ней перекрывалась культурой мира, толерантности, комплиментарности, солидарности и добрососедства. За всю историю этих взаимоотношений не было ни одного столкновения на межрелигиозной или чисто этнонациональной основе. Это хрестоматийный пример эволюции межгосударственных отношений. Да, войны между ними были, но они имели междержавный, геополитический характер.

На процессы формирования типа молодой российской государственности, характера и культуры русского народа сильнейшее влияние оказывал ближайший сосед — татарский народ, за плечами которого был огромный опыт создания крупных империй и цивилизаций. За века государственности он сумел сконцентрировать в себе мощный потенциал миротворчества, коммуникативной культуры, сотрудничества, мирного сосуществования. Он, этот потенциал, был результирующим итогом активного участия в реализации проектов первооткрывательства и обустройства Евразии, создания «мостов», площадок встреч между народами, поклонявшимися разным идолам, богам и ценностям. Миротворчество как экологическая начинка характера, иммунная суть татарского народа становилось ведущей, определяющей чертой. Именно поэтому он сумел создать прецедент преобразования великодержавного (имперского) духа, сознания, стиля мышления и практического действия в миротворческий образ мыслей и жизни.

Перед всеми молодыми империями стоит задача выбора между двумя началами: времени и пространства. Первое обращено в будущее, второе, соблазняя предстоящими походами и обогащением, влечёт, тянет назад, в прошлое. Шаг за шагом многие европейские империи с рубежа Нового времени, выбрав «время» как вектор эволюции, открыли эпоху модернизации. Но были и те, что, оставшись в плену идеи пространства, исторический груз империи пронесли вплоть до начала III тысячелетия. Татарский народ из двух исторических ориентиров выбрал время, дав «образец выхода из нередко возникавших в истории ситуаций «конфликта эмоций»: трансформации культуры завоевания в культуру интеграции, культуры унижения в культуру надежды»¹. Этот народ был прилежным учеником азиатского и европей-

---

¹ См. подробнее: *Тагиров Э. Р.* На перекрёстке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. — Казань, 2007. — С. 387.

ского, в т. ч. российского, культурных миров и одновременно хорошим учителем предмета «миротворчество». Переплетение исторических судеб, синтез культурных систем, образов жизни и укладов хозяйствования, совпадение психологических и ментальных установок сформировали особую социогенетическую матрицу взаимоотношений между рассматриваемыми равнозначными субъектами мировой истории.

Длительность и многогранность содержания процесса взаимной «притирки» двух народов создали почву для плодотворного взаимодействия татарского и русского народов и в Новейшее время. Приверженность к компромиссу, консенсусу, согласию и договорной философии — корни этих ценностей, они восходят к тем временам, когда два народа впервые встретились, а потом вместе шли по дороге Большой Истории. Но это не означало приговорённости к идиллической ровности и стерильной «чистоте» взаимоотношений. История не есть движение по Невскому проспекту Петербурга или улице Баумана Казани, по которым, держась за руки, безмятежно и влюблённо «шествовали» народы. Аналога таких «прогулок» в мировой истории нет.

Бесконфликтность всегда чревата регрессом. «Если у Вас нет конфликтов, то проверьте пульс, всё ли у вас нормально», — говорил классик психологии Чарльз Диккенс. Импульсы имперскости и былых взаимных обид время от времени у обеих сторон пробуждали «беса» напряжённости. При этом татарский фактор в силу многих исторических причин воспринимался неоднозначно, часто негативно, и не только в российском, но и общемировом пространстве. На нём до сих пор лежит «тавро Кассандры» — печать проклятия монгольско-ордынского периода. «Татарский след» проглядывался не только в бедах прошлого, он просматривается и во многих явлениях времени настоящего. Сегодня он вписан в текст таких мировых «отклонений», как сепаратизм, национализм, пантюркизм, ваххабизм...

Но волны национально-страновых и всечеловечески-глобальных перемен создавали основу для рождения новой философии взаимоотношений по линии «мировая ось — периферия», «центр — регионы». На рубеже XX—XXI веков по всему периметру планеты прокатывается вал региональных экономических «чудес» и модернизационных рывков — малазийского, сингапурского, тайваньского и т. д. Региональные «броски» в постиндустриализм, как и феномен регионализма в целом, не были случайным явлением. Они явились формой ответа, с одной стороны, на вызовы глобализма, покусившегося на самобытность, уникальность региональной плеяды народов мира, а с другой — на потребность подключения их «дремлющих» сил к трансформационным процессам. Проблема повышения статуса экономической, культурной и политической самостоятельности регионов превращает их в активных и равноправных субъектов исторического творчества, проявляясь в виде этнорегиональных ренессансов и «восстаний» вплоть до угрозы выхода из состава

государства. В конфликтно-заряженных конвульсиях в широком спектре регионов мира проявлялась назревшая необходимость пересмотра архаичной системы «центр — регионы» в сторону децентрализации и снижения давления силового пресса вертикальной власти на горизонтальном уровне. Стало ясно, что без восхождения этнорегиональной энергии и её канализации в русло модернизационных процессов центр не сможет обеспечить устойчивый алгоритм развития: ему грозит перспектива застрять в «зазоре» между индустриальной и постиндустриальной эпохами.

Турбулентные процессы были характерны и для Российской Федерации. После распада СССР на поверхность всплыли копившиеся в недрах сознания национальные обиды, неразрешённые споры, обострились социальные проблемы. В начале 1990-х годов в новой России имелось около 130 потенциальных и латентных конфликтных зон, пятая часть которых сразу начала заявлять и сигнализировать о себе. К такому шквалу конфликтов государственные институты и общество не были готовы. «Центр», озабоченный переделом власти и собственности, впавший в эйфорию строительства различного рода структур на верхних этажах власти, не удосужился заняться укреплением своей опоры — регионов и их народов. Регионы оказались перед лицом необходимости принять на себя новую ответственность в ситуации системного кризиса, потери государством своих ценностных ориентиров и исторических перспектив. Под давлением «низовых» факторов в регионах выстраивалась система защиты интересов и безопасности людей и территорий. Безопасности экономической, экологической, культурной, социальной, национальной.

Феномен регионализма сам по себе не был опасен. Более того, пробуждение провинции, её включение в реформаторские процессы создавали базу для трансформации России в демократическое государство. Опасность заключалась в том, что на новом витке истории «центр» мог задержаться с выработкой нового кодекса взаимоотношений с регионами или предложить им заранее неприемлемые правила игры. Так оно и случилось. В отчаянии от неспособности «разрубить гордиев узел» проблем он всё больше склонялся к силовым сценариям подведения «удельных княжеств» под крышу общего Дома. Тем самым он лишь ускорял движение России к опасной черте самораспада. Противостояние регионализма и жёсткого централизма поставило в повестку дня вопросы: куда идёт и чем будет Россия? Встанут ли центр и регионы на тропу войны или «раскурят трубку мира»?

В условиях острого противостояния с центром в России на рубеже 1991—1992 годов Татарстан избрал демократический, правовой путь развития. Для подтверждения Декларации о государственном суверенитете 21 марта 1992 года состоялся референдум о статусе Республики Татарстан, в котором предлагаемая формула получила поддержку большинства принявших в нём участие. Опираясь на результаты референдума, Верховный Совет

в ноябре 1992 года принимает новую Конституцию Республики Татарстан. В порядке осуществления принципов Декларации республика была провозглашена суверенным государством. Заключение межправительственного договора с Россией (15 февраля 1994 года) явилось поворотом в судьбе не только татарского, но и народов всей страны¹.

Модель политического действия Татарстана спасла территориальную целостность страны и положила начало договорной практике в отношениях «центр — регионы». Президент Российской Федерации (июнь 1991 — декабрь 1999) Б. Ельцин, оценивая историческое значение Договора, сказал: «Тогда он выполнил роль своего рода «скорой политической помощи», предотвратил опасность раскола федерации». Правда состоит в том, что, как метко заметил первый президент Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев, «история России тогда могла пойти другим путём». Сегодня очевиден факт «особости» курса Татарстана не только в выборе путей и уровней суверенизации, форм и принципов отношений с центром, но и в ориентации республики на реализм, признание норм международного права и современные цивилизационные ценности, достижение согласия путём переговоров, компромиссов и сотрудничества.

На фоне установки Президента Чеченской республики (октябрь 1991 — апрель 1999) Д. Дудаева, выраженной в формуле «время быть независимым», позиция первого Президента Республики Татарстан тогда, может быть, проигрывала в глазах части татарского общества, но она обеспечивала мирное будущее, возможность развивать отношения с центром, добиваясь паритета. Понимая это, руководство Татарстана дистанцировалось от некоторых движений и партий, исповедовавших идеологию этноцентризма. «Представьте себе многочисленные митинги, многотысячные собрания, которые ждут от тебя клятвенных обещаний бороться за свободу и независимость Татарстана до последнего, как говорится, дыхания, — говорил в одном из своих интервью М. Ш. Шаймиев. — Надо сказать, это очень сильное искушение — пообещать народу всё, что он просит. Многие лидеры обещают и гордятся этим. Мне же удалось ни разу не произнести слово «независимость». Заявлять о полном государственном суверенитете Татарстана, зная, что это невозможно, значило бы обманывать свой народ».

Взяв за основу формулу равносуверенитета для всего народа Татарстана, утвердив в качестве государственных языков татарский и русский, лидеры республики сделали выбор, ориентированный на компромисс и достижение межнационального со-

---

¹ См. подробнее: *Тагиров Э. Р.* На перекрёстке цивилизаций. История татар в контексте культуры мира. — Казань, 2007; Его же. Народ в пути. История Татарстана в мировой цивилизации. — Казань, 2008; *Хакимов Р. С.* Татарстан: идеология будущего. — Казань, 2014; Его же. Татары: судьба этнонима (средние века). *Тагиров И. Р.* По жизненному пути. — М., 2016; *Его же.* Татарстан: вехи истории XX — начало XXI в. — Казань, 2016.

гласия. Этот выбор обеспечил политической элите поддержку со стороны основных этнических групп, что удержало центр от применения силы. Отказ от этноцентризма, являющегося вызовом геополитической устойчивости России, вывел ситуацию в регионе из зоны повышенного политического риска, дал начало общероссийскому процессу формирования новой федерации. Множество копий было сломано вокруг вопроса о «сепаратизме» Татарстана, о его стремлении «уйти» в мифический Туран, о попытке развала России и т. п., но идея демократического, идущего снизу, договорного, в последнее время всё чаще называемого новым, федерализма пробивает себе дорогу, утверждаясь как шанс сохранения единства страны и фактор развития.

«Татарстанская модель» — категория историческая по своей масштабности и сложности. В ней выражен ответ на необходимость одновременного решения отложенных, не решённых в прошлом задач и поиск ответов на новые вызовы времени. Реализация модели отвечала не только установке культурно-цивилизационного возрождения Татарстана, но и отвечала национально-государственным интересам возрождающейся, новой России. Она была и остаётся моделью цивилизационных перемен на мирной, неконфликтной основе не только на татарстанском «пятачке», но и в масштабе Российской Федерации. Вариантом решения исторической задачи транзитного времени — превращения России в подлинно демократическое федеративное государство на основе возрождения и усиления потенциала регионов и включения их инициатив и самодетельной энергии в решение общенациональных, общегосударственных проблем.

«Татарстанская модель» на протяжении более чем десятилетнего постсоветского периода, когда российское общество переживало критическую стадию истории, по мобилизующей и цивилизационно-ориентирующей способности сыграла роль интегративной, объединительной, общенациональной идеи. Сориентировав на федерализм, она уберегла Россию от соблазна силовых способов сохранения целостности и скатывания к унитаризму. Именно поэтому она изучалась на уровне многих международных организаций и примерялась в качестве своеобразного «лекала» для решения многих проблем развязывания региональных конфликтных узлов по линии «центр — регионы». По философско-концептуальной, методологической и методической оснащённости, по результативности решения этапных стратегических и тактических задач она является пилотным историческим проектом рубежного времени.

«Казань», «Татарстан», «Татарстанская модель». Понятия, вошедшие в лексикон современности, ставшие символами исторической гордости, культурно-цивилизационного и духовного ренессанса, инновационно-технологического рывка в III тысячелетие.

В чём секрет, где тайна брендовости Татарстана — одного из регионов России с его достижениями на фоне «позднего време-

ни», времени «сумерок», наступившего в мире? Случайность это или закономерность? Протекающее или возвышающееся явление, милостью центра или великим трудом, напряжением ума и таланта завоёванное признание? Родников успешности республики много. В ней результат «золотого сечения», сопряжения многих начал — объективных и субъективных, внутренних и международных, исторически-унаследованных и новоприобретённых качеств.

Постоянно воздействующим на умы и сознание поколений был и остаётся фактор географический. «География делает характер нации» (*В. И. Вернадский*). Татарстан находится на перекрёстке цивилизационных миров, являясь «мостом» между Востоком и Европой, играя роль не только посредника и даже не только примирителя, но и «фермента», усиливающего обе мировые оконечности. Этому фактору он во многом обязан своими достижениями, в которых был аккумулирован многовековой опыт строительства процветавших культур, государств, цивилизаций. Автор ещё раз приводит чеканную формулу крупнейшего мыслителя XIX столетия А. И. Герцена. Казань — это «место встречи и свидания двух миров. И поэтому в ней два начала: западное и восточное... Казань — главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу».

Географическое положение, срединность, «сердцевинность» всегда имели и имеют не только геополитическое, но и символическое — вдохновляющее значение. Неслучайно страны Востока обозначают себя через географическо-космологические определения: «Поднебесная страна», «Страна восходящего солнца», «Страна утренней свежести»... В случае Татарстана речь идёт не только о примордиальных особенностях, но и о заряде пассионарности, присутствующем в татарской этнокультурной общности и великолепно описанном в трудах Л. Н. Гумилёва. С лёгкой подачи этого учёного-подвижника Татарстан и сегодня определяют как «пассионарно-заряженную цивилизацию».

На татарстанском облике лежит печать глобальных драм истории, разворачивавшихся в социоокеане Евразии — эпопеи великих переселений народов, великих географических и научно-технических открытий, прокладка межконтинентальных исторических трасс — Великого шёлкового и Волжско-Камского путей. Такая историко-географическая и геополитическая заданность превратила эту «контактную зону» в точку притяжения человеческих сил, обладавшую мощной энергетикой возвышения памяти и её обращения к настоящему и будущему. В точку-эпицентр откristаллизованного, обогащённого духовными ценностями мировых религий исламо-христианского пограничья. Слиянность исторических судеб народов, культур, религий и цивилизаций превратила Татарстан в неразгаданное таинство, место неизведанной судьбы, нерастраченной пассионарной энергии и силы духа, словно магнитом притягивавшей к себе сердца и души народов и поколений. Он стал местом катарсиса — духовного очи-

щения, нравственного преображения. От этого «нулевого» меридиана духовности тысячелетиями расходились и вновь сходились культурные «широты» мира. Рассекая материю инокультур, обогащая их и обогащаясь сами, они, становясь более жизнеспособными и мощными, сеяли семена миролюбия и гуманитарности, добра и нравственности, человеколюбия, сострадательности и милосердия, усиливая тем самым устойчивость, прочность, жизнестойкость планеты.

Казань и в XXI столетии продолжает ощущать себя сакральным центром, «духовным Гринвичем» мира, исторически обязанным продолжать выполнение этой великой миссии. Символом, подтверждающим такой имидж и статус, является Казанский Кремль, объявший в своём духовном сердце Соборную мечеть Кул-Шариф и Благовещенский Собор. На его территории началось воссоздание Собора Казанской иконы Божией Матери, явленной на этой священной земле, «примирившей русский народ с татарами» (*Патриарх Кирилл*). 21 июля 2016 года прошла церемония закладки в основание его фундамента памятного камня и капсулы с обращением к потомкам. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил это действо. Состоялась церемония, вошедшая по своей исторической и нравственной силе в реестр особых духовных событий XXI века.

В своём выступлении Предстоятель православной церкви проявил образец философской мудрости, исторической компетентности и прогностической зоркости. «Храм, который мы воссоздали, — заявил он, — это не памятник прошлому. Воссоздавая святыни, мы направляем взгляд в будущее... Замечательно, что оно происходит на этой земле, где мирно существуют представители разных конфессий... Я проехал большинство стран и не представляю, где это ещё возможно. Но это возможно в России. И неслучайно. Мы с вами особенный народ. Мы научились жить вместе, мы научились ценить друг друга, уважать традиции друг друга и вместе трудиться во благо нашей великой родины»¹.

Надо отметить ещё одно событие, связанное с закладкой фундамента Собора Казанской иконы Божией Матери и визитом Патриарха Кирилла в Казань. Речь идёт о проведении акции масштабного крестного хода, прошедшего в Казани. В нём приняли участие 30 тыс. человек. Он был не только самым масштабным в России, но «конфессионально-интернационализированным», с участием иерархов исламских конфессиональных структур России. «На фоне совершенно диких террористических актов, словно подтверждающих теорию Хантингтона о столкновении христианской и исламской цивилизаций, казанский крестный ход реально продемонстрировал, что есть другой путь взаимодействия ислама и христианства, путь взаимного уважения и взаимной поддержки»².

---

¹ См.: Республика Татарстан. — 2016. — 22 июля.

² *Ахметов Р. Р.* Икона // Звезда Поволжья. — 2016. — 28 июля — 3 авг.

Через два года, 4 ноября 2018 года, состоялась закладка фундамента будущего Собора Казанской иконы Божией Матери. Событие знаковое на фоне роста мировой напряжённости, активной начинкой которой является этноконфессиональная непримиримость, и её маховик набирает новые, всё более опасные обороты. Событие, перекрывающее по яркости и значимости все другие тысячелетия, если судить не по календарю-хроносу, а по исторической реальности: с этого символа-явления начинается, рождается заря XXI века. Казань открывает «окно в будущее» человечества, створки которого повернуты в две стороны: внутрь — в сохраняющее напряжённое, беспросветно-апофатическое настоящее и наружу — в перспективу вразумления — вселенского примирения людского сообщества. Казань тем самым способствует закрытию фазы беззаботного пребывания человечества в колыбели — «Земля» и открывает путь к новому гиперпроекту — формированию «цифровой эры», созданию искусственного интеллекта — «разумной машины» для осуществления нового шага в истории всечеловеческой Вселенной. По казанскому историческому времени — «Духовному Гринвичу» мира — начинается набор скорости новой глобальной сверхдлинной волны пассионарности, последний всплеск которой, по Л. Гумилёву, был отмечен в 1492 году и проявлен в виде феномена монголосферы.

Мы как-то недооцениваем ценность мирного бытия, добытого в процессе векового объединённого движения народов по дороге Истории. Кажется, что так было и так будет всегда. Но если оглянуться вокруг, понимаешь, насколько архисложно удерживать маятник мирного этноконфессионального бытия на отметке равновесия-баланса. «Нам нужно перестать бояться признать правду. Мы находимся в состоянии войны», — вынужден был оценить современную ситуацию Папа Римский Франциск, имея в виду не одноразовые конфликты, а систему террористических действий на почве вражды между представителями разных религиозных конфессий. Такой вывод Понтифик сделал, конечно, будучи в состоянии шока от зверского убийства французского священника Жака Амеля «солдатами джихада» ИГИЛ (запрещённая в России организация). Убийства с открытым вызовом — у алтаря храма в Нормандии, где сохранилась предтеча — гуманистическая основа католической веры. В этом акте, как и в массовом сериале действий террористов, он увидел и признаки войны против основ западной цивилизации — Римской церкви. На фоне поднимающейся волны терроризма угроза межрелигиозной войны становится всё более реальной.

Для Татарстана межконфессиональный диалог — не серия актов встреч духовных пастырей и международных конференций по вопросам этноконфессиональных отношений, а образ жизни, этико-нравственная норма бытия народов — «эллинов и иудеев», иудеев и католиков, православных, буддистов и мусульман. У каждого из них есть не только своя церковь, паломнические места, СМИ и издательские центры. Главное — у них есть

единый, крепкий фундамент мирного, безопасного и устойчивого развития. Это одна на всех общая, исторически обетованная земля, перемоловшая зёрна противостояния и познавшая благодать мира, превратившая представителей разных народов и конфессий в единую семью, имеющую свой общецивилизационный Дом — Республику Татарстан. Дом, в котором мир, безопасность и равенство всех религиозных общин гарантируются Конституциями РФ и РТ, регулируются законами и государственной политикой толерантности.

Закон устойчивости Планеты предъявляет к сакральным островкам мира требование обеспечивать равновесие прав народов, молящихся разным Богам. Это особо касается Татарстана как уникального интерконфессионального явления. Он и сегодня остаётся своего рода общепланетарной «Меккой» народов мира лишь потому, что на весах Истории ему удавалось достигать баланса между правами и интересами всех конфессий и народов, проживающих в республике. Казанско-православное и Великобулгарское — исламское начало, как два крыла одной птицы, воспарившей во времени и пространстве, продолжают философию, идеологию и политику этноконфессионального паритета. Будучи историческими ровесниками, они успешно прошли испытание на признание не только своих народов, но и вышли на идею их взаимозависимости, взаимонеобходимости. Их объединяет общность исторических судеб, совпадение путей движения в будущее. Синхронное возрождение двух святынь — острова-града Свияжск и Великого Булгара, места принятия татаро-булгарами ислама, — ещё одно наглядное свидетельство мудрости идеологов, «отцов-основателей» татарстанской модели толерантности. Совпадение во времени создания Болгарской исламской академии и Казанской православной духовной академии также неслучайно. В этом акте — признание равновеличия и равноценности двух ветвей одного духовного Древа.

Знаком международного признания опыта Татарстана по утверждению в социальную практику идей, ценностей и принципов культуры мира, толерантности, этноконфессионального согласия и диалога цивилизаций является включение трёх культурно-исторических комплексов — Казанского Кремля, Великих Булгар и Успенского Собора острова-града Свияжск в Список Всемирного культурного наследия, охраняемого ЮНЕСКО. Татарстан стал постоянной экспериментальной площадкой осуществления всемирно значимых проектов и программ ООН — ЮНЕСКО. «Татарстан — ООН» и «Татарстан — ЮНЕСКО» — это не слоганы, не красивая аббревиатура, а стиль отношений двух культурно-цивилизационных начал в современном мире.

Истоки современного образа-имиджа Татарстана берут начало с «осевого времени», когда на Алтайском меридиане Евразии, между Волгой и Уралом, ставшей межконтинентальной «контактной зоной» по оси «Запад — Восток», возник и укрепился фундамент феномена «духовного Гринвича». Соком духовности

вращено и его нынешнее поколение — поколение созидателей-творцов нового, великого, высокого. У современного Татарстана много эпитетных определений: «Цифровая Орда» (по аналогии с Золотой Ордой), означающая его превращение в кремниевую долину. «Локомотив инноваций» — образ, под которым подразумевается достигнутый мировой уровень хай-тека в решающих секторах экономики. «Иннополис мира» — эпитет, подразумевающий, что Татарстан превращается в конкурента многих мировых научных центров. «Колыбель искусственного интеллекта» — оценка, данная татарстанцам представителями Японии — страны-лидера в области электроники. Китай, возрождая опыт многовекового взаимодействия с татарами-хунну, в т.ч. и совместное возведение Великой Стены, успешно разыгрывает «татарскую карту» в обновлении Великого шёлкового пути.

В изобилии используются оценочные метафоры и применительно к Казани: «лидер», «столица», «центр». Они применяются при характеристике движения вперёд на решающих направлениях прогресса — в образовании, науке, культуре, искусстве, спорте.

Коллективным автором-творцом взлёта Татарстана до «космического уровня» (в сфере космического производства также замечен татарстанский «след»), конечно, является народ. Историческое ядро татарстанской общности составляет татарский народ, в ментальную карту которого «вбиты» ценности базового порядка: миролюбие, компромиссность, толерантность, комплиментарность. В его сознании отрефлексирована установка на созидание, движение, развитие, а в природе характера, стиле мышления и действия татарского народа запечатлён сплав «общей исторической травмы» и «общей славы», сочетание привязанности к «почве» — традициям и культу символов постмодерна. В нём борются две стихии — земледельческая и космогоническая, два инстинкта — номадизм и оседлость, две страсти — дух и плоть. Им движет мысль о незавершённости исторического проекта, начатого предками. Это — «Народ Пути». Пути, уведившего его за земные пределы, выведившего на трансконтинентальную просторность, где он смыкался с движением народов, двигавшихся в противоположном направлении, знакомился с другими ветвями религий, культур, цивилизаций.

Он играл не только роль «географического посредника» между народами, но прежде всего выполнял миссию их духовного обогащения. Отсюда в конечном счёте его притязание на глобальное присутствие. Потому он и сумел вписать в текст Истории особую формулу духовного обустройства человеческого общежития. «Татары и сегодня находятся в стадии пассионарного взрыва, — пишет талантливый политолог, главный редактор газеты «Звезда Поволжья», почётный академик Международной гуманитарной академии «Европа-Азия» Р. Ахметов, — их энергия и может привести к новому возрождению России при условии, что столица страны должна быть перенесена в Казань. Наличие

в Казани самой уважаемой иконы (не только Русской православной церкви, но и всего католического мира) уже делает Казань неформальной духовной столицей России и мира. Поэтому закладка собора Казанской иконы Божьей Матери есть фактически материализация, духовно ощущаемого нарастающего процесса переноса «силы» божественной благодати из Москвы в Казань»¹. По вопросу о переносе столицы можно поспорить, но то, что Казань — столица многих начал России (исторического, культурного, научного, экологического, образовательного) — свершившийся факт.

«Татарстанская модель миротворчества» — не с неба упавший божий дар, а во многом рукотворный феномен. Татарам в их тысячелетнем измерении всегда везло с предводителями, лидерами, обозначавшимися в результате естественного — рационального исторического отбора. Автор имеет в виду фигуры, выкристаллизованные в древних складках истории (Модэ, Аттила, Кубрат) и в новейшее переломное время. В ряду современных лидеров — первый Президент Татарстана Минтимер Шарипович Шаймиев, нанёсший неповторимо красивый узор на общее полотно исторической судьбы татар. Это «Отец»-собиратель нации. Знамя суверенитета Республики. Стратег-дипломат, миротворец, толкнувший Россию на путь федерализма, специальный посланник ЮНЕСКО. И сегодня он остаётся в авангарде преумножателей привлекательности имиджа Татарстана.

Особым образом вписан в криптограмму новейшей истории Татарстана Фарид Хайруллович Мухаметшин. Идеолог-суверенитетчик. Учёный, доктор политических наук. Дипломат типа Ришелье, председатель Государственного совета Республики Татарстан. Умеющий развязывать узлы конфликтов, выходить на компромисс, согласие. Посланник Татарстана в Европейском Союзе. Посол доброй воли во всём мире.

Рустам Нургалиевич Минниханов. Создатель современного образа Татарстана, на котором не только блики-знаки цифровой эпохи, но и штрих-коды предзоровых времён. Если США на пути к четвёртому технологическому укладу, а Китай осваивает параметры пятой индустриальной революции, то Президент Татарстана мыслит и действует уже категориями следующего техноуклада. Откуда такой самородок, талант которого окрашивает всю палитру его собственных и национально-татарстанских действий? Ответ на этот вопрос нужно искать в глубинах Космоса. Скорее всего, Президенту Татарстана ум акробатически-виртуозного склада дан Всевышним.

Так в чём же философская соль исторического предназначения Татарстана? Конечно, прежде всего в сохранении той роли, которую он традиционно играл в судьбе России. Казань — цивилизационная «завязь», ось коловращения истории России. Татарстан — одна из центральных опор страны в условиях её

---

¹ Ахметов Р. Р. Икона // Звезда Поволжья. — 2016. — 28 июля — 3 авг.

трансформации. Слитность исторических судеб — их родовая примета. С глобальной точки зрения миссия Татарстана состоит, если выразаться коротко, чеканно, в спасении человечества от самоуничтожения. На уровне России она связана с содействием и совместным участием в «дораскрытии» нереализованных возможностей, в осуществлении ею более широких макроцивилизационных целей, обусловленных общим поворотом на Восток. В этом же контексте определяется роль Татарстана, когда речь заходит о рационализации, демократизации, «смягчении» ислама в целях усиления миротворного воздействия на процессы противостояния исламской и христианской цивилизаций. Мировпорядок XXI века будет определяться взаимодействием двух «тайн», сопряжением двух суперцивилизаций «Запад — Восток», в историческом «коридоре» которых и возникла тюрко-татарская цивилизация. Вот откуда фатум-запрограммированность Татарстана в качестве «духовного Гринвича» России и мира. Отсюда же вытекает и историческая роль татар — миротворческая.

Нельзя не согласиться с выводом оригинально мыслящего философа современности, сына русского народа, патриота России, профессора В. П. Уланова: «Казалось бы, небольшой народ, но его значимость безмерна»¹.

---

¹ Уланов В. П. История и перспективы евразийского и мирового развития. — Казань, 2012. — С. 268.

ВЗОР С ВЕРШИННОЙ ТОЧКИ ПРЕОДОЛЁННЫХ ВЫСОТ

(Эпилог)

Некоторые (из наших соплеменников) считают пороком называться татаринoм, избегая этого имени, и заявляют, что мы не татары, а мусульмане... Бедняги! Если ты не татарин и не араб, не таджик, ногаец, и не китаец, русский, француз, прусак и не немец. Так кто же ты?

Шигабутдин Марджани

Итак, перевёрнута последняя страница книги. Книги, которую можно считать своего рода «марш-броском» взора в прошлое, напряжением памяти и мобилизацией интеллекта для подведения итогов, успокоения души и смягчения нравов, поворота потока мыслей к Первоистоку. Насколько удачен мемориальный экскурс к исходным корням — это вопрос. Но главное состоит в том, насколько и кому нужен такой экскурс: ведь подходы к нему и ответы на него порой контрастно разнятся.

Можно по-разному относиться к прошлому: принять его как «бессмысленное чередование рождений и смертей» (*Е. Н. Трубецкой*), как «пантеон великих идей, страстей и людей, усыпальницу умерших чувств» (*К. Боуви*) или как «традицию мёртвых поколений» (*К. Маркс*). Однако мрачный, мистический взгляд на прошлое вряд ли вдохновит нашего современника и настроит его на оптимистический лад.

Конечно, можно изменить вектор взгляда на противоположный, зарядив себя исходной мыслью о грандиозности, безошибочности и величии свершенного, подбирая из истории лишь соответствующие аргументы-свидетельства величия. Но это тупиковый и бессмысленный для историка путь, ибо рождает высокомерие и успокоенность от сознания того, что всё великое и значительное уже совершено. Отмечая бесперспективность и опасность такого состояния мыслей и действий, Л. Н. Толстой писал: «Я убедился, что в наше время образованные люди выработали... искусство притворяться, что мы знаем то, чего не знаем, делая вид, что вся духовная работа человечества до нас с вами известна; выработалось искусство освободиться от необходимости знания прошедшего... У нас выработалось искусство быть вполне невежественными с видом учёности... Мы стали невежественными потому, что навсегда закрыли от себя то, что только и есть всякая наука — изучение тех ходов, которыми шли все великие умы человечества для уяснения истины».

Другой подход — попытка увидеть в прошлом всю совокупность богатства и прозрений опыта, понять, что прошлое — лишь пролог к настоящему. Ибо, по закону преемственности, «что такое в конечном счёте настоящее, как не росток прошлого?» (*У. Уитмен*) История — это ещё и прелюдия к предстоящему, ибо «прошлое всегда накладывает тень на будущее» (*Ш. Марджани*). Поэтому

естественно стремление каждого нового поколения «взять из прошлого огонь, а не пепел» (*Ж. Жорес*). Для этого надо увидеть в прошлом эффект калейдоскопа, каждый поворот которого даёт новую мозаичную картину. Желание расшифровать её подлинный смысл всегда требует напряжения ума и интеллектуального упорства, без которых нет нового знания.

Направляя оптику видения истории татарского народа в заданном концептуальном ключе, автор считает принципиально важным представить читателю итоговые наблюдения и выводы, которые не претендуют на полноту и чеканность, на обладание не подлежащими сомнению истинами. Они являются общими подходами к осмыслению татарского цивилизационного феномена, иногда лишь открытыми вопросами, обращёнными к прошлому, к истории в его миротворческом осмыслении, но всегда — во имя осмысления проблем сегодняшнего и завтрашнего дня. В авторском видении история предстаёт мощным объяснительным и мобилизационным ресурсом, хотя бесспорным является то, что не на все вопросы настоящего прошлое даёт ответы и не все проблемы сегодняшнего дня могут быть поняты как развёртывание проблем дня вчерашнего. Было бы наивным стремиться найти в прошлом некую универсальную модель, способную объяснить и научить разрешению сложнейших и во многом новых проблем и противоречий современного мира.

Проблемы, поднятые в книге, выходят за рамки сугубо татарской (татарстанской) значимости. Ибо история татар есть некое отражение закономерностей хода становления и эволюции человечества в целом, она — «кирпичик» той силы, из которой строились тюркская, российская и общемировая цивилизации. Выведение линии сопричастности татар к мировой истории с момента зарождения и до современных форм цивилизованности является не беспочвенной амбицией, а стремлением увидеть в «клубке» всеобщей истории её реальных участников — подлинных и глубинных движущих сил прогресса. Если для татарского народа обретение статусности как субъекта истории — это восстановление исторической справедливости, то в мировом и российском измерениях — это шаг на пути к восстановлению целостной картины истории человечества и к признанию каждого народа (этноса) равным другим в сообществе мировых величин.

Необходимость переосмысления значимости роли татарского фактора в мировой истории определяется и в контексте глобальных сдвигов-перемен, происходящих в современном мире, в ходе которых актуализируется национальный вопрос.

В число ведущих глобальных трендов входят пять угроз современному человечеству: «экологическая катастрофа», «тоталитаризация политических систем», «смерть homo sapiens», «ядерная зима», «ренессанс религиозного и национального фундаментализма», причём последняя в списке — наиболее реальная и опасная. Почему «нациобесие» (*Д. Трамп*) возведено в ранг

наибольшей опасности в ходе исторической трансформации человечества? Где причины «нациовзрыва», ставшего характерной «метой» времени? С чем связано повсеместное желание возродить (откорректировать, создать новую) национальную мечту? Каковы цель и задачи феномена «поворота к нациокорням»?

Каскад такого рода явлений напоминает нам о том, что национальный фактор — это «бикфордов шнур» ко всем глобальным трендам времени «столкновения» исторических эпох. Как важно поэтому успеть снизить кризисно-акметическую активность нациопроblem!

Россия, вобравшая в себя почти всё этническое многоцветье планеты, также начинает «вскипать». Удержать в составе «Цветной Руси» (*А. Неклесса*) десятки коренных её народов, представляющих почти всё планетарное многообразие наций, языков, культур, верований, в рамках архаичных концепций становится всё труднее. Национальный вопрос для неё был и остаётся каждодневным «домашним заданием» в усложняющейся прогрессии. Его особая важность предопределена тем, что в СССР он (конечно, часто в формальной форме) был предметом постоянного и внимательного анализа. Национальный вопрос считался центральным, потому был концептуально оформленным, идеологически актуализированным, а степень его решённости была элементом престижа страны Советов.

В постсоветское время этот опыт был не просто забыт, а скорее опорочен. Российский неолиберализм отодвинул его за кулисы реформаторского курса. А в это время в потухший было «национал-костёр» постоянно подбрасывали дровишки прежде всего те политические силы и группы, которые оказались за бортом власти. При этом политические партии, представленные в Думе, разыгрывали то русскую рулетку, то татаро-башкирскую карту, то, находя излишество нерусского говора в многонациональной стране, уменьшали объём часов и предметов в школе, преподаваемых на национальных языках. Советовали какие-то народы направить к южным морям «мыть сапоги», а территорию кавказских народов, например, «огородить колючей проволокой».

По разным соображениям, но постоянно и методично педагогировалась исламская тема. Ошибки и медлительность федеральной власти в решении национального вопроса создавали почву для различного толка фобий, экстремизма и национализма. Появление различных движений-акций («Россия для русских», «Россия — это нация русских», «Русский марш»), окрашенных в политическое разноцветие — от монархического до шовинистского и фашистского оттенков, — раскачивало, снижало порог устойчивости России. «Реквием по этносу» (*В. Тишков*) — прогноз, сомнительная точность которого очевидна. Скорее следует ожидать опасного «перегрева» этнического «котла», вызванного недооценкой значимости этнического капитала.

Татарская проблематика, как и всякая национальная, в исторической науке актуализируется и по причине выдвижения

на первый план проблемы самоидентификации народов и стран мира. Для России она стратегически важна. Задержка с поиском ответа на вопрос «кто мы?», с точки зрения определения её культурно-цивилизационной и этноконфессиональной принадлежности, грозит задержкой в состоянии бифуркации.

«Татары — это народ, зародившийся в самых глубоких нишах истории, прошедший весь цикл эволюции Рода человеческого, выдержавший испытание временем и оставивший свой неповторимый «узор» на общечивилизационном полотне человечества». «Татары — фермент общечеловеческого прогресса». «Татарский след» обнаруживается на всём длинном пути развития человеческого сообщества». Подобные оценки и образы не лишены романтизма и патетики, но такая постановка вопроса о роли татар в общеисторическом процессе не вызывает серьёзных научных возражений. Во всяком случае, перед усиливающейся аргументационно-доказательной логикой исторической науки людей, сомневающих в приведённых постулатах, становится всё меньше.

Оценка величины вклада «малых» участников исторического процесса (народов, цивилизаций) во всеобщий прогресс, признание их себе подобными со стороны великодержавных народов, государств, давно состоявшихся в качестве суверенных мировых величин, межгосударственных союзов, созданных государствами и народами в целях утверждения незыблемости своих ролей в иерархической системе международного сообщества, всегда происходило и протекает поныне сложно и мучительно. Проблема дискриминации «малых» народов, практика применения к оценке их цивилизационной роли двойных стандартов имеют историческую традицию, веками отработанную идеологию, психологию этноцентризма и политику великодержавности.

Смена стереотипной мировоззренческо-оценочной позиции на объективную оценку роли народов — непростая проблема для тех, кто числит себя в статусе великих держав, проблема, связанная с ломкой привычного стиля мышления и политического поведения. Признание исторической субъектности «малых» мировых единиц для самих участников истории выливается в непростую задачу обеспечения непрерывности своего исторического бытия, увеличения вклада во всеобщие преобразовательные процессы, в устойчивое и безопасное развитие человечества.

Признание татар фактором всеобщего прогресса как со стороны мирового сообщества, так и государственной системы «Русь — Россия — СССР — Россия» связано со всеобщей эволюцией философско-мировоззренческих и этических воззрений, посылов и установок, а также оценочно-сравнительных критериев. Подобного рода ментальные «сдвиги» в умонастроении общества базируются на интеллектуальных прорывах. Неоценима в этом роль обществоведческой и особенно исторической науки в целом, в которой, к сожалению, ещё много мифов и стереотипов.

Так давно пора отказаться от оценки России как тюрьмы народов. Ни по отношению к временам, когда Русь была соседом-

конкурентом татарских государств, ни после включения татар в состав имперской России. Российская цивилизация от древности и до образования централизованного государства формировалась и развивалась в окружении крупных развитых государств, в т. ч. и тюрко-татарских с их разнородным этноконфессиональным и поликультурным характером и составом населения. Она имела возможность сопоставления, «примерки» и адаптации накопленного соседями опыта организации совместной жизни в одном человеческом общежитии народов, молившихся разным богам, имевших разную систему ценностей и жизненных ориентиров. Готовность и способность восприятия «чужого-иного» опыта определялась исходно-родовой особенностью российской цивилизации: она зарождалась как гетерогенная общность, образуемая соединением трёх хозяйственно-технологических укладов (земледельческого, скотоводческого и промыслового), трёх типов-образов жизни (оседлого, кочевого и бродячего), смешением нескольких этнических субстратов (славянского, тюркского, финно-угорского) на пересечении влияния нескольких культурно-цивилизационных и религиозных потоков.

Гетерогенная иммунная природа российской цивилизации облегчала усвоение уроков устройства совместной жизни разных народов соседних государств, особенно татарских — Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. «Тысячелетие совместной жизни с мусульманскими народами, — отмечал академик РАН Н. Н. Моисеев, — дало нам уникальный опыт», использование которого могло бы вывести Россию на роль исторического примирителя разнополярных начал, систем и цивилизаций, «учредителя компромиссов». Россия вообще не могла состояться как мировая величина без привития к своему цивилизационному «стволу» тюрко-татарского (восточного) «черенка». Говоря о государствообразующих этнокультурных компонентах, И. Р. Тагиров справедливо утверждает: «Многовековая история отношений русского и татарского народов настолько сложна и противоречива, что до сих пор сложно прийти к единому мнению в её оценке... Сегодня для всех нас — и русских, и татар, и других народов Российской Федерации — очень важно, чтобы восторжествовала историческая правда, которая заключается в том, что государство Российское создавалось главным образом двумя этносами — русскими и татарами».

Характеризуя органическую связь двух этносов, Г. В. Вернадский писал: «Монголы (татары) дали плоть русскому государству, а не «систему идей», как это сделала Византия». Инвариантность «альтернативной истории» России как многонациональной и поликультурной страны развивалась в этноцивилизационных руслах. И Россия становилась «учредителем компромиссов» ровно в той мере, в какой она была способна расшищать эти русла, сопрягать великодержавное с этнонациональным, русско-православное с татарско-исламским и европейское с азиатским. В периоды эффективного сопряжения этих начал Россия не только не

теряла свою самобытность (ибо она сама «подпитывалась» ими), но и обогащалась новым опытом, доказав свою восприимчивость к, казалось бы, совершенно неприемлемым новшествам.

«Можно сказать, — отмечает Л. И. Медведко, — что современное понятие «евроислам» возникло на российской почве и, подобно более позднему «еврокоммунизму», наиболее наглядно продемонстрировало здесь парадоксальность и сущность этого феномена». Прогнозируя будущее такого «евроислама», один из его столпов И. Гаспринский предрекал: «Рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, встанет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства». На пути движения этой цивилизации сначала с Востока на Запад, а затем в обратном направлении с Запада на Восток, «мне кажется, — утверждал он, — русские и русские мусульмане предназначены быть лучшими проводниками».

Россия, как и любая империя, не была свободна от тенденций культурного монизма, русско-православного эгоцентризма и великодержавного шовинизма. И каждый раз, когда Россия оказывалась в плену подобных амбиций и стереотипов, её уносило на периферию глобальных потоков цивилизационных перемен. Регресс преодолевался трудно и долго. Но он всегда и обязательно сменялся прогрессом. Вот почему исторический образ многонациональной России требует серьёзной коррекции.

Для самого татарского народа проблема самоутверждения всегда представляла как задача самосохранения и развития в качестве субъекта истории. Выполнение этой задачи имело разную степень сложности. В недрах древнего тюркского сообщества, которое уже тогда достигло высокого уровня развития, сформировались этнокультурный облик, основы матрицы национального характера и менталитета татар. В рамках древнетюркских государственных образований, начиная от хуннско-гуннских держав, тюркских каганатов, Волжской Булгарии до Золотой Орды и Казанского ханства, этнос проявлял себя в качестве самостоятельного, активного и равнозначного другим субъектам истории. Это наиболее плодотворный период с точки зрения «нанесения» татарского миротворческого «узора» на всемирное полотно истории. Оценивая высоту тюрко-татарского культурного взлёта, Садри Максуди Арсал говорил: «Наши предки создали великую цивилизацию. Такого культурного потенциала, как в тюркском народе, нет ни в каком другом народе. Мы можем это утверждать перед всем миром». Высокую развитость древних тюрков отмечают и многие зарубежные учёные. Известный тюрколог Эрнест Добльхофер писал так: «Мы и сейчас не можем равнодушно относиться к языку древне-тюркских памятников... Выросший в постоянном общении с древними культурными народами, этот народ в VI веке стоит уже на поразительно высокой ступени развития».

Но след, оставленный татарами, и в дальнейшем был значителен, глубок и ярок. Даже с высоты XXI века он впечат-

ляет убедительной значимостью. При этом не надо забывать, что речь идёт об исходно-кочевом, а затем о средневековом образе и укладе жизни тюрко-татар, успешно трансформированном впоследствии в современный стиль жизни; о таких философских, мировоззренческих и ценностных принципах жизнедеятельности, в которых отражалось органическое единство многих, порой контрастных, разнополярных начал. Система ценностей татарского народа базировалась на культивировании физического и интеллектуального труда, движения к духовному, хозяйственному, технологическому и военному совершенству. Этической, нравственной скрепой общества были образование, культура, наука и духовность, освящённая исламом. Только на этой основе татары смогли создать сильные государства, процветающие города и цивилизации, а затем и сохранить себя как этнокультурную самоценность, национальную величину в системе народов мира. Этой задаче подчинялись приоритеты внешней политики в дипломатии, торговле, обмене опытом, научными знаниями, достижениями культуры и искусства.

Не вдаваясь в характеристику конкретных форм вклада татарского народа в исторический прогресс, уходя от понятного желания детализировать и «рассортировывать» его по направлениям и сферам человеческого бытия, автор попытается всё же выделить, оттенить его особую роль во всемирной истории — миротворческую. Имея в виду при этом, что историческая наука находится лишь в преддверии открытия феномена миростроительной роли татар. Автор считает необходимым напомнить, что мир — это не просто ситуация, когда нет войны, а состояние созидания во имя продолжения нити жизни, соединения поколений, эпох и веков. Мир творится в ритме труда, поиска идеалов высокого, ценного, прекрасного. И не только для себя, собственного народа, а для всех. Мир — это вырванный из войны кусок времени для обогащения духовностью, культурой, наукой, материальным достатком каждой личности, каждого народа, а стало быть, всего человечества. Это соответствует формуле: «мир составляет условие для всеобщего счастья».

Величина и вклад миротворчества любого народа, равно как и татар, определяется долей соучастия в решении исторических задач как национального, так и глобального масштаба. Поэтому, открывая страницу за страницей историю татар, автор пытался акцентировать внимание на определении значимости достигнутого, свершённого ими в разных ипостасях человеческого бытия, оттеняя при этом их роль в реализации масштабных, долговременных пионерских проектов. Ибо на основе этого ускорялся ход социального прогресса человечества, обогащалось его качественное — культурно-ценностное, духовное и материальное содержание.

В чём секрет флёра-ауры татарского типа добродушия («если к тебе с камнем, ты к нему — с хлебом»)? Где сокрыт первокамень ведической силы татар: на пике величественного под-

ножия Саян, в волшебном сердце Алтая — «Маадай-Кара», в соли — слезах Бай-Куля (Байкала), на дне скифской золотой «Чаша Жизни»? Нет такого единственного «камне-таш» источника. «Народ Пути» питался энергией Неба, Земли, Воды и Огня, щедро рассыпая её в пространстве Мироздания. «Народ Пути» не бесцельно странствовал (его часто называют народом-странником) в бескрайне-масштабной Великой Степи, а вместе с другими сообществами первопроходцев расчищал в ней путь для организации «встречи» двух великих культур, двух потоков мировой истории — Востока и Запада. Благодаря этому в процесс эволюции человечества был включён мощный социально-энергетический ресурс, который придал ему динамичный характер. С этого момента формы и содержание взаимодействия двух культурно-исторических систем ощутимо влияли на ход мировой истории. На протяжении тысячелетий диалог между Востоком и Западом вели то музы, то пушки. В зависимости от доминирования какой-то из них вершились судьбы прогресса и регресса. Перспектива человечества во многом определялась тем, какой режим преобладал во взаимоотношениях этих двух ценностных миров — диалог и сотрудничество или конфронтация и война.

Какова же роль «срединных» народов, в т. ч. и татар, в установлении благоприятного «климата» взаимодействия между двумя культурно-цивилизационными мирами? В литературе эта роль обычно определяется через понятие «посредничество». Но их миссия куда шире и глубже. В психологическом, метафизическом измерении.

«Срединные» народы — не только «путепроводчики», обеспечивавшие дорожной картой движение двух континентальных потоков истории навстречу друг к другу. Главным же образом они занимались смягчением (примирением и адаптацией) двух полярных историко-конкурирующих, ценностно-мировоззренческих, идейно-политических, геокультурных и геостратегических систем. «Работая» над «шлифовкой» характера встречающихся народов, доводя их до кондиции творческого мимесиса, они усиливали их лидерный потенциал, увеличивая тем самым свой вклад в решение назревших всеобще-исторических задач. Евразийско-«сердцевинные» народы решали ту историческую задачу, которую никто другой не мог решить. Вспомним растиражированную реплику Ричарда Киплинга: «Запад и Восток: никогда им не сойтись». Но если прочесть его эссе без купюр, мы получим оптимистическую формулу взаимодействия: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и эта пара не встретится. Пока не предстанет Небо с Землёй на страшный Господень суд... Но нет Востока и Запада, нет наций, различия границ, если двое сильных мужчин, рождённых в разных концах Земли, станут друг к другу лицом».

Обобщая реальный вклад, можно сказать, что коренные тюрко-алтайские народы, на протяжении тысячелетий неустанно давая уроки — «мастер-классы» миротворчества, уберегали пла-

нету Земля от взаимоистребления, обеспечивая равновесие двух полярных гирь на зыбких весах Истории.

При этом «сердцевинные» народы Евразии, заряжаясь опытом и энергией лидерных континентов, сами становились творцами концепций, проектов и моделей наиболее оптимальных методик, технологий и стратегий решения как национально-региональных, так и общемировых задач. Именно их пионерский дух, талант определения вектора эволюции, путей и способов продвижения через «ухабы» эпох и формаций не один раз удерживали человечество на краю пропасти. Толерантность, компромиссность, договороспособность, дипломатичность — эти черты характера, оседавшие в их генах, становились исторической базой накопления «мягкого капитала» («мягкой силы») человечества. Той силы, актуальность и востребованность которой особенно возрастают ныне — в условиях исторической трансформации мироздания.

Неоценимо большой и главный вклад татар в цивилизационную «копилку» человечества состоит в том, что они создали прецедент преобразования великодержавного (имперского) духа, сознания, стиля мышления и практического действия в миротворческий образ мыслей и жизни. Они дали образец выхода из нередко возникавших в истории ситуаций «конфликта эмоций»: трансформации культуры завоевания в культуру интеграции, культуры унижения в культуру надежды. Можно определённо утверждать, что для каждой новой исторической эпохи они сумели сконструировать и апробировать адекватные вызовам времени варианты миролюбия, толерантности и согласия — «тюркский мир», «волжско-булгарский тип соседствования», «золотоордынская» и «казанская» модели толерантности. На всех этих вариантах лежит благородная тень толерантности исходно-древнейшего типа — восточного.

Духовное первоучительство Востока, а не Запада — факт истории. «Всемирная история, — отмечал Г. Гегель, — начинается с Востока на Запад, т. к. Европа есть, безусловно, конец всемирной истории, а Азия — её начало». Продолжая мысль классика философии, можно сказать: ходом истории управлял «дух», исходивший из недр Востока. Духовными «богдыханами» человечества были и остаются Индия и Китай. Наибольшую дозу ведической энергии, духа миротворчества татары получили от своего ближайшего соседа — Китая. Поднебесная с самого начала была сконструирована как цивилизация духовная в широком смысле — письменная, читающая, культурная. Китайский дух культуры толерантности вошёл и остался в генах татар.

В условиях перемещения оси всемирного лидерства от Запада к Востоку и поворота России на Восток с целью формирования «нового Востока», татаро-китайский опыт миротворческого партнёрства обретаёт ещё более высокое предназначение. Это положение так же верно, как и то, что «татарский эликсир» в свою очередь вошёл в кровь и плоть китайцев. Оказалось, что корни взаимодействия двух пар — «татары-китайцы», «Татарстан —

Китай» — восходят к более древним пластам истории, что перед современными историками России — Татарстана — Китая ставит задачу более внимательного изучения этих плодотворных пластов времени. Китай и сегодня продолжает быть образцом гегемонства над миром через сохранение своего духовного превосходства. Так, создав в разных частях мира тысячи Институтов и 25 тысяч Школ Конфуция — питомников духа и плоти «мягкой силы», Поднебесная «тихой сапой» продвигает глобальный Проект «Один пояс — один путь» (в нём уже участвует 4 млрд землян), мирно беря их в духовно-идеологический плен.

Разве для нас это не щелчок по носу, не пинок под зад? Ведь Татарстану по плечу, например, создание в разных точках Света институтов и школ «Мудрого Марджани». Образ татарского Конфуция мог бы стать знаменем рывка в цифровую эру, а его идеи — основой новой татарстанской мечты, нового духовного ренессанса и философским стержнем искомой стратегии развития Татарстана в XXI веке. Шигабутдин Марджани — соль земли татарской, отец национальной историографии, крупнейший учёный-богослов в тюрко-исламском мире, просветитель такого же ранга известности как Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро, миротворец типа М. Ганди и Л. Толстого... Возвращение такого великого гуманиста, универсального мыслителя на интеллектуальное поле современности — это категорический императив, посыл предков, вызов «времени-кайрос». Прав профессор Юлай Шамиль-оглы: «пора выводить Ш. Марджани из полутени истории, заново открывая и предлагая миру его наследие». Действительно, если зажжётся духовное Солнце ещё одного из множества народов Земли, то на ней будет ярче, теплее и светлее.

Исторический процесс инвариантен. Народы всегда имели и имеют ныне альтернативы в выборе направления исторического развития. Их историческая судьба никем не запрограммирована. Она лишь корректируется вызовами времени, ответы на которые нередко бывают неадекватными масштабу, сложности и динамике назревших системных перемен.

Татары — это «Народ Пути». «Путь» в конфуцианском своде мудрости означает движение к Космосу, Солнцу в ритме вселенского сердца. Выходя на развилку исторических дорог, при множестве ошибок, совершённых в ситуациях выбора, татары выигрывали тогда, когда удавалось оставаться верным своим приоритетам: образованности, просвещённости, культуре и цивилизованности, следовать своим традициям: толерантности, инклюзивности, гуманистичности и мироориентированности. Среди известных форм их исторического творчества самым сложным искусством было созидание, сохранение и укрепление мира. Мира как высшей ценности человека и народа, как исходного условия выживания, развития и сохранения ими исторической перспективы.

Татары выдержали испытание славой побед и горечью поражений, прошли испытание временем, соблазнами мессианства и национализма, трайбализма и сепаратизма. Но экзамен на своевременность и поиск адекватных ответов на вызовы времени продолжается. Ныне налицо очередная, самая масштабная и сложная трансформация всечеловеческой цивилизации, поднявшая волну ксенофобии и расизма, терроризма и экстремизма, угрожающую основам жизни на планете. С рубежа XXI века она выступает главным экзаменатором по предметам «историческая мудрость», «цивилизационная зрелость», «культура толерантности», «этноконфессиональное согласие», «диалог культур, народов и цивилизаций». Это главный и решающий экзамен и для человечества в целом, и для каждого народа.

В контексте выбора между двумя альтернативами — культурой мира (согласия) и культурой войны (насилия) — обозначается более высокая степень актуальности формирования философии нового типа мышления и поведения. Глубина познания прошлого и усвоения его уроков, развитая историческая память и способность исторического прогнозирования — вот наиболее востребованные интеллектуальные ценности современности. Вряд ли стоит доказывать, как опасно оставаться в плену националистических или шовинистических архетипов сознания при оценке прошлого, идеализации «своей» и принижении значимости «чужой» истории. В процессе «ревизии истории» опасны как разоблачительный пафос, так и покаянная экзальтация. Историческое сознание в идеале должно идти в ногу с вызовами времени, а поле действий предков не может оставаться полигоном для сражений и конфликтов. История — не только архив времени, но и хранилище мудрости, советница и учительница для всех времён и народов. Именно поэтому она оценивается как стратегический ресурс, фактор инновационного развития и цивилизационных перемен.

Но история — это и очень тонкая, сложная материя, ибо она — душа народа. По образному выражению М. Д. Скобелева, «история — самый величественный и самый священный гимн народа. В него нельзя вламываться с топором». Она требует профессионального, ответственного и деликатного обращения, как и в любой другой гуманитарной сфере, где противопоказаны крайности и «размашистость» суждений. Здесь недостаточно холодного и беспристрастного взгляда на материальное и духовное пространство истории, но весьма актуален поиск тех гуманистических идеалов, нравственной атмосферы и духовности, которые необходимы для выживания и развития всего рода человеческого и отдельных народов и государств.

История татарского народа — это кладёзь уникального и вместе с тем универсального опыта создания материального, интеллектуального и духовного капитала, творения мира и эффективных форм взаимодействия с народами иной культуры в широких координатах «Запад — Восток», «Север — Юг». Ещё

предстоит по-настоящему и исчерпывающе изучить и осмыслить огромный вклад, который внесли татары вместе с другими народами Поволжья, Приуралья, Алтая, Казахстана, Средней и Центральной Азии, Крыма, Кавказа и всего Закавказья в формирование общероссийской и мировой цивилизации. Татарам всегда везло с соседями. И даже после распада СССР степень взаимоуважения, доброжелательности и солидарности в отношениях с ними не снизилась. Содружество с ними в прошлом и сегодня остаётся нравственным законом жизни. При этом важно подчеркнуть, что синергетический эффект этого содружества способствовал в прошлом и способствует в XXI столетии усилению единства всего человеческого общежития.

Понимая, какое колоссальное воздействие оказывает история на сознание общества, важно задеть потаённые струны в душах и сердцах людей, открыть им значимость прошлого большой и малой родины, показать, что во тьме веков немало поводов для гордости, что опыт истории может пригодиться при решении глобальных проблем человечества. Историк в современном мире реализует множество социально важных функций. Он является открывателем «правды» истории, интерпретатором и популяризатором, последовательным идеологом, убедительным проповедником, искусным рассказчиком. Его высшая миссия состоит в том, чтобы превратить современников в продолжателей истории, ибо всё прошлое — лишь пролог будущего. Он обязан сделать историю частью культурно-духовного созидательно-миротворческого контекста, способом самоидентификации и самоощущения народа, особенно в наступившие ныне «смутные» времена, когда растерянность и бездуховность лишают народы иммунитета и жизненных ориентиров.

Блистательный российский историк Н. Карамзин, автор «Истории государства Российского», мироориентирующе-«терапевтическую» функцию исторического знания назвал «назидательной» миссией истории, спасающей народ от отчаяния, возвращающей его жизни смысл, ставя великие цели и вооружая средствами их достижения.

Вот те соображения, которые вдохновляли автора в процессе работы над книгой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Народ Пути» (<i>Предисловие</i>)	4
Татарский фактор в истории (<i>Пролог</i>)	6
Татарский Дом — приют мира	
Миротворчество — метафизика сердца	22
«Умиротворение» истории	39
«Поворот к корням»: осмысление феномена	51
История татар: на пути к правде	69
«Стрела истории»: от древности к современности	
Хуннско-тюркское цивилизационное начало татар	90
«Булгар — имя великой страны»	142
Золотая Орда: свет и тени над империей	180
Казанское ханство: расцвет и закат	204
Казанско-татарская «строка» в истории имперской России . . .	227
Советский Татарстан: pro и contra	266
Татарстан — «духовный Гринвич» мира	300
Взор с вершинной точки преодоленных высот (<i>Эпилог</i>)	315

Автор выражает искреннюю признательность
за оказанную финансовую поддержку в издании книги
Генеральному директору АО «Татспиртпром»
Миннахметову Иреку Джаудатовичу

Научное издание

Тагиров Энгель Ризакович

**ТАТАРЫ В ОПТИКЕ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА:
миротворческий аспект**

Казань. Татарское книжное издательство. 2019

Редактор *Э. А. Сулейманова*

Художественный редактор *Р. Х. Хасанишин*

Художник обложки *Г. С. Нурутдинова*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Н. П. Клиповой*

Корректор *А. Р. Миннуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 29.08.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1050 экз. Заказ

ГУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://www.tatkniga.ru>

e-mail: info@tatkniga.ru

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.

Казань, ул. Баумана, 51. Тел.: (843) 225-76-55.

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.